

Содержание

История

- Денисов В. В.* Архитектурные ансамбли монастырей Верхнего Поволжья (вторая половина XVIII – начало XX в.).....5
- Ахсянов А. В.* Крестьянское хозяйство во второй половине XIX – начале XX в.: аграрные новации (по материалам Ярославской губернии)10
- Смирнова Т. А.* Цифровые технологии в экспозиционном пространстве музея: современные тенденции и перспективы развития.....14
- Потягов А. В.* Новейшие информационно-коммуникационные технологии и интернет-ресурсы в практике школьного музея.....19
- Сухарева Т. А.* *Exempla maiorum* римлян в современной английской и американской историографии: дефиниции понятия.....23
- Цымбал О. Г.* Антидосис в Афинах IV в. до н. э.: к вопросу о правовых аспектах кризиса полиса.....27
- Рогович Е. В.* Социально-политическое развитие Митилены в конце VII – начале VI в. до н. э.: к проблеме характера эсимнетии.....30

Искусствоведение

- Кизин М. М.* Певческая школа Генриетты Ниссен-Саломан в русской музыкальной культуре конца XIX века.....33
- Поярко В. Я.* О становлении и развитии неоклассицизма в творчестве А. Е. Яковлева и В. И. Шухаева.....37

Политология.

- Соколов А. В., Дементьев А. А.* Становление интернет-фандрайзинга как новой формы гражданской активности.....41

Право

- Лушикова М. В., Лушиков А. М.* Отечественная школа финансового права: постановка проблемы.....46
- Тарусина Н. Н.* Ребенок как «объект» семейно-правовой охраны.....51
- Миролюбова О. Г.* О семейно-правовом понятии «интересы ребенка».....56
- Исаева Е. А.* Равные юридические возможности: взгляд Британского законодателя.....59
- Сочнева О. И.* К вопросу о динамичном характере семейной правоспособности и дееспособности.....63

Психология

- Карпов А. В.* Принцип метасистемности в структурной организации личности.....67
- Солдатенко Н. Г.* Теоретические и практические исследования представлений в содержании «Я-образа» в зарубежной психологии.....74
- Карпов А. В., Субботина Н. В.* Исследование личностных детерминант карьерных предпочтений руководителей.....77
- Кашапов М. М., Дудырева Н. В.* Профессионально важные качества педагога в работе с одаренными детьми.....81
- Субботин А. В., Пошехонова Ю. В., Павлов А. С.* Симптомокомплекс профессионально важных качеств курсантов.....86
- Кашапов М. М., Девяткина М. В.* Структурные характеристики педагогического мышления тренеров и результативность их деятельности.....91
- Ободкова Е. А.* Основные тенденции развития общества, руководителя, сотрудника компании.....95
- Смирнова А. Е.* Динамическая система бизнеса: научно-практический подход.....99

<i>Овчарова Е. В.</i> Психологические особенности безработных в зависимости от стажа безработицы.....	103
<i>Полина А. В.</i> Доверие к миру как условие полноценного развития личности.....	107
Социология	
<i>Руденко Л. Д.</i> Актуальные вопросы исследования городской среды в современной социологии.....	110
<i>Афонин М. В.</i> К вопросу об участии граждан в правотворческой деятельности органов местного самоуправления.....	115
Филология	
<i>Карданова Н. Б.</i> Профессор Е. Ф. Шмурло – исследователь грамот Петра Великого к дожам Венеции.....	121
<i>Вазанова С. Б.</i> Особенности функционирования общерусских глаголов лексико-семантической группы «межличностные отношения».....	125
<i>Коновалова Ю. О.</i> К вопросу об этнокультурной специфике выражения эмоций в русской и корейской лингвокультурах.....	129
<i>Миронова М. В.</i> Конструкции неодобрения и порицания в монологических единствах.....	136
<i>Антонова Л. Г.</i> Коммуникативная лексика в медийных текстах.....	140
<i>Кольшикина Т. Б., Маркова Е. В.</i> Отражение ценностных ориентаций потребителей в рекламной коммуникации.....	144
<i>Ухова Л. В.</i> Коммуникативная и мотивационно-рефлексивная эффективность социальной рекламы.....	151
<i>Попова Л. Г., Осипов Р. С.</i> О рассмотрении лексической репрезентации понятия в лингвистике.....	157
<i>Прудникова А. В.</i> Проблемы идентификации и классификации жаргонных междометий.....	162
<i>Степаненко Т. В.</i> Реализация манипулятивной стратегии в структуре коммуникативной личности.....	166
Экономика	
<i>Сапир Е. В.</i> Взаимосвязь этики и экономики в общественном развитии: геоэкономический синтез.....	169
<i>Петрищев М. В.</i> Историко-генетический подход в теории рыночной конкуренции.....	175
<i>Вовненко Г. И.</i> От эклектики к монистическому принципу построения классификации видов экономической деятельности.....	180
<i>Никитская Е. Ф.</i> Систематизация проблем инновационного развития России.....	187
<i>Большакова Е. А.</i> Кластер как инновационный проект открытого типа.....	197
<i>Коновалова А. В.</i> Оценка рисков банковского инновационного проектирования.....	201
<i>Волкова А. И.</i> Малые инновационные предприятия университетов: источники финансовой поддержки.....	205
<i>Синяев И. В.</i> Корпоративная культура и корпоративное управление.....	208
Дополнительные сведения об авторах.....	212

Contents

History

- Denisov V. V.* Architectural Ensembles of the Upper Volga Monasteries (second half of the XVIII – beginning of the XX centuries).....5
- Akhsyanov A. V.* Peasant's Farming at the Second Half of the XIX – the beginning of the XX Centuries: Agricultural Innovations (on the Yaroslavl province's materials).....10
- Smirnova T. A.* Digital Technologies in the Exposition Space of Museum: Recent Trends and Prospects of Development.....14
- Potyagov A. V.* New Information and Communication Technologies and the Internet-resources in the Activity of School Museum.....19
- Sukhareva T. A.* Roman exempla maiorum in the Modern American and English Historiography: Definition of the Concept.....23
- Tsybmal O. G.* Antidosis in Athens in the IV Century B. C.: on the Issue of Jural Aspects of the Polis' Crisis.....27
- Rogovich E. V.* Socio-political Development of Mytilene in the End of the VII – the Beginning of the VI Century B. C.: to the Problem of the Character of the Aisymnetia.....30

Cultural Studies

- Kizin M. M.* Singing School of Henrietta Nissen-Saloman in the Russian Musical Culture at the End of the XIX Century.....33
- Poyarkov V. Y.* On the Origin and Development of Neoclassicism in the Art of Painters A. E. Yakovlev and V. I. Shukhayev.....37

Politology

- Sokolov A. V., Dementyev A. A.* Internet fundraising as a new form of civic engagement.....41

Law

- Lushnikova M. V., Lushnikov A. M.* Domestic School of the Financial Law: Problem Statement.....46
- Tarusina N. N.* Child as an «Object» of Family Legal Protection.....51
- Mirolubova O. G.* On the Family and Legal Concept «Interests of the Child».....56
- Isaeva E. A.* Equal Opportunities: Look of the British Law-Maker.....59
- Sochneva O. I.* On the Question of the Dynamic Nature of Family Law Ability and Capacity.....63

Psychology

- Karpov A. V.* The principle of metasystem in the structural organization of the person.....67
- Soldatenko N. G.* Theoretical and Practical Research on the Concept «I-Image» in Foreign Psychological Schools.....74
- Karpov A. V., Subbotina N. V.* The research of personality determinants of career preferences of managers.....77
- Kashapov M. M., Dudireva N. V.* Professionally Important Qualities of Pedagogues Essential for Working with Gifted Children.....81
- Subbotin A. V., Poshekhonova Y. V., Pavlov A. S.* Symptomatic Complex of Professionally Important Qualities of Cadets.....86
- Kashapov M. M., Devyatkina M. V.* Structural Characteristics of Coaches' Pedagogical Thinking and Performance of their Activities.....91
- Obodkova E. A.* Basic Trends for Development of Society, Top Manager, Staff Employee.....95
- Smirnova A. E.* Dynamic system of business: scientific and practical approach.....99
- Ovcharova E. V.* Psychological Peculiarities of Unemployed and their Correlation with Unemployment Term.....103
- Polina A. V.* The Trust in the World as a Condition of the Full Development of Personality.....107

Sociology

<i>Rudenko L. D.</i> Issues of the Urban Environment Studies in Modern Sociology.....	110
<i>Afonin M. V.</i> To the question on the participation of citizens in the sphere of law-making process of local self-government.....	115

Philology

<i>Kardanova N. B.</i> Professor Shmurlo – Investigator of the Charters by Peter the Great to Venetian Leaders.....	121
<i>Vaganova S. B.</i> Functional Peculiarities of Some Generic Russian Verbs Denoting Interpersonal Relationships.....	125
<i>Konovalova Yu. O.</i> On the Question of Etnocultural Specific Features of the Emotions Expression in the Russian and Korean Lingua-Cultures.....	129
<i>Mironova M. V.</i> Constructions of Disapproval and Reproof in Monologues.....	136
<i>Antonova L. G.</i> Communicative Language in Media Texts.....	140
<i>Kolyshkina T. B., Markova E. V.</i> Reflection of Consumers' Value Orientations in Advertising Communication.....	144
<i>Ukhova L. V.</i> Communicative, Motivational and Reflective Effectiveness of Social (non-commercial) Advertising.....	151
<i>Popova L. G., Osipov R. S.</i> On the Studies of the Representation of Conception in Linguistics.....	157
<i>Prudnikova A. V.</i> Problems of the Identification of Jargon Interjections and their Classification.....	162
<i>Stepanenko T. V.</i> Implementation of Manipulative Strategies in the Structure of Communicative Personality.....	166

Economics

<i>Sapir E. V.</i> Interrelation of Ethics and Economics in Social Development: Geo-Economic Synthesis.....	169
<i>Petrishev M. V.</i> The History-Genetic Approach in the Theory of Market Competition.....	175
<i>Vovnenko G. I.</i> From Eclectic to Monistic Principle of Building Classification of Economic Activities.....	180
<i>Nikitskaya E. F.</i> Systematization of Russia's Innovative Development Problems	187
<i>Bolshakova E. A.</i> Cluster as an Open Type Innovative Project	197
<i>Konovalova A. V.</i> Estimation of Risks in Bank Innovative Projection.....	201
<i>Volkova A. I.</i> Small Innovative Companies of Universities: Sources of Financial Support.....	205
<i>Sinyaev I. V.</i> Corporate Culture and Corporate Governance	208
Contributors	214

ИСТОРИЯ

УДК 86. 372

Статья посвящена изучению архитектурных ансамблей монастырей Верхнего Поволжья (Тверская, Ярославская и Костромская епархии) во второй половине XVIII – начале XX века. Автор исследует особенности проведения ремонтных и строительных работ в старинных монастырях региона и вновь основанных обителях. В статье рассмотрены основные источники финансирования строительной деятельности в указанный период.

Ключевые слова: монастыри; Верхнее Поволжье; Тверская епархия; Ярославская епархия; Костромская епархия; вторая половина XVIII – начало XX века.

Article describes architectural ensembles of monasteries in the upper reaches of the Volga (Tver, Yaroslavl and Kostroma eparchies) in the second half of the XVIII – beginning of the XX century. Author investigates specifics of repair and building works in ancient monasteries of the region and new cloisters. In the article, the main sources of financing building activity at the specified period are considered.

Key words: monasteries; upper reaches of the Volga; Tver eparchy; Yaroslavl eparchy; Kostroma eparchy; second half of the XVIII – beginning of the XX century.

В. В. Денисов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: vvdenisov@bk.ru

Архитектурные ансамбли монастырей Верхнего Поволжья (вторая половина XVIII – начало XX в.)

Научная статья

V. V. Denisov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: vvdenisov@bk.ru

Architectural Ensembles of the Upper Volga Monasteries (second half of the XVIII – beginning of the XX centuries)

Scientific article

Строительство на всех этапах исторического развития относилось к числу основных направлений социокультурной деятельности православных монастырей – ни одна обитель не могла функционировать при отсутствии культовых, служебных и хозяйственных построек. Статья посвящена региону Верхнего Поволжья, включавшему в себя территории Тверской, Ярославской и Костромской епархий; хронологическими рамками исследования служат вторая половина XVIII – начало XX в.

В начале XVIII в. строительная деятельность в обителях Верхнего Поволжья значительно ослабла, что было обусловлено недостатком денежных средств, необходимых для производства работ, поскольку казенные суммы на содержание монастырских ансамблей практически не выделялись. Тем не менее в действующих монастырях ремонтные и строительные работы полностью никогда не прекращались. Во второй половине XVIII – начале

XX в. произошло оживление строительной деятельности. В результате проведения церковной реформы (1764 г.) часть обителей была закрыта, однако оставшиеся в штате монастыри получили гарантированное казенное содержание. Также в указанный период существенно увеличились размеры пожертвований на ремонтные и строительные работы в обителях.

Примером целостного архитектурного ансамбля, построенного в классицистическом стиле, на территории Тверской епархии служил комплекс Тверского Христорождественского девичьего монастыря. Обитель существовала давно, до второй половины 1760-х гг.; все ее постройки были деревянными. Первым ее каменным храмом стал Никольский собор, заложенный в 1765 г. на месте деревянной церкви, но освященный только в 1775 г. [1]. В конце XVIII – начале XIX в. взамен деревянной ограды была сооружена новая, кирпичная, с угловыми башнями и двумя воротами. В соответствии с проектом

© Денисов В. В., 2012

губернского архитектора А. А. Трофимова над восточными воротами появилась в 1808 г. колокольня, над западными воротами в 1800–1805 гг. – Спасская надвратная церковь с настоятельским и трапезным корпусами, поставленными по линии ограды по сторонам Святых ворот. В 1820 г. на месте деревянной Христорождественской церкви был выстроен новый одноименный собор, а в 1830–1832 гг. сооружена Троицкая церковь с больничным корпусом.

С середины XVIII в. начинают происходить существенные изменения в архитектурном ансамбле мужского монастыря Тверской епархии – Осташковской Нилово-Столобенской пустыни. В описях имущества того периода упоминаются каменные храмы – соборная Богоявленская церковь и церковь Всех Святых, колокольня, жилые и хозяйственные постройки [2]. Селижаровским мастером Фомой Павловым в обители были возведены две надвратные церкви: в честь преподобного Нила (1751–1755 гг.) и в память апостолов Петра и Павла (1764 г.) [3]. На протяжении XIX в. территория Ниловой пустыни продолжала увеличиваться в размерах, а ее облик изменялся. В центральной части монастыря в 1821–1833 гг. по проекту архитектора И. И. Шарлеманя появился ранее упоминавшийся Богоявленский собор. С западной стороны собора вознеслась трехъярусная колокольня. Одновременно в Ниловой пустыни проводились масштабные берегоукрепительные работы. Автором проекта гранитных набережных являлся губернский архитектор И. Ф. Львов.

Меньше повезло другой известной обители Тверской епархии – Оршину Вознесенскому монастырю, находившемуся в окрестностях Твери. В первой половине XVI в. на его территории был построен соборный храм Вознесения Господня (1567 г.), который относился к числу наиболее значительных каменных соборов Тверской земли того времени, но был разрушен в период польского нашествия [4]. В монастырской описи середины XIX в. имеется краткое описание Вознесенской церкви и деревянной колокольни [5]. В 1913 г. в память 300-летия Дома Романовых, с которым тесно связана история Оршина монастыря, настоятельница монастыря, игуменья Сергия, возвела в Твери каменную часовню, освященную в честь Феодоровской иконы Богоматери.

Активное строительство велось в основанном в середине XIX в. Вышневолоцком Казанском монастыре, который стал крупнейшей женской обителью Тверской епархии. К 1872 г. на средства предводителя вышневолоцкого дворянства князя А. С. Путятина в монастыре были построены два двухэтаж-

ных келейных корпуса, больница, трапезная, кухня, просфорня, два деревянных дома, баня, хозяйственные службы [6]. Годом позже в келейном корпусе произошло освящение домового церкви Казанской иконы Богоматери, а к началу 1881 г. открылись больница, иконописная школа, мастерские. В конце 1870–1880 гг. каменное строительство велось на средства купцов Е. Н. Сивохина и Г. Н. Германова. По проекту архитектора А. С. Каминского возведен холодный Казанский собор (1882 г.) [7]. На средства купца В. А. Китайцева Казанская часовня была перестроена в загородную церковь. В 1886–1888 гг. построена колокольня с храмом в память преподобного Ефрема Сирина и мученицы Неонилы на втором этаже. В двухэтажном больничном корпусе (1890 г.) был освящен храм во имя пророка Илии и великомученика Пантелеймона, а в сентябре 1901 г. собор Андрониковой иконы Богоматери, построенный по проекту московского архитектора Н. П. Маркова.

Среди вновь основанных обителей Тверской епархии следует упомянуть Бежецкий Благовещения Пресвятой Богородицы женский монастырь. Земельный участок пожертвован обители бежецким купцом И. М. Неворотиным. Первое кирпичное здание на территории монастыря (1878 г.) – настоятельский корпус с домового церковью в честь святых Космы и Дамиана. В августе 1895 г. в обители был освящен главный престол Благовещенского собора, а 11 октября того же года – придел во имя преподобного Иоанна Рыльского и мучениц Веры, Надежды, Любви [8]. В 1885 г. на средства действительного статского советника М. Г. Петрова монастырь был обнесен кирпичной оградой с четырьмя угловыми башнями и надвратной колокольней с западной стороны. Позже возведены и другие келейные корпуса, стены некоторых из них одновременно служили оградой.

Одним из объектов на территории Тверской епархии, в котором в самом конце XIX – начале XX в. велось активное строительство, являлся Калязинский Александро-Невский женский монастырь. Сразу после учреждения обители в 1892 г. в ней на средства калязинского купца И. Д. Бачурина началось создание архитектурного ансамбля [9]. Центральное место в ансамбле обители занимал каменный соборный храм святого благоверного князя Александра Невского (1897 г.), с правой стороны к которому примыкал придел святителя Николая Чудотворца, а с левой – преподобного Иоанна Лествичника. Рядом с собором находилась четырех-

ярусная колокольня. Домовой храм во имя иконы Богоматери «Утоли мои печали» (1895 г.) сначала был построен в дереве, а в 1903 г. переведен в верхний этаж каменного двухэтажного корпуса.

В исследуемый период произошло заметное оживление строительной деятельности в старейших обителях Ярославской епархии. Так, к соборному храму (1516 г.) Ярославского Спасо-Преображенского монастыря, одновременно выполнявшего функции архиерейского дома, с южной стороны была пристроена и в 1831 г. освящена церковь Святых Благоверных князей Феодора и чад его Давида и Константина [10]. В древности нижний этаж колокольни занимал храм «Честного и Животворящего Креста Господня». В 1788 г. он был упразднен, а в 1823 г. восстановлен вновь в связи с прославлением Печерской иконы Божией Матери. Над ним в 1808 г. был надстроен целый ярус, копировавший ростовскую соборную колокольню, а в 1824 г. – третий ярус для часов. Позднее с западной стороны пристроили паперть [11]. В юго-восточной стороне храма был устроен придел в честь преподобного Нила Столобенского чудотворца (1877 г.). Церковь Воскресения Христова и соединенные с ней с одной стороны церковь Входа во Иерусалим (малая Крестовая), с другой – архиерейские покои находились под одной кровлей. В 1857 г. на средства А. М. Пастухова в церкви были сделаны исправления. В 1896 г. в Богородицкой башне монастыря устроена Троицкая часовня.

Ярославского Казанского женского монастыря игуменья Евфания в сентябре 1802 г. обратилась в консисторию с просьбой провести обследование недостроенного трапезного корпуса [12]. В архиве сохранилась проектно-сметная документация: опись построенного каменного корпуса, проект второго этажа, планы внутреннего устройства и прилегающей территории, рисунок фасадов [13]. В сентябре 1814 г. игуменья Ярославского Казанского монастыря Маргарита обратилась в консисторию с ходатайством о том, что «деревянные кельи пришли в совершенную ветхость и ограда в некоторых местах разсела и угрожает падением» [14]. Работы были выполнены в соответствии с разработанным проектом и сметой. Помимо перечисленных выше построек, в Ярославской Казанской обители в 1845 г. на монастырские средства возведены одноименная каменная церковь с одним престолом (1845 г.), зимняя каменная в честь Покрова Богородицы (1828 г.). Домовая церковь Сретения Господня (1881 г.) построена игуменьей Феофанией на

собственные средства. Тихвинский кладбищенский храм располагался за р. Волгой (1894 г.). Обитель располагала тремя каменными часовнями: первая находилась в одной из башен, вторая – при Семеновской городской церкви, третья – в г. Рыбинске.

Активная строительная деятельность велась в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре. На средства графини А. А. Орловой-Чесменской в обители был построен храм во имя Святого Иакова Епископа Ростовского (1836 г.), на пожертвования графа Н. П. Шереметьева – церковь во имя Святого Димитрия Ростовского (1801 г.). Под летней каменной Преображенской церковью (1603 г.) в 1880-х гг. был устроен храм Преподобного Сергия Радонежского. В 1909 г. к двухсотлетию юбилею святого Димитрия Ростовского на средства благотворителей произведен ремонт Зачатьевского храма и других зданий обители [15]. На территории Спасо-Яковлевского монастыря имелись необходимые жилые и хозяйственные здания.

Власти Угличского Покровского монастыря во второй половине XVIII в. неоднократно обращались в Коллегию Экономии с просьбой о выдаче «нужных денег для починок» [16]. В 1760 г. монастырские власти получили разрешение на устройство при Покровском соборном храме каменного придела, освященного в память священномученика Антипы, а в 1769 г. – во имя святителя и чудотворца Димитрия Ростовского [17]. В 1842 г. его существенно расширили и подновили на средства г. Волынского. Колокольня Покровского монастыря была построена в 1832 г., под ней разместилась церковь в честь святителя Николая. Ограда этой обители (1763 г.) имела башни по периметру, двое ворот с восточной и западной сторон, главные из которых были надстроены колокольней. Каменные настоятельские кельи Покровского монастыря были построены в 1769 г., а столетием позже над ними был устроен второй этаж.

Интенсивное строительство в Рыбинском Софийском женском монастыре (1860 г.) развернулось только десятилетие спустя после его основания. Первым каменным зданием на территории обители стала расположенная в юго-восточном углу теплая церковь в честь Нерукотворного образа Спасителя (1871 г.). В 1878 г. на территории монастыря был возведен холодный соборный храм, освященный во имя Софии Премудрости Божией, с престолом Воскресения Христова. В северо-восточном углу Софийской обители в первые годы XX в. построена девятиглавая церковь Божией Матери «Всех скорбя-

щих радостей» с приделами в честь святого Николая и святой Царицы Александры с правой стороны и в память святого отрока Мисаила и святителя Феодосия – с левой стороны (1902 г.) [18]. На кладбище Рыбинской Софийской обители находилась холодная церковь, названная в честь Святого Духа и Всех святых (1892 г.). У обители имелась одна каменная часовня в г. Рыбинске, построенная напротив собора в 1879 г. Монастырь располагал больницей и богадельней для больных и престарелых сестер.

В основанной в 1894 г. обители Ярославской епархии – Даниловском Казанском монастыре – на средства, пожертвованные благотворителями: петербургским предпринимателем Д. С. Бочаговым, даниловским купцом А. Н. Масаиновым, купеческой вдовой И. В. Ворохиной – были построены деревянный келейный корпус с церковью Казанской иконы Богоматери, двухэтажный дом с трапезной и пекарней, баня, хозяйственный двор [19]. По проекту петербургского архитектора В. А. Косякова в 1901–1908, 1915–1918 гг. был возведен собор в честь Казанской иконы [20] – авторское повторение проекта храма церкви Киево-Печерской Успения Пресвятой Богородицы лавры в Санкт-Петербурге.

В исследуемый период заметно оживилась строительная деятельность в старейших обителях Костромской епархии. Существенные изменения произошли в архитектурном ансамбле Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря, который одновременно служил резиденцией епархиальных архиереев [21]. На протяжении исследуемого периода неоднократно изменялся облик Троицкой соборной церкви (1652 г.). Последний капитальный ремонт храма проводился на казенные средства в 1911–1912 гг. в канун празднования трехсотлетнего юбилея избрания на царство М. Ф. Романова. В его подвальном помещении в 1768 г. устроен храм во имя праведного Лазаря, служивший усыпальницей Костромских архиереев. Теплая церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1769 г.) возведена на месте существовавшего ранее одноименного храма. В 1860–1864 гг. ее сменила одноименная пятиглавая церковь. Начало храму во имя святых Хрисанфа и Дарии было положено еще в 1835 г., однако по причине строительных просчетов его смогли завершить только в августе 1858 г. Помимо культовых сооружений, в Ипатьевском монастыре активно реставрировались ограда, жилые и служебные помещения.

Другим духовным центром Костромской епархии, на территории которого велось строительство,

являлась Костромская Анастасиина обитель [22]. После того как в 1773 г. пожар уничтожил Костромской Крестовоздвиженский монастырь, Анастасиин монастырь был возобновлен на прежнем месте под названием Анастасиина Крестовоздвиженского. Деревянную монастырскую ограду сменила каменная. В 1794 г. обители был передан находившийся неподалеку одноглавый Сретенский храм с шатровой колокольней. В 1802 г. разобрана старая колокольня Ризоположенского храма, а к 1804 г. возведена новая трехъярусная в стиле классицизма. В 1830-х гг. в обители построили двухэтажный каменный келейный корпус, трапезную с кухней и несколько хозяйственных помещений. В 1831 г. разобран тесный придел Ризоположенской церкви в честь Входа Господня в Иерусалим. Взамен были возведены два новых теплых придела (освящены в 1832 г.).

К числу древнейших обителей Костромской епархии относился Макарьевский Решемский мужской монастырь. Наиболее активные строительные работы на его территории велись до середины XVIII в. [23]. В 1767 г. в монастыре возведена каменная соборная церковь в честь Живоначальной Троицы [24]. Однако в дальнейшем из-за крайнего хозяйственного упадка и недостатка денежных средств активные строительные работы в обители не велись. В 1901 г. мужской монастырь был преобразован в женскую обитель. Наиболее активно обустройством Макарьево-Решемской пустыни занималась игуменья Досифея (Ипатова). Ей удалось возродить монастырское хозяйство, отстроить ветхие здания, начать строительство каменного храма в честь Казанской иконы Божией Матери, который упоминается в ведомости о монастыре от 1909 г. как домовая церковь.

На протяжении второй половины XVIII – начала XX в. неоднократно строительные работы проводились в ансамбле Бабаевского Никольского монастыря [25]. Так, в 1791–1797 гг. на средства князя Г. А. Потемкина в Никольском храме обители устроены новые приделы и переосвящен главный престол верхнего храма. В 1798 г. с запада к этой церкви пристроили трехъярусную колокольню в стиле классицизма, над святыми воротами был возведен одноглавый Успенский храм (1814 г.), увеличен корпус настоятельских и братских келий (1816 г.); выстроены одноглавая бесстолпная церковь в честь святителя Иоанна Златоуста (при помещении епархиальной больницы) (1817 г.) и пятиглавый Никольский храм (1823 г.). По инициативе святителя Игнатия (Брянчанинова) взамен обветшавшего Никольского храма (XVII в.)

возведен двухэтажный семиглавый собор в честь Иверской иконы Божией Матери (1877 г.) по проекту архитектора И. И. Горностаева. Сведения о крупных ремонтных работах Никольской обители в конце XIX в. можно обнаружить в «Деле о производстве работ по Бабаевскому монастырю», сохранившемся в Государственном архиве Костромской области [26].

В XIX в. большие строительные работы проходили в Николаевской-Надеевской пустыни [27]. С 1825 по 1840 г. в обители подвизался преподобный Тимон. В этот период в обители был построен одноэтажный пятиглавый Успенский храм (1837 г.) с трапезною, папертью и колокольней. Позднее, в 1868 г., на месте древнего деревянного Никольского храма возведен каменный пятиглавый Троицкий собор. Однако в начале XX в. Николо-Надеевская пустынь постепенно пришла в упадок и в 1912 г. была преобразована в женский монастырь [28].

На территории Костромской епархии во второй половине XIX – начале XX в. имелось несколько примеров создания монастырей на основе православных женских общин. Первой по времени можно назвать общину, созданную в 1864 г., на берегу р. Вотгати недалеко от г. Кадый Макарьевского уезда [29]. Место для организации обители было выбрано в июне 1860 г. по благословению архиепископа Костромского и Галичского Платона на усадебной земле почетного гражданина и купца г. Кинешмы А. И. Поленова. Двумя годами позже там уже завершилось строительство деревянного храма во имя Царицы Небесной Боголюбской и двенадцати апостолов. Затем началось возведение большого деревянного корпуса для сестер с домовою церковью. В июне 1893 г. Боголюбская обитель была возведена в степень общежительного монастыря. Последним крупным сооружением обители стал каменный храм во имя Боголюбской иконы Божией Матери (1894 г.).

Исследование показало, что всю строительную деятельность в обителях Верхнего Поволжья во второй половине XVIII – начале XX в. условно можно разделить на два направления: капитальный ремонт уже существующих монастырских ансамблей и строительство культовых, жилых и хозяйственных зданий во вновь созданных монастырях. Отличительной особенностью первого направления являлись постепенный ремонт или замена объектов на протяжении длительного времени по мере их ветшания. Для второго – было характерно строительство в минимально короткие сроки: ни один монастырь не мог длительное время функционировать без культовых, жилых и хозяйственных помещений.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 193. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 – 1 об.
2. Там же. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1628. Л. 1–2 об.
3. Историческая записка о Ниловой пустыне, что на озере Силигере. Тверь, 1853. С. 31.
4. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 78. Л. 4.
5. Там же. Д. 83. Л. 1.
6. Кочетов Д. Б. Вышневолоцкий в честь Казанской иконы Божией Матери женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 122.
7. Справочная книга по Тверской епархии на 1915 г. Ч. 2. Тверь, 1914.
8. Там же. С. 461.
9. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
10. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне Архиерейский дом // Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). Ч. неоф. 1861. № 3.
11. Там же. № 5.
12. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 1. Д. 1238. Л. 1.
13. Там же. Л. 35 – 47.
14. Там же. Ф. 230. Оп. 1. Д. 5662. Л. 1.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1239. Л. 3–3 об.
16. Там же. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 1. Л. 178.
17. Там же. Л. 187.
18. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1190. Л. 1.
19. Кочетов Д. Б., Спрингис Е. Э. Даниловский в честь иконы Казанской Божией Матери женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 151–152.
20. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1366. Л. 1–2.
21. Баженов И. В. Костромской Ипатьевский монастырь. Кострома, 1901.
22. Зонтиков Н. А. Анастасиин женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 230–231.
23. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 2. М., 2000. С. 487.
24. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 360. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 1 об.
25. Зонтиков Н. А. Бабаевский во имя святителя Николая Чудотворца монастырь // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 238.
26. ГАКО. Ф. 130. Оп. 2. Д. 977. Л. 1–1 об.
27. Зверинский В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 1. СПб., 1890.
28. ГАКО. Ф. 132. Оп. 1 вн. Д. 39. Л. 12 об.
29. Там же. Ф. 130. Оп. 10. Д. 371. Л. 37–40.

УДК 94(470) «19/20» (470.316)

В статье рассматриваются причины, тормозящие аграрные новации. Показаны основные хозяйственные начинания земств и уездных агрономов по освоению передовых технологий. Выявлены причины, препятствующие аграрной рационализации. Рассмотрены практические результаты нововведений. Доказано, что технические новшества, сельскохозяйственные знания и результаты собственных экспериментов заметно активизировали процессы аграрных новаций.

Ключевые слова: Ярославская губерния; аграрные новации; травосеяние; севооборот; соха; земство; крестьянин; рационализация.

The causes breaking the agricultural innovations are regarded in the article. There are shown the fundamental farming initiatives of county-states and district agriculturists on implementation of advanced technologies. The main causes braking agricultural rationalization are revealed in the article. The practical results of agricultural innovations are examined there. The article proves that technical innovations, agricultural knowledge and the results of own experiments visibly activated the process of agricultural innovations.

Key words: Yaroslavl province; agricultural innovations; sowing of grass; crop rotation; wooden plow; zemstvo; peasant; rationalization.

А. В. Ахсянов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: papa-java@mail.ru

Крестьянское хозяйство во второй половине XIX – начале XX в.: аграрные новации

(по материалам Ярославской губернии)

Научная статья

А. V. Akhsyanov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: papa-java@mail.ru

Peasant`s Farming at the Second Half of the XIX – the beginning of the XX Centuries: Agricultural Innovations (on the Yaroslavl province`s materials)

Scientific article

Рубеж 60–70-х гг. XIX в. отмечен глубоким упадком помещичьего и крестьянского хозяйства в результате неумения и нежелания массы сельского населения приспособиться к новым условиям рыночного хозяйствования [1]. Отмена крепостного права нанесла удар по сельскому хозяйству – главной отрасли российской экономики. В сельском хозяйстве производилось 47,8% национального дохода, вместе с лесоводством и рыболовством – 54%, в то время как в промышленности – 21,7%, строительстве – 7,1%, в торговле – 8,3% [2]. Эйфория, охватившая российское общество в связи с надеждами на скорый прогресс после освобождения от крепостничества, быстро сменилась разочарованием и апатией. Требовались новые подходы в решении аграрных проблем.

© Ахсянов А. В., 2012

Мощным фактором, сдерживающим внедрение новаций, была сила многолетней инерции, неизбежной в условиях натурального хозяйства. Она проявлялась в традиционном жизненном укладе большинства крестьян. Как правило, крестьяне подозрительно относились ко всему, что выходило за рамки традиционного мировосприятия и повседневного жизненного опыта. Тормозящее влияние на развитие аграрного строя оказывали традиции общинного коллективизма, так как крестьянская община часто отвергала индивидуальные начинания, не проверенные многолетней коллективной практикой хозяйствования [3].

Экстремальные природно-климатические условия хозяйствования, необычайно короткий рабочий сезон в земледелии и заготовке кормов – все это

резко ограничивало возможности интенсификации земледелия и способствовало удорожанию производства сельскохозяйственной продукции (прежде всего зерна). Преобладание в центре России мало плодородных почв и климатическое неблагоприятие (весенние и осенние заморозки, длительные дождливые ненастья) [4], являлись причинами консерватизма, недоверия и осторожности в отношении любых нововведений.

Л. В. Милов отмечал, что в нечерноземной России часто наблюдается полное отсутствие корреляции между затратами труда и получаемым урожаем. Неблагоприятные климатические условия Нечерноземья, сводившие нередко результаты тяжелого крестьянского труда на нет, порождали в сознании крестьянина устойчивую идею всемогущей Божьей воли, а также живучесть языческого менталитета [5]. Крестьяне объясняли это так: «О том, что делается на небе и в земле, мы знать не можем – все это от Бога и Богом от нас сокрыто... нечего и добиваться нам, узнавать про это, потому все едино, не узнаешь... надо жить спроста, как Бог повелел» [6].

Крестьянское хозяйство зависело непосредственно от природных условий, а незначительность его ресурсов увеличивала силу их воздействия. Различие между урожайным и неурожайным годами означало благоденствие или голод, а то и смерть всей семье [7]. Угроза неурожая способствовала недоверию и консервативности крестьян в деле агротехнических новаций.

В условиях недоверия, непонимания и консервативности сельского населения начиналась работа земств по внедрению аграрных новаций. В Ярославской губернии должность земского агронома была учреждена в 1892 г. [8], а к 1904 г. агрономы имелись уже во всех десяти уездах губернии [9]. Основным хозяйственным начинанием, на котором время заставило сосредоточиться уездных агрономов, было внедрение травосеяния, многопольного севооборота, усовершенствованных орудий, машин и др.

С основной идеей и задачами травосеяния земства знакомили сельское население с начала оказания ему агрономической помощи. При этом осуществлялось не только содействие по приобретению семян, в т. ч. и на льготных условиях, но и практическое руководство различными формами их применения [10]. Безвозмездная раздача семян практиковалась лишь в местностях, где травосеяние еще слабо было развито или земство было заинтересовано в возделывании определенного вида трав.

Но, кроме того, бесплатная выдача посевного материала устанавливалась как мера поощрения наиболее рациональных форм травосеяния и особенно при введении многопольного севооборота целым сельским обществом [11].

Большинство земств предоставляли беспроцентные ссуды на покупку семян. Устанавливаемые же некоторыми проценты менялись в довольно широких пределах. Например, Даниловское и Угличское земства при кредитовании на два года взимали за просроченные платежи 4%, Порховское – 9%, но уже за предоставление трехгодичного кредита [12].

О распространении травосеяния свидетельствуют и отчеты корреспондентов. Травосеяние хотя и прививается к крестьянскому хозяйству, но довольно туго. Впрочем, губернское земство уже с 1892 г. начало содействовать распространению крестьянского травосеяния, выдавая крестьянским обществам в кредит на три года травяные семена [13].

Главным препятствием по введению трав в культуру было общинное землепользование. Выделение отдельного поля под травы было возможно при очевидной пользе для общины. Учитывая, что на первых порах клеверные семена были довольно дороги, малообеспеченные крестьяне опасались возможной убыточности нового предприятия [14].

Огромную проблему для крестьян представлял поиск оптимального севооборота с травосеянием. Первыми нашли такой урегулированный севооборот ярославские крестьяне – четырехпольный. Сущность его состояла в том, что при разделении пахотной площади на 4 поля и при условии пользования клеверными укосами 2 года получается восьмилетний севооборот. Это достигалось тем, что посев клевера производился по ржи через год [15]. Когда польза клеверосеяния становилась более или менее понятной для домохозяев целого селения, тогда наблюдалось и их согласие специально выделить четвертое поле. В нем проводилось экспериментирование в виде чередования полос клевера с делянками яровых культур. Оно получило название «пестрополье». В Ярославской губернии на 1903 г. такой вид клеверосеяния практиковался в 955 селениях. Кроме того, в 380 сельских обществах выделялись особые клеверные участки, в 187 – клевер сеяли в огуменниках и только в 123 населенных пунктах совершился переход к правильному травосеянию, что составляло 7,6% деревень, сеющих клевер. Отношение площади кормовых трав к общей посевной составляло в губернии 26,7%, что почти в два раза превышало средний

уровень по всей Европейской России, существовавший на 1901 г. [16].

В конце XIX – начале XX в. особое значение приобретает вопрос о распространении в крестьянском хозяйстве усовершенствованных орудий и машин. Хотя Россия и отставала от стран Европы и Америки, но аграрная эволюция уже начала поступательное движение в направлении замены архаичных деревянных орудий более усовершенствованными. Она происходила не так быстро; традиционная русская соха почти в половине хозяйств дожила до 1917 г. Крестьяне умело совершенствовались и приспособляли соху к почвенно-географическим условиям местности. Соха в качестве орудия обработки почвы преобладала в Нечерноземной полосе. На востоке ее на базе сохи возникли «косули» (по-ярославски «самолеты»), у которых палица и сошники заменены отрезом и лемехом с отвалом. Известны местные модификации косули, связанные с особенностями почв, – «ярославская», «вятская», «черемисская» и т. д. [17].

О ярославском «самолете» упоминают и корреспонденты, проводившие обследование губернии в 1898 г. «Как пашущее устройство самолет – орудие весьма универсальное: им пахутся почвы легкие и тяжелые, накрывается навоз, поднимается новь, делаются гряды, окучивается картофель и т. д. Самолет может взять пласт от ничтожной глубины до глубины 8 вершков. Вся установка делается системой клиньев и весьма понятна и доступна каждому пахарю» [18]. Модернизированные сохи – косули – постепенно вытесняли простую соху. Косули изготавливались местными кустарями.

В распространении сельскохозяйственных орудий и машин большую роль играли земства, организовавшие продажи через свои торговые склады. Крестьяне могли приобрести более качественные орудия, получить консультацию агронома по их использованию, к тому же можно было купить семена и инвентарь в кредит. Воспользоваться кредитом мог как один крестьянин, так и целое селение, предъявив свидетельство волостного правления в его платежеспособности [19]. С большими трудностями, связанными с недостаточностью средств у малообеспеченных крестьян, модернизированные орудия находили в деревне все большее распространение.

В Центральном Промышленном районе, где господствовала сошная обработка земли, в крестьянское земледелие начинают проникать железные

плуги. В 1901 г. плужная обработка земли составила здесь 16,3%. Но и конкретно выделились губернии с развитым торговым льноводством и товарным животноводством: в Ярославской губернии показатель плужной обработки составил 41,4%, в Смоленской – 25,4% и в Тверской – 19% [20].

Уникальный пример интенсивного ведения хозяйства на надельной земле представлял знаменитый ростовский огородный район в Ярославской губернии. Огородные культуры во многих селениях здесь вышли за пределы приусадебной земли и вытеснили трехпольный зерновой севооборот.

Однако само разнообразие культур долгое время было невелико вследствие ограниченности местного рынка, а возить далеко было невыгодно. По сообщениям корреспондентов, для усовершенствования способов сушки овощей крестьяне стали покупать сушилки Ридера. В тех местах, где появились сушилки Ридера, замечается переворот в огородничестве. Кроме горошка и цикория, который сушили на лежаках и в овинах, стали производить смеси для супов, борщей и соусов, что являлось новым продуктом [21]. С внедрением новых механизированных способов сушки овощей в начале 90-х гг. XIX в., район их распространения и ассортимент значительно выросли [22]. Они практически монополизировали выгодные интендантские подряды на поставку сушеных овощей и концентрированных изделий из них [23]. В действительности, усовершенствованных орудий и сельскохозяйственных машин в деревне было еще очень мало. Размеры и условия, при которых велось крестьянское хозяйство, далеко не способствовали его быстрому прогрессу и затрудняли замену старого инвентаря.

Итак, мы видим, что в деле аграрной рационализации земледелия за счет внедрения модернизированных орудий и машин кустарного и фабричного производства, введения травосеяния имелся определенный прогресс. Однако прогресс этот шел медленно. Общинное землепользование, связанное с переделами земли, чересполосицей и регламентацией земледельческих работ, играло существенную роль в торможении нововведений. Введение травосеяния, замена трехполья на многополье были огромным шагом на пути к изменению крестьянского менталитета. Аграрная рационализация меняла привычный хозяйственный уклад крестьянина, но нуждалась в согласии всех участников нововведений. В ходе модернизационного процесса шла борьба с издержками феодального общества, деятельность земств направлялась на изменение традиционного

менталитета сельского населения, включая борьбу с пережитками общинной психологии.

Список использованной литературы

1. Козлов С. А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX века (основные этапы) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 25.

2. Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 307.

3. Козлов С. А. Указ. соч. С. 21.

4. Милов Л. В. Земельный тупик: Из истории формирования аграрно-товарного рынка в России // Независимая газета. 2001. 20 февр.

5. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М.: РОС-СПЭН, 1998. С. 568.

6. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2, ч. 2: Ярославская губерния. СПб.: Навигатор, 2006. С. 317.

7. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ. / сост. Т. Шанина;

под ред. А. В. Гордона. М.: Прогресс; Прогресс – Академия, 1992. С. 32.

8. Ефременко А. В. Земская альтернатива Столыпинской приватизации. Ярославль: ЯГСХА, 1999. С. 40.

9. Ефременко А. В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль: Редмер, 2002. С. 252.

10. Ефременко А. В. Земская альтернатива... С. 205.

11. Ефременко А. В. Земская агрономия... С. 373.

12. Там же. С. 373.

13. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. С. 94.

14. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881–1904. М.: Наука, 1980. С. 199.

15. Там же.

16. Ефременко А. В. Земская альтернатива... С. 205 - 206.

17. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство ... С. 156.

18. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. С. 238.

19. Государственный архив Ярославской области. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1208. Л. 3.

20. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство ... С. 163.

21. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. С. 235.

22. Хранилов И. Огородничество в Ростовском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1851. № 50.

23. Ефременко А. В. Крестьянская кооперация в России: учеб. пособие. Ярославль: ЯГСХА, 2001. С. 63.

УДК 008.009

В статье рассматривается развитие музейного учреждения на современном этапе через призму применения цифровых технологий в музейной экспозиции, использования новых средств мультимедиа.

Ключевые слова: музей; музейный предмет; музейная экспозиция; цифровые технологии; коммуникация; виртуальный музей.

The article discusses the development of museum institution at the modern stage in the light of use the digital technologies in the museum exposition, the use of new multimedia tools.

Key words: museum; museum object; museum exhibition; digital technologies; communication; virtual museum.

Т. А. Смирнова

*Российский институт культурологии
E-mail: tatiana.smirnova.2011@gmail.com*

Цифровые технологии в экспозиционном пространстве музея: современные тенденции и перспективы развития

Научная статья

Т. А. Smirnova

*Russian Institute for Cultural Research
E-mail: tatiana.smirnova.2011@gmail.com*

Digital Technologies in the Exposition Space of Museum: Recent Trends and Prospects of Development

Scientific article

Одним из наиболее заметных процессов рубежа XX – XXI вв. стало активное проникновение в музейную сферу аудиовизуальных, цифровых технологий, что во многом объясняется быстрым развитием технических средств создания, презентации и хранения информации: «Появление информационных технологий в музее рассматривается как шаг модернизации в его основной деятельности. Компьютерные технологии в пространстве экспозиции – это звено логической цепочки музейной информатизации, в состав которой входят такие процессы, как автоматизация учетно-фондовой работы, взаимодействие музея и Интернета и т. д.» [1].

Аргументируя тезис о том, что музей – это не абстрактный «институт социальной памяти», специалист в сфере музейного проектирования Т. П. Поляков отмечает, что «музей начинается и заканчивается там, где начинается и заканчивается музейный предмет, т. е. подлинный материальный свидетель историко-культурных процессов, явлений и событий, имеющих социальную значимость» [2]. Ключевым элементом музейной экспозиции всегда был и остается музейный предмет. Однако идея, смысл, история музейного

предмета могут доноситься до зрителя различными способами, в том числе через использование цифровых технологий.

В экспозиционном пространстве цифровые технологии реализуются в двух качествах – техническая аппаратура для раскрытия сценария экспозиции (цифровые этикетки, информационные киоски; звуковые купола и др.) и экспонат (музейный предмет). В качестве экспоната может выступать не только цифровая техника, но и цифровой объект, созданный средствами компьютерных технологий. Развитие технологий определило возникновение и развитие нового направления в творческой деятельности человека – компьютерное (дигитальное, цифровое) искусство, которое основано на использовании цифровых технологий в качестве инструмента, посредством которого создается художественное произведение в цифровой форме. На современном этапе под произведением цифрового искусства понимается любое творческое применение компьютера для получения изображения или звукового объекта, например создание цифровой фотографии.

В соответствии с концептуальным замыслом экспозиции следует определить три основные

функции использования цифровых технологий в музейной деятельности: информационная (дополнение материалов экспозиции виртуальными материалами); образовательная (обучение через синтез цифровых технологий и музейных средств); маркетинговая (продвижение имиджа музея).

Преимуществом использования цифровых технологий в музейной экспозиции является расширение информационного пространства экспозиции в условиях ограничения размеров помещений. Попадая в пространство экспозиции из естественной среды, предмет, ставший экспонатом, утрачивает часть своего информационного потенциала. Посетитель не имеет возможности получить подробную наглядную информацию о его использовании, размещении, окружении. Для того чтобы интерпретировать историю предмета, максимально подробно привлекаются музейные средства экспонирования, в том числе цифровые технологии. Они открывают новые уровни размещения информации об экспонате. Стандартное экспозиционное пространство измеряется в единицах измерения площадей (сантиметрах, метрах); цифровые технологии предоставляют новый вид площадей, измеряемый в единицах измерения объема информации (байтах).

Цифровые технологии усиливают привлекательность экспозиции, предоставляют возможности творческого использования компьютерной техники и информационного потенциала музейного предмета, позволяют реализовать разнообразные творческие идеи сценариста экспозиции, наполнить экспозиционное пространство визуально-выразительными интерактивными элементами, что является привлекательным для современного посетителя, так как активизирует человеческое внимание: «Без проникновения в информационное пространство музей теряет не только своего потенциального зрителя, каковым является молодежь, давно перешедшая на язык информационных технологий, но и необходимые для расширения сферы его деятельности контакты с иногородними и иностранными коллегами» [3].

Цифровые технологии повышают доступность информации. Значительная доля посетителей экспозиции производят осмотр без услуг экскурсовода, в результате чего одиночному посетителю в ряде случаев понятен не весь демонстрирующийся материал. Цифровые средства (например, размещение ЖК-дисплеев или сенсорных киосков, система аудиогидов) позволяют комментировать, представлять предмет в контексте виртуального простран-

ства, которое дает возможность воспроизвести атмосферу времени существования предмета.

Продолжая ряд позитивных эффектов использования цифровых технологий, следует также отметить, что в настоящее время поддержание качества музейного сервиса на мировом уровне требует интеграции цифровых технологий. Проводниками их использования являются государства, достигшие успехов в техническом развитии (США, Япония). В настоящее время рано говорить о полноценном использовании цифровых технологий во всех музеях мира. Цифровые технологии по причине новизны интересны сами по себе. Для посетителя привлекательным является как само оборудование, так и наполняющее его содержание (контент). Оригинальные музейные проекты с использованием цифровых технологий вызывают интерес, способствуют продвижению позитивного имиджа музея: «В условиях, когда усиливается конкуренция со стороны других учреждений досуга и ставится под угрозу финансовое благополучие музеев, многие осознали, что добровольный характер посещения музеев требует, чтобы и музейные экспозиции и события, которые происходят в нем, были занимательными» [4].

Музей, подобно ряду других общественных институтов, способствует повышению степени использования населением информационных технологий в повседневной жизни. Информационные технологии окружают и сопровождают современного человека, во многом определяют его отношение к отдельным предметам действительности. Умение использовать цифровые технологии становится для современного человека необходимым навыком. Таким образом, посещая экспозицию, включающую цифровые средства, посетитель расширяет свои знания в сфере пользования современной цифровой техникой.

Вместе с тем наряду с позитивным эффектом интеграции цифровых технологий существуют риски применения цифровых технологий в музейной экспозиции. Распространены примеры экспозиций, когда размещение цифровой аппаратуры не является удачным для раскрытия экспозиционного замысла, нарушает идейную целостность экспозиции. Например, производится установка ЖК-дисплея в неудобном для глаз посетителя месте (гораздо выше (ниже) уровня глаз), а демонстрирующийся материал неактуален в рамках данного экспозиционного проекта.

Технологические нарушения в работе оборудования также негативным образом отражаются

на имидже экспозиционного проекта. Риск сбоев в работе оборудования (за исключением чрезвычайных случаев) можно максимально снизить на этапе проектирования системы управления оборудованием. Определенные риски связаны также со сложностью восприятия цифрового оборудования со стороны посетителей, не владеющих компьютерными технологиями. Следует обеспечить экспозицию навигационными пояснениями, касающимися использования оборудования. Возможен вариант обучения зрителей работе с оборудованием, достаточного для последующей демонстрации посетителям.

Для организации пространства музейной экспозиции используются следующие виды цифрового оборудования: средства отображения информации (проекторы, плазменные и ЖК-панели, интерактивные доски, фоторамки для электронных фотографий, видеокубы, светодиодные экраны, псевдолограммы и др.); средства озвучивания помещения; средства аудио- и видеоконференцсвязи; средства обработки и передачи сигналов; средства управления функционалом комплекса.

В техническом плане следует определить три уровня (вида) проектирования музейной экспозиции в зависимости от сложности оборудования.

Первый уровень проектирования музейной экспозиции характеризуется установкой минимального набора оборудования. В подавляющем большинстве отечественных музеев использование цифровых технологий ограничивается установкой простейшего оборудования (персональный компьютер, сенсорный киоск и др.). На данном уровне отсутствует проектирование сложной системы управления цифровым устройством музейной экспозиции. С другой стороны, существуют минимальные риски нарушения функционирования оборудования в часы работы экспозиции для посетителей по причине простоты самого технического комплекса. Удачным примером установки минимального набора цифрового оборудования является экспозиция «Слава Зайцев. Жизнь = Творчество», расположенная в Музее ивановского ситца (г. Иваново) и посвященная жизни и деятельности российского модельера В. Зайцева. На примере данной экспозиции можно проиллюстрировать продуманное использование цифрового оборудования. В одном из залов расположена ЖК-панель, демонстрирующая показы моделей одежды, разработанные модельером. Таким образом, посетитель, рассматривающий на манекенах статичное расположение одежды, на экране имеет возмож-

ность увидеть, как та или иная модель смотрится на живом человеке. Данный подход является действенным средством в раскрытии темы экспозиции, способствует расширению информационного поля музейной экспозиции [5].

Второй уровень проектирования музейной экспозиции характеризуется установкой в экспозиционном пространстве расширенного набора оборудования. Данный уровень иллюстрирует экспозиция «Американский кабинет» Иосифа Бродского, расположенный в музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (г. Санкт-Петербург). В 2003 г. Фонд наследственного имущества И. Бродского и вдова поэта Мария Бродская передали Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме вещи из дома И. Бродского в небольшом американском городке Саут-Хедли в штате Массачусетс: письменный стол, секретер, настольную лампу, кресло, диван, постеры, связанные с итальянскими поездками Бродского, его библиотеку, коллекцию почтовых открыток и фотографии интерьеров дома в Саут-Хедли, сделанные Ноэми Палмерс. Коллекция небольшая, однако авторам удалось создать экспозицию, позволяющую посетителю погрузиться в мир жизни и творчества И. Бродского. Вспомогательную роль играет использование в экспозиции цифровых рамок для электронных фотографий, игры света и тени в интерьере, проецирование на стену портретных изображений И. Бродского, трансляция видеорепортажей с писателем. Основная идея экспозиции не зависит напрямую от установленного оборудования. Основная смысловая нагрузка сосредоточена на музейных предметах. Однако размещение цифровой техники в экспозиции повышает ее аттрактивность и информационный потенциал [6].

Третий уровень проектирования музейной экспозиции характеризуется установкой комплекса оборудования с системой программного управления. В данном случае происходит формирование цифрового комплекса и объединение цифровой техники в единую сеть в рамках экспозиционного пространства. Экспозиции данного уровня можно считать образцовыми в сфере использования цифровых технологий.

Удачным примером являются экспозиции Государственного Дарвиновского музея (г. Москва). В музее прослеживается гармоничное соответствие цифрового оборудования сценарному замыслу. Технически инновационными следует считать экспозиционные проекты «Река времени» и «Многообразие жизни на Земле» [7].

Мультимедийная экспозиция «Река времени» была спроектирована в зале «Макроэволюция». На экране длиной 28 метров 9 проекторов демонстрируют короткие фильмы, которые в непрерывном режиме рассказывают о разных этапах развития жизни на Земле. Для каждого из экранов создан собственный двухминутный фильм, посвященный определенному историческому периоду. Фильмы, объединяясь в единую систему (река времени), позволяют представить посетителю музея, как происходило становление и развитие жизни на Земле от ее зарождения до современности.

Технология видеозаписи «Многообразие жизни на Земле» заключается в том, что на установленных экранах поочередно транслируются видеоролики с экскурсионным рассказом. Реализация такого проекта позволяет решить проблему большого числа посетителей музея.

Таким образом, современные цифровые и мультимедийные технологии позволяют данному музею полноценно раскрывать предметный мир природы и культуры в экспозиционном пространстве, что в результате способствует формированию позитивного имиджа Государственного Дарвиновского музея.

В соответствии с третьим уровнем, на наш взгляд, спроектирована экспозиция «Дома Н. В. Гоголя» – мемориального музея и научной библиотеки, открывшегося в Москве в 2009 г. В музее собраны подлинные исторические предметы и произведения искусства, вещи, принадлежавшие роду Гоголей. В данной музейной экспозиции были созданы инсталляции, «в которых подлинный музейный предмет выражает «душу» мемориального пространства» [8]. В прихожей таким предметом служит «сундук странствий», в гостиной – камин, в кабинете Н. В. Гоголя – конторка, в зале «Ревизора» – кресло, в комнате памяти писателя – его посмертная маска. Все аудиовизуальные и световые эффекты в Музее Гоголя работают автоматически.

Заключительной частью экспозиции является зал «Воплощение» – художественная фантазия, созданная по мотивам произведений писателя. Доминирующее звено зала – восемь экранов с сенсорным управлением, представляющие мультимедийные ресурсы, посвященные биографии Н. В. Гоголя, пребыванию Н. В. Гоголя в Москве (в основе представлена карта-схема, на которой обозначены все известные места, где бывал писатель), произведениям Н. В. Гоголя. Стены зала оклеены материалом с изображением фантазий художника по мотивам произведений Н. В. Гоголя, поверх материала

прикреплены объемные скульптурные инсталляции – главные персонажи. На плазменных панелях в непрерывном режиме транслируются фильмы, посвященные жизни и творчеству выдающегося писателя. Пример данной экспозиции иллюстрирует особенность третьего уровня – включение цифрового оборудования в сценарный замысел экспозиции. Таким образом, без обращения к цифровому оборудованию посетитель не получит законченный образ экспозиции.

Коммуникационные возможности синтеза цифровых и музейных технологий иллюстрируют виртуальные музеи, ставшие довольно популярным видом сайта в начале XXI в. [9]. Виртуальный музей – информационный ресурс, созданный средствами компьютерных технологий и музейного проектирования с целью представления в виртуальном пространстве цифровых версий объектов материального и нематериального наследия. Формы представления могут быть различны: веб-сайт, веб-страница, мультимедийные презентации. Размещение может производиться в сети Интернет, на DVD- и CD-дисках и др. Создание диалога с пользователем – именно та особенность, которая отличает современные оригинальные виртуальные музеи, которые могут быть классифицированы по различным принципам. В соответствии с технологиями разработки следует выделять статичные виртуальные музеи, содержащие статическую информацию, и динамичные виртуальные музеи, включающие комплекс динамических эффектов и предусматривающие технологии обратной связи с пользователем. Внесение изменений в статичный виртуальный музей на уровне исправления его сценария (применительно к сайтам – исправление кода) может осуществить только специалист. В пространстве динамического виртуального музея пользователю (посетителю) предоставляется возможность вносить в «контент» (наполнение) виртуального музея изменения, например формировать путь виртуального тура.

По тематическому принципу классификация виртуальных музеев аналогична классификации реальных музеев: архитектурные, естественно-научные, исторические, художественные, технические, литературные, театральные, музыкальные, мемориальные, краеведческие. По функциональному назначению выделяются информационная, образовательная и маркетинговая модели виртуальных музеев.

Подводя итоги, отметим, что музейное пространство в XXI в. становится сферой, в которой

наблюдается творческий, оригинальный подход к использованию цифровых технологий. Согласимся с точкой зрения Т. П. Полякова, согласно которой «музей будущего» не сводится к виртуальному музею [10]. Однако современные тенденции развития музея связаны с дальнейшей интеграцией цифровых технологий в практику как в музейной экспозиции, так и в других сферах деятельности.

Список использованной литературы

1. Заславец Н. Н. Современные информационные технологии в системе экспозиции музея // Научно-исследовательская работа в музее: тезисы докладов на VIII Всероссийской научно-практической конференции МГУКИ, 29–30 ноября 2005 г. М., 2006. С. 37.
2. Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?». М.: ПИК ВИНТИ, 2003. С. 211.
3. Боронев Т. А. Художественный музей и современные информационные технологии // Электронные библиотеки: перспективы развития: материалы секции «Электронные библиотеки» Байкальского информационного форума, 24–26 июня 2009 г. Улан-Удэ, 2009. С. 61.
4. Коссова И. М., Медведева Е. Б. Отечественное музейное дело в русле международных тенденций // Музей для всех: сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика». Вып. 4. М.: АПРИКТ, 2003. С. 10.
5. «Слава Зайцев. Жизнь = Творчество» в Музее ивановского ситца // Портал «Музеи России». URL: <http://www.museum.ru/n31059> (дата обращения: 9.04.2012).
6. «Американский кабинет» Иосифа Бродского // Официальный сайт музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. URL: <http://www.akhmatova.spb.ru/amerikanskiy-kabinet-iosifa-brodskogo.65.html> (дата обращения: 9.04.2012).
7. Видеоэкскурсия «Многообразие жизни на Земле» и полиэкранная мультимедийная экспозиция «Река времени» // Экология и жизнь: научно-популярный журнал. URL: <http://www.ecolife.ru/vystavki/19/82/> (дата обращения: 9.04.2012).
8. Центральная городская библиотека – мемориальный центр «Дом Гоголя» // Официальный сайт компании «Activision». URL: http://www.activision.ru/project/museum/gogol_21.html (дата обращения: 7.04.2012).
9. Смирнова Т. А. «Раздвигая границы реальности...»: современные тенденции развития виртуальных музеев // Справочник руководителя учреждений культуры. М., 2010. № 12. С. 56–63.
10. Поляков Т. П. Указ. соч.

УДК 008.009

В статье рассматривается влияние инновационных технологий и интернет-ресурсов на деятельность современных школьных музеев. Информатизация школьного музейного дела является одним из факторов социализации учащихся в музейном пространстве, играет важную роль в гражданском и патриотическом воспитании, духовном и творческом развитии учащихся.

Ключевые слова: школьный музей; учащиеся; информационно-коммуникационные технологии; Интернет; интерактивность; творческое пространство; проект.

In this article the influence of the innovation technologies and the Internet-resources on the activity of modern school museums is considered. The informatization of school museum activity is one of the factors determining students' socialization in the museum space; it plays an important part in civil and patriotic education, inspiritual and creative development of students.

Key words: school museum; students; information and communication technologies; Internet; interactivity; creative space; project.

А. В. Потягов

Российский институт культурологии

E-mail: Lehno1985@list.ru

Новейшие информационно-коммуникационные технологии и интернет-ресурсы в практике школьного музея

Научная статья

A. V. Potyagov

Russian Institute for Cultural Research

E-mail: Lehno1985@list.ru

New Information and Communication Technologies and the Internet-resources in the Activity of School Museum

Scientific article

На современном этапе исторического развития в связи с кардинальными социокультурными преобразованиями одним из приоритетных направлений реформ является модернизация образовательного процесса путём внедрения информационных технологий в практику школьного обучения. Информационно-коммуникационные технологии могут использоваться в различных видах деятельности, в том числе и в работе школьного музея. Не каждый школьный музей имеет возможности использовать новейшие информационные технологии. Модернизация системы образования нацелена на то, чтобы решать подобные проблемы, причем не «просто для развития, продвижения вперёд, для поиска, исследований, но даже для ведения учёта и документации, для хранения статей и результатов анкетирования, для составления и размножения путеводителей и программ, для анализа и статистической отчётности» [1].

В последнее десятилетие Интернет превратился для детей в «естественную среду обитания» [2], стал стимулом развития музейно-школьной

деятельности. Учащиеся с энтузиазмом занимаются оцифровкой документов, которые нетронутыми хранились в шкафах, создают мультимедийные проекты и сайты, представляющие музей в интернет-пространстве, налаживают контакты с юными музейщиками и руководителями музеев из других городов и регионов.

Интеграция информационно-коммуникационных технологий в работу школьного музея даёт возможность всесторонне развивать учащихся, расширять их кругозор, активизировать мыслительную деятельность, решать учебные и воспитательные задачи. Например, сайт школьного музея «Истоки» гимназии города Новозыбкова (Брянская область) призван решать такие проблемы, как продвижение имиджа музея в информационном образовательном пространстве, обеспечение доступа к экспонатам музея, оцифровка музейных коллекций, привлечение партнёров, изучение истории Отечества, края и семьи, русской культуры [3]. Web-ресурс музея «Истоки» позволяет обмениваться опытом с другими школь-

© Потягов А. В., 2012

ными и государственными музеями. В планах музея наладить связь с поисковыми группами, установить места захоронений земляков, погибших в Великую Отечественную войну, организовать переписку с выпускниками гимназии [4]. Чтобы сохранить экспонаты, находящиеся в ветхом состоянии (документы, газеты, фотографии), сделать их достоянием многих и «более зрелищными» (что немало важно для детей), в музее используются информационно-коммуникационные технологии. Их возможности значительно повышают эффективность работы.

Оцифровка фотографий, документов, создание фотографических образов экспонатов музея является задачей, которая успешно решается в школьном музее «Истоки». Наличие сканера и цифрового фотоаппарата позволило создать электронный банк данных, чтобы систематизировать и сохранить всю имеющуюся в музее информацию по следующим направлениям: история школы, история города Новозыбкова, промыслы и ремесла народных умельцев, боевая и трудовая слава земляков.

Музей «Истоки» развивает электронную культуру учащихся посредством сбора и использования звукозаписей. В коллекции музея находятся оцифрованные записи голосов известных деятелей истории и культуры. Данный вид информационных ресурсов позволяет разнообразить формы и методы проведения тематических экскурсий, вызывает интерес у посетителей музея, позволяет окунуться в историческую атмосферу прошлых времен.

При создании музея «Истоки» в 2000 г. были составлены электронные описи коллекций в формате «doc», что облегчило работу актива музея при составлении ежегодных отчетов и проверке коллекций. Все фонды музея переведены в электронные таблицы с помощью программы Microsoft Office Excel, что позволило автоматизировать работу по учету музейных экспонатов. Таким образом, музей «Истоки» становится местом востребованных знаний, умений, навыков, где наглядно реализуется принцип информатизации образования и духовно-нравственного воспитания учащихся.

Опыт «Музея традиций» школы № 65 г. Иркутска показывает, что разработка мультимедийных презентаций, дающих возможность проводить тематические виртуальные экскурсии, расширяет образовательное пространство как интерактивную развивающую среду [5], что позволяет решать задачи современного образования на принципах диалога музея и школы, стимулировать интенсивный творческий рост школьников в процессе коллективного общения.

Руководство музея истории школы МОУ СОШ № 1 г. Новосибирска мультимедийные презентации расценивает не только как перспективный метод в работе с музейной экспозицией, но и «как средство эффективного методического сопровождения образовательного процесса и методической поддержки образовательных и воспитательных программ школы» [6] путём создания учебно-методических комплексов («История Новосибирска в лицах», «История школы», «Опалённые войной»). Такая деятельность помогает решать проблему площадей, актуальную для любого музея. Виртуальный ресурс не ограничен, и музей постепенно формирует свое образовательное пространство.

Внедрение в работу музеев инновационных технологий позволяет не только упростить систему учёта фондов, включить в музейное пространство различные динамические модели и виртуальные экскурсии, активно использовать принцип обратной связи, но и создавать «мощную эмоциональную мотивацию» [7] для учащихся. Например, это наглядно реализуется в практике «школьного музея Арктики» ГОУ СОШ № 336 г. Санкт-Петербурга, где силами активистов музея были созданы интерактивная карта Арктики, интеллектуальные компьютерные викторины и даже компьютерная игра на тему арктических экспедиций.

Школьные музеи участвуют в международных интернет-проектах, что, в частности, активно практикует лицей № 130 имени академика М. А. Лаврентьева г. Новосибирска. С 1998 г. лицей принимает участие в этой деятельности с помощью двух организаций: «Международное образование и ресурсы компьютерной сети» (IEARN) и «Европейская школьная сеть» (EUN). Активистами музея уже созданы такие международные проекты, как «Местная история», «Семья», «Устойчивое развитие», «Климат», «Добро пожаловать в Академгородок» [8].

«Музей Отваги» школы № 93 г. Тольятти – необычный пример использования информационных технологий в деле сохранения исторической памяти. В данном случае речь идёт о целом интерактивном музейном комплексе, который создан «как экспериментальная модель школьного музея с применением современных музейно-образовательных технологий» [9]. Цель музея состоит не только в гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения, но и в развитии нравственно-личностных качеств, творческой активности учащихся. В основу экспозиционного решения положен комплексно-тематический принцип и музейно-образный

метод. В работе музея активно используются различного рода интерактивные задания, компьютерные сюжеты, тематические игры, информационные, мультимедийные и коммуникационные технологии, что способствует формированию ключевых образовательных компетенций, повышению уровня самопознания, самоопределения, самооценки, а также формированию гражданской позиции учащихся. В ходе реализации проекта «Нам «Отвагу» за храбрость вручила страна» (его цель – повисить престиж медали «За отвагу» среди населения) был создан сайт, информация стала доступна широкому кругу пользователей в России и за рубежом.

В начале 2000-х гг. в рамках раздела «История» интернет-проекта «СОМ – В помощь учителю» появилась рубрика «Школьные музеи», на которой собираются ссылки на соответствующие страницы в интернет-сети, что позволило скоординировать Интернет-взаимодействие и Интернет-позиционирование школьных музеев [10]. В основном здесь представлены московские школьные музеи, но есть опыт работы и в регионах: Ярославле, Барнауле, Омске, Саранске. Интернет-проект «СОМ – В помощь учителю» и журнал «Вопросы Интернет-образования» оказывают информационную и методическую поддержку всем заинтересованным школьным музеям. Информационные технологии наполняют исследовательскую деятельность школьных музеев дополнительным смыслом, являются своеобразным импульсом в развитии школьного музейного дела.

Использование Интернета постепенно формирует новый облик школьного музея, что подтверждают авторитетные специалисты в области информационных технологий. Один из руководителей проекта «Школьные музеи в новом информационном пространстве» и координатор проекта «Музей, школа, Интернет» Е. В. Алексеева отмечает, что «виртуальные выставки, интернет-конференции, всероссийские интернет-исследования и проекты, дистанционные консультации – всё это будущее развития школьных музеев, до которого идти осталось совсем чуть-чуть» [11].

Для содействия обмену опытом между профессиональными и школьными музеями в области практической работы и музейной педагогики Некоммерческое партнёрство «Современные технологии в образовании и культуре» (СТОиК) в 2005 г. представило проект «Музей, школа, Интернет» [12]. Цель партнёрства – разработка, внедрение и популяризация информационно-коммуникационных техноло-

гий в сфере образования и культуры. Использование нового инструментария в дополнительном образовании, в деятельности школьных музеев, призвано способствовать активизации интереса молодого поколения к истории Отечества, российской культуры края и семьи. В рамках проекта проводятся конференции и семинары, мастер-классы, тренинги, интернет-конкурсы, формируется база данных школьных музеев России и ближнего зарубежья.

«Школьные музеи в Интернете» – база данных о более чем 300 школьных музеях России; в ней представлены виртуальные экспозиции и экскурсии, на сайте «работают» зал искусств, мемориальный, естественно-научный, историко-краеведческий залы. Здесь выставлены работы школьников и собраны методические материалы по музейной педагогике. В ходе работы над проектом сформировалось активное сообщество музейных специалистов, школьных педагогов и старшеклассников. Также был создан интернет-каталог «Музеи – школе». Он призван помочь музею занять достойное место на рынке образовательных и досуговых услуг, а учителям и родителям быть в курсе новых музейно-педагогических разработок и программ. В рамках проекта действует портал «Школьные музеи Ярославля и Ярославской области».

Таким образом, информатизация музейного дела ставит на повестку дня уже не столько вопросы технического оснащения школьных музеев, хотя это также важно, сколько проблемы, связанные с развитием школьника как личности, готовой учиться и работать в современном информационном обществе, сохранять культурное наследие. Информационные технологии и интернет-ресурсы активно используются в деле гражданского и патриотического воспитания, духовного и творческого развития учащихся. Причем, несомненно, положительной динамикой является всё большее использование информационно-коммуникационных технологий в школьном музейном деле в различных регионах России.

Список использованной литературы

1. Алексеева Е. В. Музей в школе: перспективы развития // Музей в школе: перспективы развития: сб. статей / под общ. ред. Е. В. Алексеевой. М.: НП «СТОиК», 2006. С. 4–9.
2. Юхневич М. Ю. Образовательный музей (педагогический, школьный, детский). М.: НП «СТОиК», 2007. 168 с.

3. Сайт школьного музея «Истоки», Брянская область, г. Новозыбков. URL: <http://www.mus-istoki.narod.ru/> (дата обращения: 08.08.2011).
4. Резников Г. Л. Использование информационно-коммуникационных технологий в работе школьного музея // Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. URL: <http://www.apkpro.ru/content/view/1310/456> (дата обращения: 25.09.2011).
5. Голубева Н. Т., Ружников М. С. Школьный Музей традиций // Музей в школе: перспективы развития. С. 35–38.
6. Васильева О. К. Мультимедийные презентации в музейной педагогике // Музейный аспект в инновационной деятельности образовательных учреждений: IV Открытая региональная научно-практическая конференция / отв. ред. В. А. Орлова. Новосибирск, 2008. С. 71.
7. Маркова Е. Н., Шапиро К. В. Сохранение традиций в XXI веке // Музей в школе: перспективы развития. С. 56.
8. Коптюг Н. М. Постоянно быть рядом // Там же. С. 61.
9. Ланкова Н. М., Горяинова Ж. Н. Школьный музей как центр социализации подростков и молодёжи // Актуальные проблемы современного музейного дела: сб. трудов / сост. И. М. Коссова. Вып. 8. М.: Изд-во ИКАР, 2010. С. 122–125.
10. Драхлер А. Б. Спасёт ли Интернет школьные музеи? // Музей в школе: стимул к размышлению: сб. статей / под общ. ред. Е. В. Алексеевой. М.: НП «СТОиК», 2005. С. 28.
11. Алексеева Е. В. Музей в школе: перспективы развития // Музей в школе: перспективы развития. С. 8.
12. «Музей, школа, Интернет». URL: <http://museum.npstoik.ru/> (дата обращения: 11.06.2011).

УДК 930 (37)

Статья посвящена анализу основных работ английских и американских исследователей, предлагающих общие определения *exempla maiorum* римлян. Историками выдвигаются на первый план отдельные функции *exempla*: политическая, нормативная, информативная, хотя большинство из предложенных дефиниций не учитывает отрицательные примеры.

Ключевые слова: политическая культура; историческая память; *exempla maiorum*; модель для подражания.

The article is devoted to the analysis of the main works of British and American investigators, offering general definitions of *exempla maiorum*. Historians bring to the fore some functions of *exempla*: political, regulatory, and informative. At the same time, most of the proposed definitions do not take into account the negative examples.

Key words: political culture; historical memory; *exempla maiorum*; role model.

Т. А. Сухарева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

E-mail: t.a.sukh@mail.ru

***Exempla maiorum* римлян в современной английской и американской историографии: дефиниции понятия**

Научная статья

Т. А. Sukhareva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: t.a.sukh@mail.ru

Roman *exempla maiorum* in the Modern American and English Historiography: Definition of the Concept

Scientific article

В современном антиковедении большое внимание уделяется изучению римской политической культуры во всем многообразии ее проявлений: ритуалы в публично-правовой жизни, римская идентичность, римские почести, вербальный и игровой аспекты римской политической культуры, коллективная историческая память, публичные пространства [1]. Наряду с гентильно-генеалогической мемориальной практикой (*laudatio funebris, imagines*), исторической топографией (*monumenta*), обрядами и праздниками (*parentalia, feralia*) предков (*exempla maiorum*) являются одной из форм исторической памяти римлян [2].

Римская литературная традиция (исторические сочинения, эпос, политические и судебные речи) содержит многочисленные, но неоднозначные обращения к *exempla maiorum*. Причины уважения к памяти предков были в некотором смысле политическими: римская элита стремилась сохранить ведущие позиции в политической жизни Рима, ссылаясь на лидерство предков; нарративная традиция легитимировала существующее положение [3].

Тем не менее при решении конкретных вопросов внутренней и внешней политики римская элита не могла не считаться с мнением народа. В ходе дис-

куссии о форме политической организации в Риме было доказано, что нельзя отрицать роль плебса в качестве электората и ораторского искусства как средства убеждения избирателей [4]. В сохранившихся речах *in contionibus* понятие *maiores* употребляется в двух смыслах: личные *maiores* оратора и *maiores* в целом. Таким образом, в узком смысле *exempla maiorum* рассматриваются как примеры из родовой истории того или иного представителя римской знати. Однако встает вопрос о более широком значении *maiores*: идентифицировал ли плебс упоминаемых *maiores* с предками нобилитета или считал их своими общими предками, принимая во внимание тот факт, что обращения к *exempla maiorum* в речах перед народом многочисленны и, следовательно, эффективны.

Часть исследователей отстаивает мнение, что под *maiores* следует понимать только предков нобилей, в то время как другая часть историков полагает, что имеются в виду общие предки римлян [5]. Более убедительной выглядит вторая точка зрения. Г. Блом отмечает, что нет никаких оснований проводить разделение между *maiores* патрициата и *maiores* плебса, поскольку до нас не дошло источников от низших слоев римского

© Сухарева Т. А., 2012

общества; кроме того, народ знал и принимал ценности и нормы нобилей, включая их обращения к *mos maiorum* [6]. Концепция *mos maiorum* имела не только политическое, но и культурное значение. Чтобы объяснить и оправдать господство Рима в Средиземноморье, первые римские историки ссылались на добродетели предков, что способствовало формированию римской идентичности, которая заключалась не только в самосознании, но и в чувстве ответственности всех римлян за благосостояние *res publica*. Чувство ответственности стало движущей силой нормативного значения *mos maiorum* и влекло за собой стремление к подражанию действиям предков, превращенным в поучительные исторические примеры, *exempla*, которые иллюстрировали не только сам поступок, но и его место в системе римских ценностей [7].

Считать мифических героев и исторических деятелей, события и поступки примерами для подражания, как отмечает Синклер Белл, было характерной культурной чертой римлян [8]. *Exempla* могли быть почерпнуты из далекого прошлого и современности, из истории других народов и римской истории. В качестве *exempla* могли выступать представители любого социального слоя, возраста, пола; предпочтение отдавалось взрослым мужчинам, элите общества.

В англоязычной историографии в качестве наиболее близкого синонима *exemplum* часто употребляется «образец для подражания» (*role model*). С. Белл отмечает возможность изучения *exempla*, опираясь на теорию Р. Мертона, который ввел понятие «образец для подражания» (*role model*) в социологию в 1957 г. Согласно Мертону, индивид имеет не один статус и не одну роль в структуре общества, скорее общество образовано взаимосвязанными статусами и ролями. Статус можно определить как положение индивида в обществе, в то время как роль – поведение, ожидаемое от носителя определенного статуса. Роли индивидов ориентированы на «референтные группы», более широкие категории или группы людей, с которыми индивиды себя идентифицируют.

Теория референтных групп подводит к концепции образца для подражания, т. к. встает вопрос об определяющих факторах и результатах процессов оценки и самооценки, в которых индивид принимает ценности или стандарты других индивидов и групп в качестве точки отсчета для оценивания. Личность подвергается сравнению с образцом для подражания чаще всего только по

одному критерию. Процесс оценивания носит нормативный характер [9].

Именно нормативное значение *exempla* американские историки выдвигают на первый план, определяя их как «модели или образцы постоянных персонажей, добродетелей или моральных ценностей..., которые объясняют идеальный кодекс поведения в римском обществе и, таким образом, имеют нормативный характер» [10]. Другие исследователи подчеркивают историчность *exempla*, их дидактический характер – «любое упоминание о конкретном событии или о личности, призванное служить руководством для поведения и позволяющее извлечь уроки из прошлого» [11]. А. Риггсби объединяет эти аспекты: «*exempla* – анекдоты из исторического и даже мифологического прошлого – для придания морального, политического или логического смыслов» [12].

При всем многообразии формулировок определения понятия исследователи сходятся во мнении, что *exemplum* – это «нечто скопированное или подлежащее копированию», отмечая, что в латинском языке слово обозначало известную историю, или поступок, или личность, которая воспринималась как образец для других [13].

С. Белл проводит различие между *exemplum* и *role model*. В то время как пример для подражания всегда имеет положительные коннотации, *exemplum* представляет более широкий спектр поведения, так как включает и поведение, достойное подражания, и отпугивающие случаи безрассудных действий; *exemplum* включает в себе событие или действие индивида, закрепляя таким образом свою повествовательную форму и дидактическую функцию; *exemplum* нацелен и на прошлое, и на будущее, поскольку используется как средство понять, пережить и соотнести прошлое и настоящее, воспринимаемые как качественно однородные; *exemplum* содержит не только норму, но и конкретный пример поведения в соответствии с ней. *Exempla*, в отличие от современных примеров для подражания, взяты из истории, а не искусственно сконструированы в соответствии с ценностями, бытующими в обществе на данном этапе его развития [14].

В наиболее четком теоретическом выражении специфика *exempla maiorum* сформулирована в работе американского исследователя Мэтью Роллера. Роллер анализирует различные виды памятников, как нарративных, так и эпиграфических и архитектурных, в которых запечатлены примеры Горация Коклеса и Клелии, и приходит к выводу,

что ненарративные источники подразумевают существование повествовательной традиции, так же как нарративные источники часто ссылаются на ненарративные. Исследователь выделяет компоненты рассказа об *exemplum*, устанавливая связь между подвигом, публикой, ставшей его свидетелем, общественными ценностями и исторической памятью. Роллер выстраивает следующую цепочку:

1. Поступок, первое звено в схеме М. Роллера, – закономерный результат для римской общины в целом, объект этической категоризации, рассматривавшийся как реализация основных социальных ценностей [15].

2. Аудитория, свидетели поступка, относит действие к определенной этической категории (например, *virtus*, *pietas* или *gratia*) и оценивает его с позиции «хорошо – плохо». Такую аудиторию Роллер называет «первичной», и, как правило, она является той группой римского общества, для которой действие наиболее значимо.

3. Память о поступке включает память не только о действии, но и о его значении для общества, и о его этической оценке «первичной» аудиторией и запечатлевается в монументах. К монументам Роллер относит нарративную традицию, статуи, шрамы и увечья, топонимы, когномены и даже ритуалы. Благодаря монументам появляется «вторичная» аудитория, которая не была свидетелем поступка и видит его уже оцененным «первичными» зрителями, что заставляет ее принять эту оценку.

4. Наконец, четвертая часть схемы М. Роллера – подражание, поскольку любому наблюдателю поступка предписывается самому повторить или превзойти его для того, чтобы приобрести подобную славу и связанные с ней преимущества (а для отрицательных примеров – избежать повторения постыдного поступка) [16]. Подражание заканчивает один цикл и закладывает основу следующего, что обеспечивает социальное воспроизводство и придает обществу стабильность.

Как и любая другая схема, четырехчастная модель М. Роллера упрощает ситуацию и не позволяет учесть многие нюансы и объяснить все противоречия, возникающие при обращении к отдельным примерам. В частности, в римской традиции сохранились две противоположные оценки деятельности Тиберия и Гая Гракхов: с одной стороны, это мятежники, «потрясшие государственный строй» (Cic. *Suo dom.* 82; *Sest.* 101, 105; *Nar. resp.* 41, 43; *Mil.* 14, 72), а с другой – выдающиеся государственные деятели (Cic. *Agr.* II. 10, 31, 81;

Rabir. 12, 14). Аналогичная ситуация наблюдается и в случае Гая Мария. Анализ различных свидетельств о таких фигурах из ранней истории Рима, получивших большую популярность в I в. до н. э., как Спурий Кассий, Спурий Мелий и Марк Манлий, показывает, что рассказы о них наполнялись подробностями в период поздней Республики и включали детали из различных событий этой эпохи; окончательную разработку истории Кассия, Мелия и Манлия как отрицательные *exempla* получили в речах и трактатах Цицерона [17]. Если считать, что эти политические деятели не вымышлены и действительно жили в Риме VI–IV вв. до н. э., получается, что их действия были отнесены к соответствующей этической категории и получили оценку только через несколько столетий после их смерти, что противоречит основным положениям Роллера.

Вместе с тем предложенная М. Роллером схема показывает специфику такого феномена римской культуры, как *exempla maiorum*, и позволяет выяснить, как римляне относились к историческому прошлому и оценивали его, объясняет социальное и идеологическое значение фигур, служивших моделями для подражания.

В целом в английской и американской историографии не выработано единого определения *exempla maiorum*. Разные исследователи в рамках определенной дисциплинарной традиции выдвигают на первый план отдельные функции *exempla*: политическую, нормативную, информативную. Большинство из предложенных дефиниций не учитывает отрицательные *exempla* и построено лишь на основании концепта модели для подражания.

Список использованной литературы

1. Дементьева В. В. Современное антиковедение: изучение римской политической культуры // Античная история и классическая археология: сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Дементьева. М., 2006. С. 50–63.
2. Дементьева В. В. Историческая память римлян как объект изучения современного антиковедения (новые работы о *rompa funebris* и *imagines maiorum*) // Известия Саратовского университета. Т. 9. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. Саратов, 2009. С. 36–43.
3. Blom H. Cicero's role models: the political strategy of a newcomer. Oxford; N.-Y.: Oxford University Press, 2010. P. 13.
4. Jakobson A. Traditional political culture and the people's role in the Roman Republic // *Historia*. Band 59/3. Stuttgart, 2010. P. 282–302.

5. Ibid.
6. Ibid. P. 14.
7. Ibid.
8. Bell S. Role Models in the Roman World // Role Models in the Roman World: Identity and Assimilation / ed. S. Bell and I. L. Hansen. (Memoirs of the American Academy in Rome. Supplementary volume; VII). Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. P. 4.
9. Ibid. P. 7.
10. Ibid. P. 4.
11. Ibid.
12. Riggsby A. M. The Post Reditum Speeches // Brill's companion to Cicero: oratory and rhetoric / ed. by James M. May. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 160.
13. Bell S. Role Models in the Roman World... P. 5.
14. Ibid.
15. Roller M. B. Exemplarity in Roman Culture: The Cases of Horatius Cocles and Cloelia // Classical Philology. 2004. Vol. 99, № 1. P. 4.
16. Ibid. P. 5.
17. Pina Polo Fr. The Tyrant Must Die: Preventive Tyrannicide in Roman Political Thought // Republicas y Ciudadanos: Modelos de Participación Cívica en el Mundo Antiguo / ed. Fr. Marco Simon, Fr. Pina Polo, J. Remesal Rodríguez. Barcelona: Universitat de Barcelona, 2006. P. 79–87.

УДК 993

Статья посвящена выяснению характера процедуры обмена имуществом (антидосиса) в Афинах IV в. до н. э. Целью работы является изучение процесса обмена имуществом в контексте социально-экономической ситуации IV в. до н. э. и выявление причин распространения этой юридической процедуры в позднеклассический период. Автор приходит к выводу о том, что закон об антидосисе был архаичным для IV в. до н. э. и давал афинским гражданам возможность скрыть истинный размер своего состояния.

Ключевые слова: Афины; Античная Греция; обмен имуществом; литургия.

The article is devoted to the investigation of the character of a procedure of property exchange (antidosis) in Athens in the IV century B. C. The purpose of the paper is to analyse a process of property exchange in the context of the socio-economic situation in the IV B. C. and to detect reasons for prevalence of this procedure in the late classical period. The author concludes that the law on antidosis was archaic for the IV B. C. and it permitted Athenian citizens to hide the value of their property.

Key words: Athens; Ancient Greece; property exchange; liturgy.

О. Г. Цымбал

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: oxanatsimbal@mail.ru

Антидосис в Афинах IV в. до н. э.: к вопросу о правовых аспектах кризиса полиса

Научная статья

O. G. Tsymbal

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: oxanatsimbal@mail.ru

Antidosis in Athens in the IV Century B. C.: on the Issue of Jural Aspects of the Polis' Crisis

Scientific article

В исследовательской литературе, посвященной истории Афин в период поздней классики, значительное внимание уделено изменениям, происходившим в области экономики, политики, идеологии и в ментальной сфере [1]. В то же время недостаточно изученными остаются правовые аспекты кризиса полиса IV в. до н. э. Между тем трансформации в социально-экономической жизни не могли не привести к противоречиям между возникшими новыми формами имущественных отношений и системой правового регулирования этих отношений. В речах ораторов IV в. до н. э. мы встречаем упоминания о различных формах теневых финансовых операций, что свидетельствует о наличии недостатков в области правового регулирования имущественных отношений в Афинах этого периода. Примером таких «лазеек» в афинском законодательстве, позволявших избегать финансовой ответственности, являлась процедура обмена имуществом (*ἀντίδοσις*). В данной работе мы исследуем процесс обмена имуществом в контексте социально-экономичес-

кой ситуации IV в. до н. э. и постараемся выявить причины распространения этой юридической процедуры именно в позднеклассический период.

Источником сведений об антидосисе служат фрагменты речей афинских ораторов (Lys. III. 20, IV. 1-3, XXIV. 9, Dem. IV. 36, XXI. 78-80, XXVIII. 17, XXX. 15-17, XLII, Isocr. XV. 4-5, Нур. fr. 137), «Афинской политики» Аристотеля (Ath. Pol. 61.1), статьи об обмене имуществом в лексиконах (Lex. Seg. s.v. *ἀντίδοσις*, Suidas. s.v. *ἀντίδοσις*, Lex. Cant. s.v. *ἀντίδοσις*). Однако наиболее информативны речи Демосфена и Лисия, посвященные имущественным спорам.

Суть антидосиса заключалась в следующем: человек, на которого была возложена обязанность исполнить литургию, имел право указать на другого человека, более состоятельного и не вошедшего в число исполнителей литургий. Ответчик мог принять на себя расходы или обменяться имуществом с истцом. Если же он отказывался, то начиналось судебное разбирательство.

Сама процедура антидосиса наиболее подробно описана в речи Демосфена против Фениппа

(Dem. XLII). Контроль за процессом исполнения экстраординарных литургий и за обменом имуществом возлагался на стратегов (Arist. Ath. Pol. 61.1). Человек, инициировавший обмен имуществом, должен был явиться в стратегион и сделать вызов ответчику. После вызова истец вместе со свидетелями направлялся во владения своего противника и, осмотрев их, накладывал печати на строения. После наложения печатей закон воспрещал вывозить что-либо из имения. Затем ответчик аналогичным образом наносил визит во владения истца. После осмотра имущества обе стороны в трехдневный срок предоставляли опись своего имущества в стратегион, где в течение месяца производилось судебное разбирательство.

Спорным моментом для исследователей остается вопрос, могла ли процедура антидосиса включать в себя реальный обмен имуществом [2], или антидосис следует причислять к юридическим фикциям, которые имели место в афинской правовой системе и часто упоминались в речах ораторов (например, призывы к пытке рабов, которые, возможно, никогда не реализовывались) [3]. Несмотря на то что ряд пассажей в сочинениях ораторов указывает на то, что реальный обмен имуществом был возможен (Dem. XLII. 19, Lys. XXIV. 9), все же отсутствие в речах упоминаний об имуществе, приобретенном в результате антидосиса, свидетельствует о том, что ответчик практически никогда не соглашался на обмен и на самом деле целью данной процедуры было выяснение того, кто из соперников является более состоятельным.

По словам Демосфена (Dem. XLII. 1), закон об антидосисе был установлен еще Солоном [4], хотя, на наш взгляд, было бы более логично связать это преобразование с именем Клисфена, при котором и был оформлен институт литургии [5]. Однако большая часть свидетельств применения антидосиса (Dem. XX. 40, XXI. 78, XXVIII. 17, XLII, Lys. III. 20, IV. 1 – 3, XXIV. 9, XXXII. 4. Arist. Ath. Pol. 56. 6, Xen. Oec. 7), как и сведения о других формах избегания литургических обязанностей, относятся к IV в. до н. э. Из контекста речей афинских ораторов можно понять, что обмен имуществом стал в этот период обыденным, рядовым явлением (Dem. IV. 36, XLII. 5, Lys. XXIV. 9).

Анализируя причины столь широкого распространения процедуры антидосиса в период кризиса полиса, исследователи справедливо указывают на связь этого явления с падением роли общеполитической морали, ростом аполитичности граждан и,

как следствие, нежеланием состоятельных афинян тратить свои средства на общественные нужды [6]. Указывается и на то, что исполнение литургии требовало от гражданина не только денежных вливаний, но и затрат энергии и времени [7], что вызывало недовольство представителей делового мира (*в исследовательской литературе этот термин достаточно широко применяется к истории Афин IV в. до н.э.*).

С этими утверждениями сложно не согласиться. Но, на наш взгляд, расширение практики применения обмена имуществом было связано еще и с несовершенством самой процедуры антидосиса. Механизм обмена имуществом был довольно архаичным для IV в. до н. э. и не соответствовал реалиям экономической жизни Афин этого периода. Закон об антидосисе давал афинским гражданам возможность применять различные способы сокрытия истинного размера своего состояния.

Процесс антидосиса был организован таким образом, что невидимое имущество довольно легко было исключить из перечня собственности, которая подлежала обмену. Во-первых, само государство в целях поощрения развития отдельных отраслей хозяйства объявляло имущество, вложенное в данную отрасль, не подлежащим учету при исполнении каких-либо повинностей. Например, на момент написания речи против Фениппа (начало 20-х гг. IV в. до н. э.) в период кризиса рудничного производства государством было разрешено не включать средства, вложенные в разработку рудников, в перечень имущества (Dem. XLII. 18). Во-вторых, практически невозможно было отследить объем имущества, занятого в различных кредитно-денежных операциях. Так, например, Фенипп из уже упомянутой речи Демосфена объявил значительную часть своего имущества как собственность, обеспечивающую выплату долгов (Dem. XLII. 27-28). В условиях преимущественно устного оформления сделок проверить, действительно ли существовали эти долги, было сложно. У наиболее состоятельных людей в IV в. до н. э., занимавшихся морской торговлей и разработкой рудников, значительная часть имущества была задействована в различных сделках [8].

Таким образом, при проведении обмена имуществом в IV в. до н. э. средства, вложенные в наиболее прибыльные отрасли экономики, оказывались за пределами поля зрения государства, что позволяло наиболее состоятельным гражданам уклоняться от исполнения литургий. Традиционные правовые

нормы были неэффективными в новых экономических условиях. Институт морали и институт права тесно взаимосвязаны. И те социально-экономические процессы, которые привели к упадку полисной морали, не могли не привести и к упадку системы правового регулирования экономической жизни, основанной на этой морали. Архаичные методы управления не соответствовали новым социальным и имущественным отношениям.

Перемены в основополагающих для полиса земельных отношениях, развитие товарно-денежных и кредитных отношений, межполисных экономических связей, возрастание роли хрематистики как средства получения доходов и обогащения привели к деформации экономической структуры полисов. Эта деформация, в свою очередь, привела к необходимости коренного пересмотра форм участия государства в экономической жизни. Система управления финансами, созданная в VI–V вв. до н. э., не соответствовала новым экономическим реалиям: наиболее прибыльные отрасли хозяйственной жизни Афин оказались за пределами сферы правового регулирования.

Список использованной литературы

1. Глускина Л. М. Проблемы кризиса полиса // *Античная Греция* / под ред. Е. С. Голубцовой и др. М., 1983. Т. 2. С. 10–43; Ее же. О специфике греческого полиса в связи с проблемой его кризиса // *Древние цивилизации: Греция, Эллинизм, Причерноморье*. М., 1997. С. 27–42; Фролов Э. Д. Кризис классического полиса // *Проблемы античной демократии*. СПб., 2010. С. 242–271; Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М., 1993; Cohen E. Ed. *Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton, New Jersey, 1992; Mosse C. *Aspects sociaux et politiques du declin de la cite grecue au IVe secle avant*. Paris, 1962; Isager S., Hansen M. *Aspects of Athenian Society in the Fourth Century B. C.* Odense, 1975.
2. Thalheim Th. *ἀντίδοσις* // *Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertum Swissenschaft*. (RE). Bd. 1. 1894. Sp. 2397–2398; Глускина Л. М. Комментарии к речи Демосфена «Против Фениппа об обмене имуществом» // *Демосфен. Речи: в 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов*. М., 1994. Т. 2. С. 471.
3. Frankel M. *Die Antidosis* // *Hermes*. Bd. 18. 1883. S. 442–485; Gabrielsen V. *The Athenian Trierarchy*. Odence, 1981. P. 135–137.
4. Кудрявцева Т. В. *Народный суд в демократических Афинах*. СПб., 2008. С. 250–252.
5. Бондарь Л. Д. *Афинские литургии V–IV вв. до н. э.* СПб., 2009. С. 167.
6. Там же. С. 165.
7. Глускина Л. М. Проблемы кризиса полиса. С. 19.
8. Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // *Демосфен. Речи: в 3 т.* С. 432.

УДК 94(38).02

Статья посвящена выяснению характера института эсимнетии в Митилене (начало VI в. до н. э.). На основе данных античной нарративной традиции в работе изучается социально-политическое развитие полиса в конце VII – начале VI в. до н. э., в период, предшествовавший возникновению в городе экстраординарной магистратуры.

Ключевые слова: Античная Греция; Митилена; тирания; эсимнетия.

The article is devoted to the revealing of the character of the aismnetia in Mytilene (the beginning of the VI century B. C.). The socio-political development of the polis at the end of the VII – the beginning of the VI centuries B. C., during the period preceding the occurrence in the city of the extraordinary magistracy, is in detail investigated in the research on the basis of the classical narrative tradition.

Key words: Ancient Greece; Mytilene; tyranny; aismnetia.

Е. В. Рогович

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: evgenia_rogovich@mail.ru

Социально-политическое развитие Митилены в конце VII – начале VI в. до н. э.: к проблеме характера эсимнетии*

Научная статья

E. V. Rogovich

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: evgenia_rogovich@mail.ru

Socio-political Development of Mytilene in the End of the VII–the Beginning of the VI Century B. C.: to the Problem of the Character of the Aismnetia

Scientific article

В рамках изучения политической истории Митилены периода архаики одним из наиболее дискуссионных является вопрос о сущности института эсимнетии, возникшего в полисе в начале VI в. до н. э. Большинство исследователей принимают его определение как института власти, данное Аристотелем. Эсимнетия в полисе представляла собой особую форму единоличного правления и являлась экстраординарной полисной магистратурой. Ее отличительными чертами были избранность магистрата, ограниченный срок пребывания в должности, практическая направленность – эсимнет избирался с целью выполнения определенных общественных поручений (*Arist. Pol. III. 9. 5-6; 10. 10; IV. 8. 2*) [1]. Однако ученые до сих пор спорят, какую природу, аристократическую [2] или демократическую [3], имела эсимнетия в Митилене. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть социально-политическое развитие полиса в период, непосредственно предшествовавший возникновению в городе должности с чрезвычайными полномочиями.

Социально-политическая история Митилены второй половины VII до н. э. была насыщена событиями. После отмены монархического правления в полисе установился аристократический порядок. Первоначально всю полноту власти в своих руках сосредоточили представители бывшего царского рода Пенфилидов (*Arist. Pol. V. 8. 13*). Они, по выражению Г. Берве, образовали в Митилене «династическую олигархию» [4] и, занимая ключевые должности в Совете (*Alc. Fr. 130*) и Народном собрании (*Alc. Fr. 130*), полностью контролировали военную, судебную и религиозную сферу [5].

Митилена была не единственным полисом Греции, где после упразднения монархии власть оказалась в руках представителей бывшего царского рода. В Коринфе, например, монополией на власть после упразднения монархического правления пользовался ранее царствовавший род Бакхиадов (*Herod. V. 92; Diod. VII. 9; Strabo. VIII. 6. 20; Nic. Dam. FgrHist 90 F 57; Paus. II. 4. 4*) [6].

Однако олигархическое правление Пенфилидов в Митилене продолжалось недолго. В 620-е гг. до

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ (Госконтракт № 16.740.11.0104).

н. э. их власть была свергнута посредством аристократического заговора, во главе которого стоял некий Мегакл (*Arist. Pol. V. 8. 13*) [7]. Свержение Пенфилидов открыло доступ к власти многим знатым родам, но не принесло социальной стабильности полису. После отстранения представителей бывшего царского рода от управления митиленские аристократы начали вести борьбу за политическое лидерство. Их вражда привела к неустойчивой политической ситуации в полисе и возникновению нескольких тиранических режимов. Стасис, гражданская смута, конфликты между аристократическими кланами, перемежавшиеся с кратковременными периодами установления тиранической власти, стали доминантной чертой политического развития Митилены на два десятилетия.

После свержения Пенфилидов наиболее влиятельной политической фигурой в полисе стал аристократ Меланхр. Именно он по прошествии некоторого времени после отстранения представителей бывшего царского рода от власти установил первый тиранический режим в Митилене (*Alc. Fr. 331; Strabo. XIII. 2. 3; Diog. Laert. I. 74; Suda. s. v. Πίττακος*). Его тирания приходилась на 612 – 608 гг. до н.э. (*Suda. s. v. Πίττακος*). О личности Меланхра и его правлении источники практически ничего не сообщают. Известно, что он был свергнут совместными усилиями аристократической группировки под руководством Питтака, будущего эсимнета Митилены, и братьев поэта Алкея (*Diog. Laert. I. 74; Suda. s. v. Πίττακος*).

После свержения Меланхра на политической арене полиса выдвинулся новый лидер – аристократ Мирсил. Он, подобно Меланхру, вскоре установил в Митилене вторую тиранию. О тирании Мирсила известно также немного (*Alc. Fr. 70; 129; 332; Schol. Alc. Fr. 114; Strabo. XIII. 2. 3*) [8]. Одним из самых заметных событий его правления стала активизация внешней политики Митилены: при Мирсиле полис начал вести активную борьбу с афинянами за земли в Троаде. В войне особенно отличился Питтак (*Herod. V. 94-95; Strabo. XIII. 1. 38-39; Polyae. I. 25; Diog. Laert. I. 74; Suda. s. v. Πίττακος*).

Установление нового тиранического режима привело к обострению внутривластной борьбы в Митилене. Приход Мирсила к власти вызвал недовольствие многих аристократов и, прежде всего, гетерии Алкея и Питтака. Уже спустя некоторое время после прихода Мирсила к власти они составили заговор против тирана. По-видимому, заговорщики планировали свергнуть Мир-

сила, как они свергли ранее Меланхра. Однако заговор был раскрыт. Опасаясь преследования со стороны тирана, заговорщики покинули Митилену: они бежали в Пирру – город, располагавшийся недалеко от Митилены (*Alc. Fr. 129; 130; Schol. Alc. Fr. 114*). В изгнании союзники вновь попытались организовать заговор против Мирсила. Для реализации своего плана заговорщики прибегли к помощи лидийцев: они получили от них значительную денежную сумму в размере 2 000 статов (*Alc. Fr. 69*). На эти деньги мятежники намеревались с помощью наемников изгнать из полиса тирана [9], но не достигли цели: им не удалось проникнуть в Митилену. Коалиция распалась: Питтак перешел на сторону Мирсила и возвратился в Митилену, вызвав гнев со стороны своих прежних союзников (*Alc. Fr. 70; 129*).

По прошествии недолгого времени после описанных событий Мирсил умер (*Alc. Fr. 332*). Смерть тирана позволила Алкею и его гетерии возвратиться в родной полис. Теперь начался новый этап политической борьбы в Митилене, который был ознаменован уже противостоянием группы Алкея и Питтака (*Alc. Fr. 70; 141*). На этот раз поэт и его приверженцы вновь проиграли политическое соперничество и снова были вынуждены отправиться в изгнание (*Arist. Pol. III. 9. 5*) [10]. На чужбине они продолжили плести интриги и попытались опять вторгнуться в Митилену, но им был дан отпор. Организовал защиту полиса от изгнанников аристократ Питтак [11]: он был избран около 598/597 гг. до н. э. эсимнетом Митилены в Совете и Народном Собрании полиса, аристократическими по своему составу (*Arist. Pol. III. 9. 5*) [12]. Мятежники же теперь покинули остров (*Alc. Fr. 350; Strabo. I. 2. 30; XIII. 2. 3*).

Таким образом, изучив социально-политическую историю Митилены на рубеже VII–VI вв. до н. э., можно с уверенностью говорить, что эсимнетия в полисе имела аристократическую природу. Возникновение политического института стало прямым следствием борьбы за власть и влияние в полисе внутри аристократии. Демос не принимал в ней активного участия.

Список использованной литературы

1. Берве Г. Тираны Греции. Ростов-н/Д, 1997. С. 120; Libero L. de. Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996. S. 324–326; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. СПб., 2004. С. 124–131; Соломатина Е. И. Эсимнеты: тираны, верные традициям,

или неверно понятая традиция? // Вестник Древней истории (ВДИ). 2004. № 2. С. 159–179; Ее же. Архаическая эсимнетия и античная традиция: проблемы интерпретации // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура / под ред. О. П. Смирновой, А. Л. Смышляева. М., 2005. С. 28–49.

2. Берве Г. Указ. соч. С. 120–121; Libero L. de. Op. cit. S. 318; Соломатина Е. И. Эсимнеты: тираны, верные традициям... С. 178.

3. Борухович В. Г. Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII – начало VI вв. до н. э.): Меланхр, Мирсил, Алкей // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1979. Вып. 5. С. 41–42; Фролов Э. Д. Указ. соч. С. 130; Пальцева Л. А. Питтак Митиленский (к вопросу об эсимнетии в архаической Греции) // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 30.

4. Берве Г. Указ. соч. С. 117.

5. Там же.

6. Там же. С. 22–23; Жестоканов С. М. Олигархия Бакхиадов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира: сб. статей / под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53–64.

7. Берве Г. Указ. соч. С. 117.

8. Там же. С. 118–119; Libero L. de. Op. cit. S. 316–319.

9. Ibid. S. 317.

10. Берве Г. Указ. соч. С. 120; Libero L. de. Op. cit. S. 320–324.

11. Берве Г. Указ. соч. С. 118; Libero L. de. Op. cit. S. 319–320; Соломатина Е. И. Питтак Митиленский: народный диктатор или вождь аристократов? // *Studia historica*. Vol. 3. М., 2003. С. 19–37.

12. Libero L. de. Op. cit. S. 318; Соломатина Е. И. Эсимнеты: тираны, верные традициям... С. 178.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7.03

Статья раскрывает степень значимости Школы пения Генриетты Ниссен-Саломан для русской певческой школы конца XIX века. Рассматриваются основные аспекты формирования и содержания отечественного вокального исполнительского искусства. Анализируется методология соотношения слова и звуковедения, находящаяся в центре внимания изучения вокального мастерства. Осмысливается творчество русских композиторов в развитии традиций певческого мастерства, основанных на художественных принципах оперных и камерных произведений.

Ключевые слова: русская школа пения; русские композиторы; школа пения Г. Ниссен-Саломан; вокальное произведение; формирование художественных исполнительских традиций; певческая дикция.

The article reveals the degree of importance of the Henrietta Nissen-Saloman School of singing for the Russian vocal school of the late XIX century. It examines the main aspects of the formation and maintenance of domestic vocal performing arts. The methodology of the relationship between word and deep amplitude? Which was in the center of attention in the study of vocal mastery is analyzed. The author interprets the works of Russian composers and their input to the development of the traditions of singing skills based on the artistic principles of opera and chamber works.

Key words: Russian school of singing; Russian composers; Nissen-Saloman school of singing; vocal piece; formation artistic performance traditions; singing diction.

М. М. Кизин

Российский институт культурологии Министерства культуры РФ

E-mail: kizine@bk.ru

Певческая школа Генриетты Ниссен-Саломан в русской музыкальной культуре конца XIX века

Научная статья

М. М. Кизин

Russian Institute for Cultural Research of the Ministry of Culture of the Russian Federation

E-mail: kizine@bk.ru

Singing School of Henrietta Nissen-Saloman in the Russian Musical Culture at the End of the XIX Century

Scientific article

Вокальное и педагогическое творчество певицы, обладательницы сопрано, шведки, рожденной в Германии, Генриетты Ниссен-Саломан оставило свой след в истории русского вокального искусства. С 1860 года Г. Ниссен-Саломан жила в России и в периоды с 1862 по 1872 и с 1878 по 1879 годы преподавала вокальное мастерство в Петербургской консерватории. Вокальная школа Г. Ниссен-Саломан сегодня привлекает внимание специалистов по вопросам теории и истории вокального искусства и соответственно характеризует проблему развития художественной творческой индивидуальности певцов-актеров времен ее бурной деятельности.

С начала XIX века русские певцы и певицы совершенствовались в различных западноевропейских школах пения, изучали технику *bel canto*, но

© Кизин М. М., 2012

этот метод постижения секретов вокального искусства был лишь этапом к дальнейшему творческому поиску и переосмыслению. «Педагогические традиции синтеза наиболее ценных достижений итальянской школы бельканто с выработанными веками приемами и методами русской вокальной школы были созданы М. Глинкой и продолжены А. Даргомыжским и М. Мусоргским. Эти традиции при всем разнообразии конкретных педагогических принципов нашли своих наследников в деятельности лучших вокальных педагогов второй половины XIX – начала XX века» [1].

Одной из основ русской певческой школы являлась и является русская речь, русское слово. «Вокал служит технической базой пения, как инструмент служит музыканту. Однако в отличие от других

форм музыкального искусства в пении, кроме звука (вокал), участвует и живое человеческое слово» [2]. Профессиональная подготовка певцов или постановка певческого голоса в своей методической основе опирается на произношение гласных и согласных языка, на котором поет исполнитель вокальное произведение. Невозможно себе представить образное, художественное пение без литературного текста, если не рассматривать особенности произведений, как вокализы. «Правда, встречаются так называемые песни без слов, или вокализы. Но они не являются характерными для искусства пения и, по существу, имеют целью подражание инструментам – скрипке, виолончели или флейте» [3]. В постановке профессионального певческого голоса важны качества внятной, ясной дикции – четкого произношения слов, фраз, предложений.

Доктор искусствоведения, превосходный оперный и камерный певец, Анатолий Леонидович Доливо писал: «Встречаясь с музыкой, слова запоют непременно; заговорит (“понятым сердцу языком”) мелодия, и вот – и слова, и напев вместе держат свою согласную речь. От ясности их в одинаковой мере зависит смысл и доходчивость песни – ее судьба. Когда в простом разговоре мы произносим слово, оно должно быть понятно; тем более в песне – нас никто не прервет, не попросит снова сказать недошедшее слово, а в нем, может быть, заключается то, без чего песня теряет свой смысл и значение. Отсюда наш долг произносить слово, согласно с живым языком, его породившим. Он продиктует нам свои правила произношения; наша обязанность – принять на себя заботу о благополучии слов, их стройности и четкости. В песне слово, произнесенное без интонационной выразительности, может равняться нулю, а между тем, именно в песне слово несет в себе большой груз вложенного в него содержания» [4].

В творчестве певцов-актеров основная задача – создание яркого, полноценного, осмысленного художественного образа героя вокального произведения. Часто вокалисты, упиваясь силой и красотой собственного пения, теряют главную цель исполнительской задачи в этом жанре – выразительность. Проблема художественного исполнительского мастерства в русской вокальной школе была актуальна всегда. Б. А. Покровский пишет: «Не устану повторять: когда партия вызубрена механически, поздно прибавлять к ней мысль и чувство. Пение – процесс таинственно-прекрасный, в большей мере необъяснимый. Пение – выявление тончайших нюансов

человеческой души. Чтобы пение выражало нужное, какой путь в глубины образа и своей собственной интуиции следует проделать певцу-актеру!» [5].

Ориентируясь на достижения вокального мастерства западноевропейских стран, в особенности итальянской школы пения, многие певцы и педагоги поклоняются зарубежным традициям, например Вокальной школе Г. Ниссен-Саломан, не осознавая сути художественной прелести русской школы пения. В этом отношении показательна «Полная школа пения» русского композитора, певца Варламова Александра Егоровича, созданная в 1840 году. А. Е. Варламов отмечает: «Изданная мною "Школа пения" есть плод многолетних трудов моих. При составлении оной я руководствовался лучшими по сей части сочинениями, и в особенности вдохновенными произведениями знаменитого моего учителя Д. С. Бортнянского. Почту себя вознагражденным, если труд мой облегчит занятия преподавателей и любителей пения. Надеюсь со временем издать особое сочинение, в котором будут подробно рассмотрены наши народные напевы, и уверен, что русская публика, доселе всегда одобрявшая труды мои как композитора, найдет в сем сочинении некоторые новые мысли о певческом искусстве в России, которые в то же время могут послужить дополнением к Истории пения вообще» [6].

«Полная школа пения» А. Е. Варламова создана для постановки как мужских, так и женских певческих голосов, что отличает ее от школы пения Г. Ниссен-Саломан рекомендованную только для женских голосов. «Полная школа пения» А. Е. Варламова является подробным, полным по содержанию пособием описания постановки голоса для пения произведений на русском языке. Он в седьмой главе своего произведения пишет: «Чтобы придать пению известную степень истины и силы, какие ему свойственны, необходимо ударение ораторское (словесное) соединять в точности с ударением декламации. Из внимательного чтения классических сочинений, учащийся почерпнет правило этого искусства; он должен часто и громко читать вслух стихотворения и в них изучать разные изменения голоса, определяемые ораторским ударением» [7]. Композитор и певец А. Е. Варламов таким образом трактовал особенности самобытного русского мелодического интонирования, которое в поиске правдивой, выразительной манеры произношения текста раскрывало всю палитру драматического, лирического, поэтического смысла. Осмысленное произношение текста в вокальных произведениях

русских композиторов невольно заставляет глаголю бо сопереживать, верить чувствам героев песен, романсов, музыкальных спектаклей.

Будучи в Италии в 1830 году, изучая певческие традиции прославленной музыкальной страны, вспоминая о днях, проведенных в Неаполе, Глинка писал: «Страдал я много, но много было отрадных и истинно поэтических минут. Частое обращение с второклассными, первоклассными певцами и певицами, любителями и любительницами пения практически познакомило меня с капризным и трудным искусством управлять голосом и ловко писать для него» [8]. Своим композиторским творчеством он ярко представил всю красоту певческого русского языка, соответственно указывая на право существования уникальной русской школы пения.

К концу XIX века русская школа пения была сформирована. Она представляла прекрасные и неповторимые образцы исполнительского творчества, рождала и усовершенствовала традиции вокального искусства. М. И. Глинка, обобщая принципы иностранных школ пения, говорил: «Итальянская певица смотрит на музыку только как на средство самопоказа» [9]. Он высказывал свой композиторский, певческий, педагогический взгляд по вопросу совершенствования профессиональных певческих качеств: «Все голоса вообще (простые и сложные) от природы несовершенны и требуют учения, цель которого исправить недостатки и усовершенствовать голос» [10]. По мнению композитора, все певческие голоса, независимо от уровня одаренности, требуют в равной степени воспитательного развития и приобретения профессионального навыка. В методических разработках композитора первостепенной важностью являлось не только правильное выявление певческих способностей, но и «огранка» природы голоса певца, подбор индивидуальных упражнений развития вокального мастерства. Все вокальное исполнительство для М. И. Глинки было бессмысленно без обязательного понимания художественного содержания произведения и правдивой интерпретации вокальной партии.

А. С. Даргомыжский предполагал важность звучания выразительного вокального русского слова и «вынашивал идею реформы сложившегося оперного спектакля. Путь к ней композитор видел в создании музыкальной драмы, в которой ему хотелось добиться максимальной естественности музыкальной речи героев и при этом обойтись без условных оперных форм» [11]. Композитор в своих романсах и песнях, оперных спектаклях заслужил

славу «великолепного музыкального портретиста, выдающегося мастера вокальной музыки» [12].

На протяжении всего XIX века русские композиторы создавали вокальные произведения малых и больших форм, которые ставили перед исполнителями-вокалистами новые задачи поиска выразительных правдивых приемов пения. Произведения русских композиторов приумножали традиции вокального мастерства, основанные на художественном осмыслении текста и интонационной мелодии музыки. Композиторы Могучей кучки М. А. Балакирев, А. Б. Бородин, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, Ц. А. Кюи и искусствовед-критик В. В. Стасов вели «непримиримую войну с безумной русской итальяноманией, превосходящей по своему фанатизму итальяноманию всех других стран Европы» [13]. П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов и многие другие композиторы обогатили своими вокальными произведениями на тексты и стихи гениальных русских поэтов и литераторов русскую школу пения новыми формообразованиями вокально-технических и художественных элементов.

Г. Ниссен-Саломан, не владеющая хорошей дикцией русского языка и словарным запасом русских слов, в своей Вокальной школе указывает правильность проведения урока: «Это же немыслимо вполне только при словесных объяснениях, сопровождаемых практическими указаниями профессора, в особенности если последний (чего надо следовать желать) певец или был певцом. Так, например, невозможно описать словами ясно и понятно – как следует взять, произвести и держать звук, что легко делается путем практическим, **если профессор поет ученику, объяснит ему путем личного примера**» [14]. Такой подход к постановке певческого голоса характеризуется как не профессиональный – «учить с голоса», «заниматься дрессурой» и противоречит всем здравомыслящим методам воспитания певца-актера, осваивающего навыки осмысления своей творческой индивидуальности, построения собственного видения вокального образа. В. И. Микиша писал: «Вся вокально-методическая работа строится на гармоническом взаимодействии между внутренним (психологическим) развитием поющего, на одновременной координации вокальной и музыкальной работы, работы над собой, своим творческим "я" в последовательном порядке» [15].

Изучая и анализируя популярную школу пения Генриетты Ниссен-Саломан, изданную в конце XIX века, очевидным становится ее желание привнести свое видение вокального мастерства исклю-

чительно для женских голосов, поскольку повторить пример звучания голоса педагога-певицы для ученицы намного легче, чем ученику-мужчине. Не требует доказательств факт, указывающий на ограниченные педагогические возможности Г. Ниссен-Саломан, поскольку, обучая певиц, она передавала собственные певческие ощущения звучания женского голоса и художественные исполнительские наработки (подобно дрессуре), которые, возможно, и принесли пользу в дальнейшем самостоятельном самообразовании ее учениц. Отсутствие полноценного комплексного и универсального общего для всех голосов, (как мужских, так и женских) методического труда Г. Ниссен-Саломан, подчеркивает верность этого предположения.

Генриетта Ниссен-Саломан пишет, представляя «уникальность» своей вокальной школы: «Кто знает о громадной массе появившихся и продолжающих являться в разных странах "Школ пения", "Метод пения", тот может, конечно, считать бесполезным проявление нового сочинения, предназначенного обогатить эту ветвь музыкальной литературы. Но если собрать разные, известные мне появившиеся доселе "Методы" большого и малого объема и посмотреть их с точки зрения практической, приносимой ими пользы для изучения пения, то от внимательного наблюдателя не укроется, что весьма немногие годны для назначенной цели: большая часть их, очевидно, придает слишком мало значения элементарному, педагогическому основанию, которое необходимо должно предшествовать высшему искусству пения. Большинство вовсе не касается, или только очень поверхностно, первых и самых необходимых указаний и правил относительно образования звука, положения рта, различия регистров, произношения слов и т. д., – точно все это известно само собой или предполагается уже известным» [16]. Г. Ниссен-Саломан ставит задачу постановки произношения слов в вокальных произведениях на иностранных языках, не имеющих никакого отношения к русской школе пения.

Представительница западноевропейского вокального искусства Генриетта Ниссен-Саломан основывает постановку голоса также на рекомендованных ею для пения произведениях зарубежных композиторов на иностранных языках, игнорируя произведения русских классиков, которые сама не имела в своем концертном репертуаре. И если говорить о пользе рекомендованной школы пения Генриетты Ниссен-Саломан для русского вокального искусства, то возможно усмотреть в ней скорее ознакомительный характер, но не основательную методику, которая дала бы серьезный импульс для развития традиций.

Список использованной литературы

1. Пружанский А. Отечественные певцы, 1755–1917: Словарь. М.: Сов. композитор, 1991. С. 5.
2. Иванов А. Искусство пения. М.: Голос-пресс, 2006. С. 88–89.
3. Там же. С. 89.
4. Доливо А. Л. Певец и песня. М.; Л.: Музгиз, 1948. С. 91.
5. Покровский Б. А. Размышления об опере. М.: Советский композитор, 1979. С. 193.
6. Варламов А. Е. Полная школа пения: учеб. пособие. 3-е изд., испр. СПб.: Лань, 2008. С. 15.
7. Там же. С. 34.
8. Вадецкий Б. А. Глинка. М.: Советский писатель, 1983. С. 182.
9. Там же. С. 8.
10. Глинка М. И. Упражнения для усовершенствования голоса, методические к ним пояснения и вокализы-сольфеджио: учеб. пособие. М.: Кифара, 1997. С. 5.
11. Зорина А. П. Могучая кучка: популярная монография. 2-е изд. Л.: Музыка, 1973. С. 58.
12. Там же. С. 15.
13. Там же. С. 3.
14. Ниссен-Саломан Г. Школа пения. СПб., 1881. С. 4.
15. Григорьев А. А. Осознанное пение. М.: ГИТИС, 1992. С. 5.
16. Ниссен-Саломан Г. Указ. соч. С. 1.

УДК 73/76

Неразлучные друзья А. Е. Яковлев и В. И. Шухаев в мастерской Д. Н. Кардовского овладели неоклассическим стилем. Гармоничное сочетание исследовательского и композиционного стилей мышления позволило им ярко проявить свой талант во всех видах изобразительного искусства, но по-разному. Основные произведения А. Е. Яковлев создал в экспедициях по Дальнему Востоку, Африке и Центральной Азии. В. И. Шухаев наиболее проявил свой талант в портретной живописи, в художественном оформлении театральных постановок и изданий произведений классиков русской литературы.

Ключевые слова: русский неоклассицизм; исследовательский и композиционный стили мышления; реализм; гуманизм; искусство эпохи Возрождения.

Inseparable friends A. E. Yakovlev and V. I. Shukhayev have been mastered in neoclassical style in the art studio of professor Kardovsky. The research style of art intellection has been developed against working with nature and technique of picture. The compositional style of art of these artists has been developed against selection of different methods of Renaissance. The harmony of two art intellections involved lead to outstanding chef-d'oeuvres in all areas of art, while in different ways for each of them. His main masterworks A. E. Yakovlev made during the long expeditions in the Far East, Central Asia and Africa. The main masterpieces by V. I. Shukhayev regard to portraits, theater art and illustrations of classic Russian literature.

Key words: Russian neoclassicism; research and compositional styles of art intellection; realism; humanism; Renaissance art.

В. Я. Поярков

Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова

E-mail: artist @ online.ru; cebastian @ gmail.com

О становлении и развитии неоклассицизма в творчестве А. Е. Яковлева и В. И. Шухаева

Научная статья

V. Y. Poyarkov

Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov

E-mail: artist@online.ru; cebastian@gmail.com

On the Origin and Development of Neoclassicism in the Art of Painters A. E. Yakovlev and V. I. Shukhayev

Scientific article

В конце XIX и начале XX века в России на смену модерну пришел неоклассицизм как одна из реакций на импрессионизм. Он зародился во Франции и распространился затем по всем странам Европы. Для него было характерно обращение к искусству эпохи Возрождения. Обычно неоклассицизм воспринимается как применение методов старых мастеров. Конкретно под этим понимается верность натуре как идеалу гармонии. Главное внимание уделяется передаче совершенства формы и пространства, отображению наблюдаемого своеобразия, а композиция строится исходя из гармонии природы и человека. Все это достигается при особом внимании к рисунку и наброскам с натуры. Сюжеты определяются, как правило, с позиций гуманизма и нравственности. Неоклассицизм в Германии, Франции, Италии, России приобрел свои индивидуальные особенности [1].

Практическому утверждению неоклассицизма в российской живописи способствовала система

обучения в школе-мастерской Д. Н. Кардовского. Он воспитал в неоклассическом стиле целую плеяду художников. Среди них наиболее яркими представителями русского неоклассицизма были А. Е. Яковлев и В. И. Шухаев. Цель настоящей статьи – показать, как шло становление и развитие в их творчестве неоклассического стиля. Краткая характеристика творчества каждого из них дана автором ранее [2].

Становление неоклассицизма у Яковлева и Шухаева происходило постепенно и последовательно. Оно началось с рисунка. Работа с натурой помогала им проникнуть во «всеобщие объективные законы», которые «схватываются» и художественно выражаются в своеобразии гармонии пейзажей. Они увлеклись рисунком, ушли с головой в этюды с натуры. Так у них стал развиваться исследовательский стиль мышления. Рисунки они широко использовали и при создании портретов,

запечатлевая в набросках мимолетные выражения лица. Большое количество таких зарисовок помогло составить общий образ душевной сути личности [3]. Через рисунок они возродили и применение материалов старых мастеров: сангины, угля, темперы, сепии. Усовершенствовав применение сангины (стали растирать ее резинкой), достигли потрясающей быстроты и виртуозности в рисовании [4]. Особое внимание они уделяли технике передачи объема и пространства на полотне. Немалую роль в этом сыграли и зарисовки диких животных в Римском зоопарке. Вкусы Яковлева и Шухаева развивались благодаря изучению работ старых мастеров. Все началось с того, что сначала Кардовский обстоятельно знакомил своих учеников с живописью Античности и эпохи Возрождения. Потом они немало уделили времени изучению произведения искусства эпохи Возрождения в ходе своей пенсионерской поездки в Италию. В студенческие годы они увлеклись сюжетной тематикой произведений старых мастеров. Шухаева увлек динамизм, свойственный полотнам Рубенса, а Яковлева заинтересовало на картинах Босха множество субъектов, связанных в единое целое своими взаимодействиями. Они постарались показать в дипломных работах (Шухаев в «Вакханалии», а Яковлев в «Купании»), что они тоже так могут. В своих дерзаниях приблизившись к старым мастерам [5], они получили заграничную стажировку.

В школе Кардовского у Яковлева и Шухаева сложились еще две черты русского неоклассицизма. Это большой интерес ко всему живому и высокая нравственность. Особенно ярко их гуманизм проявился в портретной живописи. Они очень выразительно и точно передавали не только внешний облик, но и особенности духовного мира человека. К созданию картин в неоклассическом стиле они подходили самостоятельно, не копируя, а творя совершенно новые образцы, достигнув совершенства сочетанием методов, приемов и техники. В этом для них заключался высший стандарт неоклассицизма: достижение поставленной цели путем разработки под нее специальной системы методов и приемов, использование в соответствии с задачей всех известных им приемов и методов предшественников. Это способствовало развитию композиционного стиля мышления, что в дальнейшем позволит им свободно работать в разных видах изобразительного искусства. Поэтому при создании ряда произведений они в эту систему, помимо приемов и методов неоклассицизма, включали

элементы модерна, кубизма, примитивизма. Они не слепо следовали неоклассицизму, а творчески, исходя из того, что им хотелось изобразить. Иногда туда полностью входили методы старых мастеров (в неаполитанской серии Яковлева). Все это Яковлев и Шухаев осваивали не в одиночку, а совместно: они были неразлучными друзьями. Становление стиля неоклассицизма у них проходило в совместной работе, что имело для них немаловажное значение. В дальнейшем их творческие пути разошлись. Каждый по-своему стал развивать неоклассицизм.

У Яковлева развитие стиля неоклассицизма началось во время пенсионерской поездки в Италию, где он особое внимание уделял изучению полотен старых мастеров, знакомился с приемами и методами их работы. В эти годы он сразу показал достигнутое им мастерство в портретной живописи («Рыбак», «Портрет Ливии Бони», «Скрипач» и др.) [6]. Портретам свойствен точный рисунок, почти скульптурная лепка формы, локальный цвет и некоторый примитивизм, идущий от русского лубка. В них заметны и элементы стилизации и подражания мастерам итальянского Возрождения.

Яковлев вернулся в Петроград в 1915 г. уже сложившимся мастером неоклассицизма, способным работать в этом стиле почти во всех основных видах изобразительного искусства. Об этом свидетельствуют созданные им работы (портреты, рисунки и монументальная роспись). Портреты, написанные им в то время, очень точно передают не только внешние черты, но и особенности внутренней душевной сути личности («Н. Э. Радлова», «Автопортрет» и др.); высокое мастерство перевоплощения артиста («Портрет Ф. И. Шаляпина в роли Дон Кихота»). Неоклассический стиль Яковлев продемонстрировал и в монументально-декоративной живописи. С ней связан один очень примечательный момент – получение командировки на Дальний Восток, благодаря которой определилось основное направление его творчества [7].

Летом 1917 г. Яковлев посетил Монголию, Китай и Японию. Несколько лет он провел в Пекине. В этих странах Яковлев очутился в другом мире. Его окружала природа, непохожая на ту, с которой он был хорошо знаком в родных местах и в Европе. Он увидел поразительно интересные страны, иной мир, иные культуры и цивилизации. Его огромный дар рисовальщика и сложившийся к этому времени у Яковлева стиль русского неоклассицизма помогли ему с гуманистических позиций запечатлеть своеобразие дальневосточного мира. Когда в Париже

европейцы увидели эти работы, то его стали называть Марко Поло XX века [8].

Именно благодаря высокому мастерству, проявленному Яковлевым в работах по Дальнему Востоку, Ситроен пригласил его принять участие в автомобильных путешествиях по Африке (1925–1926 гг.) и Центральной Азии (1934–1935 гг.). Он с радостью принял приглашения, поскольку его всегда влекла экзотика. В этих экспедициях он создал многочисленные произведения, в полной мере показав в них свое виртуозное техническое мастерство владения рисунком. В нем он поднялся до недостижимых вершин, найдя новые струи в изобразительном искусстве. В своих африканских и центрально-азиатских работах Яковлев показал европейским жителям другие миры, до сих пор неизвестные им [9]. По существу, он ввел в Европе моду на экзотику. Именно с него началось всеобщее увлечение ею в Париже – предвестник стиля Ар Деко. Быстрота и виртуозность работы рисовальщика обеспечили ему небывалый успех. Мгновенный анализ увиденного помогал выявить своеобразие гармонии пейзажа и быстро создать композицию, передающую ее. В этом проявились особенности исследовательского стиля мышления художника. Немалое значение имел его гуманизм, свойственный русской культуре. Яковлев любил жизнь во всех ее проявлениях. Где бы он ни был, везде уважал и соблюдал законы и обычаи данной страны, никогда не противопоставлял себя и ничем не унижал чужого достоинства [10]. Именно поэтому портреты африканцев и азиатов, созданные им, передают не только разнообразие их внешнего облика, но и все различия их духовного мира. Они выглядят не как дикари, а как люди, правда отличающиеся от европейцев [11].

Театрально-декорационным искусством и книжными иллюстрациями Яковлев практически не занимался (оформил всего одну постановку, и для одной книги сделал выразительные рисунки, передающие особенности китайского театра [12]). Наиболее примечательное событие в развитии его неоклассического стиля – создание стилизованных картин на бытовые темы («Неаполитанская серия») после исследования древнеримской живописи в Помпеях и копирования фресок в Неаполитанском музее [13]. Они наглядно показали, как он свободно овладел стилем старых мастеров, их приемами и методами.

Высокое неоклассическое мастерство Яковлев проявил во всех видах изобразительного искусства, но непревзойденных высот он достиг в многочис-

ленных работах, созданных во время экспедиций, показав себя реалистом и гуманистом, а «Неаполитанская серия» свидетельствует о глубоком проникновении художника в античное искусство и о способностях перенести это в наши дни.

У **Шухаева** развитие неоклассицизма шло иначе. У него рано возник интерес к методам и сюжетам мастеров эпохи Возрождения. Свидетельство этому тема диплома («Вакханалия») и работа в Италии и Париже над картинами на библейские сюжеты. Но с середины 1920-х гг. эта тематика полностью исчезла из его творчества. Материалами и техникой старых мастеров он овладел в совершенстве, сохранив к ним интерес на всю жизнь.

Шухаев вернулся в Петроград в 1914 г. сложившимся мастером неоклассицизма, способным работать во всех основных видах изобразительного искусства. Он стал великолепным рисовальщиком, проявив большое внимание и любовь к натуре. В портретной живописи тех лет явно ориентировался на старинные парадные портреты (работы по золоту, замена холста деревом), но все же сангина во все времена оставалась его любимым материалом. Окончательно русский неоклассический стиль у Шухаева оформился в Парижский период. Он сохранил при этом присущую ему русскую самобытность. Этот стиль наиболее ярко проявился в созданной им целой серии портретов, передающих не только внешние черты, но и особенности внутренней душевной сути личности. Его не интересовали карикатуры и шаржи (выполнил всего один небольшой заказ) [14]. Высмеивать людей и подшучивать над ними не соответствовало его натуре. В грузинский период своей деятельности Шухаев стал одним из самых известных в СССР портретистов, создав портреты многих деятелей культуры и науки. В эти годы, как и ранее, он обращался к технике старых мастеров (энкаустике, работе по золоту).

Пейзажи в его творчестве появились в Финляндии, потом в Париже (в 1930-е гг.). Он много путешествовал по югу Франции и в Марокко. Привезенные оттуда этюды послужили ему материалом для создания «портретов городов». В каждом из них он сумел очень выразительно передать своеобразие, присущей ему гармонии. В 1960-е гг. Шухаев вернулся к марокканским эскизам, дорабатывая и переосмысливая прежние замыслы [15]. В его портретах и пейзажах в полной мере проявился его исследовательский стиль мышления реалиста. Композиционный стиль мышления Шухаева наиболее ярко проявился в мону-

ментально-декорационных работах, выполненных в неоклассическом стиле совместно с Яковлевым в Петрограде (1915–1917 гг.), в Париже (1920-е гг.) и единолично в 1930-е гг. в СССР [16] и в театрально-декорационном искусстве (первые работы создал в Петрограде в 1915–1917 гг.) [17]. В дальнейшем они заняли особую нишу в его творчестве, пройдя через всю жизнь. В годы, проведенные в Магадане, такого рода работы стали главным и единственным видом его творческой деятельности. Шухаев умел в художественном оформлении спектаклей очень образно выражать суть пьесы [18]. В Париже Шухаев проявил свой талант в художественном оформлении книг, в основном классиков русской литературы, образно передавая суть замысла автора произведения [19]. Буквально накануне своей кончины сделал первые наброски иллюстраций к повести И. С. Тургенева «Ася», но завершить начатое не успел... [20].

Шухаев не только сам в совершенстве овладел мастерством русского неоклассического стиля. Он сделал немало для передачи своего опыта следующим поколениям художников. Он был талантливым продолжателем дела своего учителя Кардовского.

Список использованной литературы

1. Борисова Е. А. Стернин Г. Ю. Русский неоклассицизм. М.: Галарт, 2002. 228 с.
2. Поярков В. Я. О творчестве живописца А. Е. Яковлева (1887–1938) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 2012. № 2. С. 49–52; Поярков В. Я. О творчестве живописца В. И. Шухаева (1887–1973) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 2012. № 3. С. 57–60.
3. Мямлин И. Василий Иванович Шухаев. Л.: РСФСР, 1972. 176 с.
4. Элизбаришвили Н. А. Шухаев В. И.: Жизнь и творчество. М.: Галарт, 2010.
5. Бенуа Александр размышляет... М., 1968.
6. Бабияк В. В. Яковлев А. Е. // Искусство. 1988. № 8; Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. 592 с.
7. Щербатов С. Рисунки и живопись А. Е. Яковлева // Театр и жизнь. 1934. № 56. С. 9 – 10.
8. Щербакова Г. Художник-атташе // Художник. 1990. № 8. С. 36–53.
9. Щербатов С. Указ. соч.
10. Щербакова С. Указ. соч.
11. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М.: Советский художник, 1951.
12. Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л. Указ. соч.
13. Там же.
14. Элизбаришвили Н. А. Указ. соч.
15. Там же.
16. Мямлин И. Указ. соч.
17. Там же.
18. Элизбаришвили Н. А. Указ. соч.
19. Там же.
20. Там же.

УДК 323.25

В статье рассматривается процесс развития новой формы гражданской активности – интернет-фандрайзинг. Анализируется опыт его применения в США, выделяются преимущества и недостатки использования интернет-фандрайзинга для граждан и политических субъектов; определяются условия и особенности становления данной формы гражданской активности в России.

Ключевые слова: Интернет; гражданская активность; фандрайзинг; протест; политический процесс.

The article discusses the development of a new form of civic engagement – online fundraising. The authors analyze the experience of online fundraising in the United States. The study highlighted the advantages and disadvantages of Internet-fundraising for citizens and political actors. The paper highlighted the conditions and peculiarities of internet-fundraising in Russia.

Key words: Internet; civic engagement; fundraising; protest; political process.

А. В. Соколов, А. А. Дементьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: alex8119@mail.ru; anddem91@gmail.com

Становление интернет-фандрайзинга как новой формы гражданской активности*

Научная статья

A. V. Sokolov A. A. Dementyev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: alex8119@mail.ru; anddem91@gmail.com

Internet fundraising as a new form of civic engagement

Scientific article

Термин «фандрайзинг» образован из двух английских слов: fund (фонд, денежные средства) [1] и raising (повышение, увеличение, формирование) [2]. Англо-русский словарь общей лексики определяет слово fundraising как сбор денег [3].

Фандрайзинг – процесс привлечения денежных средств и иных ресурсов политическим субъектом [4] в целях реализации определенного проекта либо для обеспечения своей деятельности в целом [5]. Понятие фандрайзинга является более широким, чем процесс сбора денег. Фандрайзинг проекта включает в себя весь комплекс мероприятий по поиску источников финансирования, обоснование необходимости материальной поддержки проекта, выстраивание сотрудничества с донорами и т. д.

В XX веке сформировался принципиально новый тип фандрайзинга – политический. Политический фандрайзинг можно определить как сбор средств политическими деятелями и орга-

низациями в поддержку проектов, ориентированных на достижение политических амбиций. Такое понимание позволяет рассматривать политический фандрайзинг как более широкий круг акций, нежели традиционные мероприятия, например сбор средств политической партией.

Ядром политического фандрайзинга всегда являлся так называемый электоральный фандрайзинг, который можно охарактеризовать как процесс привлечения политическими деятелями и организациями в предвыборный период средств поддерживающих их граждан в целях обеспечения финансирования избирательной кампании. Статус родины электорального фандрайзинга, несомненно, принадлежит США, где практика сбора средств среди широкого круга обывателей кандидатами в предвыборные периоды является устоявшимся способом финансирования избирательных кампаний. Это связано с серьезными отличиями в практике и куль-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-33-00-232a1.

© Соколов А. В., 2012

© Дементьев А. А., 2012

туре проведения выборов в США по сравнению с традициями Западной Европы. Так, по мнению Ф. и Г. Плассеров, помимо прочих аспектов, существуют принципиальные различия в финансовой основе предвыборных кампаний: в США они движимы главным образом деньгами, средствами частных спонсоров, в Европе же делается упор на государственное финансирование [6].

Однако до определенного момента финансирование кампаний в США обычными гражданами носило вторичный, фоновый характер. Это было связано с отсутствием легкого механизма платежей. Так, рассылка писем с просьбой поддержать того или иного кандидата в Президенты США, хотя и была весьма эффективна в некоторых случаях (например, успеха добился Р. Рейган в 1980 году, собрав солидную сумму с помощью фандрайзинга прямых почтовых рассылок [7]), имела существенный недостаток – высокую себестоимость организации кампании. Существовал риск собрать меньше средств, чем было затрачено на организацию почтовой рассылки.

Качественно новая эпоха в истории электронного фандрайзинга наступила с развитием сети Интернет. Организация сбора средств через Интернет не требует существенных финансовых затрат и позволяет охватить огромное число потенциальных сторонников, желающих поддержать того или иного кандидата в предвыборной гонке. Первоначально онлайн-фандрайзинг не приносил больших денег. Так, Президент Клинтон собрал с помощью сети Интернет в 1996 году только 10 тысяч долларов [8]. Однако в дальнейшем онлайн-фандрайзинг стал играть всё более важную роль в американских выборах.

Ключевым событием, изменившим традиционные представления об электронном фандрайзинге, стала кампания по участию в праймериз Демократической партии США Роберта Дина в 2004 году. Дин объявил стратегию «"стодолларовой" революции» (\$100 revolution), заключающейся в том, что, если 2 миллиона людей перечислят ему по 100 долларов, собранной суммы хватит для борьбы с Джорджем Бушем [9]. Дин добился беспрецедентного на тот момент успеха, использовав механизм сбора средств через систему электронных платежей: он сумел собрать с помощью сотен тысяч пользователей сети Интернет более 41 миллиона долларов, причём средний размер платежа составлял чуть меньше 80 долларов [10]. Несмотря на то что Дин не смог победить в праймериз и вышел из

президентской гонки, его новаторская фандрайзинговая кампания оказала огромное влияние на американскую избирательную практику. Он показал, как можно привлекать быстрым и эффективным способом средства огромной аудитории интернет-пользователей в бюджет избирательной кампании.

Президентские выборы 2008 года в США ярко продемонстрировали то, что в сфере политического фандрайзинга наступила новая эпоха. Предвыборная кампания Барака Обамы была основана на интернет-коммуникациях и побила все рекорды по сбору денежных средств. Обама сумел собрать свыше 778 миллионов долларов [11], что явилось крупной суммой. Причем около 80% от этой суммы было получено от мелких спонсоров, которые вносили суммы от 5 до 200 долларов [12]. Конкурент Обамы от Республиканской партии Джон МакКейн сумел собрать лишь вдвое меньшую сумму денег – 383 миллиона долларов [13].

Оглушительный успех Обамы и отставание его конкурентов, чьи кампании основывались на более традиционных механизмах предвыборного PR, с очевидностью продемонстрировали то, что будущее политического фандрайзинга лежит в сфере онлайн-технологий. Распространение сети Интернет как материально-технической базы для легкого в организации сбора денежных средств дало возможность массовому фандрайзингу стать повсеместным явлением.

Достоинства политического онлайн-фандрайзинга как механизма политического участия

Политический фандрайзинг обладает рядом достоинств, которые выгодно отличают его от таких традиционных форм политического участия, как членство в политических партиях или участие в выборах. Ключевые особенности, определяющие его эффективность и высокую перспективность, можно разделить на две группы по субъектам фандрайзинга:

А) Плюсы для граждан

1. Возможность реально влиять на политическую жизнь. Граждане приобретают возможность, не занимаясь общественной и политической деятельностью, оказывать поддержку как импонирующей им политической силе в целом, так и точно конкретным инициативам, коррелирующим с их интересами.

2. Ответственность политиков. Совершая денежный перевод, человек переходит из статуса сторонника в статус соинвестора, который ждёт от поли-

тического деятеля адекватного отчёта о том, как были использованы средства в конкретном проекте, что формирует ответственность и прозрачность в публичной политике.

3. Повышение политического самосознания. Процесс инвестирования личных средств, даже в небольшом объеме, предполагает ответственность и разборчивость в выборе политической силы, которой человек оказывает поддержку. Тогда как, например, на выборах люди подчас голосуют наугад, не задумываясь о конкретных кандидатурах.

Б) Плюсы для политиков

1. Формирование положительного имиджа. Опора на массового спонсора позволяет политику позиционировать себя как «народного», демократического политического деятеля, действующего в интересах граждан, а не бюрократии или бизнеса, являющегося традиционным спонсором политиков.

2. Реклама политика и его инициатив. Сам по себе сбор средств является информационным поводом, привлекающим внимание к политической силе, его осуществляющей.

3. Возможность «обойти» власть. Используя онлайн-фандрайзинг, оппозиционные политики могут реализовывать проекты, направленные против интересов правящей политической силы, которая не в состоянии повлиять на интернет-активность.

4. Молодые сторонники. Сбор средств в Интернете позволяет привлечь внимание молодежи – наиболее перспективного электората.

5. Формирование устойчивого «фронта» сторонников. Инвестируя собственные средства в проект определенной политической силы, человек в дальнейшем, как правило, интересуется её деятельностью и чувствует себя сопричастным к её активности. Тем самым он становится более устойчивым сторонником, чем, например, человек, который один раз проголосовал за политическую силу на выборах.

Политический фандрайзинг служит отличным индикатором реальной поддержки того или иного политика и его политической деятельности. В этом отношении количество перечисленных средств (при условии, что сбор средств являлся массовым, а не был обеспечен небольшой группой богатых инвесторов) является более объективным показателем популярности политической инициативы, чем результаты выборов, которые даже без учета фальсификаций могут отражать совершенно разные тенденции.

Перечисление сильных сторон политического фандрайзинга не говорит о том, что у него отсутс-

твуют недостатки. Можно выделить следующие слабые стороны фандрайзинга:

1. Риск заимствования идей. Политическая сила, использующая фандрайзинг, вынуждена раскрывать подробности финансируемого проекта на ранней стадии его реализации. Тем самым существует риск того, что конкуренты на политическом поле «уведут» интересную идею у инициаторов сбора средств.

2. Издержки, связанные с налогообложением. Часть собранных легально средств организаторы вынуждены направлять на налоги. Это особенно актуально для сбора средств в избирательные штабы, где невозможно использовать анонимные интернет-системы перечисления средств.

3. Ограничения для политических сил. Политики, использующие фандрайзинг, вынуждены быть по-настоящему открытыми, готовыми к диалогу с рядовыми гражданами. Их деятельность должна быть максимально прозрачна. Это ограничивает возможность для политического маневра, совершения непопулярных действий политическими силами.

4. Ограниченность аудитории. Несмотря на рост числа интернет-пользователей, интернет-аудитория всё ещё составляет лишь часть от совокупного электората. Таким образом, стратегия фандрайзинга не затрагивает крупные общественные пласты, не пользующиеся Интернетом.

Несмотря на наличие определенных недостатков, многочисленные достоинства онлайн-фандрайзинга делают его по-настоящему перспективным механизмом политического участия.

Условия формирования политического интернет-фандрайзинга в России

Массовое распространение сети Интернет в России, где им пользуются уже около 70 млн граждан [14], создаёт качественно новую реальность политического процесса: Интернет становится важнейшей площадкой политической активности, влияние которой на реальные политические процессы является важнейшим фактором социальной реальности. Интернет как пространство свободного неподвластного цензуре обсуждения политических проблем развивается в России уже более 15 лет, однако в последние годы работа в Интернете стала действительно приоритетным направлением для любого прогрессивного политика. Интернет становится «гражданским обществом XIX века», с помощью которого активные люди объединяются, продвигают свои интересы, формируют повестку дня. Благодаря скорости и простоте распространения

информации, Интернет не знает пространственных границ и различий в социальном статусе. Таким образом, Интернет служит основой для открытой конкурентной политической жизни и активного гражданского участия в ней.

Одна из главных причин возросшей роли Интернета заключается в том, что, благодаря огромной аудитории, включающей в себя множество политически активных людей, он становится мощным электоральным ресурсом. С помощью Интернета политические силы могут как обрести серьезную общественную поддержку, так и потерять доверие людей.

Более того, Интернет является не только территорией соперничества существующих политических сил – интернет-пространство стало создавать новых политических лидеров без активного участия традиционных СМИ. Так, Алексей Навальный, получив известность в сети как блоггер, расследующий коррупционные схемы в крупных государственных компаниях, стал значимым политическим деятелем и неким «знаменем» борьбы с властью российской внесистемной оппозиции.

Политическая активность в Интернете принимает различные формы. Среди наиболее распространенных можно выделить:

1. Участие в сообществах в поддержку политической силы в социальных сетях;
2. Ведение интернет-дневников – блогов – на социально-политическую тематику;
3. Обсуждение политической повестки на форумах, иных площадках;
4. Выкладывание в интернет как сатирических, так и подготовленных в поддержку кого-либо видеороликов, картинок и иных информационных единиц на политическую тематику.

Однако одним из самых интересных и новых для России направлений политической деятельности в Интернете является политический онлайн-фандрайзинг – сбор средств политическими деятелями и организациями в поддержку проектов, выражающих их политические амбиции, – осуществляемый посредством сети интернет. Успех кандидата в Президенты США Барака Обамы способствовал развитию данной формы политической активности в России.

Актуальность изучения российского политического онлайн-фандрайзинга заключается в роли этого новаторского механизма взаимодействия политических деятелей и общества. Традиционная политическая структура, основанная на партийном представительстве, фактически не даёт гражданину

реальной возможности влиять на политические процессы, если он не встроен во властную вертикаль. Его участие ограничивается, как правило, лишь голосованием на выборах, подчас непрозрачных и не до конца конкурентных.

В отличие от традиционного политического процесса, механизм политического фандрайзинга позволяет человеку делать осязаемый вклад в политическую жизнь и в период между выборами путём реальной поддержки именно тех инициатив, которые совпадают с интересами конкретного лица.

Особенности возникновения политического онлайн-фандрайзинга в России

На данном этапе онлайн-фандрайзинг в России только начинает своё развитие. Можно констатировать, что приёмы сбора средств в Интернете используются пока только внесистемной оппозицией. Официально зарегистрированные партии пока игнорируют этот механизм. И. Быков отмечает, что ни одна из семи зарегистрированных политических партий к началу избирательной кампании в Государственную Думу 2011 года не предлагала на своём сайте удобных интернет-приложений для внесения пожертвований [15]. Он отмечает, что причины игнорирования механизмов онлайн-фандрайзинга традиционными партиями кроются в отечественной партийной системе. Здесь можно отметить, что сложившийся порядок финансирования российских политических партий несет в себе немало проблем, связанных с несовершенством российской демократии. Так, финансирование партий носит фактически закрытый характер, в журналистских расследованиях напрямую говорится о том, что избирательные фонды контролируются исполнительной властью [16], существует мнение, что депутатские мандаты покупаются представителями бизнеса и т. д. Так или иначе партии на современном этапе в силу недостаточной самостоятельности пока далеки от использования онлайн-фандрайзинга для своего финансирования.

Совершенно в иную ситуацию поставлена так называемая внесистемная оппозиция, исключенная из системного политического процесса. При фактически заградительных барьерах по созданию новых партий политические движения, не имея возможности участвовать в выборах, вынуждены были в последние годы ограничивать поле своей деятельности протестными акциями (такими, например, как «Марш несогласных»). В этих условиях возникла естественная необходимость в появ-

лении механизмов политической борьбы, которые не могли контролироваться действующей властью. Средой, не подвластной государственным структурам, стал Интернет. Именно представители внесистемной оппозиции стали использовать политический онлайн-фандрайзинг для финансирования своих проектов. Первым из крупных прецедентов стал проект Алексея Навального «РосПил», посвящённый борьбе с злоупотреблениями в сфере государственных закупок.

Сбор средств в Интернете посредством систем электронных платежей решает не только проблему финансирования оппозиции. Он позволяет опровергнуть главное обвинение, используемое в риторике сторонников действующей власти, – обвинение в финансировании внесистемной оппозиции из-за рубежа. Например, оппозиционное движение «Солидарность» неоднократно обвинялось в получении денег от зарубежных жертвователей [17]. Издание одним из лидеров «Солидарности» Б. Немцовым второго тиража доклада «Путин. Коррупция» осуществляется на собранные в России онлайн-фандрайзингом средства [18], что ограничивает возможность обвинить оппозиционеров в ангажированности Западом.

Кроме того, нужно понимать, что возможность легко и в доступном объёме профинансировать проекты оппозиции явилась формой участия в политическом протесте активных интернет-пользователей. Аудитория оппозиционных блогов и сообществ в социальных сетях сумела внести свою лепту в реальные политические проекты.

Таким образом, онлайн-фандрайзинг стал взаимовыгодным для политиков и общества способом направить протестное раздражение в конструктивное русло.

Список использованной литературы

1. Мультитран. URL: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?CL=1&s=fund&l1=1>; (дата обращения: 13.09.2012).
2. Там же.
3. Там же.
4. Меценатство & Социальный маркетинг: новое направление фандрайзинга для построения бренда российского бизнеса. URL: <http://russia-business.ru/page/show/articles/fact/dr100.html> (дата обращения: 13.09.2012).
5. Приглашаем к сотрудничеству специалистов по фандрайзингу. URL: <http://www.naselo.ru/fandrayzeram/> (дата обращения: 13.09.2012).
6. Плассер Ф., Плассер Г. Мировая практика проведения политических кампаний: анализ деятельности профессионалов и их опыта. М.: Вэйл, 2005. С. 153.
7. The Reagan Revolution and the Election of 1980. URL: <http://suite101.com/article/the-reagan-revolution-and-the-election-of-1980-a94770>.
8. Davis Richard. 1998. The Web of Politics. London: Oxford University Press. P. 109. .
9. Reminder: Here's Who Was Winning The Election In December 2003. URL: http://articles.businessinsider.com/2011-12-07/politics/30484921_1_howard-dean-endorsements-democratic-candidates (дата обращения: 13.09.2012).
10. Matthew Scott Hindman: Voice, equality, and the internet. Princeton University, 2007. P. 24.
11. Summary Reports Search Results – 2007–2008 Cycle. URL: http://query.nictusa.com/cgi-bin/cancomsrs/?_08+00+PR (дата обращения: 13.09.2012).
12. Grass-roots voters will be heart of Obama's re-election campaign, Navy Pier event. URL: <http://news.medill.northwestern.edu/chicago/news.aspx?id=184855> (дата обращения: 13.09.2012).
13. Summary Reports Search Results – 2007–2008 Cycle. URL: http://query.nictusa.com/cgi-bin/cancomsrs/?_08+00+PR (дата обращения: 13.09.2012).
14. Число интернет-пользователей в РФ в 2011 г. выросло до 70 млн человек. URL: <http://ria.ru/technology/20111226/527204414.html> (дата обращения: 13.09.2012).
15. Интернет-фандрайзинг и выборы: российские перспективы и ограничения. URL: http://bykov.socionet.ru/public/Bykov_NetFundraising.html (дата обращения: 13.09.2012).
16. «Черная касса» Кремля никуда не делась. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/851113/> (дата обращения: 13.09.2012).
17. Подозрения о финансировании «Солидарности» Немцова из-за рубежа подтверждаются – депутат Госдумы РФ. URL: <http://news2.ru/story/293864/> (дата обращения: 13.09.2012).
18. «Путин. Коррупция. 2» уже в Москве. URL: <http://b-nemtsov.livejournal.com/141388.html> (дата обращения: 13.09.2012).

ПРАВО

УДК 347.73

В статье рассматривается понятие и признаки отечественной школы финансового права, обосновывается выделение общей российской школы финансового права, которую составила совокупность региональных школ финансового права, сформировавшихся вокруг юридических факультетов университетов и специальных юридических вузов.

Ключевые слова: отечественная юридическая школа; региональные школы финансового права; преемственность между российской дореволюционной и советской школами финансового права.

In the article the concept and signs of domestic school of the financial law are considered. It argues allocation of the general Russian school of the financial law which made set of regional schools of the financial law created around law departments of universities and special legal higher education institutions.

Key words: domestic law school; regional schools of the financial law; continuity between the Russian pre-revolutionary and Soviet schools of the financial law.

М. В. Лушникова, А. М. Лушников

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: mvlu@uniyar.ac.ru

Отечественная школа финансового права: постановка проблемы

Научная статья

M. V. Lushnikova, A. M. Lushnikov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: mvlu@uniyar.ac.ru

Domestic School of the Financial Law: Problem Statement

Scientific article

Прежде чем перейти к анализу понятия «отечественная школа финансового права», сделаем ряд вводных замечаний. Юридическая наука начала формироваться в России достаточно поздно относительно стран Западной Европы, а активная фаза этого процесса пришлась на середину XVIII – начало XIX в., параллельно с развитием системы высшего юридического образования. Еще позже началось выделение самостоятельной науки финансового права. В этой связи изучение российского финансового права через формирование и становление его научных школ позволяет воссоздать относительно полную картину развития данной науки в целом. Между тем это развитие представляет собой длительный и сложный процесс. Трудность его осмысления заключается в том, что первоначально данная наука формировалась в рамках камеральных наук, политической экономии, а затем выделившейся из нее финансовой науки. Только с последней из них наука финансового права размежевалась во второй половине XIX в., причем это размежевание первоначально было неполным

и достаточно непоследовательным. Проблематика финансового права имела многочисленные пересечения с полицейским (административным) правом, государственным правом. В этой связи данная школа в процессе формирования и на ранних этапах существования имела до известной степени междисциплинарный характер.

Подчеркнем, что в досоветский период деление ученых на юристов и экономистов по научной специализации было бы до известной степени условным. Так, до 1902 г. в России отсутствовало специализированное экономическое образование, а профессиональных экономистов готовили преимущественно на юридических факультетах университетов, где предмет «политэкономия» преподавался как основная дисциплина наравне с юридическими науками. Этому способствовало и то, что экономическое образование в России изначально содержало в себе обширную правовую составляющую. В дореволюционный период переход преподавателя с кафедры политэкономии на кафедру финансового права, равно как и обратно, не был редкостью. Более того,

научные дискуссии по проблемам финансов в тот период были своеобразным спором «между славянами», так как все его участники имели юридическое образование (до начала XX в.), хотя, естественно, с различной специализацией. Выпускники экономических факультетов и вузов впоследствии имели хорошую правовую подготовку.

Понятие «школа», в том числе в применении к праву, является неоднозначным. Во-первых, под ней понимают направления научной мысли и педагогической практики, созданные отдельными выдающимися учеными или группами ученых, разделяющими сходные методологические установки (например, историческая школа права). Во-вторых, достаточно часто ограничиваются только национальными школами права. Оба эти подхода обоснованы, а существование российской школы финансового права несомненно. В-третьих, научные школы привязывают к определенным университетским городам, научным центрам или даже регионам. В этом смысле говорят, например, о московской, петербургской, ярославской, казанской, киевской школах. Именно в данном контексте мы можем констатировать существование региональных школ финансового права в рамках единой российской школы финансового права.

Оговоримся, что мы склонны объединять научные и образовательные школы. Они характеризовались единством кадрового состава, известной зависимостью обоих видов деятельности от мировоззренческих и научных установок, зависимостью направлений научной работы от педагогических потребностей, системой координационных и субординационных отношений, организационным единством научных и педагогических работников в рамках учебных структур (кафедра, факультет, вуз и др.). В этой части мы не можем согласиться с разделением таких понятий, как «научная школа» и «педагогическая школа», как предлагается некоторыми исследователями [1]. Все это позволяет говорить нам о единой юридической «семье» или, как в данном случае, российской школе финансового права. Она, в свою очередь, включала в себя относительно обособленные, со своими научными традициями школы финансового права, сформировавшиеся в научных университетских анклавах. В последнем случае такую школу, на наш взгляд, образуют три компонента.

1) *Личностный* (учителя, ученики, администрация, технический персонал учебного заведения, научно-исследовательских учреждений и др.).

Определенное значение для характеристики школы имеют ее основатель или основатели, обстоятельства и время основания, последующие лидеры. Важны ее качественный и количественный состав, предмет и методология научных исследований, формальные показатели научной работы (число научных публикаций, научные степени и звания и др.), наличие учеников – продолжателей научных исследований и др.

В финансовом праве такие школы были относительно немногочисленными и насчитывали в дореволюционный период, как правило, немногим более десяти исследователей, связанных «научным родством». После 1917 г. естественная преемственность в рамках юридической школы была во многом нарушена, а в некоторых случаях и искусственно прервана.

Мобильность преподавательского состава в российских вузах (прежде всего в университетах) была относительно небольшой по сравнению, например, с германскими университетами. Самые выдающиеся ученые получали приглашение в столичные вузы, остальные же меняли место работы в порядке перевода, в качестве взыскания или когда в учебном центре, прежде всего новом, была острая нужда в преподавателе данной дисциплины. Это позволяло молодым преподавателям занять профессорскую кафедру или начать с доцентуры при отсутствии вакансий в своем вузе. В советский период ротация научных кадров до середины 50-х гг. прошлого века могла быть связана с такими экстремальными проявлениями, как «укрепление» кадрового состава отдельных вузов через принудительные переводы и даже ссылка или высылка отдельных научных деятелей. Впоследствии преобладало так называемое плановое распределение научно-педагогических кадров, утратившее в 1970-х гг. почти всякий динамизм.

Еще менее характерной была смена места обучения для студентов, которая осуществлялась почти исключительно в вынужденном порядке (как дисциплинарная мера или способ наказания (исключение из университета), эвакуация в период войны и др.). Примечательно, что только в Варшавском, Дерптском и Томском университетах, а также в Демидовском юридическом лицее был разрешен прием выпускников не только гимназий, но и духовных семинарий. Это наложило отпечаток на социальный состав студенчества данных вузов.

2) *Материальный* (материальная база учебного процесса: библиотеки, аудиторный фонд и др.). Практически все университеты располагались в

губернских центрах (кроме Одессы и Дерпта), где находились губернаторы и попечители учебных округов, жандармерия и центр местного дворянского общества, затем губернские земства и органы городского самоуправления. Центром губернии был и Ярославль с его Демидовским юридическим лицеем. Все это позволяет говорить об относительно развитой и достаточно однородной материальной базе учебного процесса. Этим Россия существенно отличалась от стран Западной Европы, где университеты первоначально создавались преимущественно в небольших городах. Это касается, в частности, Англии (Оксфорд (конец XII в.), Кембридж (1209)) и Германии (Геттинген (1734), Марбург (1527), Тюбинген (1477)). Университеты в столицах (Лондон (1836) и Берлин (1810)) там были созданы существенно позднее. Университеты в крупных английских (Бирмингем, Ливерпуль, Лидс, Шеффилд, Бристоль) и немецких (Франкфурт, Кельн, Гамбург) городах формировались уже в XX в.

Отметим, что в общем объеме денежных средств города (расходы студентов по месту учебы, книжная торговля и издательское дело, зарплата преподавателей и обслуживающего персонала, материальные затраты вуза и др.) финансы российских вузов (кроме Дерпта) занимали не очень существенное место. В советский период университеты и юридические вузы располагались почти исключительно в Москве и Ленинграде, либо в столицах советских республик (союзных и автономных), или в областных центрах.

3) *Социокультурный* (социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение или научное учреждение). Преподаватели и студенты были интегрированы в местную общественную среду: снимали квартиры или комнаты, пользовались бытовым обслуживанием, давали частные уроки или преподавали в других местных учебных заведениях (в том числе, в гимназиях, школах, народных университетах). Они посещали театры и концерты (либо сами устраивали театральные представления), сотрудничали с местными благотворительными, профессиональными и научными организациями. Впоследствии они участвовали в земском и городском самоуправлении, в местных партийных организациях (прежде всего, кадетских). Городскими головами Казани, Одессы, Москвы и Дерпта уже во второй половине XIX в. стали профессора местных университетов. Пред-

ставители юридических факультетов традиционно достаточно тесно сотрудничали с городскими службами. С 1858 г. они получили разрешение читать публичные лекции, а с начала XX в. организовывали и публичные диспуты. Немало представителей юрфаков принимали активное участие в деятельности местной печати. В советский период университетская общественность сохранила свое место в советских и партийных структурах.

Определенное значение имели даже архитектурные особенности зданий и учебных аудиторий, символизм профессиональной одежды, религия и нравственные устои местного населения, учеников и учителей, особенности языка, в том числе профессиональной терминологии, и принятых корпоративных норм поведения. Все это в совокупности создавало неповторимую атмосферу высшего учебного заведения, которой дышали как ученики, так и учителя. Данные компоненты в различных городах и регионах России имели существенные отличия, а в некоторых из них даже являлись уникальными.

Каждая школа имела свои специфические черты, число которых, как и яркость выражения, были различными. Так, для московской школы был характерен более широкий подход к изучаемым проблемам, интерес к общественной и экономической стороне финансово-правовой проблематики. Не случайно именно в рамках этой школы оформилось социологическое направление финансового права, лидером которого был И. Х. Озеров (1869–1942). Петербургская школа отличалась более строгим, собственно нормативно-догматическим подходом к финансовым проблемам, большим вниманием к проблемам статистики. Томской школе был свойствен некоторый научный «сепаратизм», подчеркнутое внимание к проблемам местных финансов и приграничной торговли в сибирском регионе. Казанскую школу отличал повышенный интерес к проблемам истории финансового права и к проблемам таможенно-правового регулирования и таможенных платежей. Однако это не значит, что представители московской школы уделяли мало внимания проблемам законодательства, а представители петербургской недооценивали важность социологического подхода. Речь идет именно о выделении ведущей черты, характеристике, особенности стиля.

При этом нет основания причислять конкретного ученого непременно и только к определенной региональной школе финансового права. Традиционно многие преподаватели за свою академическую карьеру вели занятия в двух-трех, а иногда

и более вузах. Например, Ярославль в силу ряда специфических причин, а также географической близости постоянно притягивал к себе преподавателей Московского университета, часть из которых многие годы служила в Демидовском юридическом лицее и Ярославском государственном университете. Некоторых ученых можно причислить сразу к нескольким региональным школам финансового права, например московской, петербургской, ярославской, харьковской. Принадлежность к школе – не прописка и не штамп в паспорте, а этап научного и педагогического творчества. При некоторой условности понятия в такой трактовке «школа финансового права», на наш взгляд, имеет полное право на существование.

При этом некоторые школы финансового права в дореволюционный период (московская, казанская, киевская) были выражены наиболее рельефно. Некоторые из них (петербургская, харьковская, ярославская, одесская) просматривались достаточно четко. Отдельные школы (дерптская (юрьевская), варшавская, томская) только намечались, однако все они представляли относительно обособленные феномены. В советский период четко выделялись московская и ленинградская школы. В меньшей степени проявили себя киевская и саратовская школы (в которых было, по меньшей мере, по одному доктору наук), а остальные только формировались в новых условиях.

Еще раз подчеркнем принципиальное положение. При несомненной важности научного «районирования» все ученые-специалисты в сфере финансового права России принадлежали и принадлежат к единой школе. Она имеет, в свою очередь, «общую родословную», общие корни. Но, как и в любой семье, каждый ребенок, в нашем случае региональные школы финансового права, имеет свой индивидуальный характер, свою судьбу. При этом каждая школа российского финансового права, будь то московская, казанская, дерпская и т. д., – это «птенцы одного гнезда». Помимо очевидной научно-педагогической, языковой, ментальной, нормативно-правовой основы (как базы исследований) близости представителей российской школы финансового права, их объединяет общность исторической судьбы и тесное персональное пересечение. Так, И. Я. Горлов (1814–1890) одним из первых начал читать курс финансового права и написал первое фундаментальное исследование по теории финансов. При этом он был выпускником юридического факультета Московского университета

(1833), получил ученую степень в Дерптском университете (1838), был экстраординарным профессором Казанского университета (1838–1847) и только затем перевелся в Петербургский университет, где стал ординарным профессором, а затем и деканом (1860–1863) юридического факультета. Бывшие профессора Демидовского юридического лицея, покинув стены данного вуза, продолжили преподавательскую деятельность: А. А. Исаев (1851–1924?) – в Петербургском университете, Э. Н. Берендтс (1860–1924?) – в Императорском училище правоведения (Петербург).

Единство российской школы финансового права обеспечивалось и ее общим «немецким акцентом», когда влияние немецкой школы изначально было преобладающим, а затем неизменно существенным, о чем будет сказано ниже. Не случайно германский ученый В. Рошер (1817–1894) выделял «немецко-русскую» школу политэкономии, из которой еще полностью не выделилось финансовое право. К представителям этой школы, в частности, причислялись Г. (А. К.) Шторх (1766–1835), Х. А. Шлецер (1774–1834) и др. При этом немецкое влияние было не только опосредованным, но и вполне прямым. Так, Г. Шторх преподавал в Петербурге, затем служил в ведомстве иностранных дел, впоследствии являлся академиком (по разряду политической экономии) и вице-президентом Петербургской академии наук. В этом смысле он причастен к формированию петербургской школы. В числе первых преподавателей политической экономии, рассматривающих проблемы финансов, соответственно Московского и Харьковского университетов, были Х. Шлецер и другой немец Л. Х. Якоб (1759–1827).

К тому же в науке финансового права никогда не было острого противостояния региональных школ, хотя некоторые их особенности прослеживаются. Отметим, что научное «районирование» в финансовом праве, как, впрочем, и в других отраслях, никогда напрямую не было связано с административно-территориальным и национальным делением. Оно обосновывалось именно тремя вышеназванными факторами, которые и определяют понятие «школа». Не отрицая особенностей развития науки финансового права в различных регионах Российской империи и СССР, мы не склонны специально выделять, например, украинскую или польскую школы в соответствии только с национальным признаком, хотя выделение, например, киевской и харьковской школы не вызывает сомнений. В этом плане финансисты Украины кооперировались преимущественно

с учеными центральной России, причем это сотрудничество было взаимовыгодным. Так, выпускник Киевского университета (Университета Св. Владимира) И. Т. Тарасов (1849–1929) многие годы преподавал в Демидовском юридическом лицее, а затем в Московском университете. В советский период тот же путь из Киева в Москву проделал В. И. Лисовский (1904–1997). Одновременно шел и обратный процесс. Например, корифей одесской (новороссийской) школы С. И. Иловайский (1861–1907) был выпускником Петербургского университета. В литературе отмечались следующие общие моменты в биографии харьковских профессоров начала XX в.: «...почти каждый из них служил в разные годы в университетах разных городов, петербуржцы едут в Харьков, харьковские специалисты отправляются на несколько лет служить в Дерпт (Тарту), Киев, Москву, Петербург, Ярославль и пр. Многие харьковские профессора защитили магистерские и докторские диссертации в Московском университете, многие были связаны работой и учебой с известным Демидовским юридическим лицеем в Ярославле. Такой обмен был не редкостью, ибо условия крупных городов, бытовые и материальные в том числе, не слишком разнились, а в итоге обмен информацией научных школ был значительный» [2].

Следовательно, у нас есть все основания констатировать существование относительно единой российской (дореволюционной, советской и постсоветской) школы финансового права. Данный анализ осуществлен через изучение развития региональных ответвлений общероссийской школы. Это касается сформировавшихся еще в досоветский период московской, петербургской (ленинградс-

кой), казанской, ярославской, киевской, харьковской, одесской школ. Одновременно шел процесс формирования варшавской, дерптской (юрьевской), томской школ финансового права.

В заключение отметим следующее.

1. Понятие «школа финансового права», как и научная школа вообще, является неоднозначным. При этом мы не склонны разделять научную и педагогическую школы, исходя из их относительного единства. Российская национальная (досоветская, советская, постсоветская) школа финансового права начала формироваться в середине XIX в.

2. В рамках единой отечественной школы финансового права можно выделить региональные школы финансового права, сформировавшиеся в основном вокруг юридических факультетов университетов или специализированных вузов. Они имеют следующие признаки: 1) *личный* (учителя, ученики, администрация, технический персонал учебного заведения, научно-исследовательских учреждений и др.); 2) *материальный* (материальная база учебного процесса: библиотеки, аудиторный фонд и др.); 3) *социокультурный* (социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение или научное учреждение).

Список использованной литературы

1. Ильин А. В. Научные школы в юриспруденции // Правоведение. 2011. № 3. С. 261.
2. Федорова Е. Безымянное поколение. Гюнтер А. Записки правоведа, адвоката, бывшего меньшевика (1890–1984). М., 2004. С. 43–44.

УДК 347.61/64

В статье рассматривается конструкция «интересы ребенка» – в той ее части, которая характеризует пассивную сторону его семейно-правового статуса.

Ключевые слова: интересы ребенка; охрана; классические и современные тенденции.

In the article the construction «interests of the child» – in that its part which characterizes a passive side of its family legal status is considered.

Key words: interests of the child; protection; classical and current trends.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@univ.uniylar.ac.ru

Ребенок как «объект» семейно-правовой охраны*

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: nant@univ.uniylar.ac.ru

Child as an «Object» of Family Legal Protection

Scientific article

Со дня принятия последнего кодифицированного семейно-правового акта ребенок признается полноценным субъектом семейного права, хотя параметры его правосубъектности остаются не вполне определенными [1], а статус – не доведенным до приемлемого уровня, как, впрочем, и дефиниция [2]. В этой связи делать весьма прозрачные допущения о ребенке как «объекте» («instrumentum vocale») можно лишь с известной долей условности и неизбежных уточнений заявленного смысла.

Во-первых, очевидное и убедительное его превращение из «полуобъекта» в субъект само по себе представляет «скачок» в деле охраны и защиты его семейно-правовой позиции. Во-вторых, наряду с активным присутствием ребенка в качестве субъекта права существует, в силу (слабость?) возраста, и его пассивное присутствие, где ключевыми и конструктивными характеристиками являются «интересы ребенка», выступающие в качестве объекта охраны и защиты как в классических, так и в современных (подчас далеко не традиционных) ситуациях. Остановимся на этом несколько подробнее, хотя скорее в тезисном, нежели повествовательном, ключе.

В контексте классики жанра с точки зрения консервативной (в добром смысле) доктрины и устоявшихся семейного законодательства и правоприменительной

практики конструкция «интересы ребенка» пронизывает все их институты с семейным элементом.

Так, в институте брака она присутствует в бракоразводных нормах ¹ (п. 2 ст. 23 СК РФ и др.), правилах раздела общесупружеского имущества («отступить от начала равенства... исходя из интересов несовершеннолетних детей» – п. 2 ст. 39 СК РФ). Значима она и для алиментных правоотношений. В институте же родительства, детства и опеки эта конструкция представляет собой «ключ», которым открывают «дверь» правосудного решения (ст. 56, 57, 59, 64, 65, 66, 68, 141, 148 и др. ст. СК РФ).

А. И. Пергамент, размышляя о ее содержании, подчеркивала, что, осуществляя свои права по воспитанию детей, родители одновременно удовлетворяют и свои интересы; в нормальной ситуации они совпадают с интересами детей, хотя и «не могут быть поставлены в один ряд» [3], в том числе и потому, что интересы родителей, преломляясь в их праве-обязанности, имеют характер долженствования [4]. Основу интересов детей, отмечает

¹ При признании брака недействительным эта формула модифицируется в «интересы несовершеннолетнего супруга» (п. 2 ст. 29 СК РФ), который *de jure* остается ребенком, ибо брачный возраст ему законным путем не снижен.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-03-00521-а.
© Тарусина Н. Н., 2012

А. М. Нечаева, составляет их надлежащее воспитание (а не степень материальной обеспеченности) [5]. К предпосылкам такового автор относит личные качества родителей (и других попечителей – в широком смысле слова), их способность быть воспитателями, род их профессиональных занятий (наличие времени и энергии для заботы о ребенке), семейное положение и связанность обязательствами с другими членами семьи и лишь в определенной мере – материальное положение [6]. Ю. Ф. Беспалов также акцентирует внимание на надлежащем воспитании и создании системы условий для реализации прав ребенка. «Интерес детей соотносится с определенными возможностями использования родителями права на воспитание и содержание ребенка». Автор понимает под интересами ребенка потребность в создании условий, необходимых для его содержания и благополучного развития, подготовки к самостоятельной жизни [7]. По мнению В. Н. Леженина, надлежащая воспитательная деятельность должна быть направлена на выполнение всех элементов воспитания, строиться на взаимопонимании с ребенком и опираться на правильные методы воздействия с учетом его возраста [8].

Завершая обобщение доктринального толкования рассматриваемой конструкции, обратимся к позиции О. Ю. Ильиной: 1) интересы ребенка есть степень нормативно-правового выражения взаимоотношений ребенка, родителей и государства (последнее также заинтересовано в надлежащем воспитании детей родителями и другими попечителями); 2) определение интересов многовариантно; к факторам объективного порядка относятся социально-экономические условия, государственная политика в отношении воспитания детей и т. д., а субъективного порядка – взгляды попечителей на цели, формы и средства воспитания, осознание самим ребенком своих интересов, возраст ребенка и др.; 3) интересы ребенка есть критерий качества осуществления родителями (попечителями) своих прав и обязанностей. В итоге автор дефинирует эту конструкцию как субъективно обусловленную «потребность ребенка в благоприятных условиях его существования, находящая объективное выражение в реализации родителями своих прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством» [9].

Думается, с одной стороны, нам представлен и «препарирован» достаточно ясный срез объекта

исследования². Однако констатация существенных элементов конструкции «интересы ребенка», на наш взгляд, нуждается в уточнении и обсуждении. Во-первых, очевидно, что следует расширить круг субъектов их объективации (реализации) за счет всех других попечителей, а также тех субъектов семейного права (например, близких родственников, свойственников типа отчима или мачехи), которые имеют право на общение с ним или реализуют воспитание на фактической основе (семейная забота о ребенке мачехи или отчима в полной семье опекой не оформляется). Во-вторых, акцент на реализацию потребности ребенка в «благоприятных условиях существования» не исчерпывает всей объективации этой потребности, ибо в соответствии с нормами ст. 56–57 СК РФ ребенок вправе выражать свое мнение при решении всех вопросов, затрагивающих его интересы, с 10 лет давать согласие на совершение ряда семейно-правовых актов, имеет право на защиту своих интересов от злоупотребления родителями и иных попечителей (с 14 лет – самостоятельно), то есть из пассивного обладателя потребности он превращен законодателем в относительно активного ее реализатора на «паях» с родителями и иными попечителями.

Толкование данного постулата осуществляется и в высшей судебной инстанции в определенной зависимости от категории дела, то есть с констатацией общих (универсальных) представлений о существе интереса ребенка, факторах, учитываемых при разрешении судом споров о детях, и особенных обстоятельствах, ориентированных на конкретный вид спора. Так, при решении вопроса о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей судам предписывается принимать во внимание возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям и сестрам и другим членам семьи, нравственные и иные качества родителей, характер отношений, существующих между каждым из родителей и ребенком, возможность создания условий ребенку для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей,

² Некоторые уточнения по данному вопросу см. в статье О. Г. Миролобовой, представленной в настоящем «Вестнике». В частности, автор уточняет, что точнее было бы определять «интерес» не через категорию «потребность», поскольку она существует объективно и может не осознаваться субъектом (ребенком), а в рамках конструкции «стремление к достижению определенного блага», предполагая ценностное отношение к последнему.

их материального и семейного положения, имея, однако, в виду, что преимущества материально-правового характера не относятся к решающим), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку в месте проживания каждого из родителей (п. 5) [10]. При рассмотрении споров о возрасте ребенка (ч. 1 п. 1 ст. 68 СК РФ) суд, наряду с перечисленными факторами, опираясь на правило о преимущественном праве родителей (п. 1 ст. 63 СК РФ), должен акцентировать внимание на выявлении реальной возможности родителя обеспечить надлежащее воспитание ребенка и на условиях его жизни у фактических воспитателей (п. 6). В спорах о порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя (и других субъектов, имеющих право на общение с ребенком) акцент сдвигается на состояние здоровья ребенка, его привязанности, исключение обстоятельств, способных оказать негативное воздействие на физическое и психическое здоровье ребенка, его нравственное развитие (п. 8). При рассмотрении дел о лишении или ограничении родительских прав интересы ребенка «просвечиваются» сквозь призму негативного на него воздействия ответчика (ответчиков) и соответствия этим интересам возможных мер превенции (с предоставлением родителям возможности исправить свое отношение к ребенку – п. 11–13). Соответственно при опросе ребенка (если суд сочтет его необходимым) выявляются факты осознания им своих интересов, воздействия на него одного из родителей (обоих родителей и других заинтересованных лиц – п. 20). По делам об установлении усыновления акцент неизбежно сдвигается на изучение личности кандидатов, их семейных, материальных и бытовых условий проживания, совместности психограмм будущих субъектов отношений усыновления. При этом именно в Постановлении № 8 от 20.04.2006 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» Пленум Верховного Суда РФ напрямую фиксирует толкование интересов последних (с точки зрения, видимо, их главной компоненты): «создание благоприятных (как материального, так и морального характера) условий для их воспитания и всестороннего развития» (п. 15).

Если проанализировать степень креативности в приведенных суждениях высшей судебной инстанции (по сравнению с текстом семейного закона, который, как мы неоднократно отмечали ранее, нередко просто переносится в текст постановления), то, во-первых, действительно, наблюдаются совпадающие

текстовые элементы: п. 1 ст. 63, ч. 2 п. 1 ст. 65, ч. 2 п. 1 ст. 66, п. 2 ст. 68, п. 2 ст. 146 СК РФ. Во-вторых, в отдельных случаях положения закона не прокомментированы, например, о конфликте интересов ребенка и родителей (п. 2 ст. 64 СК РФ) [11]. Полагаем, что речь идет не только о достаточно очевидных случаях из области имущественных отношений, но и об отношениях личного порядка (например, при решении вопроса о дополнительном образовании, изменении фамилии и т. д.). Наконец, в-третьих, высшая судебная инстанция предложила и дополнительные критерии для принятия правосудного решения – о личностных характеристиках родителей, возрастных и иных особенностях ребенка, качестве его привязанности к каждому родителю и другим членам семьи и т. д.

Весьма интересным является толкование Верховным Судом РФ (протест от 28.01.2003 г. № 5-В02-262) соотношения положений ст. 73 СК РФ об ограничении родительских прав и норм об усыновлении. Так, районный суд отказал в удовлетворении встречного иска об ограничении родительских прав усыновителя. Верховный Суд указал: правоотношения по усыновлению приравниваются к родительским (п. 1 ст. 137 СК РФ), поэтому, если оставление ребенка у усыновителя опасно, а оснований к отмене усыновления нет, следует применять положения ст. 73 СК РФ в интересах ребенка (как приоритетных).

Традиционно обойден сложный вопрос о гендерных преимуществах. Однако известно, что на разрешение спора о месте проживания ребенка влияет правоприменительная презумпция на оставление у матери малолетнего ребенка [12] и, в последние годы особенно, материальное и общественное положение отца, а также применяемые родителями психологические эксперименты над ребенком с целью обеспечения его симпатии («привязанности»). Видимо, пришло время для более содержательного обновления соответствующих актов толкования.

В конкретизации нуждается такой частный подвид конструкции, как «интересы несовершеннолетнего супруга» при рассмотрении судом дела о признании брака недействительным. В соответствующем постановлении [13] об этом нет ни полслова. Между тем формула закона о праве суда отказать в иске, если этого требуют интересы несовершеннолетнего супруга («ребенка», которому не снижен брачный возраст³), а также при отсутствии его

³ Судебным решением как бы осуществляется «возврат в детство».

согласия на признание брака недействительным (п. 2 ст. 29 СК РФ), нуждается в толковании. Во-первых, не вполне ясна трактовка интересов. Если использовать правоприменительную аналогию нормы о снижении брачного возраста, то, видимо, речь идет о беременности или рождении ребенка⁴. Однако при сопряжении формул «интересы несовершеннолетнего» и «отсутствие его согласия на признание брака недействительным» мы воистину теряемся в догадках, тем более что и первое, и второе условия находятся в рамках судебного усмотрения, которое должно мотивироваться.

Следует заметить, что для семейного законодательства опора на охраняемые законом интересы характерна в принципе и контексты этой конструкции, как мы уже частично убедились, специализируя ее содержание применительно к категориям дел, имеют определенные различия. Так, при разделе общесупружеского имущества интересы детей состоят в оптимальном обеспечении их жизненно важных, значимых потребностей, которые удовлетворяются двумя различными способами: 1) исключением из описи делимого имущества «детских вещей» (одежды, обуви, школьных и спортивных принадлежностей, музыкальных инструментов, детской библиотеки и т. д.⁵) и вкладов на имя несовершеннолетних детей (п. 5 ст. 38 СК РФ); 2) отступлением от равенства долей (п. 2 ст. 39 СК РФ) при определении судьбы жилища [16], имущества, необходимого для образования ребенка (например, при определенных обстоятельствах – ПК, DVD и т. п.), специального жизнеобеспечения ребенка-инвалида (скромной машины, необходимой для его перемещения в школу, медицинское учреждение и т. д.) и др.

«Либеральные» контексты рассматриваемой конструкции в основном находятся в дискуссионном поле. Во-первых, достаточно давно высказано предложение о целесообразности допущения отказа в удовлетворении требования об установлении внебрачного отцовства (при доказанности искомого факта) в случае, если положительное решение противоречит интересам ребенка и той семьи, в которой он благополучно проживает [17]. Во-вторых, обсуждается идея ограничения статуса

внебрачного отца, чье родительство установлено в судебном порядке, причем против его воли и при его же активном процессуальном противодействии [18]. В-третьих, идея ограниченного родительского статуса распространяется и на случаи раздельного проживания родителей, в том числе и прежде всего после расторжения брака [19].

Четвертый аспект связан с предположительной либерализацией института суррогатного материнства. «Гламурная» история с отцовством Ф. Киркорова, «импортированным» из-за рубежа, еще более «гламурные» соображения некоторых звезд российской эстрады, озвученные на ведущих российских телеканалах, о желании «заказать» ребенка не ввиду невозможности классического деторождения, а для сохранения стройной фигуры жены и т. п., свидетельствуют об обострении изначально заложенного в явлении суррогатного материнства конфликта интересов женщины-«инкубатора», родителей-заказчиков и, главное, ребенка. Как известно, действующее законодательство несколько расширило границы рассматриваемого института, хотя и не до «киркоровских» потребностей, лимитируя договор условием о невозможности женщины-заказчицы или потенциальных родителей-заказчиков выносить и родить ребенка самостоятельно (норма п. 9 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны жизни и здоровья граждан в Российской Федерации»).

В-пятых, на политический и доктринальный диспут вынесен вопрос об однополых семьях с суррогатными или усыновленными детьми. Как известно, в ряде зарубежных государств подобная возможность существует, а российские представители секс-меньшинств на допущении для них официального брачного союза и признании права на семейную жизнь настаивают [20]. К нашему «консервативному» удовлетворению до реальной законодательной поддержки подобных чаяний далеко. Между тем очевидно, что «однополые семейные воспитатели» априори совершенно определенным образом воздействуют на психику ребенка – ребенка, с высокой степенью вероятности рожденного с нормальной сексуальной ориентацией. Разумеется, можно возразить, что немалое число и разнополых родителей далеки от совершенства как субъекты воспитательного процесса. Однако зачем же множить беды?..

Многообразное современное российское бытие ставит и другие вопросы о реализации права ребенка на семейную жизнь в контексте обеспечения и охраны его интересов. Ограничимся, однако,

⁴ М. В. Антокольская предполагает и третье: возникновение чувства привязанности к другому супругу [14].

⁵ По одному из дел «детской вещью», например, признан детский мебельный гарнитур, который первоначально был включен в долю истца, а не ответчицы, с которой проживают дети [15].

в силу допустимых объемов статьи предложенными констатациями.

Список использованной литературы

1. Тарусина Н. Н. Ребенок как юридическая фигура семейно-правового пространства // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 54–60.
2. Тарусина Н. Н. Российский семейный закон: между конструктивностью и неопределенностью. Ярославль, 2012. С. 105–114.
3. Пергамент А. И. Родительские права // Советская юстиция. 1962. № 21. С. 6–7.
4. Пергамент А. И. Родительские права и обязанности // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов, 1969. С. 26–27.
5. Нечаева А. М. Семейное право. М.: Юрайт, 2010. С. 98.
6. Нечаева А. М. Семейное право. С. 100–102; Её же. Споры о детях. М., 1989. С. 17–28.
7. Беспалов Ю. Ф. Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика). Владимир, 2001. С. 12.
8. Леженин В. Н. Правовые вопросы семейного воспитания детей. Воронеж, 1992. С. 81.
9. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. С. 27.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 27.05.1998 (в ред. Постановления от 6 февраля 2007 г. № 6) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.
11. Комментарий судебной практики по семейным спорам / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Юрайт, 2011. С. 144–150.
12. Нечаева А. М. Споры о детях. С. 12–14; Судебная защита семейных прав / под ред. Н. М. Костровой. М.: Городец, 2008. С. 225–227.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998г. (в ред. постановления № 6 от 06.02.2007 г.).
14. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Юрист, 1997. С. 129.
15. Комментарий судебной практики по семейным спорам. С. 83–84.
16. Там же. С. 87–88.
17. Хазова О. А. Установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83–84; Антокольская М. В. Семейное право. М., 1997. С. 191.
18. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. С. 263.
19. Громоздина М. В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15; Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011. С. 110.
20. Алексеев Н. А. Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств. М., 2002. С. 214–221; Антокольская М. В. Семейное право. М.: Норма, 2010. С. 166.

УДК 347.63

В статье рассматриваются существующие в юридической науке и правоприменительной практике определения понятия «интересы ребенка», дана их критическая оценка и предложено собственное определение указанной правовой категории.

Ключевые слова: интересы ребенка; учет мнения ребенка; охраняемые законом и юридически значимые интересы; осуществление и защита субъективных семейных прав.

In the article definitions of the concept «interests of the child» are considered in jurisprudence and law-enforcement practice, their critical evaluation is given and author's own definition of the specified legal category is offered.

Key words: interests of the child; accounting of opinion of the child; protected by the law and legally significant interests; implementation and protection of the subjective family rights.

О. Г. Миролюбова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: infidem@mail.ru

О семейно-правовом понятии «интересы ребенка»*

Научная статья

O. G. Mirolubova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: infidem@mail.ru

On the Family and Legal Concept «Interests of the Child»

Scientific article

Интересы ребенка – одно из ключевых понятий семейного законодательства. С одной стороны, они закреплены на уровне субъективных прав детей и корреспондирующих им обязанностей родителей (законные интересы, которые являются непосредственным предметом защиты компетентным органом). С другой стороны, их обеспечение является основным условием осуществления прав и интересов других субъектов семейных правоотношений (например, п. 2 ст. 64; п. 1 ст. 65 СК РФ). Кроме того, интересы ребенка служат критерием деятельности и принятия решений государственными органами (см., например, п. 3 ст. 65, п. 1 ст. 73 СК; п. 2 ст. 76 СК; п. 1 ст. 59 СК; п. 1 ст. 124 СК и др.). Такие интересы законодателем закреплены не в диспозиции, а в гипотезе правовой нормы, в науке их называют «юридически значимыми» или «заслуживающими внимания» [1]. Полагаем, что в этих случаях юридически значимый интерес ребенка, не являясь непосредственным предметом защиты (охраняемым законом интересом), тем не менее, косвенно защищается правоприменителем, поскольку его решение повлияет и на осуществление интересов ребенка. Кроме того, таким решением будет кос-

венно защищен и публичный интерес, заключающийся в необходимости особой заботы государства и общества, в охране прав и обеспечении интересов наименее защищенных субъектов семейных отношений.

При всей очевидной значимости категории «интересы ребенка» для семейно-правового регулирования в законе это понятие не определено. Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 Постановления от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» разъяснил, что «под интересами детей при усыновлении следует, в частности, понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития». Аналогичное разъяснение ранее содержалось в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.07.1997 № 9: «под интересами ребенка... следует понимать обеспечение условий, необходимых для его полноценного физического, психического и духовного развития». Данные разъяснения, на наш взгляд, имеют чисто практическое значение и не могут служить основой для научного опре-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-03-00521-а.

деления понятия «интересы ребенка», поскольку интересы здесь понимаются как объективные материальные и нематериальные условия достижения определенных благ и, по сути, подменяются другим понятием – благоприятной социальной средой; субъективный же элемент интереса вообще не учитывается. По этой же причине мы не можем согласиться с определением «интересы ребенка», данным Ю. Ф. Беспаловым, поскольку в нем сделан акцент именно на создании условий, необходимых для его содержания и благополучного развития [2]. О. И. Шолгина также определяет интересы ребенка как оптимальные и объективные условия проживания, содержания и воспитания ребенка, обеспечивающие его физическое, психическое, нравственное и духовное развитие [3].

Заметим, что в юридической науке существует точка зрения, согласно которой «интерес» определяется через родовое понятие «условие» (условие благополучия), а условие благополучия, в свою очередь, определяется как «обстоятельства», от которых зависит благополучие [4]. Однако автор настоящей статьи эту точку зрения не разделяет, поскольку, по нашему мнению, интерес – это стремление социального субъекта к обладанию определенным благом, представляющим для него ценность, которое возникает в определенной социальной среде и служит мотивом, целью, регулятором деятельности этого субъекта [5]. Таким образом, интерес – не условие благополучия, а стремление к нему, соответственно, оптимальные условия проживания, воспитания и содержания ребенка (условия благополучия) – это объекты интересов либо социальная среда, но не сами интересы.

В советской юридической науке интерес чаще всего определялся через родовое понятие «потребность». Так, например, Р. Е. Гукасян определял интерес как объективно существующую социальную потребность, а В. П. Грибанов понимал его как потребность, принявшую форму сознательного побуждения [6]. Автор настоящей статьи разделяет точку зрения ученых, которые определяют интерес не как потребность, а как стремление к достижению определенного блага, поскольку потребность существует объективно и может не осознаваться (и даже отрицаться) субъектом, а интерес все же предполагает ценностное отношение субъекта к благу.

Многие исследователи отмечают, что особенность интереса ребенка, в отличие от интереса взрослого, заключается в его неосознанности

самим субъектом [7]. С этим утверждением отчасти можно согласиться с оговоркой, что не всякий интерес ребенка является неосознанным, так же как и не всякий интерес взрослого осознается субъектом. Поскольку многие охраняемые законом социальные потребности ребенка не осознаются им и не воспринимаются в качестве интереса-стремления, то использование родового понятия «потребность» в определении интересов ребенка представляется нам в определенных случаях уместным. Однако излишняя «объективация» интересов ребенка, определение их только как совокупности необходимых благ или условий благополучного развития, без учета субъективного критерия, могут привести к конфликту интересов ребенка и его законных представителей и даже к злоупотреблению последними своими правами. Поэтому, на наш взгляд, правовая категория «интересы ребенка» неразрывно связана с другой категорией – «мнение ребенка», которое представляет собой осознание и выражение интереса самим субъектом.

По мнению О. Ю. Ильиной, интересы ребенка как семейно-правовая категория могут быть определены как «субъективно обусловленная потребность ребенка в благоприятных условиях его существования, находящая объективное выражение в реализации родителями своих прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством» [8]. С этим определением необходимо согласиться в части отражения в нем взаимосвязи интересов ребенка с правами и обязанностями родителей. Вместе с тем интересы ребенка находят объективное выражение не только в деятельности родителей по реализации своих прав и обязанностей, но и в деятельности других субъектов семейных правоотношений, и в первую очередь в деятельности самого ребенка, направленной на осуществление его интересов. Конечно, большая часть этой деятельности лежит вне права (выбор ребенком игр, выявляющих его наклонности, процесс обучения, участие в семейных культурных мероприятиях). Но и в осуществлении своих правовых интересов ребенок не пассивен (выражение ребенком своего мнения по любому вопросу семейной жизни, выражение согласия в отношении юридически значимых действий, касающихся его интересов, совершение действий, направленных на защиту своих прав) [9]. Анализируя приведенное выше определение О. Ю. Ильиной, Н. Н. Тарусина отмечает, что следует расширить круг субъектов объективации (реализации) интересов ребенка за

счет всех других попечителей, а также фактических воспитателей и лиц, осуществляющих право на общение с ребенком [10]. Необходимо еще добавить и деятельность уполномоченных государственных органов, осуществляющих защиту субъективных семейных прав и законных интересов.

С учетом изложенного предлагаем определить «интересы ребенка» как охраняемые законом **потребности** ребенка в материальных или духовных благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие, либо (в зависимости от степени осознания) **стремление** к достижению этих благ, служащее регулятором деятельности ребенка, его родителей, законных представителей, иных субъектов, уполномоченных государственных органов, а также критерием осуществления и защиты прав участников семейных правоотношений.

Список использованной литературы

1. Крашенинников Е. А. Понятие охраняемого законом интереса // Проблемы защиты субъективных гражданских прав: сборник научных трудов. Ярославль, 2000. С. 6; Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. С. 64, 78.
2. Беспалов Ю. Ф. Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика). Владимир, 2001. С. 12.
3. Шолгина О. И. Интересы ребенка как объект семейно-правового спора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16.
4. Малинова А. Г. Категория «интерес» в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 14.
5. Миролюбова О. Г. Защита интересов семьи в бракоразводном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 19–20.
6. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970. С. 9; Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 236.
7. Долгов Ю. Г. Охраняемые законом интересы супругов, родителей, несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 18.
8. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве РФ. М., 2006. С. 27.
9. Миролюбова О. Г. Указ. соч. С. 51.
10. Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011. С. 154.

УДК 349.2

В статье проанализирован Акт о равенстве 2010 года на предмет запрещенных оснований дискриминации по признаку расы, религии и сексуальной ориентации. Проанализирована трактовка данных оснований, предложенная Кодексом практики в сфере труда Великобритании для правоприменителей. Оценена возможность рецепции положительного зарубежного опыта российским законодателем.

Ключевые слова: дискриминация в трудовых отношениях; раса; религия; сексуальная ориентация.

The article covers some aspects of comparative research on discrimination in employment in British law. Focus in the article was made on law and practice on employment discrimination based on race, religion and sexual orientation, which were prohibited by The Equality Act 2010.

Keywords: employment discrimination; race; religion; sexual orientation.

Е. А. Исаева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Elenia2000@mail.ru

Равные юридические возможности: взгляд британского законодателя*

Научная статья

Е. А. Isaeva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Elenia2000@mail.ru

Equal Opportunities: Look of the British Law-Maker

Scientific article

Задача любой цивилизованной страны, заинтересованной в борьбе с дискриминацией в трудовых отношениях, – разработать во внутреннем законодательстве процедуры, дающие возможность лицу, подвергнутому дискриминации, реально восстановить нарушенные права.

С 1 октября 2010 года в Великобритании вступило в силу большинство положений Акта о равенстве, ознаменовав тем самым начало новой эпохи антидискриминационного законодательства [1]. Британский законодатель, в отличие от российского, пошел по пути выделения в законе «защищенной категории», определяемой ограниченным числом оснований, дискриминация по которым является запрещенной. Это положительно влияет на более четкое понимание и выявление факта дискриминации. Акт о равенстве¹, объединив в себе принятые ранее нормы, охватывает все 9 признаков, по которым британский законодатель

запретил дискриминацию: возраст, инвалидность, смену пола, брак или гражданский союз, беременность и материнство, расу, религию или веру, пол, сексуальную ориентацию [2].

Достоинством аспектом политики Великобритании в сфере применения антидискриминационного законодательства является официальное разъяснение положений Акта о равенстве 2010 года для правоприменителей, в частности для судов, трибуналов, которые, по мнению британского законодателя, должны четко, на примерах понимать, был ли совершен акт дискриминации в отношении работника, входит ли данный субъект в «защищенную группу». Разъяснения норм Акта, распространяющихся на трудовые отношения, даны в Кодексе практики в сфере труда, который обрел силу закона 11 апреля 2011 года.

Российский подход, в отличие от британского, заключается в том, что судам на откуп отдано определение факта отсутствия или наличия дискриминации в трудовых отношениях при рассмотрении конкретного дела (п. 10 Постановления Пленума ВС

¹ URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/pdfs/ukpga_20100015_en.pdf

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках госзадания № 6.4438.2011.
© Исаева Е. А., 2012

Российской Федерации № 2 от 17.03.2004 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»). При этом попыток законодателя или специально уполномоченного государственного органа разъяснить судам, какой смысл вкладывался в то или иное основание и когда факт дискриминации действительно имеет место, к сожалению, в России не предпринято.

В данной статье коснемся лишь нескольких запрещенных Актом о равенстве 2010 года оснований дискриминации.

1. **Раса.** Данное основание дискриминации включает в себя цвет кожи, национальность, этническое или национальное происхождение. Национальность или гражданство предполагает правовую связь лица с государством, возникшую по рождению или в результате натурализации. Этническое происхождение является основанием дискриминации, подпадающим под защиту Акта о равенстве только в том случае, если работник принадлежит к этнической группе, признаваемой судом таковой (сикхи, евреи, румынские цыгане, шотландские цыгане и др.). Это означает, что человек должен принадлежать к этнической группе, которая расценивает себя и расценена другими как отличное и отдельное сообщество, имеющее определенные особенности. Эти особенности обычно отличают группу от окружающего сообщества [3]. Есть две существенные особенности, которые должна иметь этническая группа – длинная общая история и культурные традиции. Кроме того, этническая группа может иметь одну или несколько следующих особенностей: общий язык; общую литературу; общую религию; общее географическое происхождение; группа может являться меньшинством или угнетаемой группой. Она допускает включение новых участников (например, лица, заключившего брак с ее представителем). Данные критерии были впервые разработаны в деле *Mandla v Dowell-Lee* [4] в 1983 году, когда мальчик-сикх не был принят на обучение в школу в Бирмингеме, так как его отец не допускал возможности, что его сын подстрижет волосы и перестанет носить тюрбан, как этого требовала введенная в школе униформа. В данном деле сикхи были признаны расовой группой и факт дискриминации был очевиден.

При этом в другом деле *Dawkins v Crown Suppliers* 1993 года [5] растафарианство не было признано расовой или этнической группой, в связи с чем Тревор Даукинс, не принятый на работу водителем фургона по причине наличия длинных волос,

которые он отказался срезать, дискриминации, по мнению суда, не подвергся. В настоящее время в соответствии с Актом о равенстве 2010 года подобный иск о дискриминации мог бы быть подан в разрезе дискриминации по признаку религии или верований [6].

Национальное происхождение предполагает наличие определенных вычленимых элементов исторического и(или) географического характера, которые указывают на существование или предыдущее существование страны. Например, Англия и Шотландия были ранее отдельными странами, у англичан и шотландцев есть критерий национального происхождения. Национальное происхождение может выступать основанием дискриминации и в том случае, если территория утратила статус государства (например, Чехословакия) или никогда не была национальным государством в современном смысле. Национальная принадлежность отличается от национальности. Например, люди китайской национальной принадлежности могут быть гражданами Китая, но многие из них – граждане других стран. Человек в силах изменить национальное происхождение лишь спустя несколько поколений.

Расовая группа также защищена Актом о равенстве 2010 года. В содержание ее понятия включается совокупность людей, которые имеют единый цвет кожи, национальность или этническую или национальную принадлежность. Например, «британцы» могут выступить расовой группой в понимании закона. Все расовые группы защищены от незаконной дискриминации согласно Акту. Работник может включаться одновременно в несколько таких групп. К примеру, «нигериец» может быть причислен к расовой группе по цвету кожи, по национальности или этнический или национальной принадлежности.

Расовая группа может включать в себя две или больше отдельных расовых групп. К примеру, «черными британцами» охватывают тех людей, которые являются и темнокожими, и британскими гражданами. Она может формироваться и путем исключения, например «не британцы».

2. **Религия или верование.** Акт о равенстве 2010 года взял под защиту атеистов и лиц, исповедующих определенную религию. К примеру, христиане защищены, т. к. они исповедуют христианство, нехристиане защищены, так как они его не исповедуют. Верование предполагает следование или неследование определенным религиозным или философским учениям [7]. Акт о равенстве толкует

данное основание дискриминации весьма широко, что коррелирует с нормой ст. 9 Европейской конвенции по правам человека (которая гарантирует свободу мысли, совести и религии).

Термин «религия» включает с точки зрения судебных органов наиболее признанные религии в Великобритании – буддизм, христианство, индуизм, ислам, джайнизм, иудаизм, сикхизм, зороастризм и др. Акт о равенстве не требует, чтобы религиозное течение было ведущим и известным всем, однако оно должно иметь ясную структуру и систему взглядов. Отдельные течения в рамках мировых религий, например методисты в пределах христианства или сунниты в пределах ислама, могут считаться религией в целях закона.

Закон защищает работников от дискриминации, основанной на понимании отдельных положений религиозных верований, которые могут различаться у членов одной религиозной группы. Философские течения, которым могут следовать работники, также защищены Актом. К ним может относиться атеизм или гуманизм. Человек вправе выстраивать свое поведение в соответствии с выбранным философским воззрением. Но Кодекс практики в сфере труда в пункте 2.59 приводит перечень черт, которым должно отвечать то или иное верование (течение), чтобы работник, следуя ему, включался в «защищенную группу». Особо отметим, что данное верование должно быть достойно уважения в демократическом обществе, совместимо с человеческим достоинством и не находиться в противоречии с основными правами других людей [8]. К примеру, женщина верит в философию расового превосходства для особой расовой группы. И на этом основании принимает важные решения в своей жизни. В связи с тем что данная концепция несовместима с основными правами других людей, она не охватывается защитой Акта о равенстве 2010 года.

Также можно привести в качестве примера громкое дело *Azmi v Kirklees Metropolitan Borough Council* 2007 года [9]. В нем преданная религии мусульманка, носящая хиджаб, не предупредила при приеме на работу в школу, что собирается носить никаб – мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо и имеющий лишь узкую прорезь для глаз. Никаб, по мнению дирекции школы, посетившей уроки, которые вела Азми, не давал возможности детям воспринимать мимику лица учительницы и негативно влиял на дикцию. После просьбы работодателя о снятии никаба во

время работы с детьми Азми заявила, что готова открывать лицо, но только в том случае, если в комнате не будут присутствовать лица мужского пола. Но позиция школы была твердой: никаб может быть надетым в любое время, в любом помещении школы, кроме классной комнаты при работе с детьми, т. к. для многих учеников в школе английский язык не является родным и для понимания языка детям необходимо не только слышать слова учителя, но и видеть движение губ. Позиция школы обосновывалась не религиозными мотивами, а интересами обучения. Суд подтвердил, что религиозной дискриминации в действиях руководства школы не обнаружено [10]. Мотив, двигавший ответчиком, был связан с соблюдением установленных стандартов образования.

Также показательным делом 2010 года является *Eweida v British Airways plc.* [11]. Надиа Эвейда, работник британских авиалиний, обратилась за судебной защитой, когда работодатель отправил ее в неоплачиваемый отпуск до того момента, пока она не изменит своей традиции носить христианский крест поверх одежды. Ее действия нарушали локальный нормативный акт, запрещающий ношение украшений подобным образом. Истица пояснила свою позицию тем, что считает, что все должны видеть, что бог любит их. Для признания судом факта религиозной дискриминации этого оказалось недостаточно.

3. Сексуальная ориентация. В защищенную категорию по этому основанию дискриминации попадают гетеросексуалы, геи и лесбиянки, бисексуалы. Дискриминация может осуществляться по причине как самой их специфической ориентации, так и их поведения, к примеру ношение одежды, посещения специализированных заведений. Акт о равенстве защищает также лиц, которые ассоциируются с указанными категориями.

Введение данного основания дискриминации определенным образом создает конфликт для лиц, чьи религиозные воззрения не приемлют однополых союзов. Подобный конфликт дошел до суда в 2009 году в деле *Ladele v London Borough of Islington* [12]. Лилиан Ладель работала регистратором браков. С 2005 года, когда вступил в силу закон «О гражданских партнерствах», в ее должностные обязанности вошла регистрация и однополых партнерств. В силу религиозных взглядов, не принимающих однополые союзы, она отказалась от выполнения новых обязанностей, за что была привлечена работодателем к ответственности [13]. Суд

в данном деле встал на сторону работодателя, он не усмотрел неравного обращения по признаку религии, поскольку работодатель обязал всех регистраторов соблюдать закон в равной мере.

К сожалению, допустимый объем статьи не позволяет коснуться таких запрещенных оснований дискриминации, как беременность и материнство, а также возраст и инвалидность. Данные основания так же подробно, как и описанные выше, разъяснены на уровне нормативной базы Великобритании и нашли отражение в обширной судебной практике. Субъекты, включенные Актом о равенстве 2010 года в «защищенную группу» действительно могут рассчитывать на восстановление нарушенных прав. Основательный подход государства к разработке и разъяснению положений антидискриминационного законодательства свидетельствует о реальной озабоченности проблемой искоренения дискриминации в трудовых отношениях, что достойно уважения, а в определенных аспектах и подражания.

Список использованной литературы

1. Hardy S., Butler M. European employment laws: a comparative guide. Ongar, Essex: Spiramus Press Ltd, 2011. P. 255.
2. The Equality Act 2010. Employment law guide. L., 2010. P. 20.
3. URL:<http://www.equalityhumanrights.com/legal-and-policy/equality-act/equality-act-codes-of-practice/>
4. URL:http://www.hrcr.org/safrica/equality/Mandla_DowellLee.htm
5. URL:<http://www.independent.co.uk/news/uk/law-report-rastafarians-not-an-ethnic-group-dawkins-v-crown-suppliers-psa-ltd-now-department-of-the-environment--court-of-appeal-lord-justice-neill-lord-justice-beldam-and-sir-john-megaw-29-january-1993-1473362.html>
6. Lewis D., Sargeant M. Employment law: Concentrate. Oxford: Oxford university press. 2011. P. 41.
7. The Equality Act 2010. Employment law guide. L., 2010. P. 20.
8. URL:<http://www.equalityhumanrights.com/legal-and-policy/equality-act/equality-act-codes-of-practice/>
9. URL:<http://employment.practicallaw.com/7-375-8114>
10. Lewis D., Sargeant M. Op.cit. P. 42.
11. URL:<http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2010/80.html>
12. URL:<http://swarb.co.uk/ladele-v-london-borough-of-islington-ca-15-dec-2009/>
13. Lewis D., Sargeant M. Employment law: Concentrate. Oxford university press, 2011. P. 46.

УДК 347.61/64

Статья посвящена исследованию природы семейной правоспособности и дееспособности, их места в механизме правового регулирования.

Ключевые слова: правосубъектность; правоспособность; дееспособность; субъективное право; семейные отношения.

The article is devoted to the research of the nature of family law ability and capacity, their place in the mechanism of legal regulation.

Key words: legal personality; law ability; capacity; subjective law; family relations.

О. И. Сочнева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: sochneva76@rambler.ru

К вопросу о динамичном характере семейной правоспособности и дееспособности*

Научная статья

О. I. Sochneva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: sochneva76@rambler.ru

On the Question of the Dynamic Nature of Family Law Ability and Capacity

Scientific article

В рамках любой отрасли права **конструкция правосубъектности** формируется через **взаимодействие ее структурных элементов** – правоспособности (как способности иметь права и обязанности) и дееспособности (как способности своими действиями их приобретать и осуществлять). В классических представлениях о структуре правосубъектности в теории права и в цивилистике (прежде всего в гражданско-правовой сфере) характерным является разведение моментов возникновения правоспособности и дееспособности во времени и в пространстве.

Первое означает признание правоспособности с рождения, а дееспособности – с достижения определенного возраста. Второе заключается в том, что «обе названные способности здесь не обязательно должны совпадать в одном лице и могут быть воссоединены благодаря способностям, принадлежащим другим лицам» [1]. Так, гражданин, независимо от возраста, способен иметь право собственности – быть субъектом правоотношений собственности, однако процесс приобретения этого права и его осуществление происходит посредством действий его законных представителей. Такая конструкция

правосубъектности в гражданском праве обусловлена природой (главным образом имущественной) большинства субъективных гражданских прав, в силу которой процесс их осуществления «не имеет столь тесной непосредственной связи с носителем права» [2], а потому для признания лица субъектом правоотношений достаточно констатации наличия у него соответствующей правоспособности.

Специфика регулирования семейных правоотношений проявляется в переносе центра тяжести на личные неимущественные отношения, основанные на таких социально значимых институтах, как брак, родство, родительство. Лично-доверительный характер, неотчуждаемость семейных прав и обязанностей, неразрывная связь с личностью носителя исключает возможность их осуществления иными лицами помимо правообладателя не только в порядке договорного представительства, но и (как правило) в рамках законного представительства для восполнения недостающей дееспособности. По этому поводу Я. Р. Веберс отмечает: «Природа и социальное назначение отдельных гражданских и семейных прав и обязанностей таковы, что иметь и осуществлять их способен лишь гражд-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-003-00521-а.

© Сочнева О. И., 2012

данин, который достиг определенного возраста и сам может совершать юридические действия» [3]. По этой причине в тех случаях, когда закон приобретение отдельных субъективных семейных прав связывает с достижением определенного возраста, следует констатировать *совпадение моментов возникновения* правоспособности и дееспособности в семейной правосубъектности (например, в сфере брачных правоотношений, родительства, опеки и попечительства, усыновления). В этой связи считаем возможным согласиться с мнением таких цивилистов, как Е. М. Ворожейкин, А. И. Пергамент, В. А. Рясенцев, Н. Н. Тарусина, которые настаивают на динамичности семейной правоспособности [4]. Относительно гражданско-правовой сферы в сходном направлении размышлял О. С. Иоффе: «Если гражданин обладает только правоспособностью, она восполняется при помощи дееспособности других лиц. Если же такое восполнение невозможно, то по отношению к данной группе правомочий гражданин вообще не считается способным быть их носителем» [5]. В этом же ключе, например, рассуждает и О. Б. Зайцева. Анализируя соотношение правоспособности и дееспособности в составе правосубъектности, автор приходит к выводу, что иногда нельзя даже провести границу между правоспособностью и дееспособностью, например в ситуациях, когда исключено всякое представительство и отправление субъективного права возможно только в лице того, кому оно предоставлено (вступление в брак, право усыновления, составления завещаний и т. п.). «В таких случаях, – пишет автор, – правоспособность неотделима от дееспособности и всегда говорится только о правоспособности» [6].

Действительно, рассматривая правоспособность в отрыве от способности к осуществлению конкретных прав и обязанностей, мы можем прийти к неконкретным, а в некоторых случаях даже абсурдным с точки зрения правоприменительной практики выводам. В частности, если исходить из посылки о возникновении семейной правоспособности в полном объеме с момента рождения, то нам пришлось бы признать, что ребенок с рождения обладает абсолютно бессмысленной для него с точки зрения характеристики его правового статуса, а также его потребностей и интересов способностью иметь право на вступление в брак, способностью быть опекуном (попечителем), усыновителем, родителем и т. п.

Таким образом, распространение на семейные правоотношения гражданско-правовой конструк-

ции правосубъектности, основанной на равном и неизменном ее понимании, превращает семейную правосубъектность в высшей степени абстракцию, бессмысленное звено механизма правового регулирования.

Справедливости ради следует отметить, что и в гражданском праве отдельные элементы правоспособности, в силу тесной связи с личностью обладателя возникающих на их основе субъективных прав и невозможности осуществления последних через институт законного представительства (например, завещательная правоспособность, способность создавать юридические лица), также возникают не с момента рождения, а с достижением совершеннолетия. Наличие таких элементов в содержании гражданской правоспособности обосновывается О. С. Иоффе, В. В. Ровным, С. А. Сулеймановой и др. [7]. М. В. Антокольская, сопоставляя гражданскую и семейную правоспособности, отмечает, что и в гражданско-правовой сфере говорить о возникновении правоспособности с момента рождения можно лишь с определенными оговорками [8]. По ее мнению, это является одним из доказательств тождества гражданской и семейной правоспособности [9]. С последним суждением позволим себе не согласиться, поскольку если для гражданско-правовой сферы отмеченное проявление правоспособности считается исключением, то для семейного права оно является общим правилом.

Одним из важнейших признаков семейных правоотношений является их специфический субъектный состав [10]. Участники семейных правоотношений характеризуются тем, что они выступают в них не просто как граждане, а в определенном социальном качестве, например супруга, ребенка, отца, опекуна и т. п. Вследствие этого в семейном законодательстве подробно и четко определены те обстоятельства, которым придается юридическое значение при формировании правосубъектности граждан применительно к конкретному виду семейных правоотношений. «Лишь тот, кто отвечает предъявленным законом требованиям, может быть субъектом определенных семейных прав» [11]. Обусловленность существования отдельных видов семейных прав возрастом (возможность вступать в брак – ст. 13 СК РФ, стать усыновителем – п. 1 ст. 127 СК РФ), полом (ст. 17 СК РФ – ограничение «бракоразводной» правоспособности мужа), состоянием здоровья (абз. 5 п. 1. ст. 127 СК РФ – ограничение «усыновительской», а равно и опекунской правоспособности ненадлежащим

состоянием здоровья) и т. п., позволяет говорить об особенностях регулирования семейной правосубъектности не только на уровне отрасли в целом, но и в рамках конкретных видов семейных правоотношений. На наличие специальных видов общей отраслевой правосубъектности указывал и Н. В. Витрук: «В ряде отраслей можно выделить правосубъектности совершеннолетних и несовершеннолетних (с возможной градацией по отраслям), лиц с нормальной психикой и невменяемых» и т. д.; в частности, в семейном праве можно говорить о брачной и других видах правосубъектности [12]. В этой связи мы солидарны с теми учеными, которые в рамках отраслевой семейной правосубъектности выделяют видовые (специальные) правосубъектности [13]: брачную, опекунскую, родительскую, «усыновительскую», ребенка.

Конструкция дееспособности в семейно-правовой сфере, безусловно, имеет свои специфические черты. В частности, многообразие и неоднородность семейных правоотношений не позволяет говорить о существовании в семейном праве некой общеотраслевой дееспособности и приводит к мысли о необходимости ее дифференциации на видовые (специальные) дееспособности (по аналогии с семейной правоспособностью) применительно к отдельным видам семейных правоотношений, в рамках которых она по-особому проявляется. Так, например, брачная дееспособность (согласно п. 1 ст. 13 СК РФ) возникает одновременно с соответствующей правоспособностью с достижением совершеннолетия. Вместе с тем при наличии уважительных причин (беременность, рождение ребенка) закон допускает возможность вступления в брак и для несовершеннолетних лиц с 16 лет, а по специальному региональному решению и с 14–15 лет (п. 2 ст. 13 СК РФ). При этом вступивший в брак несовершеннолетний по смыслу п. 2 ст. 61 СК РФ престаает быть ребенком, приобретает полную дееспособность в гражданском праве (ст. 21 ГК РФ), но не приобретает полной брачной дееспособности. В частности, по смыслу указанных выше законоположений в ситуации расторжения им брака до достижения 18 лет он сохраняет полную гражданскую дееспособность, не «возвращает» себе статус ребенка, а в части брачной правосубъектности при желании повторно зарегистрировать брак до 18 лет он снова должен попадать в ситуацию условий, обозначенных законодателем в п. 2 ст. 13 СК РФ (уважительные причины, согласие органа опеки и попечительства). В сфере «родительно-детских» правоотношений уникальной, на

наш взгляд, не имеющей аналогов с точки зрения проявления правосубъектности выступает фигура несовершеннолетнего родителя, не состоящего в браке (включая и «усеченный» родительский статус лиц, не достигших 16-летия): он и родитель, и ребенок одновременно. Подобная «пограничность» его статуса объясняется тем, что рождение внебрачного ребенка не влияет на объем гражданской дееспособности таких несовершеннолетних родителей, не влечет утрату ими статуса ребенка по отношению к собственным родителям¹.

В еще большей мере специфика семейной правосубъектности (право- и дееспособности) проявляется в регламентации правового статуса ребенка. В семейно-правовой сфере ребенок выступает субъектом большого количества правоотношений – с родителями, усыновителями, опекунами (попечителями), приемными родителями, близкими родственниками, отчимом (мачехой), фактическим воспитателем. По мнению М. В. Антокольской, во всех этих случаях он недееспособен и «его дееспособность не нуждается в восполнении» [15]. А. П. Сергеев также отмечает, что некоторые из семейно-правовых возможностей самой своей природой рассчитаны на их реализацию малолетними недееспособными лицами [16]. Сущность природы правоотношений с участием детей, на наш взгляд, замечена верно, однако суждение об их недееспособности представляется спорным. Н. Н. Тарусиной справедливо подмечено, что в «семейно-правовом пространстве ребенок обладает специфической, «плавающей», дееспособностью» [17]. Эта дееспособность, во-первых, своеобразно структурирована по возрастному критерию: без установления нижнего предела для права выражать свое мнение при решении семейных вопросов, затрагивающих интересы ребенка, с последующей дифференциацией при возникновении новых ее элементов на уровне 10, 14 лет. Во-вторых, она ограничена во времени своего существования: дееспособность и правоспособность ребенка как особого субъекта семейных правоотношений прекращается с достижением совершеннолетия,

¹ С момента принятия действующего Семейного кодекса несогласованность норм современного гражданского и семейного законодательства, регламентирующих дееспособность несовершеннолетних, является объектом пристального научного внимания и обоснованной критики. См., например: [14].

а также в иных случаях приобретения им полной дееспособности (п. 2 ст. 61 СК РФ).

Приведенные примеры представляют собой отдельные иллюстрации специфичности проявления правоспособности и дееспособности в семейных правоотношениях, однако они, на наш взгляд, являются дополнительным аргументом в пользу динамичного характера семейной право- и дееспособности.

Выявленные нами характерные черты семейной правоспособности и дееспособности, заключающиеся в особом их характере, содержании, специфике возникновения, прекращения и взаимодействия, не позволяют их отождествлять с правосубъектностью в гражданском праве. «Специфический субъектный состав, лично-доверительный, безвозмездный характер большинства семейных правоотношений, теснейшее взаимодействие формально-юридических и нравственных начал в их содержании и конкретных проявлениях этого содержания – та «лакмусовая бумажка», которая неизбежно окрашивает исследуемые правовые конструкции хотя и в относительно цивилистические, но не гражданско-правовые цвета» [18]. На наш взгляд, конструкции гражданской право- и дееспособности, в силу известных исторических корней, можно рассматривать как некий образец, исходный элемент для семейно-правовой доктрины, а также как объект для взаимной унификации положений о правосубъектности физических лиц.

Список использованной литературы

1. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1960. С. 211.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 147.
3. Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 102.
4. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. С. 109–110, 167–169; Пергамент А. И. О правовом положении несовершеннолетних // Ученые записки ВИЮН. Вып. 3. М., 1955. С. 3.; Советское семейное право: учебник / под ред. В. А. Рясенцева. М., 1982. С. 47; Тарусина Н. Н. Семейная, гражданская и гражданско-процессуальная правосубъектность ребенка: суверенность, взаимодействие, пробелы. // Юридические записки ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Вып. 14: Актуальные проблемы юридического процесса. Ярославль, 2010. С. 136–139.
5. Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 125.
6. Зайцева О. Б. Трудовая правоспособность как правовая категория: монография. Оренбург, 2006. С. 60.
7. Иоффе О. С. Указ. соч. С. 125; Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. Т. 1. М., 2009. С. 141; Сулейманова С. А. Правоспособность граждан (физических лиц) по российскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.
8. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М., 2010. С. 61.
9. Там же. С. 59.
10. Ворожейкин Е. М. Указ соч. С. 68.
11. Веберс Я. Р. Указ. соч. С. 88.
12. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 85.
13. Ворожейкин Е. М. Указ. соч. С. 109–110, 167–169; Пергамент А. И. Указ. соч. С. 3.; Советское семейное право: учебник / под ред. В. А. Рясенцева. М., 1982. С. 47; Тарусина Н. Н. Семейная, гражданская и гражданско-процессуальная правосубъектность ребенка... С. 136–139.
14. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М., 2002. С. 205–206; Ее же. Семейное право. М., 2010. С. 276–277; Величкова О. И. Проблемы законного представительства несовершеннолетних // Цивилист. 2007. № 3. (Справочно-правовая система «Консультант Плюс»); Савельева Н. М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004. С. 10; Сочнева О. И. Правовой статус несовершеннолетних родителей по семейному законодательству РФ // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 35–36; Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт брачного правоотношения: «оцифрованное приключение» // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 74–75.
15. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М., 2010. С. 136.
16. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. М., 2009. С. 397.
17. Тарусина Н. Н. Российский семейный закон: между конструктивностью и неопределенностью. Ярославль, 2012. С. 115–116.
18. Тарусина Н. Н. Семейная, гражданская и гражданско-процессуальная правосубъектность ребенка... С. 136.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК159.95

В статье сформулирован и реализован новый методологический принцип исследования важной теоретической проблемы психологии – проблемы структурной организации личности, обозначенный как принцип метасистемного подхода. С его позиций обосновано новое в научном отношении положение, согласно которому личность представляет собой качественно специфическую систему – систему со встроенным метасистемным уровнем. С этих позиций предложена новая интерпретация структурно-уровневой организации личности, вскрыты и проинтерпретированы основные уровни ее структурной организации. Предложена обобщенная иерархия основных уровней структурной организации личности.

Ключевые слова: личность; принцип метасистемности; структурная организация; иерархическая организация; субъект; личностная организация.

The article has formulated and implemented a new methodological principle of studies of important theoretical problems of psychology – the problem of structural organization of the person designated as the principle of a metasystem approach. With this position in view is justified scientifically new provision under which a person provides a qualitatively specific system – a system with a built-metasystem level. From this perspective is offered a new interpretation of the structural-level personality organization, opened and interpreted the basic levels of its structural organization. A generalized hierarchy of major levels of structural organization of the individual is proposed.

Key words: personality; principle of metasystem; structural organization; hierarchical organization; subject; personality organization.

А. В. Карпов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru

Принцип метасистемности в структурной организации личности

Научная статья

А. V Karpov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru

The principle of metasystem in the structural organization of the person

Scientific article

В работе [1] нами был сформулирован один из возможных подходов к разработке проблемы личности – *метасистемный*. В наиболее общем плане его смысл состоит в том, что целый ряд сверхсложных систем и в особенности те, которые составляют предмет психологических исследований, принадлежит к особому, качественно специфическому классу систем, обладающих принципиально новыми особенностями по сравнению с теми, которые рассматриваются в традиционных вариантах системного подхода. Наиболее важным и по существу уникальным среди них является то, что они обретают принципиально новую и глубоко специфическую способность – способность к включению в свой состав и содержание той метасистемы, «составляющей» которой они сами являются; к ее своеобразному «встраиванию» в них. Речь при этом, конечно, идет не об онтологическом (материальном) включении метасистемы в систему, а лишь о включении функциональном. Наиболее показательной среди такого рода систем выступает психика в целом. В самом деле, ее атрибутивная природа такова, что внешняя, объективная, реальность (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде *субъективной реальности* – в форме так называемого «отраженного». Объективный мир (как метасистема по отношению к психике), а также взаимодействия с ним оказываются функционально «встроенными» в саму систему (психику). Последняя должна быть поэтому проинтерпретирована как *система со «встроенным» метасистемным уровнем*.

В работе [1] нами был сформулирован один из возможных подходов к разработке проблемы личности – *метасистемный*. В наиболее общем плане его смысл состоит в том, что целый ряд сверхсложных систем и в особенности те, которые составляют предмет психологических исследований, принадлежит к особому, качественно специфическому классу систем, обладающих принципиально новыми особенностями по сравнению с теми, которые рассматриваются в традиционных вариантах системного подхода. Наиболее важным и по существу уникальным среди них является то, что они обретают принципиально новую и глубоко специфическую способность – способность к включению в свой состав и содержание той метасистемы, «составляющей» которой они сами являются; к ее своеобразному «встраиванию» в них. Речь при этом, конечно, идет не об онтологическом (материальном) включении метасистемы в систему, а лишь о включении функциональном. Наиболее показательной среди такого рода систем выступает психика в целом. В самом деле, ее атрибутивная природа такова, что внешняя, объективная, реальность (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде *субъективной реальности* – в форме так называемого «отраженного». Объективный мир (как метасистема по отношению к психике), а также взаимодействия с ним оказываются функционально «встроенными» в саму систему (психику). Последняя должна быть поэтому проинтерпретирована как *система со «встроенным» метасистемным уровнем*.

© Карпов А. В., 2012

Вместе с тем аналогичным статусом обладает и личность в целом. Действительно, в своем наиболее общем виде она, как известно, представляет собой определенное *социальное качество*, точнее, систему таких качеств в общей организации индивида. Они образуют в своей совокупности уровень собственно личностной организации индивида. Однако, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что все они и в плане генезиса, и в плане содержания, и во многих иных планах фактически представляют собой (причем по определению) функциональную репрезентацию в индивидуальной психике социума и взаимодействий индивида с ним, своеобразное «удвоение социальной реальности». Они не только могут, но и должны быть поняты как *индивидуальная форма существования социального мира*, как продукт и результат транспонирования социальных институтов (и соответствующих им норм, правил, ценностей и др.), социума в целом в содержание и структурно-функциональную организацию индивидуальной психики. Тем самым можно видеть, что, действительно, внешний – «социальный мир», социум в целом повторяет, воспроизводит – мультиплицирует себя в содержании и структуре личности; он «встраивается» в ее содержание и структурно-функциональную организацию и даже во многом *образует ее*.

Обоснование трактовки личности как специфической системы со «встроенным» метасистемным уровнем предполагает реализацию по отношению к ее изучению адекватной статусу методологии – метасистемного подхода. Он, в свою очередь, как показано в [2], предполагает раскрытие предмета исследования в определенной последовательности основных гносеологических планов изучения, образующих в своей совокупности *комплексную стратегию исследования*, включающую онтологический (метасистемный), структурный, функциональный, генетический и интегративный планы. Можно видеть, что следующим за метасистемным планом исследования, который, повторяем, уже был реализован в работе [3], является именно *структурный* план изучения личности. Таким образом, общая логика развертывания метасистемного подхода требует перехода от метасистемного плана изучения к структурному, что и является *основной задачей* данной статьи.

Общеизвестно, что именно структурный план, аспект исследования фактически любого предмета выступает не только как один из ключевых, но и во многом как *определяющий*. Дело в том, что именно он во многом тождествен решению, пожалуй, основного гносеологического вопроса – вопроса о *содержании* и составе, а также о принципах

организации изучаемого предмета. Разумеется, столь важный аспект не мог быть «обойден вниманием» психологией личности; напротив, он достаточно широко представлен в ней (см., например, обзор в [4]). Вместе с тем, как показывает анализ, подавляющему большинству попыток структурной экспликации личности присущ ряд характерных особенностей, свидетельствующих, что данный аспект все еще остается недостаточно реализованным. Так, одной из наиболее явных среди них вступает огромное разнообразие (и многообразие) дифференцируемых «составляющих», «частей», входящих в личность. Оно выражено настолько, что приводит к возникновению принципиальной и не преодоленной до сих пор трудности, связанной с упорядочиванием и систематизацией столь гетерогенных «составляющих». В свою очередь, это обнаруживает еще одну характерную особенность – явное доминирование так называемого «коллекционистского» подхода в психологии личности над собственно структурным. Далее, не менее характерной является и существенно большая представленность таких подходов, которые направлены на раскрытие структурных закономерностей не личности *в целом*, а тех или иных ее «составляющих», то есть носящих, так сказать, «парциальный» характер. Кроме того, эти же «парциальные» подходы оказываются, как правило, и более конструктивными. Попытки разработки целостных и обобщенных представлений о структурной организации личности представлены в несопоставимо меньшей степени. Наконец, следует отметить и достаточно слабую степень решенности вопроса о базовых принципах структурной организации личности, хотя чаще всего в этом качестве рассматривается иерархический принцип.

Все эти, а также иные особенности убедительно свидетельствуют о том, что при разработке структурного аспекта в психологии личности доминируют две основные тенденции. Во-первых, это преобладание «парциальных» подходов к его разработке над подходами интегративного, обобщающего, плана, направленных на раскрытие структурной организации личности в целом, а не структурной организации ее отдельных «составляющих». Во-вторых, это доминирование, так сказать, «аддитивной» трактовки самого понятия «структурная организация» над его действительным, то есть интегративным, значением. Согласно этой трактовке, содержание *структуры* личности фактически подменяется ее *составом*; в результате этого главные и определяющие – собственно синергети-

ческие – эффекты и феномены целостности, являющиеся продуктами структурной организации, оказываются не эксплицированными. Следовательно, возникает необходимость минимизации указанных негативных тенденций, а для этого осуществления таких экспликаций личности, которые носили бы *общий* (а не «парциальный») и собственно *структурный* (а не «аддитивный») характер.

Очень показательны, а в плане обоснования правомочности и конструктивности сформулированного – метасистемного подхода к исследованию личности – и *доказательно* то, что в нем содержатся необходимые и во многом достаточные предпосылки для осуществления именно такой экспликации. Более того, они носят вполне естественный характер и вытекают из самой его *сущности*. Действительно, первая предпосылка для ее осуществления заключена в *главной* идее данного подхода – в положении о существовании специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Из нее с необходимостью следует, что системы такого рода в целом и личность как одна из них в частности организованы на основе вполне определенного принципа – *уровневого*, точнее *структурно-уровневого*. Кроме того, в методологии метасистемного подхода сформулированы представления и об *общем критерии*, позволяющим осуществлять поиск и дифференциацию уровней данного рода систем, обозначенного как *критерий-дискриминатор*. Согласно им, любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Отсюда следует, что в структуре сложного целого (явления, процесса, образования) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень *целостности*, на котором явление, процесс, образование представлены во всей полноте их состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или общесистемный, уровень. Во-вторых, уровень отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – субсистемный уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень *структурных компонентов* как базовых единиц целого. При

этом следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и *элементный*. Под компонентом понимается такое относительно наиболее простое образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого; под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых состоят компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более общей *метасистемы*. Вместе с тем, поскольку для определенного класса систем она может быть функционально «встроена» в их собственный состав, их собственная структура обязательно предполагает существование еще одного уровня – метасистемного. Он выступает как самостоятельный, качественно специфический и несводимый к иным уровням, а тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

Пять указанных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями».

Охарактеризованные выше значения критерия-дискриминатора дают основания для дифференциации следующих наиболее обобщенных уровней в структурной организации личности. Прежде всего, наиболее очевидным представляется обстоятельство, согласно которому общесистемное значение критерия-дискриминатора предполагает необходимость дифференциации такого максимально интегративного «измерения» личности, на котором она представлена во *всей* полноте ее качественных характеристик, содержания и состава. На нем она эксплицируется не как *гносеологический* конструкт, в той или иной степени отражающий ее структурную организацию, а как реальная *онтологически* представленная и самодостаточная сущность. Естественно, что такое «измерение», такой уровень еще не раскрывают содержание самой, так сказать, *интраструктурной* организации личности; оно, однако, задает вполне определенную «призму видения» для раскрытия этой организации; указывает на то, что она должна воспроизводить основные особенности организации сверхсложных систем, а также присущие ей эффекты и механизмы. Фактически

речь при этом идет о реализации по отношению к проблеме структурной организации личности «системоцентрической парадигмы» исследования. Она фиксирует общесистемный уровень ее организации как *исходный* в гносеологическом отношении; на нем личность представлена во *всем* объеме ее качественных характеристик – не только *общих* и *особенных*, но и *единичных* и выступает поэтому как *индивидуальность*. Как бы ни трактовать *содержание* данного уровня, само его наличие – *факт* объективности его существования не подлежит сомнению; отрицать его – значит отрицать сам предмет психологии личности.

Далее, поскольку личность, как показано в [5], действительно, принадлежит к качественно специфическому классу систем со «встроенным» мета-системным уровнем, то в ее общей структурно-уровневой организации объективно представлен и сам этот уровень. Следовательно, в данной организации находит воплощение еще одно значение критерия-дискриминатора – метасистемное. Сам метасистемный уровень личностной организации представлен результативными проявлениями процесса ее *социализации*, то есть процесса ее освоения (интернализации) и транспонирования в свое собственное содержание и структуру изначально не присущего ей – «наиндивидуального», общественного, социального содержания (знаний, норм, правил, императивов и мн. др.). Социум (метасистема) и взаимодействия с ним, мультиплицируясь в личности (как системе), оказываются функционально репрезентированными в самой личности и представлены в совокупности тех ее качеств, которые обычно обозначаются как ее «социальные качества». Сущность данного уровня поэтому состоит в том, что он репрезентирует собственно личностное, социальное «измерение» общего предмета изучения, для обозначения которого наиболее удачным представляется термин «личностность» [6]. Он представлен всем «исходно неиндивидуальным» (а социальным); однако это такое социальное, которое приобрело в результате процесса социализации «удвоенную форму» и *стало* индивидуальным, не переставая быть *в нем* и социальным.

В структурной организации личности объективно представлен, далее, и такой ее уровень, который однозначно и определенно как бы «естественным образом» соответствует еще одному значению критерия-дискриминатора – субсистемному. Более того, необходимость в его дифференциации, фактически, уже «подготовлена» историей и логикой исследования проблемы структурной организации

личности, а сам он может содействовать объяснению той ситуации, которая сложилась к настоящему времени в этом плане и смысл которой заключается в следующем. С одной стороны, существует достаточно мало попыток раскрытия структурной организации личности в *целом*, тем более удачных. Они затрудняются, а нередко и блокируются принципиальной и беспрецедентной *гетерогенностью* состава и содержания личности. Причём мера этой гетерогенности настолько велика, что возникают сомнения в том, что какая-либо «строгая и полностью скоординированная» структура личности вообще является безусловно позитивной для ее организации. Действительно, эта гетерогенность выступает объективной основой широты и глубины личности, ее многогранности, степени сложности, разносторонности и др. С другой стороны, не менее очевидно, что малоперспективными, а потому слабо представленными являются и попытки изучения структурной организации личности на уровне ее относительно простых компонентов – отдельных качеств, свойств, процессов, образований и пр. На фоне всего этого гораздо более представлены и намного более продуктивны исследования таких структурных образований личности, которые, входя в ее состав и выступая ее «составляющими» («частями»), в то же время сами являются подчеркнута синтетическими, интегративными, то есть фактически системными образованиями. Иными словами, все они обладают именно *субсистемным статусом*, являются подсистемами личности. В исследовательской практике само словосочетание «компонент личности» не приживается в такой же степени, в какой для нее привычен термин «подсистема личности» (к каковым относятся, как известно, очень многие объекты психологических исследований, например когнитивная, регулятивная, коммуникативная подсистемы, мотивационная подсистема личности и др.). Вообще говоря, практически все «составляющие» личности принято трактовать именно как комплексные, интегративные образования; достаточно отметить в этой связи темперамент, характер, направленность личности как принципиально составные, гетерогенные образования. Следовательно, игнорировать этот субсистемный уровень структурной организации личности, локализованный между общесистемным и компонентными уровнями, совершенно недопустимо с объективной точки зрения и неконструктивно в собственно гносеологическом плане. Напротив, на нем, по-видимому, локализована наибольшая «доля» качественной определенности

и специфичности личности, ее наиболее богатая психологическим содержанием часть.

Несколько более сложным и менее очевидным в плане своего решения является вопрос о соответствии следующего значения критерия-дискриминатора – компонентного какому-либо уровню структурной организации личности. Тем не менее это решение существует и раскрывает еще одну грань общей структурной организации личности. Действительно, как отмечалось выше, по отношению к проблеме структурной организации личности не принято употреблять термин «компонент личности», хотя по отношению ко многим иным предметам психологических исследований он и вполне уместен, и широко используется. Но в таком случае возникает вопрос – почему? Для того чтобы ответить на него, необходимо, на наш взгляд, обратиться к исходному значению понятия компонента и допустить, что оно может трансформироваться по отношению к столь беспрецедентно сложному и гетерогенному образованию, как личность. Действительно, в своем исходном значении компонент – это та относительно наименее сложная единица целого, которая еще сохраняет *качественную определенность* самого целого. Однако сама сущность личности (о чем было сказано выше) в том и состоит, что она представляет собой максимально гетерогенное и подчеркнуто «составное» образование, синтезирующее в себе множество более локальных подсистем и не допускающее поэтому какой-либо «качественной унификации». У личности нет *качественной определенности*, а есть *качественные* определенности. Следовательно, у нее не только не может, но и не должно быть таких структурных образований, которые обладали бы статусом компонента в его традиционном смысле. Сама *качественная определенность* личности образована *качественными определенностями* тех подсистем, которые ее составляют, а не *качественной определенностью* каких-либо «особых личностных компонентов». Поэтому в роли компонентов личности, которые и составляют ее собственно компонентный уровень, выступают компоненты основных подсистем личности. Возникает своеобразный феномен «удвоения статуса» компонентов – они *одновременно* являются и «составляющими» личностных подсистем, и «составляющими» всей системы, то есть личности в целом.

В свете сказанного естественное решение получается, однако, и вопрос о воплощенности в структурной организации личности еще одного значения критерия-дискриминатора – элементного. Поскольку компонентами личности выступают не какие-либо

«особые сущности», а компоненты тех подсистем, из которых она синтезирована, то и в качестве ее элементов выступают «составляющие» части самих этих компонентов. Например, психические функции, являясь, как показано в [7], *элементной базой* для формирования на их основе когнитивных процессов как *компонентов* когнитивной подсистемы, одновременно с этим выступают не только элементами самих когнитивных процессов, но и «элементными составляющими» личности в целом.

Таким образом, обобщая сказанное, можно сделать заключение, согласно которому в содержании и составе личности, действительно, объективно существуют такие принципиально качественно различные ее «измерения», которые однозначно и определенно естественным образом соответствуют пяти базовым значениям критерия-дискриминатора уровня дифференциации систем. В свою очередь, это означает, что данные значения также оказываются представленными в структурной организации личности, а сама она может и должна быть представлена как иерархическая, структурно-уровневая организация пяти основных макроуровней – метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного. Безусловно, мы отдаем себе полный отчет в том, что представленное решение проблемы структурной организации личности носит весьма общий характер. Однако именно как таковое, то есть как общее, оно оказывается наиболее релевантным исследованию ряда иных адекватных ему «по рангу» также общих проблем психологии личности, содействуя их решению.

Так, прежде всего с его позиций открываются возможности для уточнения представлений о *базовых принципах*, лежащих в основе структурной организации личности. Обычно полагается, что в их качестве выступают два взаимополагаемых принципа *структурно-уровневый* и *иерархический*. Вместе с тем по отношению к организации личности их действие обретает очевидную специфичность. Действительно, представленные выше материалы свидетельствуют о том, что по отношению к личности не соблюдается общая закономерность, согласно которой общесистемный уровень всегда является высшим, ведущим и определяющим, поскольку он сам находится в отношениях иерархической соподчиненности с метасистемным уровнем. Однако истинная сложность и противоречивость организации личности в том и состоит, что и сам метасистемный уровень оказывается репрезентированным – функционально «встроенным» в общесистемный уровень организации

личности и поэтому в известной степени иерархически соподчиненным ему. Тем складывается достаточно нетрадиционная, а отчасти и парадоксальная картина, при которой функции ведущего выполняет не один, а два уровня, точнее их взаимодействие, носящее сложный и нередко противоречивый характер. Эта противоречивость в феноменологическом плане достаточно подробно и развернуто охарактеризована в тех сложнейших коллизиях, которые складываются в общей регуляции поведения личности между «общественным», социальным (составляющим содержание метасистемного уровня) и «индивидуальным» (составляющим содержание общесистемного уровня). В связи с этим можно заключить, что общая структурно-уровневая организация личности «выходит за пределы» иерархического принципа и базируется на ином более общем и мощном принципе – *гетерархическом*: она построена на основе не одного, а, как минимум, двух относительно паритетных «управляющих центров», соотносящихся с метасистемным и общесистемным уровнями ее организации.

Далее, с позиций предложенного решения не только открываются возможности, но и возникает необходимость определенного переосмысления использования самого понятия «система» по отношению к личности и его *содержательного* наполнения, то есть *собственно системной экспликации* личности. Эта необходимость с наибольшей очевидностью проявляется в связи с обоснованной выше дифференциацией в структуре личности особого уровня ее организации – субсистемного. Поясним сказанное. Обычно при исследовании отдельных подсистем принято делать акцент либо на выявлении того, по каким закономерностям они интегрированы в систему, либо того, как они сорганизованы друг с другом в ее рамках. Тем самым исследование «фокусируется» на их *субсистемном* статусе, на их анализе именно как *подсистем*. Вместе с тем по отношению к личности объективно складывается несколько иная ситуация. Дело в том, что сами подсистемы, входящие в субсистемный уровень ее организации, являются, во-первых, беспрецедентно гетерогенными по своему содержанию, а во-вторых, обладают чрезвычайно сложной своей собственной («внутренней») организацией, как минимум не уступающей сложности организации всей личности. Однако наиболее характерно и показательно то, что, как было установлено нами ранее в большом цикле специальных исследований (см., например, [8]), все эти подсистемы – «составляющие» личности, равно как и она сама в целом, также являются системами

со «встроенным» метасистемным уровнем. Отсюда следуют, как минимум, два достаточно значимых заключения. Первое: по-видимому, наиболее общей закономерностью организации личности является то, что главный принцип, на основе которого она организована *в целом* (то есть принцип «встроенности» метасистемного уровня в ее структуру), воспроизводится в организации ее основных «составляющих», *мультиплицируется* в них. Второе: общий характер; даже сам *тип* интеграции основных подсистем – «составляющих» личности, осуществляющийся на общесистемном уровне ее организации, должен быть, очевидно, достаточно специфическим. Дело в том, что такая интеграция должна обеспечивать не только и не столько «целостность и унифицированность» их функционирования, сколько обеспечивать сохранение их *принципиальной качественной гетерогенности*. Интеграция должна осуществляться при обязательном сохранении всей качественной определенности самих интегрируемых подсистем, а они, в свою очередь, должны сохранять свою относительную автономность, самодостаточность и уникальность в составе личности в целом. В противном случае сам «феномен личности» как многомерного и полиструктурного образования фактически деструктурируется.

В связи со сказанным есть все основания заключить, что по отношению к столь сложному и гетерогенному образованию, каковым выступает личность, само понятие «система», хотя, конечно, и может быть применено, но является все же, по-видимому, уже недостаточно адекватным для раскрытия всей ее сложности. Дело в том, что личность – это уже нечто «большее, чем система», поскольку самая ее суть состоит не в интеграции ее подсистем по типу их унификации, упорядочивания, а, наоборот, в обеспечении сохранения их разнообразия, гетерогенности, самостоятельности и самодостаточности. Состав и содержание личности образованы не подсистемами, а вполне самостоятельными и самодостаточными системами. Поэтому для общей характеристики личности в большей степени адекватно не понятие «система», а иное более общее понятие – «*системный комплекс*» [9]. Осознание данного факта позволяет объяснить, почему собственно системные экспликации личности отнюдь не всегда оказываются удачными: они и не могут быть таковыми, поскольку личность является не системой, а именно системным комплексом. В этом плане и само понятие метасистемности (как своего рода «сверхсистемности») обретает еще один смысловой оттенок: это – то, что больше, нежели системность, то есть именно системный *комплекс*).

Наряду с этим, следует подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Субсистемный уровень, как показано в методологии метасистемного подхода, обладает рядом важных и достаточно специфических характеристик [10]. Так, его атрибутивной характеристикой является не только то, что он принципиально *множественен* по составу и беспрецедентно *гетерогенен* по содержанию, но и то, что он столь же принципиально *функционален* и *операционален*. Это означает, что формирование и последующее «бытие» тех подсистем, которые входят в него, осуществляется именно на основе *функционального принципа*, поскольку они направлены на обеспечение какой-либо основной функции системы в целом; они выступают как своего рода ее «функциональные органы». С данной атрибутивной особенностью объективно сопряжено и то, что данный уровень, во-первых, в наибольшей мере подвержен *генетической* динамике (поскольку сами функциональные органы не даны исходно, а являются продуктами формирования); во-вторых, на нем в максимальной степени представлено свойство *активности субъекта* как необходимое условие самого функционирования. Тем самым именно на данном уровне в наиболее полной мере эксплицируются все основные психологические характеристики *субъектности* как таковой; он в значительной степени и воплощает саму эту субъектность.

Итак, можно видеть, что сформулированные представления, действительно, содействуют решению таких общих и значимых проблем психологии личности, как проблемы *принципов* ее структурной организации и проблема правомерности *системной экспликации* личности и содержания этой экспликации. Кроме того, с этих позиций открывается возможность и для определения достаточно естественных отношений между основными понятиями, используемыми в психологии личности – понятиями самой личности, индивидуальности, субъекта, индивида, организма, человека. Все они обретают естественную упорядоченность и закономерные отношения друг с другом именно на основе рассмотренной выше структурно-уровневой организации личности, то есть *в соотношении* с ее основными уровнями. Так, понятие *личности* в наибольшей мере соответствует метасистемному уровню. Понятие *индивидуальности* как наиболее интегративное «измерение», фиксирующее всю совокупность качеств личности, а не только

качеств социально обусловленных, естественным образом соотносится с общесистемным уровнем. Понятия *субъекта* и, соответственно, те свойства, которые составляют содержание субъектности, наиболее релевантны, как показано выше, субсистемному уровню. Столь же естественна наибольшая релевантность понятие *индивида* компонентному уровню, поскольку он включает в свой состав хотя и опосредствованно, но объективно фактически все индивидуально-специфические отдельные ее качества психики. Наконец, элементный уровень, базирующийся на еще более локальных, фактически организменных предпосылках, соотносится с понятием *организма*. Пять указанных категорий (личности, индивидуальности, субъекта, индивида, организма), в свою очередь, интегрируются в предельно обобщенном и минимально «нагруженном» специфическими смысловыми оттенками понятию человека. Делая это заключение, мы, естественно, сознаем его достаточно общий и в чем-то абстрактный характер. Вместе с тем следует обратить внимание и на то, что оно позволяет синтезировать и представлять в виде единого целого все базовые понятия, используемые в психологии личности для обозначения ее модусов, на основе общего и объективного – структурно-уровневого – критерия.

Список использованной литературы

1. Карпов А. В. Метасистемный подход как методологическая основа разработки проблемы личности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3.
2. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: ИП РАН, 2004. 566 с.
3. Карпов А. В. Метасистемный подход как методологическая основа разработки проблемы личности.
4. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997. 606 с.
5. Карпов А. В. Метасистемный подход как методологическая основа разработки проблемы личности.
6. Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч.
7. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики.
8. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1984. 464 с.
9. Там же.
10. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики.

УДК 316.64

В статье рассматриваются различные подходы к определению «Я», к процессу его становления и определению его функций в жизнедеятельности субъекта. В теориях одних авторов «Я» рассматривается как система представлений субъекта о себе в различных сферах жизнедеятельности. У других – «Я» определяется как представление о своих физических или личностных характеристиках. Использование разными авторами одного и того же термина «Эго» для обозначения «Я» не исключает различий в интерпретации его взаимодействий с другими подструктурами сознания – «Оно», «Супер-Эго». Общим для большинства авторов является мнение, что несовпадение отдельных представлений о себе – причина возникновения напряжения и стимуляции активности субъекта к изменению себя. Отсутствие единой языковой среды для интерпретации проявлений «Я» препятствует однозначному пониманию отдельных компонентов «Я» и их взаимодействию.

К л ю ч е в ы е с л о в а : образ; «Образ самого себя»; парадигма; представление; «Я-идеальное»; «Я-реальное»; «Я-образ».

This paper deals with various approaches to the definition of «I», its establishment and determination of its functions in activities of a subject. Some theories consider «I» as a system of concepts, ideas of a subject about him/herself that apply to various domains of human life. Some other theories view «I» as a concept of one own physical and personal characteristics. The use of one term «Ego» by different authors does not exclude differences in interpretations of its interaction with other sub-structures of consciousness – «It», «Super-Ego». Overall, authors converge on the idea that discrepancies in some concepts about self are the cause for the emergence of tension and the reason that stimulates subject's activities towards the change of him/herself. The absence of a common linguistic environment for interpretation of «I» is an obstacle for an unambiguous understanding of separate components of «I» and their interaction.

К e y w o r d s : image; «self image»; paradigm; representation; «ideal self»; «real self».

Н. Г. Солдатенко

Международная Высшая школа практической психологии, г. Рига

E-mail: n.soldatenko@inbox.lv

Теоретические и практические исследования представлений в содержании «Я-образа» в зарубежной психологии

Научная статья

N. G. Soldatenko

Higher School of Practical Psychology, Riga

E-mail: n.soldatenko@inbox.lv

Theoretical and Practical Research on the Concept «I-Image» in Foreign Psychological Schools

Scientific article

Представление является одной из основных психологических категорий. До настоящего времени синонимом понятия «представление» является понятие «образ». Представление (в психологии) (presentation, mental representation) – наглядный образ предмета или явления (события), возникающий на основе прошлого опыта путём его воспроизведения в памяти или в воображении [1].

Представления динамичны, их содержание постоянно расширяется, изменяется, так как новые условия взаимодействия отражающего с объектом отражения, выявляют новые стороны в объекте, которые не могли проявиться в прежних условиях восприятия [2].

Если в отношении образов окружающего мира как результата их восприятия человеком существует некоторое единство в их понимании, интерпрета-

ции, то в отношении «Я-образа» существует много разных определений. Различия используемых методов, подходов в объяснении психологических явлений, в том числе и категории «Я-образа», вызвали потребность в создании интегративной психологии и её парадигмы. Основателем интегративной психологии является профессор, доктор психологических наук В. В. Козлов. Стратегия интегративной психологии – это «...постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез различных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария при сохранении их автономии в последующем развитии» [3]. Разработка интегративной парадигмы психологии необходима для создания универсальной языковой среды, в кото-

рой любая символика может использоваться однозначно независимо от парадигмы [4].

Одним из первых исследователей «Я» был известный американский психолог У. Джеймс. В самосознании человека Джеймс выделил две взаимосвязанных стороны, одна из которых познаваема, другая – познающая. Первая сторона – личность, вторая – «Я» [5].

В психоаналитической теории З. Фрейда «Я» является инстанцией личности, регулирующей процесс сознательной адаптации. Содержанием «Я» является всё, что осознанно и может быть осознанным. «Я» содержит определённую долю бессознательного – «Оно». Фрейд выделяет ещё одну ступень «Я»: «Я-идеал», или «Сверх-Я». Система «Я» формирует представление субъекта о себе следующим образом: в процессе общения ребёнка с родителями они выступают в качестве объектов восприятия, с которыми ребёнок начинает себя идентифицировать. Этот процесс Фрейд назвал «загрузкой объектом» [6].

Интеракционистский подход к объяснению «Я» человека отличается социальной ориентированностью (Ч. Кули, Дж. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани, Э. Гоффман и др.). В основу их подхода легла идея представителя шотландской школы философии морали А. Смита о том, что самооценка человека, образ себя определяется «зеркалом», в качестве которого выступает общество. Глядя в «зеркало», человек изучает своё собственное поведение, сравнивая его с поведением других. По мнению Т. Шибутани, видение себя человеком в «зеркале» должно соответствовать тому, как думают о нём другие, хотя совершенно не обязательно, чтобы они так думали в действительности [7]. Следовательно, можно сделать вывод, что представление себя в различных ситуациях обусловлено ожиданиями других, – это и составляет «образ Я».

Основатель школы интеракционизма Д. Мид выделил две стадии становления Я. Первая стадия – игровая. Ребёнок принимает роль близких людей: матери, отца или тех, кого он непосредственно наблюдал. Эти люди демонстрируют детям, как следует вести себя в тех или иных ситуациях. На второй стадии, у детей более старшего возраста уже имеются представления о роли других людей без их проигрывания.

В настоящее время часто используется понятие «образ себя». Это понятие в 1954 г. ввёл К. Готтшальдт. Обзор экспериментальных исследований «образа себя» был представлен швейцарским психологом Р. Мейли. Проанализировав результаты экспериментов К. Готтшальдта и Р. Виле,

Д. Брунера и Н. Постмана, В. Вольфа, С. Журара и Р. Реми, Ф. Робайе, Дж. Блока, Г. Томаса, А. Трегуба, А. Эдварса и П. Хорста, Р. Мейли сделал вывод, что образ – это теоретическая конструкция, содержанием которой являются конкретные качества субъекта. Между образом самого себя и идеальным образом существует динамическое взаимодействие, которое определяет изменения в образе себя [8].

К. Роджерс исследовал «Я-концепцию» как взаимодействие «Я-реального» и «Я-идеального» в процессе психотерапии. Различия между «Я-реальным» и «Я-идеальным» Роджерс объяснил высокой внутренней напряжённостью. После прохождения психотерапии напряжённость снижается и представление о себе характеризуется большим внутренним спокойствием, самопониманием, самопринятием [9].

Направление, разрабатываемое Э. Эриксоном, получило название «Эго» психологии. Это направление, идеи которого разрабатывались в теории Г. Гартмана, М. Рапопорта, Э. Криса. В соответствии с этой теорией «Эго» субъекта играет ведущую роль в его жизни: «Эго балансирует между крайностями – «Оно» и «Супер-Эго» ...парирруя их экстремистские методы» [10]. «Эго» организует поведение человека в реальной жизни через выполнение таких функций, как проверка образов восприятия, отбор воспоминаний, направления действий и тем самым интегрирует «...способности индивида к ориентировке и планированию» [11].

Английский психолог Р. Бернс представление человека о самом себе, о своей собственной личности назвал «Я-концепцией»: «Я-концепция – это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряжённая с их оценкой. Описательную составляющую Я-концепции часто называют «образом Я» или «картиной Я». Составляющую, связанную с отношением к себе или к отдельным своим качествам, называют самооценкой или принятием себя» [12].

Современные исследования Я-концепции представлены в исследованиях Н. W. Marsh (2007), который определяет Я-концепцию как важный медирующий фактор, усиливающий достижение желаемых результатов в ментальном и физическом здоровье, поведении, социальной службе.

В социальной психологии и психологии личности большое значение придаётся социальным представлениям, к которым относятся в первую очередь представления человека о самом себе и представления о других.

Анализ исследований «Я» в различных зарубежных психологических школах выявил следующее:

- нет единого определения для «Я» как психологического феномена. Наиболее употребляемы такие определения, как «Эго», «Образ Я», «Образ самого себя» и «Я-концепция»;

- представители разных психологических направлений расходятся в определении доминирующих факторов развития «Я»: биологический фактор (З. Фрейд), социальный (Ч. Кули, Дж. Мид), биосоциальный (Э. Эриксон, Р. Бернс);

- при одинаковом обозначении «Я» как «Эго» существуют различия в определении его функций в процессе психической регуляции состояния и поведения субъекта (З. Фрейд, Э. Эриксон);

- в содержании «Образа себя» исследователи вносят конкретные характеристики субъекта (внешность, личностные качества, психические состояния). Реальный образ самого себя постоянно взаимодействует с внутренним идеальным образом самого себя, что и определяет внутреннюю динамику развития «Я». От соотношения реального образа себя и идеального зависит удовлетворённость субъекта собой (К. Готтшальдт, С. Журау, Р. Реми, К. Левин);

- компоненты «Я» объединяются одной способностью – представить обобщённую субъективную самооценку, как бы позволяющую посмотреть на себя со стороны.

Список использованной литературы

1. Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2007. С. 305.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. 304 с.
3. Козлов В. В. основы интегративной парадигмы психологии // Методология современной психологии: сборник / под ред. В. В. Козлова, В. Ф. Петренко, М., 2010. Вып. 1. С. 62.
4. Там же.
5. Джеймс У. Психология. М., 1991. С. 105.
6. Фрейд З. «Я» и «Оно»: сборник: пер. с нем. СПб., 2007. С. 122.
7. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д., 1999. 539 с.
8. Ришар М. Структура личности // Экспериментальная психология / ред.-сост. П. Фресс и Ж. Пиаже. М., 1975. С. 265–274.
9. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. Е. И. Исениной. М., 1994. С. 314–316.
10. Эриксон Г. Э. Детство и общество: пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1996. С. 274.
11. Там же. С. 275.
12. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. С. 30–31.

УДК 159.923.3

В статье представлены результаты исследования личностных профилей представителей различного типа карьерной ориентации в управленческой деятельности. Раскрыты принципиальные отличия в уровне проявления личностных факторов, лежащих в основе управленческого поведения.

Ключевые слова: карьера; карьерная ориентация; руководитель; личностные детерминанты карьеры; типология.

The article presents the results of the study of personality profiles of representatives of different types of career orientation in management. Fundamental differences in the level of manifestation of personality factors underlying managerial behavior are revealed.

Keywords: career; career orientation; manager; personal determinants of career; typology.

А. В. Карпов, Н. В. Субботина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru; sublara@mail.ru

Исследование личностных детерминант карьерных предпочтений руководителей

Научная статья

A. V. Karpov, N. V. Subbotina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru; sublara@mail.ru

The research of personality determinants of career preferences of managers

Scientific article

Проблема изучения психологических основ карьеры, ее феноменологии и механизмов формирования становится все более актуальной. Карьера рассматривается как один из показателей индивидуальной профессиональной жизни человека, как достижение желаемого статуса и соответствующего ему уровня и качества жизни, а также как достижение известности и славы. Успешно построенная карьера позволяет человеку добиться признания своей неповторимости, значимости для других людей, для общества в целом.

Однако научного обеспечения разработки данного феномена явно недостаточно. Отсутствует четкое определение самого понятия карьеры, возникают вопросы в характеристике типов карьеры, противоречивые мнения относительно феноменологической природы карьеры (социально-детерминированное или личностное состояние). Эти и ряд других моментов свидетельствуют о необходимости глубокой разработки данного вопроса как на теоретическом, так и практическом уровнях психологии.

Наше исследование посвящено вопросу личностных детерминант карьерных ориентаций. Его актуальность связана с необходимостью управления карьерой

в современных условиях, а также с тем, что учет типологии карьеры, личностных особенностей руководителей и психологических механизмов, позволяющих реализовать профессиональную карьеру, помогает прогнозировать организационное поведение менеджеров. Теоретическую базу исследования составили работы Е. П. Ермолаевой, В. Ю. Иконникова, В. И. Подшивалкина, Ю. М. Забродина, В. Ю. Иванова, Е. Г. Молл, Н. Л. Ивановой, Е. В. Михайлова, В. А. Штроо, Е. П. Ильина, А. В. Карпова, Е. А. Климова, А. К. Марковой, Е. А. Могилевкина, М. В. Молоканова, В. А. Толочка и других.

Проведенный теоретический анализ феномена карьеры [1] позволил нам сформулировать следующий теоретический конструкт, который лег в основу нашего эмпирического исследования. Карьера – это поведение личности в трудовой деятельности, отражающее осознанную позицию человека в направлении успешного продвижения вперед в профессиональной области. Это поведение может детерминировать как профессиональный рост, так и должностное продвижение. Существуют разные виды карьеры: по характеру ее динамики; по организационной форме; по основанию занятости или

© Карпов А. В., 2012

© Субботина Н. В., 2012

безработицы. В целом вид карьеры отражает достигнутый профессиональный уровень, последовательность, частоту и длительность апробируемых и постоянных профессий. На карьеру человека влияют внутренние факторы – мотивы, уровень притязаний, самооценка, здоровье человека и внешние факторы – социально-профессиональная среда, тип профессиональной организации (иерархия), случай. Внутренние факторы могут быть независимые или формироваться самим человеком. Профессиональная среда может осознанно или неосознанно тормозить профессиональный рост и карьеру, «отсекая» как некомпетентных, так и сверхкомпетентных. Карьера непосредственно связана с периодизацией жизни, кризисами личности, мерой и содержанием мотивированности профессиональной деятельности.

Важнейшей детерминантой профессионального пути человека является его представление о своей личности – так называемая «профессиональная Я-концепция». Внутрличностными детерминантами карьеры выступают: целеустремленность, мотивация достижения; высокий уровень притязаний; коммуникативные навыки: ораторские, активное слушание, аргументирование, а также память на детали; навыки планирования, организации и принятия решений; рефлексия и эмпатия; адекватная самооценка, самоэффективность и стрессоустойчивость.

Соответственно указанным положениям целью эмпирического исследования явилось изучение личностных детерминант карьерной ориентации у руководителей. Основная гипотеза исследования включала предположение о наличии специфических различий по личностным детерминантам карьерных предпочтений у руководителей с разным типом профессиональной карьеры.

Характеристика выборки. Респондентами в исследовании выступали 100 менеджеров (руководителей) высшего и среднего уровней, работающие на предприятиях смешанных форм собственности города Ярославля. Их возраст варьировал от 35 до 48 лет. Среди «высших» менеджеров были директора предприятий и промышленных компаний, а также их заместители, председатели правления и члены Совета директоров; среди менеджеров «среднего» уровня – руководители подразделений, директора производства, главные бухгалтеры, руководители отделов.

Методы исследования. Для проведения эмпирического исследования были использованы: опросник «МАС» М. Кубышкиной [2]; методика самоэффективности, разработанная Маддуксом и Шером в модификации Л. Бояринцевой [3]; методика «Метакогнитив-

ной включенности и рефлексивности» А. В. Карпова [4]; методика «Мотивация к успеху» Т. Элерса [5] и анкета для определения типа карьерной ориентации по Драйверу. Анкета была специально разработана для реализации цели исследования. Для математико-статистической обработки полученных данных использовался непараметрический критерий Манна-Уитни.

По результатам проведенного опроса с помощью специально разработанной анкеты для определения типа карьерной ориентации по Драйверу в выборке руководителей среднего и высшего звена было выделено 4 группы: в первую вошли 23 руководителя (23,0%), предпочитающих *линейный тип карьеры*, когда человек с самого начала своей трудовой деятельности выбирает понравившуюся ему область деятельности и упорно шаг за шагом на протяжении всей жизни поднимается по иерархической лестнице.

Во вторую – 38 руководителей (38,0%), предпочитающих *стабильную карьеру*, когда еще в молодости человек выбирает область своей деятельности и до конца остается в ней. Такой человек со временем повышает уровень мастерства, имеет более высокий доход, однако он не стремится продвигаться по иерархической лестнице своего ведомства. Здесь скорее речь может идти о повышении квалификации.

В третью группу – 17 руководителей (17,0%), предпочитающих *спиральную карьеру*, характеризующуюся высокой мобильностью. Она чаще свойственна беспокойным людям с разнообразными интересами и пристрастиями. Эти люди с энтузиазмом погружаются в работу, трудятся напряженно и делают свое дело хорошо, продвигаются в своем статусе и ранге. Однако через 5–7 лет их интерес затухает, причем настолько, что они уходят на другую работу, и все повторяется заново.

В четвертую группу вошли 22 руководителя (22,0%), предпочитающих *платообразный тип карьеры*, когда человек после определенного продвижения достигает такого уровня, где обнаруживается предел его компетентности. Как правило, человек остается на этом месте до ухода на пенсию. О таких работниках говорят, что они попали в «мертвую зону», плато, где им присваивается нулевой коэффициент продвижения.

Анализ фактора целеустремленности представителей разных типов карьерных ориентаций позволил установить, что для каждого выделенного типа карьеры характерен свой уровень целеустремленности и своя структура выраженности компонентов ее составляющих: стремления к социальному престижу, соперничеству и достижению цели.

Для руководителей, предпочитающих линейный тип профессиональной карьеры, характерен самый высокий в исследуемой выборке уровень целеустремленности при практически равной выраженности стремления к социальному престижу, соперничеству и достижению цели. Противоположный континуум по данным показателям занимают руководители, предпочитающие стабильную карьеру. Однако для них более выражено стремление к достижению цели. Для представителей спиральной карьеры также характерен высокий уровень целеустремленности, лишь незначительно уступающий представителям линейной карьерной ориентации. Представители этой группы в большей мере стремились к достижению цели и социальному престижу, не испытывая выраженной потребности в соперничестве. У руководителей, предпочитающих платообразную карьеру, фактор целеустремленности нейтрален.

Фактор самооффективности в сфере предметной деятельности и в сфере межличностного общения у представителей разных типов карьерных ориентаций проявляется различно. Использование U-критерия Манна-Уитни позволило установить, что наибольшие различия и по самооффективности в сфере предметной деятельности, и по самооффективности в сфере межличностного общения на уровне значимости $p < 0,01$ и $p < 0,001$ проявились между парами представителей «линейная – спиральная» карьерная ориентация и «стабильная – платообразная». Представители линейной и спиральной карьеры значительно превосходили представителей стабильной и платообразной карьеры и по представлениям о самооффективности в сфере предметной деятельности, и по представлениям о самооффективности в сфере межличностного общения. Причем различия по самооффективности в сфере предметной деятельности являлись более значимыми.

Руководители линейного типа характеризуются высшим уровнем самооффективности в обеих сферах, для представителей спиралевидного типа высокий уровень отражает предметная сфера деятельности. Для руководителей платообразного типа – устойчиво проявляется общий низкий уровень самооффективности, который несколько повышается с тенденцией к среднему у руководителей стабильного типа карьеры. При этом представители линейной и спиральной карьеры наиболее значительно превосходили представителей стабильной и платообразной карьеры и по представлениям о самооффективности в сфере предметной деятельности, и по представлениям о самооффективности в сфере межличностного общения.

Следующий блок различий был обнаружен по фактору рефлексивности. Анализ рефлексивности представителей разных типов карьерных ориентаций позволил установить, что для каждого типа карьеры был характерен свой уровень рефлексивности, колеблющийся в пределах от низкого (меньше 4 стенов) до высокого (более 7 стенов). Результаты в диапазоне от 4 до 7 стенов – индикаторы среднего уровня рефлексивности.

Представители линейной и особенно спиральной карьерной ориентации значительно превосходили представителей стабильной и платообразной карьеры по уровню рефлексивности ($p < 0,05$ и $p < 0,01$). Очевидно, достаточно развитая способность к самовосприятию содержания собственной психики позволяет представителям линейного типа однажды выбрав понравившуюся область профессиональной деятельности целенаправленно строить свою профессиональную карьеру. А представителям спиральной карьеры мобильность психического отражения и высокая склонность к самоанализу позволяет в определенные периоды менять работу, к которой исчерпан интерес. Различия по уровню рефлексии между представителями линейной и спиральной карьеры минимальны. Представители спиральной карьеры лишь незначительно превосходили представителей линейной карьеры по уровню рефлексивности. При этом уровень рефлексивности у представителей обоих типов был одинаково высоким. Статистически достоверных различий между представителями стабильной и платообразной карьеры по уровню рефлексивности не было установлено.

Фактор успеха подчинился общей выявленной тенденции. Для руководителей, предпочитающих линейный тип профессиональной карьеры, был установлен самый высокий в исследуемой выборке уровень стремления к успеху. Несколько уступающий уровень – у представителей спирального типа карьеры. У руководителей стабильного типа – средний уровень и, наконец, у предпочитающих платообразный тип карьеры – низкий уровень мотивации на достижение успеха. При этом наибольшие различия по мотивации к успеху были характерны для представителей линейной и спиральной карьерной ориентации, с одной стороны, и такими типами карьеры, как стабильная и платообразная, – с другой. Таким образом, в данном исследовании была установлена достоверность различий по личностным детерминантам карьерных предпочтений у руководителей с разным типом профессиональной карьеры.

Наиболее значимые различия по личностным детерминантам карьерных предпочтений были установлены для представителей линейной и спиральной карьерной ориентации, с одной стороны, и представителями стабильной и платообразной карьеры – с другой.

Итак, проведенный нами теоретический анализ проблемы позволил сделать предположение, что имеются специфические различия по личностным детерминантам карьерных предпочтений у руководителей с разным типом профессиональной карьеры. Эмпирическая проверка подтвердила выдвинутую гипотезу и позволила сделать следующие выводы.

1. Выделенные по типу карьеры группы руководителей имеют принципиально разный тип личностных характеристик, лежащих в основе карьерной ориентации.

2. Для каждого типа карьеры был характерен свой уровень самооффективности как в сфере предметной деятельности, так и в сфере межличностного общения; свой уровень рефлексивности, колеблющийся в пределах от низкого (меньше 4 стенов) до высокого (более 7 стенов), свой уровень стремления к успеху, показатели которого варьировали от 15,4 до 24,6 баллов.

3. Получены характеристики личностного профиля для каждого типа карьерной ориентации:

- представители *линейного* типа профессиональной карьеры достаточно высоко оценивают свой потенциал, адекватны по рефлексивности; продемонстрировали самый высокий в исследуемой выборке уровень стремления к успеху;

- представители *стабильного* типа профессиональной карьеры адекватно оценивают свой потенциал, имеют средний уровень рефлексивности, средний уровень мотивации достижения успеха;

- представители *спирального* типа профессиональной карьеры не всегда адекватно оценивают свой потенциал, чаще завышая его; имеют высокий уровень рефлексивности, высокий уровень стремления к успеху;

- представители *платообразного* типа профессиональной карьеры характеризуются неадекватной оценкой своего потенциала, нередко намеренно занижая его; имеют низкий уровень рефлексивности и низкий уровень мотивации на достижение успеха.

4. Наблюдается частичное совпадение выявленных детерминант у представителей разных карьерных типов, что позволило объединить их по каждому параметру в общие группы. Представители линейной и спиральной карьерной ориентации значимо превосходили представителей стабильной и платообразной карьеры по выраженности параметров целеустремленности, деятельности и социальной самооффективности, уровню рефлексив-

ности и стремления к достижению успеха. Наименее достоверными являлись различия по личностным детерминантам карьерных предпочтений между представителями линейной и спиральной карьеры, а также различия между представителями стабильной и платообразной карьеры. Данные факты указывают на личностную близость таких типов, как «линейная – спиральная» карьера и «стабильная – платообразная» карьера, что является основанием для психологической классификации карьерной ориентации.

Современная типология карьеры в своей основе содержит представления об осознанности профессионального выбора, о характере ее динамики, обусловленной кризисами профессионального развития, а также об основных этапах развития профессионализма как основе построения карьеры и так далее. Полученные в нашем исследовании результаты дополняют данный вопрос в аспекте личностной характеристики типологии карьерной ориентации в управленческой деятельности.

Важность анализируемой проблемы требует серьезного и глубокого изучения вопросов, связанных с определением, формированием и структурным содержанием такого многозначного явления, как карьера.

Список использованной литературы

1. Брэддик У. Менеджмент в организации. М.: Смысл, 1997. 302 с.; Друкер Питер Ф. Эффективный руководитель. М.: Вильямс, 2007. 224 с.; Жизненный путь и профессиональная карьера специалиста / под ред. В. Ю. Иконникова и В. И. Подшивалкина. Кишинев, 1997. 314 с.; Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57; Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 120 с.; Молл Е. Г. Управление карьерой менеджера. СПб.: Питер, 2003. 352 с.; Петрушин В. И. Психология карьеры. М.: Академический проект, 2004. 208 с.; Управление персоналом / под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. М.: ЮНИТИ, 2002. 560 с.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2006. 512 с.
3. Иванова Н. Л., Михайлова Е. В., Штроо В. А. Введение в психологию бизнеса: учеб. пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 471 с.
4. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: ИП РАН, 2005. 352 с.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы.

УДК 159.9.072

В статье анализируются основные профессионально значимые качества педагога, необходимые для работы с одаренными детьми, приводятся данные сравнительного исследования.

Ключевые слова: системогенез; профессионально значимые качества педагога; одаренные дети.

The article deals with the idea of the teacher's readiness to work with gifted children. Some important qualities, which are necessary to work with gifted children are described; the results of comparative analysis of teachers working and not working with gifted children are presented.

Keywords: systemogenesis; professionally important qualities of a teachers, gifted children.

М. М. Кашапов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: smk007@bk.ru

Н. В. Дудырева

Вологодский институт развития образования

E-mail: nvd59@mail.ru

Профессионально важные качества педагога в работе с одаренными детьми*

Научная статья

М. М. Kashapov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: smk007@bk.ru

N. V. Dudireva

Vologda Institute for the Development of Education

E-mail: nvd59@mail.ru

Professionally Important Qualities of Pedagogues Essential for Working with Gifted Children

Scientific article

Многочисленные исследования показывают, что психологическое своеобразие одаренных детей, их повышенные познавательные потребности и возможности часто становятся источником трудностей и проблем, возникающих у них в процессе учения. Необходимость подготовки учителей к работе с одаренными детьми в условиях общеобразовательной школы обусловлена недостаточностью образовательных технологий поддержания и развития творческой активности школьников, что в конечном итоге приводит к снижению и угасанию этой активности. Достаточно часто встречается мнение, что одаренным детям нужен просто хороший учитель. Однако одаренные дети имеют некоторые специфические особенности, в силу которых те или иные личностные характе-

ристики, знания и умения учителя приобретают большую или меньшую значимость; такие дети нуждаются в другом обучении, что требует от учителя дополнительной подготовки.

Высказанное выше подтверждают слова В. Д. Шадрикова о том, что конкретные способности педагога переплавляются в способности ученика, насыщаются чувствами сверяя свои душевные способности с душевными способностями ученика, учитель привносит в педагогический процесс свою духовность, а его душевные способности приобретают характер духовных способностей [1].

Анализ состояния проблемы профессиональной подготовки педагогов с учетом современных требований к психологической готовности педагогов к работе с одаренными детьми, изучение

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, № проекта 11-06-00738а.

© Кашапов М. М., 2012

© Дудырева Н. В., 2012

опыта работы в данном направлении позволяют констатировать, что для успешного осуществления профессиональной деятельности педагогам общеобразовательных школ необходим целый спектр профессионально важных качеств (ПВК), причем особую роль играют личностные качества. Проблема выделения данных качеств, исследования закономерностей их развития является недостаточно изученной. Системный анализ роли учителя в успешном развитии детей с признаками одаренности позволил выявить противоречия между объективной необходимостью специальной подготовки учителя к работе с ними, направленной на формирование и развитие определенных профессионально значимых качеств и отсутствием научно обоснованного комплекса ПВК, определяющего эту успешность.

В. Д. Шадриков определяет ПВК как «индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность и успешность ее выполнения» [2]. Нас в данной работе будут интересовать ПВК, влияющие на успешность работы учителя с одаренными детьми. Из приведенного определения следует, что ПВК определяются содержанием деятельности, а критерием для выделения является успешность педагога в работе с одаренными детьми. ПВК являются системными и интегральными качествами, которые строятся на основе индивидуальных качеств человека, формируются с учетом профессиональных требований. Их индивидуальное своеобразие определяет индивидуальность и неповторимость личности профессионала, формируя индивидуальный стиль деятельности.

Следует отметить, что проблемы, возникающие в работе с одаренными детьми, почти никогда не имеют готовых общепринятых решений. Эффективность их разрешения зависит от умения учителя абстрагироваться от сиюминутных проблем, его самокритичности, открытости, познавательной позиции и ответственности. Основной вектор творческого мышления профессионала характеризуется преобразованием ситуации (ситуативный уровень) или преобразованием себя (надситуативный уровень) [3].

В результате теоретического анализа был выделен комплекс ПВК, влияющих на успешность работы с одаренными детьми. В него входят:

1. Профессионально-личностная направленность на работу с одаренными детьми как иерархическая система устойчиво доминирующих мотивов личности;

2. Высокий уровень саморефлексии, который позволяет использовать себя в качестве инструмента, сознательно управляя собственным развитием. В работе с одаренными учениками это профессионально важное качество представляется нам особенно важным;

3. Внутренний локус-контроль. Поскольку деятельность учителя по выявлению и развитию детской одаренности почти всегда сопряжена с непредсказуемостью, отсутствием четких ориентиров, то представляется важным, чтобы педагог мог опираться на собственные внутренние источники деятельности; необходима способность работать в «одиночку», невзирая на равнодушие, непонимание и даже раздражение со стороны коллег;

4. Мотив аффилиации. Поскольку одаренные дети в большинстве своем не вписываются в стереотипные представления учителя о «хорошем ученике», то, вероятно, что боязнь учителя получить негативные оценки, неодобрение, часто мешают полноценному взаимодействию педагога и ребенка;

5. Творческая направленность: стремление к поиску, умение вникнуть в проблему, увидеть перспективу; умение создавать на уроке проблемные ситуации, обеспечивающие возникновение вопроса или предположений; умение стимулировать и обучать постановке исследовательских вопросов; умение стимулировать поиск неизвестного знания;

6. Абнотивность как комплексная способность учителя к адекватному восприятию, осмыслению и пониманию креативного обучаемого, способность заметить одаренного ребенка и оказать ему необходимую психолого-педагогическую поддержку.

В целях проверки выделенного комплекса было проведено эмпирическое исследование ПВК педагогов, влияющих на успешность работы с одаренными детьми.

В контрольную группу (КГ) вошли учителя со стажем работы более 10 лет, высшей квалификационной категории, успешно работающие с одаренными детьми (20 человек).

В экспериментальную группу (ЭГ) входили учителя, приезжающие на обучение в ВИРО на курс «Выявление и развитие одаренных детей» (44 человека). В группе были учителя со стажем работы от 5 лет, первой и высшей квалификационной категории. Педагоги этой группы оценивали свою готовность к работе с одаренными детьми как среднюю или низкую.

Было выдвинуто предположение, что между группами должны быть статистически достоверные различия по следующим показателям: уровню инди-

видуальной меры рефлексивности; мотиву аффилиации: «стремлению к общению» и «боязни быть отвергнутым»; когнитивной ориентации; творческой активности учителя; уровню абнотивности.

Сравнение групп с помощью критерия Манна-Уитни показало, что группы значительно различаются по уровню рефлексивности ($U = 203,5, p \leq 0,001$), абнотивности ($U = 12,5, p \leq 0,001$), творческой активности ($U = 268, p \leq 0,01$) и локус-контролю (по интернальности $U = 345, p \leq 0,05$). Кроме того, зафиксированы значимые различия по второму мотиву аффилиации «боязнь быть отвергнутым» ($U = 82, p < 0,05$). Значимых различий в мотиве «стремление к людям» не обнаружены. При этом:

- сочетание высокого уровня развития мотива «стремление к людям» с высоким уровнем развития мотива «боязнь быть отвергнутым» чаще встречается у педагогов ЭГ – примерно 33% и реже у педагогов КГ – 12%;

- педагоги, эффективно работающие с одаренными детьми чаще демонстрируют высокий уровень развития мотива «стремление к людям», сочетаемый

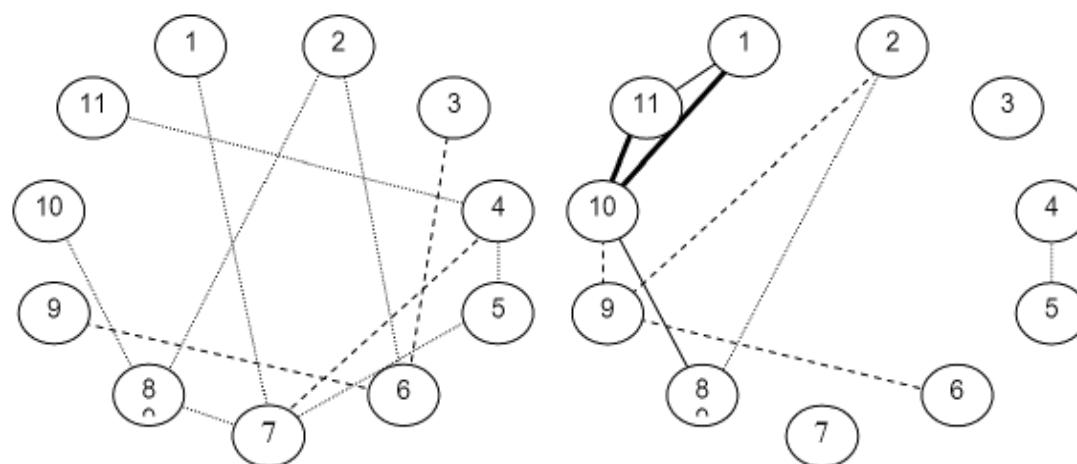
с низким или средним уровнем развития мотива «боязнь быть отвергнутым» (около 75%) В группе педагогов, не имеющих достижений в этом направлении, такое сочетание встречается реже – 37%;

- в ЭГ у 15% педагогов встречается высокий уровень развития мотива «боязнь быть отвергнутым» в совокупности с низким уровнем развития мотива «стремление к людям». В КГ такое сочетание в нашем исследовании не зафиксировано;

- низкий уровень развития обоих мотивов – характеризует человека, который, живя среди людей, общаясь с ними, не испытывает от этого ни положительных, ни отрицательных эмоций и хорошо себя чувствует как среди людей, так и без них – у 15% педагогов ЭГ;

- примерно у 13 % педагогов КГ выявлены средние значения обоих мотивов. В этом случае ничего определенного о возможном поведении человека и его переживаниях, связанных с человеческими отношениями, сказать нельзя.

Следующий шаг исследования – сравнение коррелограмм профессионально важных качеств деятельности педагогов КГ и ЭГ.

Примечание. Здесь и далее:

- отрицательная связь
- связь на уровне $p \leq 0,05$
- связь на уровне $p \leq 0,01$
- связь на уровне $p \leq 0,001$

Рис. 1. Коррелограммы ПВК и готовности к работе с одаренными детьми в группе успешных педагогов и педагогов, не прошедших курсы повышения квалификации: 1 – рефлексивность; 2 – мотив аффилиации – «стремление к общению»; 3 – мотив аффилиации – «боязнь быть отвергнутым»; 4 – экстренальный локус-контроль; 5 – интернальный локус-контроль; 6 – творческая активность; 7 – абнотивность; 8 – когнитивный компонент готовности; 9 – мотивационный компонент готовности; 10 – ориентировочный компонент готовности; 11 – технологический компонент готовности.

В структуре готовности педагогов ЭГ выделяются две самостоятельные области: ПВК и компоненты готовности, которые мало связаны между собой. В структуре педагогов КГ выявлены связи между всеми ПВК и компонентами готовности в прямом или опосредованном виде. Комплекс ПВК и структура готовности к работе с одаренными детьми, такие ее компоненты, как когнитивный и технологический связаны между собой через рефлексивность, абнотивность, творческую активность.

Поскольку по успешности работы с одаренными детьми КГ и ЭГ значимо и достоверно отличаются друг от друга, было сделано предположение, что в структуре готовности к работе с одаренными детьми у педагогов после обучения должны произойти изменения в направлении интегрированности и координации ПВК и компонентов готовности, что приведет к повышению успешности в работе с одаренными детьми.

С учетом результатов эмпирического исследования был спроектирован и реализован курс «Формирование психологической готовности педагогов к работе с одаренными детьми», разделенный на три цикла, включающих лекционно-семинарские занятия и тренинговые формы обучения, которые осуществлялись с интервалом в 3–4 месяца.

Сравнение групп до и после обучения с помощью однофакторного дисперсионного анализа показало значимые различия в уровне индивидуальной меры рефлексивности на высоком уровне значимости – $F = 20,8$ при $p \leq 0,001$. Также было выяв-

лено, что у педагогов после обучения вырос уровень мотива «стремления к общению» ($Mx = 133,5$ и $149,1$ соответственно) и снизился уровень «боязни быть отвергнутыми» ($Mx = 125,0$ и $114,3$ соответственно). Несмотря на то что в абсолютных значениях изменения не столь существенны, тем не менее в уровне развития указанных компонентов мотивации были выявлены статистически значимые различия – $F = 8,4$ при $p \leq 0,01$ (стремление к общению) и $F = 4,4$ при $p \leq 0,05$ (боязнь быть отвергнутым).

Большое значение при проведении курса уделялось развитию творческой активности педагогов как способности к самостоятельному целеполаганию в результате сильного познавательного интереса. Уровень творческой активности учителей за время обучения также вырос ($Mx = 33$ и $Mx = 36,2$ соответственно).

Сравнительный анализ уровня развития абнотивности у педагогов ЭК до обучения был значимо ниже, чем у педагогов КГ. После обучения средние значения уровня абнотивности выросли ($Mx = 69$, $Mx = 46$ соответственно). Различие между группами до и после обучения статистически значимо ($F = 74,630$ при $p < 0,001$). Уровень развития абнотивности в группе педагогов после обучения стал близок к значениям педагогов КГ, то есть оптимальному уровню.

Следующим шагом в нашей работе было сравнение структуры профессионально важных качеств и структуры готовности к работе с одаренными детьми до и после обучения.

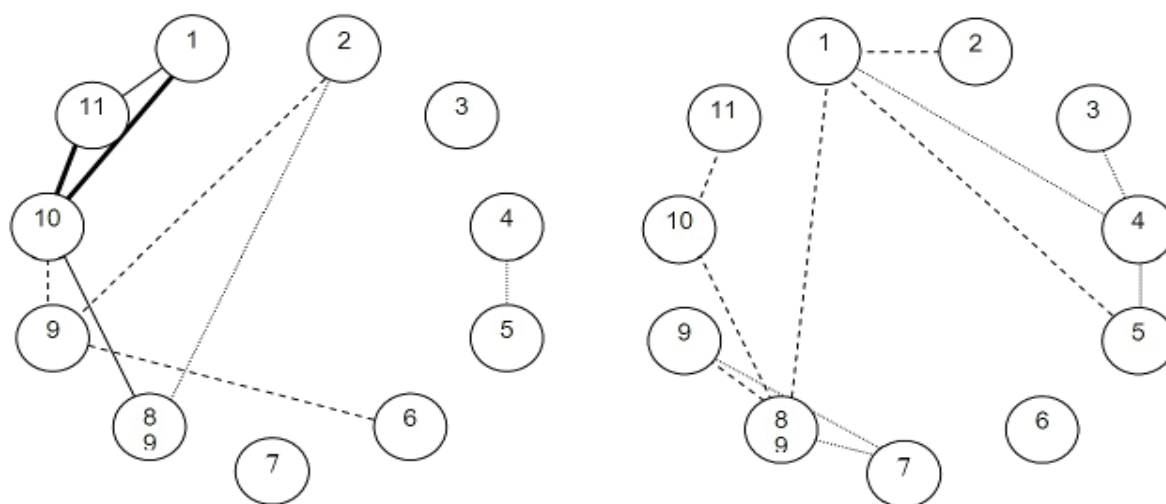

Рис. 2. Коррелограммы ПВК и готовности к работе с одаренными детьми в группе педагогов до и после проведения курсов повышения квалификации: 1 – рефлексивность; 2 – мотив affiliation – «стремление к общению»; 3 – мотив affiliation – «боязнь быть отвергнутым»; 4 – экстренальный локус-контроль; 5 – интернальный локус-контроль; 6 – творческая активность; 7 – абнотивность; 8 – когнитивный компонент готовности; 9 – мотивационный компонент готовности; 10 – ориентировочный компонент готовности; 11 – технологический компонент готовности

Анализ кореллограмм показал, что увеличилось количество слабых положительных связей в структуре деятельности у педагогов. Изменилось количество компонентов, включенных в структуру; снизился уровень интегрированности структуры. На рисунке видно, что профессионально важные качества и профессионально важные умения практически не связаны между собой. В структуре готовности после обучения разрушается тесная связь между компонентами готовности и намечаются новые связи между готовностью (профессионально важными умениями) и профессионально важными качествами учителя.

Выявлена слабая положительная связь при $p < 0,05$ между рефлексивностью и интернальным уровнем локус-контроля с когнитивным компонентом готовности и опосредованно через когнитивный компонент с другими компонентами готовности.

В целом, изменения, зафиксированные в сравнительном анализе ЭГ и КГ, позволяют сделать вывод, что в структуре деятельности произошли значимые изменения, ПВК получили дальнейшее развитие. Все это в комплексе позволяет говорить об эффективности курса «Выявление и развитие одаренных детей».

Оценивая отдаленные результаты своего развития, педагоги отмечали, что необходимо продол-

жать работу с теми, кто прошел первый уровень обучения, есть потребность в новом курсе, который был бы направлен на обмен опытом, рефлексии собственного продвижения.

Таким образом, данное исследование позволило решать задачу выделения ПВК педагогов, необходимых для работы с одаренными детьми. Результаты исследования были использованы в проектировании курса «Выявление и развитие одаренных детей», который реализуется в рамках дополнительного профессионального образования в Вологодском институте развития образования. Получен положительный результат, однако очевидно, что требуется целостная система психологического сопровождения учителя. Только в этом случае можно будет говорить о реальных изменениях в школьном образовании.

Список использованной литературы

1. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007. 284 с.
2. Там же.
3. Кашапов М. М. Стадии творческого мышления профессионала. Ярославль, 2009. 380 с.

УДК 159.9.072

В статье рассматривается зависимость успешности профессиональной деятельности выпускников высшего военного учебного заведения от их успеваемости в период обучения, а также динамика профессионально важных качеств в процессе подготовки курсантов.

Ключевые слова: профессионально важные качества; профессиональная деятельность; учебная деятельность; успешность; симптомокомплекс.

In the given article dependence between success of professional work of graduates of the higher military educational institution and their progress in training while being cadets, and dynamics of professionally important qualities in the course of preparation of cadets, are considered.

Key words: professionally important qualities; professional work; educational activity; success; symptomatic complex.

А. В. Субботин, Ю. В. Пошехонова, А. С. Павлов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Subbotin362@mail.ru; yskvo@mail.ru; Palpas@yandex.ru

Симптомокомплекс профессионально важных качеств курсантов*

Научная статья

A. V. Subbotin, Y. V. Poshekhonova, A. S. Pavlov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Subbotin362@mail.ru; yskvo@mail.ru; Palpas@yandex.ru

Symptomatic Complex of Professionally Important Qualities of Cadets

Scientific article

Актуальность исследования. Проводимое реформирование Вооруженных сил РФ (ВС РФ) накладывает свой отпечаток на все компоненты их боеспособности. Успешное решение задач, стоящих перед ВС РФ, возможно лишь при стабильном и эффективном функционировании всех войсковых объектов и систем, что, в свою очередь, зависит как от надежности, живучести, эргономичности техники, так и от уровня подготовки военных специалистов, управляющих ею. Квалифицированные офицерские кадры, способные эффективно действовать в различных ситуациях мирного и военного времени, владеют средствами деятельности, реализуемыми в условиях оптимизации структуры Вооруженных сил.

В процессе формирования нового облика Вооруженных сил России возникает потребность в появлении специалистов, способных оперативно и компетентно реализовывать свои функции в современных условиях. Профессиональная подготовка таких специалистов требует от военных учебных заведений инновационных подходов к организации образова-

тельного процесса. Особое внимание при этом обращается на задачу качественного повышения уровня практической подготовки будущих офицеров.

В наиболее общем смысле под профессией понимается «типичная исторически сложившаяся форма деятельности, необходимая в социальном отношении, для выполнения которой работник должен обладать определенной суммой знаний, умений и навыков, а также имеет соответствующие способности и особенности личности...» [1]. В современной литературе встречается достаточно много определений понятия «деятельность». С нашей точки зрения, наиболее полным представляется определение, предложенное А. В. Карповым: «**Деятельность** — форма активного отношения субъекта к действительности, направленная на достижение сознательно поставленных целей и связанная с созданием общественно значимых ценностей и освоением социального опыта» [2].

Постановка проблемы исследования. Профессиональная деятельность офицеров зенитных ракетных войск (ЗРВ) имеет, по нашему мнению,

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 11-06-00738а.

© Субботин А. В., 2012

© Пошехонова Ю. В., 2012

© Павлов А. С., 2012

ряд особенностей. Так, основываясь на классификации профессий, предложенной Е. А. Климовым [3], профессию «офицер», применительно к зенитным ракетным войскам, можно отнести одновременно к нескольким типам:

- «человек – человек» – управление подчиненным подразделением, обучение и воспитание подчиненных;

- «человек – техника» – эксплуатация сложных образцов вооружения, их обслуживание и ремонт;

- «человек – знак» – использование различных видов схем, считывание информации, представленной в виде специальных знаков, с индикаторных устройств и др.

Еще одной особенностью данной профессии является высокая цена ошибки в деятельности. В условиях постоянного увеличения мощности тактического и стратегического вооружения, изменения условий и способов ведения боевых действий, повышения информационной загрузки увеличивается цена ошибки в деятельности военных специалистов, а также вероятность ее появления. Находящиеся на вооружении зенитные ракетные системы обеспечивают контроль воздушного пространства в радиусе сотен километров. При этом боевой потенциал современных средств воздушного нападения таков, что пропуск даже одной цели (стратегического бомбардировщика, крылатой ракеты) может привести к тяжелым последствиям не только для обороняемого объекта, но и для государства в целом. При этом все находящиеся на вооружении зенитные ракетные системы и комплексы относятся к оружию повышенной потенциальной опасности. Их несанкционированное применение может привести к значительным разрушениям и человеческим жертвам. Кроме того, современные зенитные ракетные системы являются оружием коллективным. При их применении ошибка, допущенная одним функционером, может привести к срыву выполнения боевой задачи всем подразделением.

Перечисленные особенности определяют специфику подготовки будущих офицеров в высших военных учебных заведениях (ВВУЗ). Анализ существующего положения в системе подготовки офицерских кадров выявил следующие **основные противоречия**:

- между потребностью современного социума в повышении качества профессиональной подготовки выпускников ВВУЗа, их готовностью оперативно включаться в сферу профессиональной деятельности, самостоятельно и своевременно при-

нимать правильные решения, грамотно действовать в сложной ситуации и недостаточной направленностью образовательного процесса на формирование у курсантов соответствующих профессионально важных качеств (ПВК);

- между необходимостью обеспечения традиционного содержания образования (знания, умения, навыки) и потребностью формирования у обучающихся необходимых ПВК, обуславливающих эффективность их подготовки к будущей профессиональной деятельности. «Под ПВК понимаются свойства субъекта деятельности, необходимые для ее выполнения на нормативно заданном уровне и положительно коррелирующие хотя бы с одним параметром ее эффективности» [4].

Таким образом, вопросы обеспечения высокого качества образования непосредственно связаны с умением выпускника ВВУЗа быстро включаться в служебную деятельность, быть способным к творческому освоению служебных обязанностей с ориентацией на изменения, которые происходят в стране и мире, быть способным результативно действовать в конкретной ситуации. Такая подготовка молодых специалистов возможна лишь на основе системного подхода к организации учебной деятельности.

Основываясь на общих положениях системного подхода к исследованию различных сторон психики, В. Д. Шадриков разработал теорию и метод системогенетического исследования профессиональной деятельности. Впоследствии они были конкретизированы и апробированы его учениками (В. Н. Дружининым, А. В. Карповым, Р. В. Шрейдером, В. Л. Шкаликовым, Ю. П. Поваренковым и др.). Данные исследования проведены на материале различных видов профессиональной деятельности. Результаты этих исследований позволили определить наиболее общие закономерности психологической системы деятельности в процессе учебной деятельности. Анализируя процесс профессионального становления личности, Ю. П. Поваренков утверждает, что «профессионально важные качества личности влияют не только на эффективность выполнения профессиональной деятельности, но и на эффективность ее освоения, выбора профессии, регуляцию профессиональной карьеры» [5].

Теория системогенеза В. Д. Шадрикова, развитая впоследствии его учениками и последователями, внесла значительный вклад в формирование и развитие деятельностного подхода к исследованию психологии учебной деятельности. Данная теория «выросла из попыток автора решить практи-

ческие задачи эффективной подготовки ... кадров» [6]. В период обучения курсантов степень их готовности к будущей профессиональной деятельности определяется, как правило, исходя из их успеваемости, т. е. предполагается, что выпускник с более высоким средним баллом будет более успешен в профессиональной деятельности, чем его товарищ, имевший более низкий средний балл по предметам обучения. В ходе нашего исследования планировалось проверить истинность данного подхода к прогнозу успешности будущей профессиональной деятельности. Также была поставлена задача выявить симптомокомплекс ПВК, наиболее значимых для успешности профессиональной деятельности выпускников ВВУЗа и оценить его динамику в процессе подготовки будущих офицеров.

Эмпирическое исследование проводилось в три этапа:

первый этап – анализ зависимости успешности служебной деятельности выпускников от их успеваемости в период обучения в ВВУЗе;

второй этап – выявление симптомокомплекса ПВК, наиболее значимых для успешности профессиональной деятельности выпускников ВВУЗ;

третий этап – оценка динамики ПВК в процессе подготовки будущих офицеров.

Описание методов исследования. Методы и методики исследования: на разных этапах работы применялись следующие методы: теоретический анализ литературы, наблюдение, анализ результатов деятельности, экспертная оценка, опросники, методы статистической обработки полученных результатов (коэффициент корреляции r -Пирсона, t -критерий Стьюдента).

Используемые методики:

- методика выявления коммуникативных и организаторских склонностей КОС-2;

- волевые качества личности (М. В. Чумаков);

Результаты исследования. На *первом этапе исследования* нами проведен анализ служебной деятельности 82 выпускников одного из факультетов Ярославского высшего зенитного ракетного училища ПВО (ЯВЗРУ ПВО) [7]. С этой целью использовались *отзывы на выпускников*, полученные из воинских частей, где после окончания ВВУЗа они проходят службу. При составлении отзывов непосредственные руководители выпускников основывались на успешности их служебной деятельности *по истечении периода адаптации, составляющего 1 год*. При этом учитывались не только знания, умения и навыки выпускника, но и

оценка подчиненного подразделения, а также уровень развития ПВК, таких как организаторские способности, умение работать в коллективе, самостоятельность, ответственность, целеустремленность, волевые качества и др. исходя из результатов служебной деятельности молодого офицера. Выводы аттестаций можно разделить на две группы:

1. «Соответствует занимаемой должности» или «соответствует занимаемой должности с незначительными недостатками»;

2. «Не соответствует занимаемой должности» или «соответствует занимаемой должности со значительными недостатками».

Далее был проведен сравнительный анализ зависимости успешности **служебной деятельности** молодых офицеров от уровня формальных показателей качества их **учебной деятельности** в период обучения в ВВУЗе. В качестве такого показателя принят *средний балл*.

Исследования показали, что средний балл выпускников, успешных в профессиональной деятельности (относящихся к первой группе), составил 3,65, а неуспешных (относящихся ко второй группе) – 3,54. Графически эти данные представлены на рис. 1.

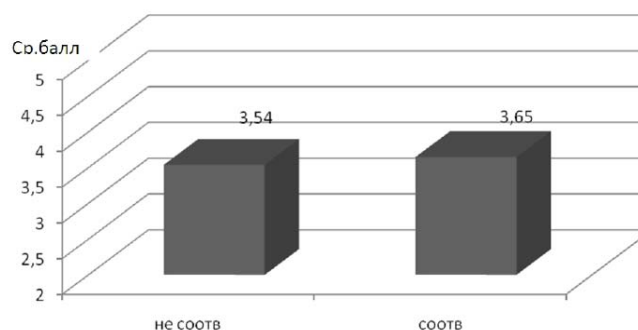

Рис. 1. Зависимость успешности профессиональной деятельности выпускников от их успеваемости в период обучения

Проведенный расчет коэффициента корреляции r -Пирсона показал, что статистически достоверная связь между успешностью профессиональной деятельности выпускников и качеством их учебы в ВВУЗе отсутствует ($r = 0,32$; $p > 0,1$). Таким образом, можно сделать вывод, что уровень успеваемости курсантов в период обучения в ВВУЗе не оказывает значимого влияния на успешность их последующей профессиональной деятельности.

Мы полагаем, что наибольшее влияние на успешность профессиональной деятельности выпускников оказывает симптомокомплекс необходимых ПВК.

Под симптомокомплексом здесь понимается «сочетание взаимно связанных между собой психологических свойств личности, в различной степени детерминирующих отношения и структуру личности» [8].

В ходе второго этапа исследования с целью выявления симптомокомплекса ПВК проведена их экспертная оценка. В качестве экспертов привлекались 37 офицеров, прослуживших в частях и соединениях зенитных ракетных войск десять лет и более на различных должностях. Отбор экспертов производился по случайному закону среди офицеров, прибывших из различных регионов страны для выполнения боевых стрельб в 42-й учебный центр боевого применения ЗРВ. Каждому из них предлагалось заполнить опросный лист, в котором перечислены основные ПВК выпускника Ярославского ВЗРУ ПВО, определенные квалификационными требованиями. При этом необходимо было оценить каждое качество по десятибалльной шкале в зависимости от его значимости для успешной профессиональной деятельности офицера ЗРВ.

В результате анализа мнений экспертов определено, что наиболее значимыми являются следующие ПВК: ответственность (160 баллов); умение четко определять цели и проявлять настойчивость в их достижении (целеустремленность) (156 баллов); организаторские способности (151 балл); волевые качества (ответственность, решительность, самостоятельность, выдержка, настойчивость, энергичность, целеустремленность, инициативность, внимательность) (149 баллов); коммуникабельность (143 балла);

На третьем этапе исследования рассмотрена динамика выделенных ПВК в процессе подготовки будущих офицеров. Проведены измерения уровня развития необходимых ПВК среди курсантов 2 и 5-го курсов. Всего в исследовании приняли участие 40 курсантов 2-го курса и 56 – 5-го курса. Исследование уровня коммуникабельности и организаторских способностей осуществлялось с помощью методики (КОС-2). Для исследования волевых качеств использовался опросник М. В. Чумакова.

Результаты исследования представлены на рис. 2.

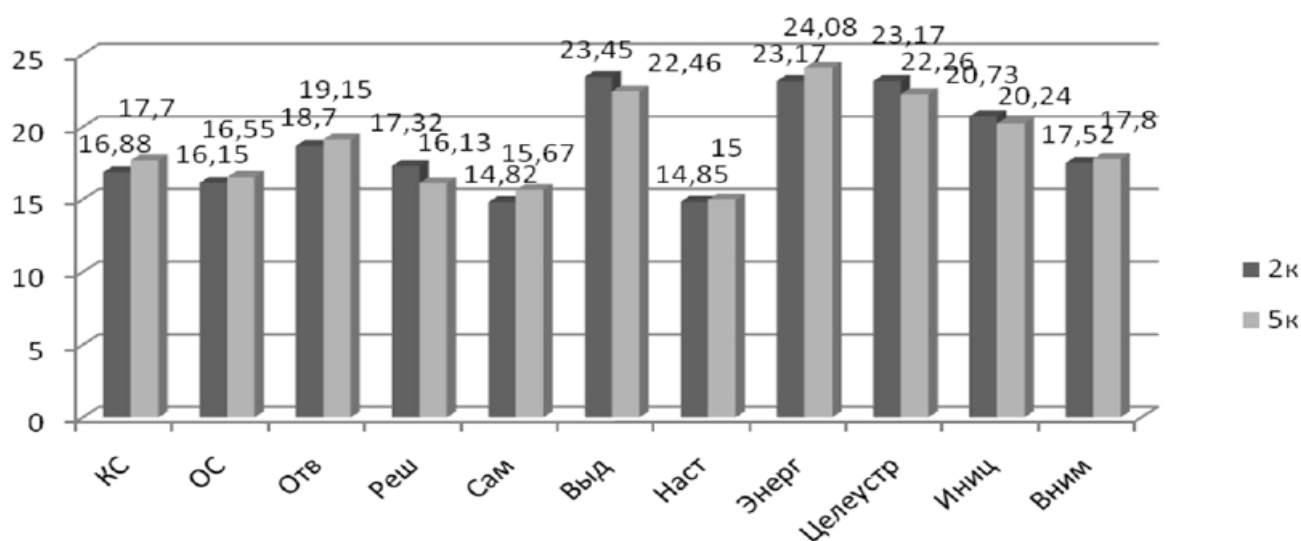

Рис. 2. Значения уровня развития ПВК курсантов 2, 5-го курсов. КС – коммуникативные склонности; ОС – организаторские склонности; Отв. – ответственность; Реш. – решительность; Сам. – самостоятельность; Выд. – выдержка; Наст. – настойчивость; Энерг. – энергичность; Целеустр. – целеустремленность; Иниц. – инициативность; Вним. – внимательность; 2к – показатель курсантов 2-го курса; 5к – показатель курсантов 5-го курса

Анализ полученных результатов с использованием t-критерия Стьюдента показал, что на уровне значимости $p = 0,05$ показатели ПВК курсантов 2 и 5-го курсов статистически достоверно не различаются. Однако это не значит, что в процессе подготовки курсантов не происходит развитие их ПВК. В. Д. Шадриков, рассматривая ПВК как подсистему психологической системы деятельности, указывает,

что в процессе освоения деятельности «происходит функциональное объединение отдельных ПВК, они начинают проявлять себя в режиме взаимодействия» [9]. И именно это «взаимодействие», по нашему мнению, наряду с высоким уровнем развития каждого ПВК в отдельности, в значительной степени определяет успешность профессиональной деятельности офицера ЗРВ.

Таким образом:

1. Успешность профессиональной деятельности молодого офицера не зависит от уровня его успеваемости в период обучения в ВВУЗе.

2. ПВК, составляющие симптомокомплекс выпускников ВВУЗа, оказывают различное влияние на успешность профессиональной деятельности молодых офицеров.

3. Уровни развития ПВК курсантов в процессе подготовки в ВВУЗе статистически достоверно не изменяются.

4. В ходе проведения дальнейших исследований целесообразно рассмотреть корреляционные связи между успешностью профессиональной деятельности выпускников ВВУЗ и уровнем развития симптомокомплекса ПВК.

Список использованной литературы

1. Котелова Ю. В. Очерки по психологии труда. М., 1986. 120 с.

2. Карпов А. В. Психология менеджмента: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. С. 550.

3. Климов Е. А. Психология труда. М., 1998.

4. Карпов А. В., Савин И. Г. Психологический анализ деятельности: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2005. С. 9.

5. Поваренков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Ярославль: Канцлер, 2008. С. 22.

6. Шадриков В. Д. Психология производственного обучения. Ярославль: ЯрГУ, 1974. С. 3.

7. Субботин А. В. Исследование психологической структуры ПВК выпускника ВВУЗ // Психологический вестник / ЯрГУ им. П. Г. Демидова. 2010. Вып. 26.

8. Горноста́й П. П., Титаренко Т. М. Психология личности: словарь-справочник. Киев: Рута, 2001. С. 82.

9. Шадриков В. Д. Психологический анализ деятельности (Системогенетический подход). Ярославль: ЯрГУ, 1979. С. 18.

УДК 159.955:37.015.325

В статье представлено исследование структурных характеристик педагогического мышления тренеров спортивных школ. Рассматривается связь между структурными характеристиками педагогического мышления тренеров и результативностью их деятельности.

Ключевые слова: педагогическое мышление; структура; мышление тренера; результативность профессиональной деятельности тренера.

The paper presents a study of the structural characteristics of pedagogical thinking of sports schoolcoaches. It examines the relationship between the structural characteristics of coaches' pedagogical thinking and the performance of their activities.

Key words: pedagogical thinking; structure; coach thinking; coach's professional performance.

М. М. Кашапов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: smk007@bk.ru

М. В. Девяткина

Специализированная детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва № 2

E-mail: mariade@yandex.ru

Структурные характеристики педагогического мышления тренеров и результативность их деятельности*

Научная статья

М. М. Kashapov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: smk007@bk.ru

М. V. Devyatkina

Specialized children-youth sports school of Olympic reserve № 2

E-mail: mariade@yandex.ru

Structural Characteristics of Coaches' Pedagogical Thinking and Performance of their Activities

Scientific article

В рамках теории педагогического мышления изучены особенности мышления учащихся профильных классов, студентов, учителей средних общеобразовательных школ, преподавателей ВУЗов. При этом можно отметить дефицит психологических исследований педагогического мышления работников физкультурно-спортивной сферы. *Цель работы* – исследовать структурные характеристики педагогического мышления тренера детско-юношеской спортивной школы.

Задачи исследования: 1) проанализировать теоретические подходы к проблеме педагогического мышления тренеров детско-юношеских спортив-

ных школ; 2) изучить структурные характеристики педагогического мышления тренеров детско-юношеской спортивной школы; 3) выявить связи уровня педагогического мышления тренеров и компонентов (воспитательного, образовательного, оздоровительного, соревновательного) результативности профессиональной деятельности; 4) установить связи между структурными характеристиками педагогического мышления тренеров и стратегиями их реагирования в конфликтной ситуации.

Общая гипотеза исследования: структурными характеристиками педагогического мышления, связанными с результативностью педагогической

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; № проекта 11-06-00739а.

деятельности тренера, являются уровень обнаружения педагогической проблемности, рефлексия, творческий потенциал.

Методы и методики исследования: 1) теоретический анализ литературы по проблеме; 2) констатирующий эксперимент, психодиагностические методы («Опросник выявления ситуативного / надситуативного уровня педагогического мышления» М. М. Кашапова, Т. Г. Киселевой; методика «Определения индивидуальной меры рефлексивности» А. В. Карпова, В. В. Пономаревой; «Опросник для определения творческого потенциала» О. Н. Ракитской, М. М. Кашапова; шкала «тренер-спортмен», разработанная Ю. Ханиным и А. Стамбуловым; «Методика изучения успешности деятельности тренеров», разработанная А. Н. Николаевым; исследовательская технология «Метод номинальных групп»; методика «Оценка особенностей реагирования в конфликтной ситуации» К. Томаса (адаптация Н. В. Гришиной)); 3) методы статистической обработки эмпирических данных, включающие в себя корреляционный анализ г-критерий Спирмена, нахождение значимости различий по t-критерию Стьюдента, также анализ обобщенных показателей – индекса когерентности, индекса дифференцированности и индекса организованности структуры (по методике А. В. Карпова). Обработка эмпирических данных проводилась с помощью статистического пакета Statistica 6.0.

В исследовании приняли участие тренеры (30 человек в возрасте от 23 лет до 61 года), учащиеся спортивных школ (210 человек), учителя физической культуры (94 человека в возрасте от 27 до 72 лет) города Вологды и Вологодской области.

Исследования В. Г. Баданина, Г. А. Варданяна посвящены изучению особенностей педагогического и творческого мышления студентов физической культуры [1]. В исследовании А. Н. Николаева были обозначены различия в познавательной сфере тренеров различных видов спорта [2]. Л. Я. Кваснюк, изучая успешность профессиональной деятельности тренера, показывает, что креативность связана с интуицией и нешаблонностью мышления, успешностью нахождения существенных признаков в процессе мышления и его оригинальностью [3]. А. А. Дергач и А. А. Исаев показали, что у тренеров высокого уровня мастерства все интеллектуальные свойства развиты лучше, чем у тренеров среднего и низкого уровня мастерства [4]. Ю. Н. Кулюткин в качестве одного из критериев профессионального

мастерства рассматривает рефлексивность мышления педагога [5].

На основе анализа литературы мы выделили для измерения следующие структурные характеристики мышления тренера: 1) уровень обнаружения и разрешения педагогической проблемности; 2) рефлексивные характеристики: общая рефлексия, рефлексия ретроспективной деятельности, рефлексия настоящей деятельности, рефлексия будущей деятельности, рефлексия взаимодействия и общения); 3) творческий потенциал.

Рассмотрим полученные данные эмпирического исследования. У большинства тренеров спортивных школ доминирует надситуативный уровень педагогического мышления (НПМ) (67%). При этом в структуре педагогического мышления не выявлено связей ситуативного уровня обнаружения педагогической проблемности с изучаемыми характеристиками. Установлены связи между надситуативным уровнем обнаружения педагогической проблемности и рефлексией взаимодействия и общения; творческим потенциалом и общей рефлексией. Не выявлено связи уровня обнаружения педагогической проблемности, рефлексивных характеристик, творческого потенциала со стажем, возрастом, квалификацией, семейным положением тренеров.

Структурный анализ показал, что индекс когерентности структур в 2 раза больше индекса дивергентности, что свидетельствует о доминировании тенденции интеграции над дифференциацией в структуре педагогического мышления тренера. При этом индекс организованности структуры говорит о том, что структура недостаточно организована. Это обусловлено особенностями профессиональной деятельности тренеров, характеризующейся необходимостью быстро принимать решения на соревнованиях, значительным уровнем нервно-психических нагрузок, связанным с высокой степенью ответственности за физическое здоровье юных спортсменов в учебно-тренировочном процессе и на соревнованиях, возможностью получения травм, когда профессионал сам выполняет двигательное действие, и т. п.

Рассмотрим результаты сравнительного анализа структурных характеристик педагогического мышления тренеров и учителей физической культуры. В структуре педагогического мышления учителей физической культуры представлены: надситуативный и ситуативный уровни обнаружения педагогической проблемности, творческий потенциал, рефлексивные характеристики (рефлексия

взаимодействия и общения, рефлексия настоящей деятельности, общая рефлексия). Структурный анализ показал, что индексы когерентности, дивергентности, организованности структурных характеристик педагогического мышления учителей физической культуры имеют такие же значения, как и у тренеров. Полученные данные связаны с тем, что профессиональная деятельность тренеров и учителей физической культуры имеет сходства: во-первых, она является педагогической деятельностью, во-вторых, реализуется в соответствии с требованиями образовательных программ, в-третьих, специалисты данной сферы несут ответственность за физическое здоровье учащихся и т. д. Таким образом, сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы: во-первых, в структурах обеих групп представлен надситуативный уровень педагогической проблемности, творческий потенциал, рефлексия взаимодействия и общения, общая рефлексия; во-вторых, у учителей физической культуры в структуре педагогического мышления также представлены ситуативный уровень обнаружения педагогической проблемности, рефлексия настоящей деятельности; в-третьих, выявлено, что в структурной организации педагогического мышления в обеих группах доминирует тенденция интеграции над дифференциацией.

Рассмотрим связи уровня педагогического мышления тренеров и результативности их профессиональной деятельности. Понимая под результативностью наличие качественных изменений (позитивных, прогрессивных и негативных, регрессивных) в психическом развитии учащихся и самого учителя, результативность профессиональной деятельности тренера рассматриваем как состоящую из следующих компонентов: воспитательного, образовательного, оздоровительного, соревновательного. Результативность деятельности оценивалась по результатам учащихся в послесоревновании как актуальном отрезке спортивной деятельности. Учащиеся обучались у данного тренера не менее года и на момент проведения исследования не имели разрядов по ЕВСК.

У тренеров обнаружена связь между НПМ и образовательным компонентом результативности деятельности, т. е. у данных тренеров юные спортсмены отличаются наличием умений выполнять правильно естественные действия и имеют знания по спортивной и физкультурно-оздоровительной направленности. Также выявлена связь между НПМ и воспитательным компонентом результативности,

т. е. у юных спортсменов сформированы положительные свойства личности (целеустремленность, организованность). Данные закономерности обусловлены тем, что построение учебно-тренировочного процесса связано с необходимостью долгосрочного планирования профессиональной деятельности (от 3–4 до 8 лет обучения) и, следовательно, тренеры с НПМ более способны к эффективному стратегическому планированию. При этом не обнаружено связи между НПМ и соревновательным, оздоровительным компонентами результативности.

Выявлена отрицательная связь между ситуативным уровнем педагогического мышления (СПМ) и соревновательным компонентом результативности, т. е. решение текущих задач учебно-тренировочного и соревновательного процессов не способствует повышению уровня соревновательных достижений спортсменов, что обусловлено необходимостью целенаправленной и долгосрочной подготовки обучающихся к достижению спортивных результатов. При этом обнаружена связь между уровнем педагогического мышления и гностическим компонентом оценки юными спортсменами деятельности тренера; между компонентами оценки деятельности тренера спортсменами и результативностью его профессиональной деятельности, в частности между образовательным компонентом и гностическим компонентом, воспитательным компонентом и эмоциональным компонентом.

Таким образом, чем эффективнее деятельность тренера в учебно-тренировочном процессе, тем занимающиеся выше оценивают уровень компетентности тренера как специалиста, а чем эффективнее воспитательный процесс, тем тренер более симпатичен спортсмену как личность.

Посредством исследовательской технологии «Метод номинальных групп» у тренеров было выявлено проблемное поле профессиональной деятельности, в которое вошли проблемы, связанные с конфликтным поведением и профессиональным развитием, поэтому в программу исследования была включена методика «Оценки особенностей реагирования в конфликтной ситуации» К. Томаса (адаптация Н. В. Гришиной).

У тренеров не обнаружены связи между особенностями реагирования в конфликтной ситуации и следующими характеристиками педагогического мышления: уровнем обнаружения педагогической проблемности, творческим потенциалом. Выявлена связь рефлексивных характеристик мышления и типичных форм поведения в конфликтах.

У тренеров с СПМ рефлексия настоящей деятельности, обеспечивая самоконтроль человека в актуальной ситуации, связана со стратегией соперничества, когда человек стремится добиться удовлетворения своих интересов, отстоять собственную точку зрения, убедить другого в преимуществах своей позиции, показать другому логику и преимущество своих взглядов. Это позволяет тренеру в условиях учебно-тренировочной деятельности сохранять свой авторитет, а в соревновательном процессе помогает придерживаться выбранной стратегии руководства юными спортсменами в период соревнований.

У тренеров с НПМ общая рефлексия, связанная с восприятием содержания своей психики и ее анализом, пониманием психики других людей, отрицательно коррелирует со стратегией приспособления, которая в противоположность соперничеству означает принесение в жертву собственных интересов ради другого. Это связано с тем, что тренеры, анализируя педагогические ситуации, не жертвуют собственными интересами, а стремятся сохранить с людьми хорошие отношения, учитывают собственные потребности, демонстрируют прагматичность поведения.

Таким образом, выдвинутая гипотеза доказана. Установлено, что, во-первых, педагогическое мышление тренера является профессиональным мышлением, имеющим в структурной организации следующие компоненты: уровень обнаружения педагогической проблемности (надситуативный уровень), рефлексивные характеристики (рефлек-

сия взаимодействия и общения, общая рефлексия), креативный (творческий потенциал). Во-вторых, надситуативный уровень педагогического мышления связан с образовательным и воспитательным компонентами результативности профессиональной деятельности тренера детско-юношеской спортивной школы. В-третьих, у тренеров стратегия соперничества связана с рефлексией настоящей деятельности, стратегия приспособления отрицательно коррелирует с общей рефлексией.

Список использованной литературы

1. Баданин В. Г. Формирование педагогического мышления у студентов АФК: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Малаховка, 1999. 32 с.; Варданян Г. А. Игровой метод развития творческого мышления при подготовке специалистов в институтах физической культуры: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 24 с.
2. Николаев А. Н. Психология тренерской деятельности в детско-юношеском спорте: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2005. 401 с.
3. Кваснюк Л. Я. Исследование творческой стратегии поведения тренеров по спорту: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997. 17 с.
4. Дергач А. А., Исаев А. А. Педагогическое мастерство тренера. М.: Физкультура и спорт, 1981. 375 с.
5. Кулюткин Ю. Н. Рефлексивная регуляция мыслительных действий // Психологическое исследование интеллектуальной деятельности / под ред. О. К. Тихомирова. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 22–28.

УДК 159.99

В статье представлен анализ основных тенденций развития общества, определяющих курс развития личности руководителя, сотрудников, что является элементом прогнозирования и позволяет точнее оценить затраты и конкретизировать действия, необходимые для реализации задуманного.

Ключевые слова: тенденции развития общества; требования к руководителю, сотруднику; прогнозирование; инновационный семинар; глобализация; стратегическое мышление; гениальность; интуиция.

This article presents analysis of major trends in society which determined development course of a manager and staff. Identifying trends is an element of prediction and it allows to estimate costs, concrete actions for realizing goals.

Key words: trends in the development of society; requirements for top managers; employees; forecasting; innovative workshop; globalization; strategic thinking; genius; intuition.

Е. А. Ободкова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: obodok@mail.ru

Основные тенденции развития общества, руководителя, сотрудника компании

Научная статья

Е. А. Obodkova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: obodok@mail.ru

Basic Trends for Development of Society, Top Manager, Staff Employee

Scientific article

В настоящее время одним из эффективных методологических подходов, используемых при принятии управленческих решений, является прогнозирование развития общества. Прогнозирование позволяет оценить возможный в будущем ход событий и выработать комплекс мероприятий для стимулирования одних и предотвращения других тенденций будущего развития. Кроме того, прогнозирование позволяет точнее оценить затраты времени и конкретизировать действия, необходимые для реализации задуманного.

Цель данной статьи – рассмотрение основных тенденций развития общества, определяющих курс развития личности руководителя, сотрудников, организации, бизнеса и в целом жизни людей.

Тенденция – направление, стремление, склонность, наклонность, движение; желание; течение, тенденциозность, мысль, установка, ход, настроенность, курс, характер, направленность, ориентация, крен, линия, замысел, устремленность [1]. По словарю С. И. Ожегова, тенденция – это: 1. Направление развития, склонность, стремление. 2. Замысел, идея какого-н. изложения, изобре-

ражения. 3. Предвзятая, односторонняя мысль, навязываемая читателю, зрителю, слушателю [2]. Таким образом, тенденция представляет собой некое «русло» по которому движется развитие всех сфер жизни общества и человека.

Изучением основных тенденций занимается большое количество современных ученых (Р. Ф. Васильев, Б. Д. Марков, А. И. Ракитов, М. С. Решетников, Дж. Сорос, У. Эко, А. Н. Юрьев и др.), авторы рассматривают и изучают отдельно взятые тенденции (информатизация общества, нанотехнологическое развитие общества и т. д.), не описывая их в контексте психологической науки.

Рабочие задачи:

1. Выявить основные тенденции развития общества с точки зрения руководителей предприятий, организаций;

2. Определить ведущую тенденцию развития общества с точки зрения руководителей предприятий, организаций;

3. Определить требования к руководителю и сотрудникам, действующим в потоке современных тенденций развития общества.

© Ободкова Е. А., 2012

Выборка. В исследовании приняли участие 200 человек, возраст испытуемых – от 23 до 65 лет. Соотношение в группе мужчин и женщин следующее: 24% – женщины, 76% – мужчины. Социальный статус участников исследования – руководители (высшее и среднее звено управления предприятий, организаций).

Сроки проведения исследования. Исследование проводилось в период с октября 2010 г. по ноябрь 2011 г.

Процедура исследования. В данной части исследования собиралась информация с помощью проведения с руководителями организаций инновационных семинаров по вопросу «Основные тенденции развития общества». По результатам групповых работ было предложено 40 групповых проектов, содержащих перечни основных тенденций развития общества и основных требований к руководителю, сотруднику, действующим в потоке современных общественных тенденций.

Обработка данных исследования. Данные подверглись процедуре контент-анализа, в результате чего получены: перечень основных тенденций развития общества с точки зрения руководителей предприятий, организаций; определены требования к руководителю, сотруднику, действующим в потоке современных тенденций развития общества.

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам анализа групповых проектов руководителей предприятий, организаций определены перечень основных тенденций развития общества и требования к руководителю и сотруднику, действующим в потоке современных тенденций развития общества.

Основные тенденции развития общества. С точки зрения руководителей предприятий, организаций, основной тенденцией общества в настоящий период и ближайшее время (10–20 лет) является «глобализация» (100% участников исследования указали данную тенденцию развития общества): объединение народов, компаний, мнений; культур, религий и т. д., следствием чего становится выработка общих правил, которым должно следовать общество в целом, организация, а также и сам человек.

В качестве значимых тенденций развития общества руководители отметили: ускорение темпа жизни (80%); «информатизацию» общества (80%); «виртуализацию» (80%); «роботизацию» (80%); нанотехнологии (80%).

Под «ускорением темпа жизни, развития», с точки зрения участников исследования, следует понимать следующее содержание: за единицу вре-

мени происходит огромное количество событий как в целом в обществе, так и организации, с каждым днем человеку приходится подстраиваться под поток событий, чтобы «быть на плаву», что является сложным и затратным процессом.

Тенденция «информатизация» общества основана на избыточном потоке информации, мир перенасыщен информацией, информация крайне противоречива. Тенденция «виртуализация» общества предполагает дальнейшее мощное и стремительное развитие «заочных» коммуникаций (телефон, Интернет и т. д.); возникает проблема подмены межличностного общения – «искусственным». Под тенденцией общества – «роботизация» понимается процесс замены труда человека трудом машины, автоматизация всех возможных процессов.

Внимание к человеку как тенденция развития общества отмечена руководителями в 60% случаев. Предполагается, что в ближайшие годы будет бум в решении вопросов, связанных с экологическими проблемами общества и вопросами здоровья, приоритеты общества будут двигаться в сторону «к человеку». В 50% проектов прослеживается тенденция развития общества в русле ограничения природных ресурсов, а в 30% – тенденция деградации общества (как следствие негативных сторон вышеперечисленных тенденций общества: например, автоматизация на заводе высвобождает 50% специалистов из трудового процесса, а на рынке труда они не востребованы).

Таким образом, в перечень основных тенденций развития общества с точки зрения руководителей предприятий, организаций, вошли: глобализация (100%); ускорение темпа жизни (80%); «информатизация» общества (80%); «виртуализация» (80%); «роботизация» (80%); внимание к человеку (60%); ограничение природных ресурсов (50%); деградация общества (30%) и др. Из анализа основных тенденций развития общества видно, что преобладающая тенденция развития общества – это глобализация (100% руководителей с этим согласны), которая, по мнению 80% руководителей, принявших участие в исследовании, содержательно вбирает в себя смысловую нагрузку большинства перечисленных тенденций развития общества.

Требования к руководителю. Среди всех требований к «руководителю будущего» выделились 5 доминирующих, которые, как считает большинство руководителей, принявших участие в исследовании, являются крайне значимыми для эффективного существования и развития: стратегическое мышление (100%); интуиция (100%); лидерство

(90%); новые технологии в управлении (90%); компетентность (80%), а также ряд требований, разделяемых не всеми участниками исследования, например коммуникабельность (70%); ориентир на перспективу (70%) и пр.

Под стратегическим мышлением участниками исследования предлагалось рассматривать возможность смотреть шире, чем другие, необходимость не только анализа событий, но и видения контекста и подтекста события, способность работать, опережая события и время, и т. д.

Интуиция в качестве требования к руководителю, находящемуся в потоке тенденций развития общества, определяется как чувство тенденций общества, чутье на принятие решений, острая необходимость обращения «к себе» в ситуациях сомнения и т. д.

Лидерство связывается участниками исследования с возможностью брать на себя ответственность и рисковать; наличие лидерской позиции по отношению к миру и себе является необходимым условием достижения целей.

Новые технологии в управлении – это требование, которое большинством участников исследования отмечается как значимое, но конкретного определения не предложено. Руководители ждут в системе управления инноваций, которые будут отвечать современным тенденциям развития общества.

Требование «компетентность» определяется знанием своего дела, продукта/услуги, хотя некоторые участники исследования настойчиво рекомендовали исключить эту характеристику из перечня необходимых требований к руководителю, т. к. конкретными знаниями по технологии, маркетингу и т. д. должны обладать конкретные исполнители.

Коммуникабельность как требование вытекает из необходимости установления положительных межличностных отношений с коллегами, партнерами, сотрудниками и т. д., тенденция глобализации вызывает необходимость международного общения, что, в частности, требует знания конкретных иностранных языков.

Ориентир на перспективу связывается с тенденцией ускорения темпов жизни; планирование жизни, бизнеса необходимо выстраивать от точки «желаемого», а не от точки «возможного».

Таким образом, в пятерку требований к руководителю, действующему в потоке современных тенденций развития общества, входят: стратегическое мышление (100%); интуиция (100%); лидерство (90%); новые технологии в управлении (90%);

компетентность (80%). Большинство требований участниками исследования легко определяются, описываются. Исключением является требование «новые технологии в управлении», что, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточной проработке данного вопроса, в том числе и в науке, и ставит, в частности, перед психологией, задачу поиска адекватных тенденциям развития общества методов, способов, технологий управления (в том числе, психологического).

Требования к сотрудникам. По мнению большинства руководителей, основными требованиями к сотрудникам, действующим в потоке современных тенденций развития общества, являются: гениальность (100%); потребность саморазвития (100%); стабильный интерес (90%); личная ответственность (90%); уважение к себе и другому (60%); преданность (70%).

Гениальность, с точки зрения руководителей, – это неотъемлемое требование к «сотруднику будущего». Под гениальностью понимается способность создания продуктов/услуг, имеющих высокую ценность в будущем. Гениальный сотрудник опережает время, партнеров, конкурентов и т. д., что позволяет руководителю «быть на плаву».

Потребность саморазвития определяется всеми руководителями как ведущее требование к сотруднику. В меняющемся обществе оставаться статичным опасно (можно «вылететь»); необходимо движение, требующее постоянного развития и роста (работа на опережение).

Стабильный интерес – требование, которое руководители относят исключительно к сотрудникам, полагая, что только такой человек может обеспечить бесперебойный рост бизнеса. На наш взгляд, руководители должны осознавать, что интерес сотрудника к работе, компании и т. д. – это зависимый процесс от тех условий (комфорт, надежность, уважение, отличные условия труда и т. д.), что предлагает организация.

Личная ответственность – требование, которое обеспечивает, с точки зрения руководителей, уверенность в завтрашнем дне. Сотрудник, который берет ответственность за дело, – редкость современного мира; необходимо «выращивать» это качество у подчиненных.

Требование уважения к себе и другому предполагает, с точки зрения руководителей, создание комфортных межличностных взаимоотношений, что создает комфортные условия работы и помогает быстрейшему достижению поставленных целей.

Преданность как требование к сотруднику объясняется руководителями желанием быть уверенным, что вложенные ресурсы в сотрудника останутся капиталом его организации, а не конкурента.

Таким образом, по мнению большинства руководителей, основными требованиями к сотрудникам, действующим в потоке современных тенденций развития общества, являются: гениальность (100%); потребность саморазвития (100%); стабильный интерес (90%); личная ответственность (90%); уважение к себе и другому (60%); преданность (70%).

На наш взгляд, данные исследования согласуются с содержанием современных литературных источников. К примеру, по мнению Т. Н. Лукиных, Г. В. Можаевой и др., основными тенденциями в развитии общества сегодня являются: увеличение роли человеческого фактора в экономике; формирование новых, более высоких, технологий; структурное изменение экономической и социальной структуры общества; возрастание роли организации и управления в общественной жизни [3].

Основные требования к руководителю и сотрудникам, полученные в результате исследования согласуются с данными материалов, в частности с материалами С. Капица, и демонстрирует такие изменения в обществе, как: расширение самосознания человека (т. е. принятие ответственности за свои поступки, события и в целом за жизнь); увеличение личных способностей (что позволяет достигать поставленные цели, обогащать общество талантливыми людьми); индивидуализация (специализация) личности (осознание своей уникальности); расширение и обогащение межличностных связей [4].

Данное исследование имело своей целью определить видение руководителей организаций относительно тенденций развития общества и их мнение относительно требований, предъявляемых к руководителям и сотрудникам в «потоке тенденций». Продолжая работу в данном направлении, исследованиям можно задавать характер, тон, например, с помощью факторов развития общества, используемых в прогнозах ООН. В качестве факторов, характеризующих состояние общества и определяющих будущие тенденции современного развития, специалисты ООН рассматривают: демографическую ситуацию; экономическое развитие; социальное развитие; науку и технологическое развитие; управление; культуру; окружающую среду [5].

Выводы:

1. Основными тенденциями развития общества, с точки зрения руководителей организаций, являются: глобализация; ускорение темпа жизни; «информатизация» общества; «виртуализация»; «роботизация»; нанотехнологии; внимание к человеку и др.

2. Ведущая тенденция развития общества – это глобализация.

3. Основными требованиями к руководителю, действующему в потоке современных тенденций развития общества, являются: стратегическое мышление; интуиция; лидерство; использование новых технологий в управлении; компетентность и др.

4. Основными требованиями к сотрудникам, действующим в потоке современных тенденций развития общества, являются: гениальность; потребность в саморазвитии; стабильный интерес; личная ответственность; уважение к себе и другому; преданность и др.

5. Определение тенденций развития общества и требований к руководителям, сотрудникам является элементом прогнозирования и имеет не только научное, но и практическое значение.

6. Необходимо рассмотрение различных вопросов развития общества в контексте глобализации, в частности управления (в том числе психологического).

7. Необходим пересмотр вопросов управления, в том числе психологического.

8. Необходима разработка учебных программ, «выращивающих» требования, необходимые для эффективного развития руководителей и сотрудников в соответствии с основными тенденциями развития общества.

Список использованной литературы

1. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: Астрель, АСТ, 2011. 688 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, Мир и Образование, 2011. 736 с.
3. Лукиных Т. Н., Можаева Г. В. Информационные революции и их роль в развитии общества // Гуманитарная информатика. Томск: ТГУ, 2010. Вып. 3. С. 56–62.
4. Капица С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. 192 с.
5. Доронина О. Прогнозы развития общества, разработанные в рамках ООН на период 2002–2032 годов // ЭКОС. М.: Экос, 2007. № 4. С. 4–46.

УДК 316.6

В статье рассматривается динамическая модель консультирования бизнеса, которая была научно разработана и реализована на практике; показывается, как применяется инновационный научный продукт в современной социальной реальности; рассматривается основа динамической системы консультирования и практические инструменты моделирования бизнес-процессов.

Ключевые слова: моделирование; динамическая система; персонал; личность; базовые противоположности; цели и задачи организации; контекст.

In the article the dynamic model of consultation of business, scientifically developed and realized in practice is considered. It is shown how the innovative scientific product in modern social reality is applied. The basis of dynamic system of consultation and practical instruments of modeling of business processes are considered.

Key words: modeling; dynamic system; personnel; personality; base contrasts; purposes and organization tasks; context.

А. Е. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: annasmip@gmail.com

Динамическая система бизнеса: научно-практический подход

Научная статья

А. Е. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: annasmip@gmail.com

Dynamic system of business: scientific and practical approach

Scientific article

Современная реальность и организационно-социальная система предъявляют огромные требования к бизнес-структурам, и наиболее успешные и конкурентоспособные организации для повышения качества своей деятельности используют в своей работе инновационные научные разработки. Кроме того, на базе инновационных научных открытий и разработок, в рамках высших образовательных учреждений открываются малые инновационные предприятия, важной задачей которых является продвижение научной идеи в коммерческий мир. Динамическая Система Консультирования бизнеса является инновационной научной разработкой в области психологии, которая направлена для анализа, коррекции и настройки деятельности компании. Первоначальная научная разработка [1] и апробация динамической системы проводилась на полиэтничных группах с использованием инструмента трансформационного коучинга [2].

Бизнес – это система со своими формами и особенностями развития. Я рассматриваю систему бизнеса, основываясь на одном из законов диалектики развития систем – единстве и борьбе противоположностей. В динамической системе бизнеса две базовые противоположности: с одной стороны, © Смирнова А. Е., 2012

некий смысл, предназначение – что-то внутреннее, постоянное, а с другой – контекст, изменчивая реальность, которая существует; вторая противоположность – ориентация на цель, решение задач, с одной стороны, и человеческий фактор и отношения – с другой (рис.).

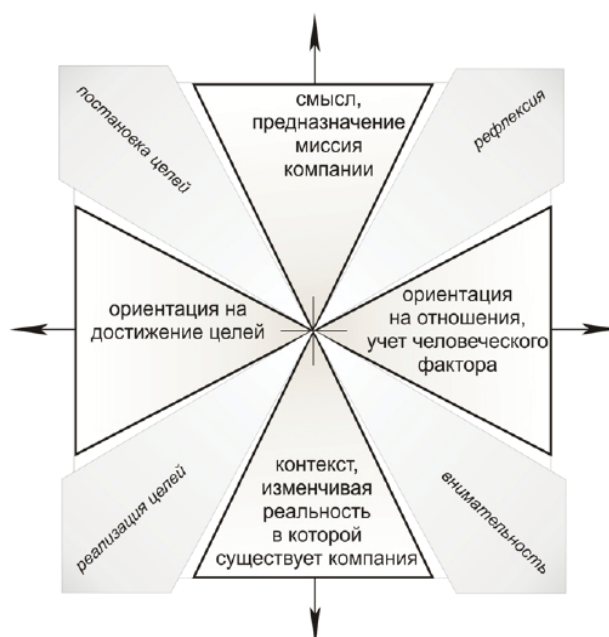

Рис. Динамическая система бизнеса

Рассмотрим поочередно каждый из полюсов противоположностей.

Смысл, предназначение, миссия компании: это что-то внутреннее, постоянное для компании. Когда компания начинает свою деятельность, то обычно есть определенная идеологическая база в ее основе. Миссия и стратегия компании являются тем стабильным фактором, который оказывает ключевое влияние на развитие компании.

Миссия фокусируется на текущей предпринимательской деятельности организации и определяет направления развития компании. Нередко в миссии не формулируются конкретные количественные значения важнейших показателей, определяющих ее конкурентоспособность. Она представляет собой констатацию стратегического видения руководства относительно конкурентной позиции организации и характеризует ее положение и взаимодействие с внешней средой. Миссия определяет общее направление развития компании. Стратегические установки нацелены на мобилизацию персонала для достижения целей и задач.

На практике, говоря о стратегии, руководители компаний часто имеют в виду деятельность, направленную на изменение конкурентоспособности выпускаемой продукции (оказываемых услуг) и/или модификацию бизнес-целей, которым следует управленческий персонал компании. Однако такое понимание стратегии ориентировано на оперативную деятельность, связанную с временным улучшением рыночной позиции компании. В более широком понимании стратегия – это долгосрочные управленческие «правила игры», направленные на то, чтобы удовлетворить потребности потребителей лучше остальных конкурентов; укрепить позицию компании в выбранном рыночном сегменте за счет роста имиджа организации; успешно конкурировать по ассортименту и качеству, ценам и сервису в своей отрасли; добиться хорошего исполнения бизнес-функций (внутрифирменной эффективности, качества и своевременности выполнения работ, хорошей управляемости организацией).

Таким образом, стратегии необходимо разрабатывать, чтобы эффективно сформулировать условия реализации бизнеса компании, взаимоувязать нужные действия и решения менеджеров и всего персонала, придать всем производственным и управленческим процессам общую направленность, создать единый для всей компании план действий.

Следует иметь в виду, что для достижения одних и тех же стратегических целей и задач

можно разработать несколько стратегий, выбор которых осуществляется в зависимости от условий внешней среды: рыночной конъюнктуры, конкуренции, политических и социальных событий и др. Во многом стратегия определяется внутренним стратегическим потенциалом организации и особенностями стратегического видения топ-менеджмента. Стратегия позволяет руководителю долгосрочно управлять бизнесом компании. Разработка и реализация стратегии компании является общим делом руководства и рядовых сотрудников. При изменении состояния среды, смене руководящего состава организации, других изменениях внутренней и внешней среды происходит переход от одной стратегии к другой.

Итак, стратегия организации – это генеральная программа развития организации, определяющая приоритеты стратегических задач, методы привлечения и распределения ресурсов и последовательность шагов по достижению стратегических целей и в наибольшей степени соответствующая сложившемуся состоянию внутренней и внешней среды. Главная задача в стратегии состоит в том, чтобы перевести организацию из ее настоящего состояния в желаемое руководством будущее состояние.

Реальные стратегии базируются на целях и задачах, конкретизирующих миссию организации. Они представляют собой план действий или путеводитель для организации, обеспечивающий ее стратегическое развитие. При разработке стратегий определяющим является стратегическое видение высшего руководства, которое заключается в способности не только определять пути и методы достижения поставленных целей, но и интуитивно предугадывать развитие событий во внешней среде. Однако в реальности предвидение не всегда оказывается оправданным: для обеспечения реализации стратегических задач необходима адекватная реакция на изменение условий рынка, свежие решения конкурентов, новые технологии, модификация предпочтений потребителей, политические и нормативно-правовые новации, появление новых возможностей – это все то, что является противоположным полюсом – контекстом, изменчивой реальностью, в которой существует компания. Также стабильным фактором для компании являются профессиональные знания, умения и навыки.

Понятно, что компания существует не сама по себе. Ее существованию и деятельности сопутствует изменение условий рынка, развитие конкурентов, появление новых технологий, изменение

предпочтений потребителей и нормативно-правовой базы и т. д. Деятельность компании ориентирована на потребителя, своего клиента, на анализ возможных и реальных потребностей потребителей. Также деятельность компании развивается с учетом деятельности конкурирующих компаний. Знание реакции реальных и потенциальных конкурентов даёт предприятию возможность предугадывать образ их поведения и выбирать наиболее выгодное для себя «поле борьбы». Это особенно важно при принятии решений, затрагивающих наиболее уязвимые позиции соперников. Исследование деятельности конкурирующих фирм, как и анализ спроса, осуществляется в три этапа: выявление действующих и потенциальных конкурентов; анализ показателей деятельности, целей и стратегии конкурентов; выявление сильных и слабых сторон деятельности конкурентов. Анализ конкуренции на рынке осуществляется в рамках общей системы сбора и обработки информации. Существует большое количество открытых источников информации о деятельности конкурирующих фирм: рекламные проспекты, ежегодные отчёты, тексты выступлений руководителей, обзоры в коммерческой периодике, материалы конференций; торговые выставки и ярмарки. Кроме того, исследование деятельности конкурентов должно опираться на оперативные источники информации, в том числе сведения, полученные от потребителей, экспертов рынка, государственных правовых и экономических учреждений, с биржи. Важный момент получения данных о деятельности конкурентов – опросы потребителей, дилеров по сбыту продукции.

Очень важно для компании (для руководства) четко осознавать и понимать цель и задачи своей деятельности, также необходимо правильно формулировать желаемый результат. Есть ряд требований для хорошо сформулированного результата: результат сформулирован в виде положительного утверждения; результат зависит от вас; он управляется вами; результат может быть проверен в терминах органов чувств; обстоятельства (контекст) результата должны быть определены конкретно; результат сохраняет первоначальные положительные побочные продукты [3].

Важно осознавать и помнить о метарезультате – это «результат результата»; того, что организует поведение системы в смысле целей более высокого уровня, таких как «рост», «эволюция», «выживание» и т. д. Обычно он представляет собой желаемый эффект, «положительное наме-

рение» данного результата или цели. Кажущиеся конфликтующими результаты могут быть частями одного метарезультата. Более грамотное представление хорошо сформулированного результата – это эффективный бизнес-план.

Человеческий фактор и отношения внутри компании являются регулятором внутреннего климата компании. Руководство компании может очень по-разному относиться к своим сотрудникам. В компаниях «семейного» типа имеет место забота о каждом сотруднике, их моральном и физическом состоянии. В компаниях-гигантах очень часто присутствует «инструментальный» тип отношения к сотрудникам – кадры сменяют друг друга без персональной представленности; пока сотрудник качественно выполняет свои должностные обязанности, он работает; как только качество работы снижается, его меняют на другого сотрудника.

По моему мнению, первый вариант отношения руководства к сотрудникам в развивающейся компании наиболее успешен, так как человеческий фактор является ключевым практически в любой производственной деятельности. Руководителю важно развивать должный идентификационно-мотивационный уровень [4] у своих сотрудников. Каждый сотрудник будет лучше выполнять свою работу, если он будет воспринимать ее как свою личную задачу, когда работа ему интересна и выполняется с удовольствием.

Эти вышеописанные полюса составляют две базовые противоположности. В единстве, напряжении между полюсами развивается система бизнеса. Она постоянно стремится к балансу, но достичь его может лишь на небольшое время, так как какой-то из полюсов в тот или иной момент времени все равно «перевесит». И суть развития системы как раз в стремлении и достижении баланса. Помимо основ центровки, в ней присутствуют основы действия, с помощью которых мы можем оказывать влияние на систему, изменять ее и развивать. Существуют четыре основы действия, и они соответствуют кооперирующимся основам центровки. Это постановка целей, реализация целей, внимательность и рефлексия.

К «постановке целей» относятся разработка бизнес-плана, подготовка продаж, поиск клиентов, покупка и подготовка оборудования. Также на полюсе подготовки находится набор персонала. Необходимо осознать идеологию [5], тип своей компании и подобрать персонал, который по своим личностным особенностям будет соответствовать

компании. Даже самый грамотный и высококвалифицированный сотрудник не будет работать с максимальной эффективностью, если его личность не будет развиваться в компании [6].

К полюсу «реализация целей» относится взаимодействие с клиентами, управление компанией, качественное выполнение заказов, открытие новых горизонтов и проектов. «Внимательность» выражается в способности считывать спрос, отслеживать деятельность и предложения конкурентов, превосходить спрос, чувствовать изменения социальной реальности. «Рефлексия» проявляется в анализе деятельности компании, анализе персональной деятельности сотрудников. Одним из самых распространенных методов рефлексии компании является SWOT-анализ.

Научно-практическая аналитическая работа проводится средствами динамического моделирования, которые позволяют просчитать возможные последствия разных вариантов развития событий (ответить на вопрос: что будет, если). Прогнозирование помогает получить сценарий развития на основе анализа текущей ситуации. Моделирование позволяет вносить возмущение и определять возможные последствия: что будет, если я сделаю так, или что будет, если произойдет такое-то событие.

В настоящее время задача реализации стратегического планирования и управления является необходимым условием успешного развития

почти всех сфер бизнеса. В то же время широкий круг управленческого персонала сталкивается с проблемой невозможности автоматизации целого класса бизнес-процессов, связанных с системами поддержки принятия решений. Научно-исследовательская работа в направлении моделирования бизнес-процессов является важной задачей современной социальной реальности. Динамическая система консультирования бизнеса – это один из способов научного моделирования для реализации на практике.

Список использованной литературы

1. Смирнова А. Е. Трансформационный коучинг как инструмент анализа межэтнических взаимоотношений // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 4 (14)
2. Врица П., Ардуи Я. Когда качество действий встречается с центровкой. Компас для коучей. М., 2008. 224 с.
3. Там же.
4. Солдатова Г. У., Майгерова Л. А., Шарова О. А. Жить в мире с собой и другими. М., 2000. 380 с.
5. Там же.
6. Иванова Н. Л. Социальная идентичность и проблемы образования: монография. Ярославль: ЯГПУ, 2001. 228 с.

УДК 316.64

В статье рассматривается психологический аспект безработицы. Выделяются этапы процесса адаптации безработных к новым условиям, анализируется психологическое состояние людей в ситуации потери работы. Представлены результаты эмпирического исследования личностных особенностей людей с различным сроком безработицы (до одного года). Выявлено, что с увеличением стажа безработицы у человека возрастает реактивная тревожность и снижается мотивация к достижению успеха.

К л ю ч е в ы е с л о в а : психологическое состояние безработных; локус контроля; реактивная тревожность; личностная тревожность; мотивационная установка.

The article covers psychological aspects of unemployment. It distinguishes stages in the process of adaptation of the unemployed to new conditions, analyses the psychological state of people in a situation of job loss. The author presents the results of the empirical research on individual peculiarities of people with different term unemployment (under one year). It is revealed, that with the increase in the length of unemployment increases the reactive anxiety of the person and his motivation to achieve success reduces.

К е у w o r d s : psychological state of unemployed; locus of control; reactive anxiety; personal anxiety; motivational set.

Е. В. Овчарова

Волжский гуманитарный институт (филиал)

E-mail: elena.ovcharova@vgi.volsu.ru

Психологические особенности безработных в зависимости от стажа безработицы

Научная статья

E. V. Ovcharova

Volzhsky Institute of Humanities

E-mail: elena.ovcharova@vgi.volsu.ru

Psychological Peculiarities of Unemployed and their Correlation with Unemployment Term

Scientific article

Проблема безработицы ощущается острее в период «мирового экономического кризиса». Количество людей, которые находятся в поиске рабочего места, увеличивается по причине сокращения. Для российского общества решение данной проблемы усложняется тем, что ее социальные и индивидуальные эффекты не всегда прогнозируемы и однозначно негативны. Сложность также представляет динамичность процесса безработицы, которая обусловлена изменением ситуации и политики на рынке труда. В связи с этим развитие исследований по проблеме адаптации безработных к рынку труда является особенно актуальным и должно носить комплексный характер, направленный на интерпретацию социальных, экономических и психологических факторов.

Изучение проблемы безработицы за рубежом (B. Graetz, G. C. Murphy, J. A. Athanasiou, S. Miles, M. Jahoda) и в России (А. А. Гордиенко, А. Н. Демин, В. С. Магун, Л. Пельцман, Г. И. Соколова, М. В. Сорока, Л. Ю. Субботина, Н. В. Чернина, И. В. Шагарова и др.)

© Овчарова Е. В., 2012

направлено на выявление причин и последствий безработицы, анализ психологических особенностей безработных, стратегий поведения людей в ситуации потери работы, на изучение ведущих и дополнительных факторов их адаптации и др.

Теоретический анализ литературы показывает, что исследователи по-разному рассматривают психологический аспект безработицы. Так, И. М. Городецкая, М. В. Дмитриева, Л. Пельцман, Д. Фельдман, Т. С. Чуйкова обращают внимание на влияние уровня притязаний, структуры трудовой мотивации и локуса контроля на поведение личности после потери работы, на изменения самооценки. Зачастую трансформируются личные качества безработного: способность понимать жизненные ситуации и адекватно на них реагировать, умение изменять свое поведение в соответствии с ситуациями, навыки самоопределения, мотивация к достижению и др.

Большинство исследователей отмечают, что человек, оказавшись в ситуации безработицы, сталкивается с целым спектром психологических про-

блем. На изменение психологического состояния безработного влияют не только внешние причины (ситуация поиска работы, семейные обстоятельства, социальное положение и др.), но и внутренние факторы. Так, по мнению О. В. Александровой, О. Н. Боголюбовой, Н. Л. Васильевой на способ реагирования в контексте воздействия стресса оказывают влияние следующие условия: локус контроля; уровень самооценки и притязаний; социальный статус на прежней работе [1].

При этом авторы единодушно отмечают, что своеобразной проекцией социального статуса безработного на внутренний мир человека является изменение его актуального психического состояния [2]. У человека появляются устойчивые характеристики личности, мешающие ему в устройстве на работу, например повышение уровня тревожности. Большое количество ситуаций воспринимается такими людьми как угроза их престижу, личному благополучию. Эти ситуации, являясь стрессовыми, порождают состояние тревоги. Страх оказаться несостоятельным приводит к снижению активности в поиске работы, восприятию ситуации трудоустройства изначально как неуспешной и ее избеганию (состояние фрустрации, неопределенности).

По мнению большинства авторов, подобного рода состояние отражается и на уровне субъективного контроля над жизненными ситуациями [3]. Безработные не видят зависимости между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными влиять на них и контролировать их развитие. Они полагают, что большинство событий является результатом случая или действий других людей.

На определенной стадии безработный начинает воспринимать себя как слабую личность, не обладающую особой свободой выбора. У него укрепляется убеждение, что человеку не дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их. В значительной мере он начинает жить сегодняшним или вчерашним днем, не имея ясных целей и планов на будущее. При этом такой человек не испытывает удовлетворенности своим положением.

Еще одним из главных факторов, влияющих на социальное поведение в период безработицы и на профессиональный выбор, является система ценностных ориентаций человека. М. В. Фирсов, Б. Ю. Шапиро [4] отмечают, что у безработных на первом месте в системе ценностей стоит здоровье, уверенность в себе, любовь, то есть для них очень значимо собственное физическое и психическое

состояние, внутренняя гармония, свобода от противоречий и сомнений, духовная и физическая близость с любимым человеком (данные приводятся для лиц молодого возраста). На последнем месте – красота природы, творчество и счастье других.

Потеря работы неизбежно сопровождается изменениями в личности и в поведении человека. Люди испытывают разные эмоции и проходят несколько стадий в своем поиске работы. На основе теорий П. Харрисона, Л. Пельцмана [5] можно сделать вывод, что состояние человека меняется с того момента, как он оказался безработным. При этом самая сложная первая фаза – шок (длится от момента увольнения до двух месяцев). На второй фазе (3–4 месяца с момента потери работы) происходит процесс адаптации, приспособления к ситуации, определенное успокоение. Третья фаза (к началу шестого месяца) характеризуется резким снижением активности. Последняя, четвертая, фаза (наступает к исходу первого года) формирует у человека беспомощность и примирение со сложившейся ситуацией.

С целью выявления психологических особенностей людей, ищущих работу, нами было проведено эмпирическое исследование, в котором принимало участие 50 человек, являющихся безработными в течение одного года; из них 30 женщин и 20 мужчин. Возраст испытуемых – 25–50 лет.

Анализируя результаты методики «Диагностика парциальных позиций интернальности-экстернальности личности» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд), можно сделать вывод, что у большинства испытуемых (52%) нет четкой выраженности типа локуса контроля, проявление интернальности и экстернальности имеет свойство изменяться. Это означает, что у безработных направленность их субъективного контроля различно в зависимости от того, представляется ли человеку ситуация сложной или простой, приятной или неприятной и т. п. Иногда они видят причину неудач во внешних событиях, иногда – в себе.

Проведя сравнительный анализ реактивной и личностной тревожности безработных (рис. 1) по методике «Шкала самооценки» (Ч. Д. Спилбергер, Ю. Л. Ханин), можно заключить, что безработные характеризуются высоким (50%) и средним (50%) уровнем реактивной тревожности, а также средним (50%) и низким (48%) уровнем личностной тревожности; у них в целом больше выражена ситуативная тревожность, чем личностная, т. е. тревожность проявляется в связи с ситуацией безработицы и не является личностной чертой.

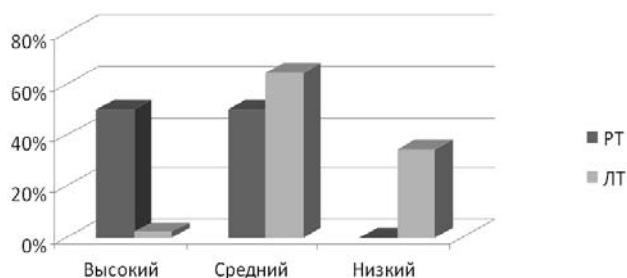

Рис. 1. Проявление реактивной и личностной тревожности у безработных

Рассматривая динамику изменения реактивной тревожности на разных стадиях безработицы (рис. 2), можно обнаружить следующую закономерность: по прошествии двух месяцев реактивная (ситуативная) тревожность безработных увеличивается, а по истечении больше полугода поисков работы идет на спад, т. е. стаж безработицы влияет на психологическое состояние людей.

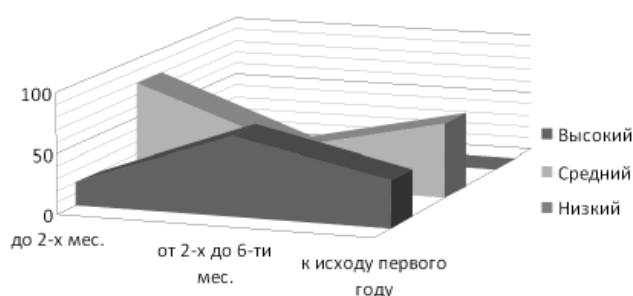

Рис. 2. Динамика уровня реактивной тревожности у безработных на разных этапах безработицы

Таким образом, в период от 2 до 6 месяцев преобладает ситуативная тревожность по сравнению с личностной; в период от 6 месяцев до одного года уровень ситуативной тревожности идет на спад, в то время как личностная тревожность возрастает, т. е. становится личностной чертой.

Результаты теста «Диагностика силы мотивационной установки к достижению успеха» (Т. Элерс) позволяют предположить, что сильное стремление добиться цели (найти место работы) несвойственно большинству испытуемых (очень высокий уровень мотивации к достижению успеха у 14%, умеренно высокий – у 26%, средний – у 52%, низкий – у 8%).

Применение корреляционного анализа (по Пирсону) к результатам исследования помогло выделить значимую связь между стажем безработицы и шкалой «интернальность в области неудач»

($p \leq 0,05$), а также между стажем безработицы и шкалой «интернальность в отношении здоровья и болезни» ($p \leq 0,01$). На начальном этапе (до 2 месяцев) безработные считают, что большинство важных событий в их жизни было результатом их собственных действий, что они могут управлять ситуацией и чувствуют свою ответственность за эти события, однако со временем они начинают перекладывать ответственность на внешние обстоятельства.

При этом можно выделить еще одну закономерность: чем больше у человека стаж безработицы, тем выше у него реактивная тревожность ($p \leq 0,01$) и тем ниже мотивация к достижению успеха ($p \leq 0,01$). Постепенно человек начинает чувствовать, что от него ничего не зависит, он даже оказывается не в состоянии контролировать свое время. Параллельно с этими процессами идет выгорание мотивации к труду. В основе этого выгорания лежит установка на успешность. Отказы приводят к тому, что человек перестает искать работу, защищая свое Я от угрозы новых отказов.

Корреляционный анализ (по Спирмену) позволил определить некоторую зависимость между данными показателями. Так, у безработных со стажем до 2 месяцев выявлена связь умеренной тесноты ($r = 0,36$) между интернальностью и мотивацией достижения к успеху, а также связь умеренной тесноты между локусом контроля и личностной тревожностью ($r = 0,3$, при $p < 0,05$) и связь слабой тесноты между локусом контроля и реактивной тревожностью ($r = 0,16$, при $p < 0,05$). Можно сделать вывод, что чем больше люди считают себя ответственными за происходящие с ними события, тем выше у них уровень мотивации достижения к успеху, и наоборот, чем больше люди обвиняют других в собственных неудачах, тем меньше у них выражена мотивация достижения к успеху. К тому же с увеличением стажа безработицы испытуемые-интерналы становятся более тревожными, чем испытуемые-экстерналы.

В связи с этим важным этапом психологической помощи безработным является содействие им в преодолении негативного влияния стрессовой ситуации. Психологическая помощь безработному должна быть направлена на преодоление кризиса и эмоциональных переживаний, а также на помощь в трудоустройстве, самопрезентации. Основными методами помощи являются социально-психологический тренинг, клуб ищущих работу, группы встреч и др.

Список использованной литературы

1. Психология социальной работы / О. Н. Александрова, О. Н. Боголюбова, Н. Л. Васильева и др.; под общ. ред. М. А. Гулиной. СПб.: Питер, 2002. 352 с.
2. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru>; Социальная психология личности в вопросах и ответах: учеб. пособие / под ред. В. А. Лабунской. М.: Гардарики, 1999. 397 с.
3. Шагарова И. В. Личностные детерминанты и типы копинг-поведения в ситуации потери работы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008.
4. Фирсов М. В., Шапиро Б. Ю. Психология социальной работы: Содержание и методы психосоциальной практики. М.: Академия, 2002. 192 с.
5. Пельцман Л. Стрессовые состояния у людей, потерявших работу // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 1.

УДК 316.64

В статье поднимается проблема формирования доверия у детей, воспитывающихся в детском доме. Воспитание детей вне семьи ведет к депривации психического и личностного развития, которое проявляется в деформации базового доверия детей к миру. В результате у детей, лишенных родителей, имеет место депривация доверия, которая формируется изначально на самых ранних стадиях онтогенеза как отсутствие глобального чувства безопасности и защищенности близкими людьми. Депривация доверия ведет, с одной стороны, к развитию неадекватных способов взаимодействия с людьми и характеризуется общими неконструктивными отношениями, а с другой стороны, к деформации личности.

Ключевые слова: доверие; депривация доверия; доверительные отношения; психическая депривация; потребность в привязанности.

The article raises the problem of formation of trust among children brought up in children's home. Upbringing of children outside the family leads to the deprivation of mental and personality development, which is reflected in the deformation of the basic trust of children to the world. As a result, the children, deprived of parents, have deprivation of trust, which is formed initially, in the very early stages of ontogenesis, as the absence of a global sense of safety and security of close people. Deprivation of trust leads, on the one hand, to the development of the inadequate means of communication with people and general unconstructive type of the relationship, and on the other hand, all of this is connected with the deformation of personality.

Key words: trust; deprivation of trust; confidential relations; mental deprivation; need for affection.

A. B. Полина

Волжский гуманитарный институт (филиал)

E-mail: a.polina@vgi.volsu.ru

Доверие к миру как условие полноценного развития личности

Научная статья

A. V. Polina

Volzhsky Institute of Humanities

E-mail: a.polina@vgi.volsu.ru

The Trust in the World as a Condition of the Full Development of Personality

Scientific article

Как известно из работ многих исследователей, доверие является базовым фактором, определяющим психологическое благополучие в жизни человека. Исходя из данного положения и учитывая, что объектом нашего исследования являлись дети, воспитывающиеся в детском доме, можно предположить, что к значимым факторам психической депривации относится и депривация доверия, которая формируется изначально на самых ранних стадиях онтогенеза как отсутствие глобального чувства безопасности и защищенности близкими людьми. В этой связи обратимся к анализу работ как отечественных, так и зарубежных ученых, касающихся проблемы доверия [1].

Научный анализ феномена доверия был предпринят только в XX веке рядом исследователей в области философии и психологии. Проблеме доверия посвятили свои работы такие ученые, как К. А. Абульханова-Славская, В. П. Зинченко, Т. П. Скрипкина, П. Н. Шихирев, Б. С. Братусь, Э. Эриксон, Т. Ямагиши, А. Селигмен, Дж. Аллен, Э. Гидденс, Б. Джонсон,

С. Джудард и ряд других авторов. Анализ доверия многими, в особенности зарубежными авторами ведется в основном с социологических позиций, хотя некоторые из них, например Э. Эриксон, К. Роджерс, Э. Шостром и другие ученые, дают психологический анализ данного явления. В отечественной психологии социально-психологический анализ проблемы доверия осуществлен В. П. Зинченко, П. Н. Шихиревым, Т. П. Скрипкиной, В. Н. Кунициной и некоторыми другими исследователями.

Большинство ученых подчеркивают, что базовая установка на доверие формируется в раннем детстве и затем выступает системным свойством, определяющим постоянные способы взаимодействия индивида с миром (В. П. Зинченко, Э. Гидденс, К. Роджерс, Э. Эриксон). Это устойчиво действующий фактор, который может быть описан как онтологическое (или основополагающее) доверие. На него накладывается определенный отпечаток, связанный с последующим развитием индивида, но вместе с тем оно всегда продолжает

сохранять свой онтологический статус. Именно онтологическое доверие лежит в основе того, что весь социум функционирует как система многоуровневого взаимного доверия [2].

В зарубежной психологии проблема доверия давно и активно разрабатывается и на эмпирическом уровне. В отечественной психологии Т. П. Скрипкина впервые выделила феномен доверия в качестве самостоятельного предмета исследования. Ею анализируется доверие как самостоятельный социально-психологический феномен, который выполняет базовые функции в жизнедеятельности человека. Т. П. Скрипкиной была построена концепция, в основе которой лежит положение о том, что доверие выполняет роль системообразующей функции в процессе взаимодействия человека с разными сторонами мира, в том числе и с другими людьми. По мнению автора, для того чтобы понять социально-психологическую сущность доверия, необходимо рассматривать целостную систему «человек-человек» как реально взаимодействующих субъектов, имеющих одновременную обращенность и в мир и в себя [3].

Итак, придерживаясь точки зрения Т. П. Скрипкиной, согласно которой без доверия человек лишается возможности познавать и преобразовывать мир, мы в нашем исследовании рассматриваем доверие как одно из важных условий развития и изменения самого человека. В связи с тем что наше исследование посвящено изучению особенностей проявления депривации доверия у дошкольников, воспитывающихся в условиях детского дома, важно еще одно положение, развиваемое Т. П. Скрипкиной. Оно заключается в том, что основными универсальными условиями возникновения доверия для человека являются значимость и безопасность тех объектов, с которыми человек собирается вступать во взаимодействие и с которыми он взаимодействует. Если не сохраняется хотя бы одно из этих условий, то доверительные отношения личности нарушаются, а это, в свою очередь, сильно деформирует не только сами отношения, но и личность взаимодействующих субъектов [4]. В этой связи можно предположить, что депривированные дети, у которых и без того в силу сложившегося сценария их жизни не сформирована базовая установка на доверие к миру, испытывают дефицит доверия близких; они в первую очередь лишены чувства безопасности, которое переживается как наличие постоянной тревоги и незащищенности.

Вместе с тем специальных исследований, посвященных изучению деформаций доверия дошкольников в условиях депривации, мы не обнаружили. Учитывая объект нашего исследования, коснемся проблемы доверия детей дошкольного возраста в работах зарубежных и отечественных психологов. В зарубежной психологии проблема доверия детей рассматривается, прежде всего, в психоаналитических концепциях. В этих концепциях основное внимание уделяется первым стадиям психосоциального развития ребенка, когда наблюдается крайняя его зависимость от матери или других взрослых, проявляющих о нем заботу. У детей формируются психические модели значимых взрослых, удовлетворявших их потребности [5].

С нашей точки зрения, важными в связи с целями нашего исследования являются работы, имеющие место не только в рамках психоаналитического подхода, но и в теориях, которые принято считать принадлежащими к бихевиористскому направлению, например теории социального научения. Так, Р. Сирс, считал, что важнейшей потребностью ребенка – дошкольника является потребность в привязанности, которую нельзя игнорировать [6]. Можно предположить, особенно исходя из особенностей поведения детей, воспитывающихся в условиях детского дома, насколько фрустрирована их потребность в привязанности. Мы считаем, что это связано с отсутствием базового чувства безопасности, а значит и отсутствием чувства защищенности. Естественно, что на этой основе доверие к другим людям, как взрослым, так и сверстникам, не формируется. Из эмпирических исследований известно, что доверие к себе развивается на основе доверия близких взрослых к ребенку. Другими словами, у детей-сирот отсутствует та первичная база, на которой могут формироваться доверительные отношения. В результате у детей, лишенных родителей и воспитывающихся в условиях детского дома, имеет место депривация доверия, которая ведет, с одной стороны, к развитию неадекватных способов взаимодействия с людьми, связанных с повышенной конфликтностью, агрессивностью и общим неконструктивным характером отношений, а с другой стороны, к деформации личности [7].

Т. П. Скрипкиной считает, что основными формально-динамическими характеристиками в проявлении доверия служит избирательность и парциальность, которые характеризуются тем, что человек, образно говоря, всегда знает, кому доверить и что доверить. Эти характеристики доверия начинают

формироваться также на ранних стадиях онтогенеза, когда первичная базовая установка на доверие начинает как бы «перфорироваться» и ребенок постепенно начинает понимать, что полное доверие для него небезопасно. Этим, кстати, на наш взгляд, можно объяснить так рано появляющуюся детскую лживость.

С нашей точки зрения, по мере развития, когда у ребенка начинают формироваться первые социально-нравственные эталоны, связанные с понятиями «хорошего», «плохого», «доброе» и «злого», дети начинают постепенно дифференцировать людей по этим критериям и выстраивать на их основе строить с ними доверительные, близкие отношения. Поэтому мы предполагаем, что в связи с недостаточно развитым социальным опытом и с деформацией формирования социально-нравственных эталонов у воспитанников детского дома формально-динамические характеристики доверия, связанные с избирательностью и парциальностью, вообще не развиваются [8].

Итак, базовое доверие понимается в качестве фундаментальной установки человека, которая начинает формироваться на первом году жизни и во многом предопределяет дальнейшее психическое развитие ребенка и его взаимодействие с миром. Образование базового доверия ребенка к миру происходит на основе чувств безопасности и защищенности, возникающих в результате установления определенного типа привязанности ребенка к значимым взрослым (как правило, матери), а также определенного характера удовлетворения физиологических и социальных потребностей. По мнению ряда исследователей, базовое доверие формируется медленно, в течение ряда лет, начиная с младенчества и заканчивая юностью. Устойчивая тенденция к доверию во взрослом возрасте понимается как подражание этим архаическим формам зависимости, привязанности [9].

Таким образом, важнейшим аспектом исследования феномена доверия является онтогенетический процесс его формирования. Доверие/недоверие начинает формироваться как вторичный результат человеческой активности с первых мгновений жизни младенца. В настоящее время нерешенными

являются такие важные вопросы, как особенности доверия/недоверия дошкольников, воспитывающихся в учреждениях закрытого типа, роль доверия в их личностном развитии, развитие доверия депривированных дошкольников к социальному миру и к себе.

Проведенный анализ исследований показал, что и в отечественной, и в зарубежной психологии функции доверия рассматривались либо как доверие одного участника взаимодействия другому, либо как взаимодоверие этих участников. Несмотря на то что указанные концепции имеют большой теоретический потенциал, в них не решены некоторые важные проблемы, например содержание базового доверия к миру и стадии его дальнейшего развития, влияние социокультурных традиций на трансформацию базового доверия, взаимосвязь доверия к другим людям и к себе.

Список использованной литературы

1. Полина А. В. Депривация доверия в детском возрасте: монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. С. 51–56.
2. Антоненко И. В. Социально-психологическое содержание феномена доверия. // ЧФ: Социальный психолог. 2003. № 2 (6). С. 27–37.
3. Скрипкина Т. П. Доверие к себе как условие развития личности // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 80–86.
4. Скрипкина Т. П. Психология доверия. М., 2000.
5. Хорни К. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Наши внутренние конфликты. Невроз и развитие личности. М., 1997.
6. Sears R. R. Dependency motivation. In M. R. Jones, Lincoln: University of Nebraska Press, 1963. V. 11.
7. Полина А. В. Доверие и онтогенетическое развитие в детском возрасте // Доверие в социально-психологическом взаимодействии: коллективная монография. Ростов н/Д. : Изд-во РГПУ, 2006. С. 181–208.
8. Полина А. В. Депривация доверия в детском возрасте ... С. 56–61.
9. Эриксон Э. Детство и общество: пер. и научный ред. А. А. Алексеев. М., 2000.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.52; 316.334.56

В социологической науке пока не сформирована единая концептуальная схема изучения городской среды, а популярные сегодня западные концепции представлены в основном архитекторами и географами. Исходя из этого, одна из основных задач социологических исследований в области социологии города заключается в поиске теоретических оснований, позволяющих определить и изучить социальные факторы, влияющие на развитие современной городской среды и ее восприятие. В статье анализируется восприятие городской среды представителями разных социальных групп.

Ключевые слова: город; образ города; городская инфраструктура; городская среда.

A common conceptual model for the study of the urban environment has not yet been created in the sociological science, and Western concepts, that are popular nowadays, are presented mainly by architects and geographers. Proceeding from this, one of the main tasks of the sociological research in the field of sociology of the city is the search for theoretical basis, that can identify and examine social factors influencing the development of a modern urban environment. The article analyzes the perception of the urban environment by the representatives of various social groups.

Key words: city; city's image; urban infrastructure; urban environment.

Л. Д. Руденко

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Rudenko@uniyar.ac.ru

Актуальные вопросы исследования городской среды в современной социологии*

Научная статья

L. D. Rudenko

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Rudenko@uniyar.ac.ru

Issues of the Urban Environment Studies in Modern Sociology

Scientific article

Социологической наукой городская проблематика изучается с начала XIX в. Интерес к исследованию города в тот период был вызван быстрым ростом их числа, неоднородностью городского населения в период индустриализации, неразвитостью городской инфраструктуры, всплеском социальных проблем в крупных городах, широкими потоками урбомиграций и пауперизацией. В США и некоторых странах Европы возник своего рода социальный заказ на эмпирическое изучение городской инфраструктуры, которое привлекло внимание правительства, органов местного самоуправления и неправительственных организаций к безотлагательному решению значительных городских проблем. Основная заслуга ранних исследований городской жизни заключалась в том, что они послужили основанием

для разработки и проведения социальных реформ: аренды жилья, строительства, текущей статистики.

Первым классическим социальным обследованием городской инфраструктуры можно считать анализ городской среды Лондона, предпринятый в 1888 г. реформатором Чарльзом Бутом в работе «Жизнь и труд населения Лондона». Бут описал условия жизни различных слоев населения, связь бедности с занятостью, условиями труда и регулярностью доходов. Исследование охватило весь Лондон и потребовало невероятных усилий. Например, отчет Бута о состоянии религиозности в Лондоне был выполнен на основе результатов 1800 интервью.

По мнению Г. С. Батыгина, работа Ч. Бута оказала серьезное влияние на методологию и тематическую программу социальных обследований городской

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

инфраструктуры в Европе и Америке, и большинство социологических проектов начала XX в. представляли собой более или менее точные аналоги бытовых описаний [1]. Впоследствии его опыт и материалы исследования были использованы Чикагской социологической школой.

Социологические исследования городской инфраструктуры, возникнув в Европе в начале XX в. получили массовое распространение и в США. Среди обследований американских городов того периода особого внимания заслуживает работа Софонизбы Брекинридж и Эдит Эббот, начатая в 1908 г. и посвященная жилищным условиям в Чикаго. Работа носила «заказной» характер, т. к. проводилась по поручению главного санитарного инспектора Чикаго и была направлена, главным образом, на изучение жилищных условий семей рабочих, мигрантов и этнических групп.

В 20–30-е гг. XX столетия социальные обследования городской среды становятся лонгитюдными, т. е. принимают форму многократного сбора данных через определенный промежуток времени. В США проведению лонгитюдных локальных исследований способствовало опубликование результатов Питтсбургского обследования, проведенного в период с 1909 по 1914 г. командой Пола Келлога. В этот период США переживали промышленный переворот и соответственный мощный индустриальный рост, поэтому в качестве материала для изучения американской цивилизации был выбран крупный промышленный город Питтсбург.

П. Келлогом и его сотрудниками были собраны подробные сведения о занятости рабочих в сталелитейной промышленности, их доходах, состоянии здоровья, условиях труда и быта, качестве жилища, образовании, уплате налогов, преступности, отдыхе. На примере одного города удалось продемонстрировать, как промышленная организация того времени повлияла на личную и культурную жизнь горожан.

По мнению Роберта Парка, «Питтсбургское обследование пришлось ко времени. Оно появилось, когда во всех уголках США мыслящие люди искали решения проблем, с которыми уже не справлялись традиционные технологии, воплощенные в формы традиционной партийной политики. Это было время, когда реформы стремились выйти за рамки политики, т. е. за рамки партийной политики. Питтсбургское обследование предоставляло новый метод для политического образования и коллективного действия в решении локальных проблем, метод, который не поднимал партийных вопросов и не содержал ничего революционного, вроде смены местного управления» [2].

Социальные обследования городской среды с этих пор стали модными и предпринимались во всех частях страны. Примером здесь может служить Спрингфилдское обследование под руководством Шелби Харрисона, которое затрагивало целую область социальной политики города: общественное здоровье, образование, социальные службы в их многочисленных видах. Стоит отметить, что в проект включились все жители Спрингфилда (штат Иллинойс), внося в фонд проекта по 10 центов каждый.

Дальнейшие исследования городской инфраструктуры во многом были связаны с деятельностью Чикагской школы, представители которой видели задачу социологии в содействии городским реформам. Их деятельность была направлена на совершенствование социума, испытывающего на себе как позитивные, так и негативные воздействия урбанизации и индустриализации. Идейный вдохновитель и лидер Чикагской школы Р. Парк ввел в научный оборот термин городская среда и в 1915 г. организовал первый в США центр городских исследований.

Исторически деятельность социологов Чикагской школы совпала с переходом от второго к третьему этапу урбанизации, связанным с преобразованием территории под массовое конвейерное производство и глобальные рынки. В это время Чикаго, как и многие другие американские города, переживал бурный рост индустрии и, как следствие, – приток иммигрантов из Старого Света и массиванный приток населения из сел и малых городов Америки.

Однако адаптация мигрантов к городской среде сопровождалась многочисленными трудностями. В частности, Э. Бэрджесс пишет: «Чикаго захлестывали волны иммигрантов из Европы. ... Дети эмигрантов, оказавшись между двух культур, не разделяли ни идеалов своих родственников, ни американских идеалов, хотя и отождествляли себя с Новым Светом. Они образовывали так называемые уличные компании, которые вели себя откровенно вызывающе как в отношении требований родителей, так и в отношении социальных норм американского общества в целом» [3].

Таким образом, ситуация, складывавшаяся в Чикаго и других американских городах в этот период, во многом обусловила характер задач, ставившихся перед социологами: формирование новых технологий социального контроля и регуляции взаимодействия членов различных городских сообществ, исследование социальных процессов в контексте проблем городской среды. Реализация этих задач могла осуществиться только с помощью изучения городских социальных групп.

В частности, С. В. Пирогов отметил вклад Парка в разработку новой методики изучения индустриального города: на материале большого американского города он смог показать его социокультурную гетерогенность (город состоит из групп, различающихся своей культурой, социальным составом и образом жизни и, соответственно, разным восприятием городской среды) [4]. Каждая группа сама определяется в социокультурном пространстве города, сама задает основания и критерии измерения «социальной дистанции». Социальная принадлежность конкретных индивидов не является константной ни в статусном, ни в идентификационном плане: имеет место сложная социокультурная динамика, которую Парк называл «миграцией», – взаимопроникновение на территорию и в социокультурное пространство нормативности различных групп, социокультурная диффузия.

О необходимости изучать социальную структуру и гетерогенность города писал и основатель социологии урбанизации Льюис Мамфорд. В книге «Культура городов» [5] он развил мысль о том, что сущность города – в его социальной и культурной сторонах, а не в его материальной структуре, не в форме улиц или типе строений. Город – это одновременно и физическая единица совместной жизни, и символ коллективных стремлений и единодушия, вырастающих в его условиях. Следовательно, городская инфраструктура должна соответствовать социальным структурам, социальными связями, а не механической интеграции.

Одной из первых работ, посвященных вопросу формирования городской среды, стала монография Кевина Линча «Образ города» (1960), где была разработана теория когнитивного восприятия городской среды, по которой точкой отчета должна быть не форма города, а то, как воспринимают городскую среду жители; каковы последствия этого восприятия для проектирования городов [6].

Одной из центральных идей этой теории стала идея ментального образа города. Ментальный образ города, или общественный образ – это групповые образы, которые формируются большим количеством городских жителей. «Каждый индивидум создает и несет свой собственный образ, но может существовать значительное согласие между членами одной и той же группы. Именно групповые образы, проявленный консенсус среди значительного количества людей интересуют городских проектировщиков, которые стремятся моделировать среду, которая будет использоваться многими людьми» [7].

Опираясь на идеи вышеперечисленных социологов, автор статьи попытался изучить ментальные

образы городской среды у представителей разных социальных групп. Под городской средой нами понималась интерференция особенностей территории, социальных отношений и культуры (определение, данное С. В. Пироговым). Для реализации поставленной цели проведено социологическое исследование разведывательного вида.

Социологическая информация была собрана с помощью анкетного опроса, т. к. именно этот метод позволяет получить информацию о субъективном мире людей, их склонностях и мотивах деятельности. Более того, данный метод предоставляет респондентам возможность обдумать предложенные вопросы, а исследователю получить информацию в сжатые сроки и проконтролировать полноту заполнения анкеты.

Анкета состояла из 25 вопросов (шесть вопросов формировали «паспортичку»), которые были распределены по двум смысловым блокам. В первом блоке содержались вопросы, ответы на которые позволили нам выяснить мнение горожан о положительных и отрицательных сторонах городской среды Ярославля, определить основные проблемы городской инфраструктуры. Во втором блоке содержались вопросы, ответы на которые дали нам возможность определить мнение горожан об идеальном образе городской среды.

По таблицам В. И. Паниотто был определен объем выборки – 200 человек. Фактическая ошибка выборки составила 7%. Объектом социологического исследования выступили жители города Ярославля в возрасте от 25 до 70 лет (по 33% в каждой возрастной группе: до 30 лет, от 31 года до 49 лет, свыше 50 лет). Отбор респондентов осуществлялся с помощью неслучайной квотной выборки, репрезентативной по полу.

В исследовании приняли участие 44% мужчин и 56% женщин, что соответствовало половой структуре города. Абсолютное большинство ответивших (94%) – русские, что также соответствовало национальной структуре города. Свое материальное положение большинство респондентов (51%) определили как среднее (денег хватает на одежду, еду и мелкую бытовую технику, но покупка товаров длительного пользования, например холодильник, вызывает затруднение); 12% – как низкое (не хватает денег на еду и одежду); 10% – как высокое (можем позволить себе купить практически все); 27% отказались от ответа на этот вопрос.

В опросе участвовали горожане с разным социальным статусом (студенты, рабочие, служащие, военные, пенсионеры) и уровнем образования (у 34% респондентов – высшее, у 29% – неоконченное высшее, у 28% – среднее специальное и у 8% –

среднее образование). Наиболее интенсивно опрос проходил в Дзержинском и Заволжском районах (по 25% от всех опрошенных) как самых многочисленных районах города. Таким образом, в опросе приняли участие представители разных социальных групп города, что позволило нам выявить разницу в восприятии ими городской среды.

Итогом проведенного нами исследования стали следующие результаты.

Большинство опрошенных нами горожан (85%) на момент опроса проживали в Ярославле более 3-х лет, а следовательно, могли объективно судить о состоянии его городской инфраструктуры. Примечательно, что большая часть респондентов (67%) не хотели уезжать из Ярославля в другой город, 10% – согласились бы уехать на кратковременный срок и 20% – хотели бы уехать в другой город для постоянного проживания (С.-Петербург, Москву). На наш взгляд, такие результаты свидетельствуют о высокой степени привлекательности города для проживания. Вместе с тем 18% респондентов не смогли описать герб и флаг города, 20% – описали герб (медведь как символ Ярославля часто встречается в городе, а также на различной сувенирной продукции), но не смогли описать флаг.

В качестве желаемого для проживания района горожане выбрали Кировский и Ленинский районы (39 и 19% соответственно). Данный выбор можно объяснить развитостью в этих районах транспортной, образовательной, торговой, рекреационной и других систем.

В отдельном блоке вопросов респондентам было предложено высказать свое мнение о городской среде Ярославля. После контент-анализа ответов на открытый вопрос «Опишите свое впечатление от города» мы определили наиболее популярные характеристики: уютный (28%); город с неразвитой инфраструктурой (19%); город с развитой инфраструктурой (18%); отсталый в экономической сфере (13%). Такие ответы, на наш взгляд, подтверждают разницу восприятия города социальными группами. Так, например, жители Кировского района определяли инфраструктуру города как развитую, а жители Красноперекского района высказывали противоположное мнение.

Далее, в шестом вопросе, была представлена таблица, где респондентам предлагалось оценить город по отдельным показателям. В результате обработки данных получился следующий образ Ярославля: красивый, зеленый, старинный, уникальный, открытый для мигрантов, беспокойный для проживания, уютный, грязный, с плохо разви-

той транспортной инфраструктурой, с низкой деловой активностью, небезопасный. Стоимость жизни в Ярославле большинство опрошенных оценили как высокую (91%). Можно сказать, что оценка респондентами города по вышеперечисленным показателям не является однозначной, что указывает на отсутствие четкого образа Ярославля.

В следующем вопросе мы попросили респондентов оценить по 5-балльной шкале состояние здравоохранения как наиболее важную сферу для жизнедеятельности. Преобладающей в ответах явилась оценка «3». Следовательно, отсутствие эффективной системы здравоохранения может в дальнейшем привести к повышению недовольства жителей городской социальной политикой, а также к снижению уровня их здоровья. Такую же низкую оценку получила и рекреационная система города.

Учитывая большой общественный резонанс, вызванный выборами мэра города, мы включили в анкету ряд вопросов, посвященных участию горожан в местном самоуправлении. Абсолютное большинство ответивших – 77% – не принимали участия в местном самоуправлении. Вместе с тем для 78% опрошенных горожан участие в местном самоуправлении представлялось важной сферой деятельности. На наш взгляд, такое низкое участие граждан в местном самоуправлении ведет к оторванности властных структур от реальных проблем города. На вопрос «Находят ли понимание проблемы горожан у руководства города?» большая группа респондентов (49%) затруднилась ответить, а 36% – ответили отрицательно. Таким образом, большинство респондентов пессимистично настроены относительно политики руководства города. Кроме того, 89% респондентов ответили утвердительно на вопрос о необходимости улучшения репутации городской власти.

В ходе опроса респондентам также были заданы вопросы о том, насколько безопасно они чувствуют себя в городе: 47% ответили утвердительно, 37% затруднились ответить, 16% ответили отрицательно. При этом более половины опрошенных гуляют в позднее вечернее (после 21.00) время.

Следующий блок вопросов был посвящен изучению представлений ярославцев об идеальном образе города. В результате проведенного опроса был составлен следующий список элементов такого образа (в порядке убывания значимости):

- низкий уровень преступности;
- хорошая экология;
- низкая стоимость жилья;
- низкая стоимость жизни;
- развитая система здравоохранения;

- высокий уровень благосостояния горожан;
- развитые транспортные сети.

Как видим, большинство из предпочитаемых характеристик города не соответствуют характеристикам современного Ярославля. Возможно этим несоответствием можно объяснить данную горожанами низкую среднюю оценку развитости городской среды – 3,5 балла. Представители разных социальных групп по-разному отвечали и на вопросы относительно качества жизни в городе. Ниже мы приведем наиболее значимые корреляции.

В распределении ответов респондентов на вопрос «Представьте, что Вы можете выбирать город, в котором Вы будете жить и работать. Оцените степень важности для Вас следующих характеристик города...» нами выявлены достоверные различия: молодые участники опроса в первую очередь отмечают «стоимость жилья» (28,0%), тогда как для респондентов среднего возраста (от 31 года до 49 лет) наиболее важны низкий уровень преступности (40,3%) и доступность и качество услуг в здравоохранении (29,9%). Для людей старше 50 лет – экологическая ситуация в городе (38,9%), высокий уровень благосостояния жителей (33,3%).

Большая зависимость ответов респондентов от их возраста прослеживается и при оценке города. Признали город Ярославль «уютным» треть опрошенной молодежи (33,1%), а также люди в возрасте до 49 лет (27,8%), в то время как представители старшего поколения чаще отмечали его неразвитую инфраструктуру (27,8%) и историческую значимость Ярославля (27,8%).

Большое влияние на оценку респондентами города оказала их степень оседлости: максимально высоко оценили старину Ярославля жители, оседлость которых в городе составила более трех лет (54,5%). Респонденты, длительность проживания которых в городе составила менее трех лет, отметили хороший уровень транспортной обеспеченности (41,7%) и деловой активности г. Ярославля (47,2%), а также озелененность города (58,3%).

Неудовлетворительно оценили город по показателю «уровень преступности» представители низкодоходных групп населения, а также жители Кировского и Красноперекоского районов (наиболее криминогенных по статистике районов города).

На оценку многих показателей городской жизни повлиял также доход респондентов. Так, этнорелигиозный состав городского населения признали удовлетворительным/благоприятным более трети среднеобеспеченных (44,1%) либо состоятельных (39,1%)

ярославцев. Отличную характеристику «уровню благосостояния жителей» чаще других давали жители Кировского района, в то время как более половины опрошенных во Фрунзенском (57,7%) и Ленинском (52,4%) районах предпочли оценить данный показатель как хороший. Определили стоимость жизни в г. Ярославле как высокую большинство респондентов из низкодоходной группы населения, а представители высокодоходных/обеспеченных групп высоко оценили степень собственной удовлетворенности от города (80,0%). Возможность гражданского участия в развитии города чаще других оценили как хорошую жители со средним достатком (39,1%).

Наиболее высокого уровня оценка рекреационных возможностей города достигла у среднеобеспеченных ярославцев (21,6%) и представителей высокодоходных групп респондентов (33,3%). Развитостью транспортных сетей (доступность свободной парковки, возможность движения без пробок) в основном не удовлетворены малообеспеченные горожане (50,0%). Высокая стоимость жилья в городе вызывает наибольшее беспокойство у малообеспеченных (42,8%), а также среднеобеспеченных (22,7%) ярославцев. Экологическую ситуацию в городе определили как неудовлетворительную в основном низкодоходные группы населения (35,7%).

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что Ярославль имеет свои особенности в части своего образа: большинство из предпочитаемых горожанами характеристик городской среды не соответствуют характеристикам современного Ярославля. Кроме того, была зафиксирована разница в восприятии городской среды представителями разных социальных групп, при этом наиболее критично оценивают городскую среду малообеспеченные горожане.

Список использованной литературы

1. Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. М., 1994.
2. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3.
3. Пирогов С. В. Социология города: конспект лекций. Томск, 2003.
4. Там же.
5. Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа; Новая площадь, 2008. 168 с.
6. Линч К. Образ города: пер. с англ. В. Л. Глазычева / сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М., 1982.
7. Там же.

УДК 316.33

В статье рассматриваются основные проблемы реализации гражданами права на участие в управлении государством, в том числе и на местном уровне, анализируются этапы правотворчества местных представительных органов (на примере г. Ярославля) с целью оценки возможностей изменения существующих социальных отношений в изучаемой сфере.

Ключевые слова: местное самоуправление; городское самоуправление; участие граждан в управлении государством.

The article considers the main problems of realization of citizens' right to participate in governance of the state, including at the local level, analyzes the stages of law-making of the local representative bodies (on the example of the city of Yaroslavl) to assess the possible changes in the existing social relations in the studied sphere.

Key words: local self-government; citizens' local governance participation; local law-making process.

М. В. Афонин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: m-afonin@mail.ru

К вопросу об участии граждан в правотворческой деятельности органов местного самоуправления*

Научная статья

M. V. Afonin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: m-afonin@mail.ru

To the question on the participation of citizens in the sphere of law-making process of local self-government

Scientific article

В результате проведенной в начале 2000-х гг. реформы местного самоуправления впервые в нашей современной истории публичная власть начинает полноценно работать на самом близком к населению уровне – в масштабах сельских и городских поселений. Это знаменует собой новый этап в развитии системы публичной власти в России. Сейчас уже можно говорить, что поселенческие органы местного самоуправления заработали и приняли на себя ключевые функции по непосредственному обеспечению жизнедеятельности людей на местах.

В этих условиях одним из важнейших факторов стабилизации выступает использование потенциала самоорганизации и самоуправления населения для улучшения условий жизнедеятельности государства. Самоуправление, являясь средством вовлечения каждого индивида в социально-экономическое регулирование посредством целеполагания и самоорганизации субъектов хозяйствования и населения, позволяет учитывать, координировать и реализовывать многообразие их интересов, удовлетворять социально-культурные и социально-бытовые пот-

ребности за счет средств и ресурсов хозяйствующих субъектов, территориальных образований, а также государства. Местное самоуправление, повышая активность населения в решении важных проблем жизнедеятельности, способно придать развитию общества дополнительные внутренние стимулы самодвижения, ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса [1].

Местное самоуправление, как и вся российская политическая система, накапливает положительный опыт функционирования в качестве полноправного института и в то же время требует дальнейшего развития и совершенствования. Созданные за эти годы демократические учреждения должны укорениться во всех социальных слоях. Для этого, во-первых, нужно постоянно доказывать дееспособность демократического устройства и, во-вторых, доверять все большее число социальных и политических функций непосредственно гражданам, их организациям и самоуправлению, в том числе и городскому.

Не последнее место в этом процессе занимает право граждан на участие в правотворчестве, естес-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

твенно, путем взаимодействия, часто непосредственного, с лицами, осуществляющими представительную власть на местном уровне. Для уяснения возможностей граждан участвовать в этом процессе остановимся на ряде теоретических моментов, характеризующих законотворчество.

Как известно, законотворческий процесс не может быть одномоментным. Он растянут во времени и состоит из этапов, которые делятся на стадии. Мы согласны с теми авторами, которые считают, что законотворческий процесс объединяет три этапа: предзаконодательный, этап непосредственного законотворчества и постзаконодательный этап. На первом этапе субъект правотворчества познает те потребности и социальные интересы, правовое регулирование которых диктуется нуждами социального прогресса, а также социальные факторы, обуславливающие как возникновение этих потребностей и интересов, так и сам процесс познания. На втором этапе происходит формирование законодательной воли как результат отражения и преломления в сознании субъекта законотворчества сложившихся в обществе отношений, требующих правового регулирования, которая облекается в форму юридической нормы. На третьем этапе осуществляется проверка работоспособности юридической нормы с точки зрения оценки ее эффективности в процессе регулирования общественных отношений.

Первый, предзаконодательный, этап законотворчества представляет сложнейший процесс субъективации объективного с присущими ему закономерностями, где отнюдь не происходит адекватное, буквальное отражение действительности. Как отмечает В. Н. Карташов, «существующие общественные отношения преломляются здесь сквозь призму самых разнообразных социальных, классовых, национальных, групповых, индивидуальных и иных установок, потребностей и интересов, оценок и ориентаций» [2]. Поэтому критическое познание реальной действительности должно опираться на те знания и умения, которыми обладает субъект правотворчества, на исторический опыт развития права и общественных отношений. Лишь благодаря этому законотворческие решения обретают силу активного обратного воздействия на реальную действительность, их обусловившую. «Чем глубже и всесторонне познана внешняя среда, чем рациональнее использованы предыдущие знания, чем в большей мере они отражают назревшие и назревающие потребности этой среды, тем выше теоретический уровень законотворчества, эффективнее действие пра-

вовых норм, заключенных в законах, оптимальнее достижение цели и задач правового регулирования», – замечает Д. А. Керимов [3].

Отличительной особенностью предзаконодательного этапа является неформальный характер правотворчества. На данном этапе еще не возникают нормы права; лишь выявляются потребности в урегулировании тех или иных проблем, выраженные в идеях, мнениях, оценках и т. д. Поэтому на данном этапе к законотворчеству возможно, а по большому счету и необходимо привлекать представителей общественности, научных деятелей, юристов, специалистов в области явлений, требующих регулирования, средства массовой информации. Появляющаяся в данном случае множественность мнений требует от субъекта правотворчества выработки оценок с целью определения юридической силы законодательного регулирования, т. е. определения той формы, в которую будет облечена будущая правовая норма. Оценочные операции требуют высокопрофессиональной интеллектуальной деятельности от субъекта правотворчества, т. к. разрабатываемые на основе оценок нормы права должны быть сформулированы с учетом обозримых перспектив развития общественных отношений, осмысления возможных социальных перспектив, связанных с принятием закона и его будущим действием, а также распределения политических сил, которые будут выступать в поддержку или против готовящегося законопроекта.

Главная трудность предзаконодательного этапа заключается в расстановке приоритетов при выявлении проблемных явлений в обществе с точки зрения первостепенности их решения в правовом плане. Д. А. Керимов пишет: «Избрание тех или иных общественных отношений для законотворческого познания не так просто, как может показаться на первый взгляд. Выявление отношений для законотворческого познания – предмет исследовательского поиска, в результате которого из массы жизненных связей отбираются лишь нуждающиеся в правовой регламентации в силу существующих объективных условий, задач и устремлений государства» [4].

В то же время О. А. Пучков в отношении выявления потребности в урегулировании социальной проблемы отмечает: «Выявление такой потребности происходит спонтанно, имеют значение лишь степень остроты проблемы (вопроса), ее общезначимость и актуальность» [5]. Налицо разница в подходе к оценке предзаконодательного этапа правотворчества. Если в первом случае про-

цесс поиска можно соотнести с процессом познания общественных явлений, то во втором – только с оценкой остроты проблемы, которая на виду. Снижение роли данного этапа в законотворческом процессе, на мой взгляд, неправомерно. Первый этап – «живая» инициатива, полет фантазии и пылкий ум, второй этап – трезвый расчет, холодный рассудок, высокий профессионализм. На первом этапе должны «как в котле с высокой общественной температурой» переплавляться «такие элементы бытия, как общественные интересы, потребности, волевые установки, варианты решений» [6].

Выявление общественных отношений, требующих правового регулирования, является лишь первой стадией предзаконодательного этапа. *Второй стадией* этапа является подготовка текста будущего законопроекта. Данная стадия первого этапа правотворческого процесса наполнена в основном правовым содержанием и представляет собой уточнение формулировок с использованием юридической техники. *Третьей стадией* предзаконодательного этапа правотворческого процесса является изучение общественного мнения. По определению авторов «Социологии права» В. В. Касьянова и В. Н. Нечипуренко, «Общественное мнение – это совокупность суждений и оценок, выносимых различными социальными группами и слоями по поводу событий общественной жизни, деятельности и поведения отдельных личностей, организаций и партий, насущных социальных, политических, культурных проблем» [7].

Из перечня функций, которые выполняет общественное мнение как социальный институт, применительно к правотворческому процессу можно выделить две. По определению социологов В. В. Припелкина и И. А. Андреева, – это:

«1. *Оценочная* – основная гносеологическая функция общественного мнения. Она включает в себя выражение заинтересованно-ценностного отношения массового социального субъекта к тем или иным событиям и явлениям социальной жизни. Реализуя эту функцию общественного мнения, субъект выражает свое одобрение или неодобрение, доверие или неудовлетворенность.

2. *Целеполагающая* – функция общественного мнения, связанная с его участием в определении стратегических целей политики и социального управления» [8].

Наиболее простыми и эффективными методами исследования общественного мнения являются обсуждение проекта и опрос общественного мне-

ния. В ходе обсуждения проекта он публикуется в печати, тиражируется средствами массовой информации и доводится до сведения рядовых граждан. Практика всенародных обсуждений не одно десятилетие существовала в Советском Союзе и приносила свои плоды. Однако к концу 80-х гг. XX в. институт всенародных обсуждений становился все более формальным, а к 1990 г. превратился по существу в простое информирование граждан о намечавшихся к принятию проектах законов. Ныне порядок проведения народных обсуждений законопроектов как самостоятельного института непосредственной демократии, т. е. вне связи с последующими референдумами, к сожалению, не регламентирован.

В основе метода опроса как метода исследования применительно к социологии законодательства лежит признание того факта, что если законопроект устраивает общественное мнение, то это свидетельствует о соответствии его реальным потребностям социальной практики. Преимущество опроса заключается в том, что он позволяет выяснить мнение по поводу конкретного законопроекта различных социальных, половозрастных и этнических групп населения. Так как общественное мнение – это собирательный результат ответов представителей самых разных социальных и статусных групп, этносов, половозрастных категорий, которые могут и обычно имеют различные, часто даже противоположные и взаимоисключающие мнения по многим вопросам, вопросники составляются так, чтобы в выборку попали в соответствующих пропорциях представители всех классов и социальных групп.

Результаты игнорирования общественного мнения часто бывают плачевными. Так, более 40% респондентов негативно оценили перспективы принятия акта об амнистии, который, тем не менее, в 1994 г. был принят. Свое негативное отношение опрошенные мотивировали тем, что выход на свободу такого большого числа заключенных приведет к росту преступности. Эти опасения оправдались: после амнистии показатели преступности в российском обществе действительно возросли.

Таким образом, данные, полученные в результате изучения общественного мнения, могут существенно помочь в выявлении острых проблем, назревших в той или иной области общественных отношений, которые требуют правового урегулирования. Они также могут повлиять на принятие тех или иных законопроектов, разумеется при условии, что законодатель примет их во внимание. Справедливо считается, что, если общественное

мнение в ходе опроса склоняется к одобрению того или иного законопроекта, у последнего больше шансов стать эффективным.

Правовая особенность **второго этапа** заключается в том, что, во-первых, законодательская работа осуществляется непосредственно в законодательном органе, во-вторых, именно на этом этапе формируются, формулируются и принимаются в виде законодательных актов нормы права. Этот этап имеет процессуальную форму и включает в себя определенные процессуальные стадии. «Процессуальные стадии, – пишет В. Н. Карташов, – это урегулированные процессуальными нормами (обычаями, традициями и т. п.), относительно обособленные во времени и пространстве, совершаемые в определенной последовательности правотворческие действия (операции), которые связаны с подготовкой, принятием и опубликованием нормативных актов» [9]. Разные авторы разбивают законодательный этап на различное количество стадий. Так, у В. Н. Карташова рассматривается 5 стадий, Д. А. Керимов выделяет 6 стадий, О. А. Пучков пишет о 4 стадиях. Но все они сходятся в одном: законодательный этап начинается с законодательной инициативы правомочного органа и заканчивается опубликованием готового законодательского решения в виде правового акта. Проанализируем проектный этап законодательства, состоящий из четырех стадий.

Первая стадия – стадия правотворческой инициативы. Содержанием правотворчества на данной стадии является внесение субъектом правотворческой инициативы в компетентный орган подготовленного проекта закона. Так, в соответствии с Уставом г. Ярославля (ст. 72) правотворческой инициативой обладают: депутаты и депутатские объединения; мэр города Ярославля; мэрия города Ярославля; избирательная комиссия города Ярославля по вопросам, входящим в ее компетенцию; контрольно-счетная палата города Ярославля по вопросам, входящим в ее компетенцию; органы территориального общественного самоуправления; прокурор города Ярославля; инициативные группы граждан в порядке реализации правотворческой инициативы [10]. Из перечисленных субъектов правотворчества чаще всего инициатором принятия того или иного акта являются депутаты, которые непосредственно работают с населением и острее других чувствуют, в каком акте парламента оно нуждается для дальнейшей эффективной работы. Законодательная инициатива предполагает юридическую обязанность представительного органа рассмотреть предложение или проект.

Вторая стадия – рассмотрение проекта в комитетах и комиссиях представительного органа. Содержанием законодательства на этой стадии является всесторонний анализ содержания проекта, рассмотрение альтернативных проектов, направление проекта в необходимых случаях на научную экспертизу, определение необходимой юридической силы для будущего акта. Затем проект нормативного акта вносится на рассмотрение представительного органа в первом чтении. К проекту прилагается информация о ходе обсуждения его в комиссиях или комитетах и в обязательном порядке заключение законодательной комиссии парламента.

Третья стадия – принятие решения по проекту. Содержанием законодательства является обсуждение вынесенного на заседание представительного органа проекта, принятие решения по проекту. Целью обсуждения проекта является внесение предложений, поправок и замечаний отдельными депутатами и фракциями. После обсуждения путем голосования принимается решение по проекту, в результате которого он может быть в силу тех или иных причин отклонен, принят за основу в первом чтении или утвержден. Принятие проекта за основу в первом чтении означает его направление на доработку в ту или иную комиссию или комитет. Доработка означает учет высказанных замечаний, внесение в текст документа поправок. Доработанный проект вносится на рассмотрение во втором чтении. Утверждение проекта означает превращение его в потенциальную норму права.

Четвертая стадия – подписание проекта главой муниципального образования и опубликование его в средствах массовой информации. Содержанием законодательства является оценка утвержденного депутатами проекта в правовом органе главы муниципального образования, принятие им решения по проекту. Он может вернуть проект на доработку в представительный орган, отклонить проект, использовав право вето, или подписать. Подписанный проект подлежит обязательному опубликованию в определенные сроки. С момента опубликования проект из потенциальной нормы превращается в нормативно-правовой акт.

Таким образом, субъект законодательства под воздействием обуславливающих его деятельность факторов с помощью использования процессуально-процедурных мероприятий в законодательском процессе превращает выявленную потребность в урегулировании тех или иных общественных

отношений в закон, который становится общеобязательным с момента его обнародования.

Законотворческий процесс на законодательном этапе обусловлен не только процедурно-правовыми особенностями, но и теми общественными отношениями, которые складываются между субъектами законотворчества по поводу принимаемого закона. Рассмотрение законопроекта в палатах парламента, в том числе и в его комитетах (комиссиях), и принятие закона осуществляется депутатами, представляющими определенные группы интересов, что также влияет на принятие или отклонение конкретного законопроекта. Кроме того, не секрет, что за спиной субъектов законотворчества стоят различные группы влияния, преследующие свои конкретные интересы. Данное явление называется лоббизмом. Другими словами, это отстаивание своих интересов на политическом уровне, проталкивание конкретных законопроектов, стимулирование тех, кто может помочь в форсировании достижения нужных целей и т. д. Термин возник в американской политической жизни около 1830 г. Представители различных заинтересованных групп проводили многие часы в кулуарах (*lobby* – кулуар, холл, вестибюль) залов заседаний законодательных органов США, надеясь поговорить с законодателями и тем самым попытаться повлиять на их решения.

Субъектами лоббирования могут выступать отраслевые союзы и ассоциации, крупные бизнес-организации, отдельные предприниматели или влиятельные в отрасли индивиды. Предмет лоббизма – это то, ради чего осуществляется лоббистское давление. Объект лоббирования – это те политические площадки, на которых осуществляется лоббирование, или те институты, от которых зависит принятие решений в пользу лоббиста. Основное назначение социологических исследований на законодательном этапе состоит в четком выделении всех значимых «центров лоббистского давления», выделение особенностей процесса и технологий лоббирования.

Под технологиями лоббистской деятельности следует понимать, каким образом осуществляется лоббистская кампания, лежит ли она в рамках правового поля, используются ли теневые или криминальные методы давления. Ниже приводится классификация П. Толстых правовых методов лоббирования:

- освещение проблемы под нужным углом в СМИ, в информационных агентствах;
- проведение социологических опросов и рейтингов, которые никто не проверяет и в объективность выводов которых предлагается верить на слово;

- организация научных исследований с предсказуемым результатом, активно практикующаяся отраслевыми лоббистами с целью «правильного» воздействия на депутатов, например на заседаниях комитетов, при парламентских слушаниях и пр.;

- принятие мер с целью поручения удобному комитету кураторства над законопроектом;

- включение в экспертный совет при комитете или комиссии представительного органа;

- раскладывание по депутатским ящикам газет и журналов с «полезными статьями», рейтингами, социологическими опросами;

- включение «полезных публикаций» в подготавливаемые пресс-службой обзоры СМИ;

- организация митингов, забастовок, показательного голодания, которые наиболее характерны для профсоюзных объединений, отстаивающих социально-экономические интересы работников своей отрасли;

- организация парламентских слушаний, пресс-конференций, семинаров и пр. с выступлением парламентариев по заранее оговоренным позициям с широким освещением в СМИ;

- прием *grass roots lobbying* («корни травы») – классическая и эффективная технология легитимного лоббизма, впервые появившаяся в США в 1960-е г. во время войны во Вьетнаме [11]. Технология заключается в массовом и организованном направлении писем и телеграмм от населения на объект лоббирования с требованием поддержать определенное предложение; столь же действенна организация массовых акций в поддержку позиции, выгодной компании. Используются также такие виды психологического давления на депутатов и представителей исполнительной власти, как постоянные звонки, личные визиты влиятельных деятелей, местных избирателей и т. п.

Таким образом, второй этап законотворческого процесса – законодательный – следует рассматривать как взаимообусловленную процедурно-правовыми и социологическими факторами деятельность субъекта правотворчества, направленную на правовое урегулирование общественных отношений, внутри которых созрела определенная проблема.

Третий этап – постзаконодательный. Он охватывает область оценки эффективности законодательства и законотворчества. В настоящее время, надо прямо сказать, реально отсутствует, а теоретически является областью научных дискуссий.

Таким образом, исходя из описанных возможностей граждан для реализации своего права на

участие в управлении государством (в данном случае на местном уровне), наиболее эффективным, а в силу этого и распространенным становится лоббирование своих интересов.

Список использованной литературы

1. Авакьян С. А. Местное самоуправление в РФ: концепции и решения нового закона // Вестник МГУ. Серия «Право». 2006. № 2. С. 3–5.
2. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2005. С. 244.
3. Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М.: Юридическая литература, 1991. С. 24.
4. Керимов Д. А. Указ. соч. С. 26.
5. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перелова. 2-е изд., изм. и доп. М.: Изд-во НОРМА, 2000. С. 301.
6. Общая теория государства и права. Академический курс в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М.: Зерцало, 2000. С. 158.
7. Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. Ростов н/Д: Феникс, 2001. С. 168.
8. Социология: учебник для юридических вузов. 3-е изд., стереотип. СПб.: Лань; СПбГУ МВД России, 2001. С. 350–352.
9. Карташов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 253.
10. Устав г. Ярославля. URL: http://www.city-yar.ru/data/Unsorted/ystav_2011.doc (дата обращения: 25.09.2012).
11. Толстых П. Теория и практика взаимодействия бизнеса и власти. URL: http://stratagema.org/publications/lobby/item_256.html (дата обращения: 25.09.2012).

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

Статья посвящена деятельности Е. Ф. Шмурло, историка, специализировавшегося на изучении эпохи Петра Великого. В центре его исследований была дипломатическая переписка русских царей с Венецианской республикой. Заслуга Е. Ф. Шмурло в том, что он на основе грамот, находящихся в итальянских и русских архивах, воссоздал более полную картину дипломатических отношений между Россией и Италией.

Ключевые слова: Петр Великий; дипломатическая переписка; грамота; Венецианская республика; Россия; Италия.

The article is dedicated to the work of E. F. Shmurlo, who was a historian, specializing in the epoch of Peter the Great. His research centered on the diplomatic mail of the Russian Tsars to the Venetian Republic. Having based his research on the charters, found both in the Italian and Russian archives, Shmurlo reconstructs a detailed picture of the diplomatic relations between Russia and Italy.

Key words: Peter the Great; diplomatic mail; charter; Venetian Republic; Russia; Italy.

Н. Б. Карданова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

E-mail: natalia.venezia@yandex.ru

Профессор Е. Ф. Шмурло – исследователь грамот Петра Великого к дожам Венеции

Научная статья

N. B. Kardanova

A. M. Gorky Institute Of World Literature (Russian Academy of Sciences)

E-mail: natalia.venezia@yandex.ru

Professor Shmurlo – Investigator of the Charters by Peter the Great to Venetian Leaders

Scientific article

Личность императора Петра I и его деятельность по преобразованию России вот уже более трех столетий привлекают внимание исследователей разнообразных документов Петровской эпохи. С начала XIX в. активно изучается дипломатическая переписка царя с его европейскими коллегами, в частности с правителями Венецианской республики – дожами и сенатом.

На всем протяжении XIX столетия публикация и изучение дипломатической переписки Петра Великого (разумеется, и вместе с его старшим братом Иоанном) с дожами Венецианской республики велись на основе рукописных материалов, хранящихся либо в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел, либо в Венеции, в Государственном архиве Светлейшей республики.

Первым исследователем, который стал изучать эти послания, опираясь на документы и того и другого архива одновременно, был известный историограф и историк профессор Евгений Францевич Шмурло (1853–1934). Выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета Е. Ф. Шмурло

в 1889–1891 гг. служил приват-доцентом в этом же университете, а с 1891 и до 1903 г. исполнял должность экстраординарного, а затем ординарного профессора Юрьевского (Дёрптского) университета, где читал лекции по русской историографии, русской истории, истории церкви, русской литературе XVII–XVIII вв. В центре многообразных интересов молодого профессора было исследование эпохи правления Петра Великого.

На рождественских каникулах 1892–1893 гг. ученый отправился в командировку в Москву и в Италию, поскольку, «...изучая эпоху Петра Великого, остановился в последние годы с особенным вниманием на истории сношений России с католической Европой, – Римским престолом по преимуществу. Невыясненность этих сношений, недостаток печатного материала заставили ... искать таковой в архивных собраниях... Я имел в виду изучить главным образом архивы Ватиканский и отчасти: Московский – Министерства иностранных дел и Государственный Венецианский (dei Frari)» [1]. Кроме этих архивов, в 1892–1894 гг. Е. Ф. Шмурло успешно работал

© Карданова Н. Б., 2012

еще и в архивах и библиотеках Падуи, Рима, Парижа, Гааги и Раппершвиля, где его ожидали настоящие открытия. Так, в архиве Падуанского университета и в Московском Архиве Министерства иностранных дел ученый обнаружил до того неизвестные сведения о первом «русском докторе» – П. В. Постникове. Они вошли в его исследование «П. В. Постников: Несколько данных для его биографии» [2].

Исследованию дипломатических связей России с католической Европой Е. Ф. Шмурло посвятит и вторую командировку в Ватикан и в Венецию в 1897 г., и всю последующую жизнь. В рамках данной статьи остановимся на исследованиях этого ученого, посвященных дипломатической переписке Петра Великого и, конечно же, его старшего брата Иоанна с дожами Венецианской республики.

За сравнительно короткий срок (по 2 месяца в 1892/3 и 1893/4 гг. и 6 месяцев в 1897 г.) Е. Ф. Шмурло первым из российских исследователей самым тщательным образом изучил материалы, касающиеся дипломатических отношений России с Венецианской республикой, и изложил результаты изучения в ряде публикаций. Кратко суммируем эти результаты.

Е. Ф. Шмурло первым охарактеризовал коллекцию документов дипломатической переписки русских государей с дожами Венеции, хранящуюся в Государственном архиве Светлейшей республики: «"Czar di Moscovia dal 1655 al 1740" [3] и "Czar di Moscovia dal 1741 al 1796"» [4] суть два фолианта больших размеров, единственное, что по истории венецианско-русских отношений за древний период хранится в Архиве под самостоятельной рубрикой. В этом сборнике имелось в виду собрать переписку дождей с русскими государями, чем и объясняется самое его назначение; но туда попали и другие, побочные бумаги, а в то же время оригинал грамоты, 7 декабря 1710 г., царя Петра вынут и перенесен для образца в отделение автографов... Вообще надо заметить, что сборник этот мало известен в русской исторической литературе (хотя не по названию), и можно указать на некоторые грамоты царя Петра, не попавшие даже в такое классическое издание, как «Письма и бумаги императора Петра Великого» [5].

Во время первой командировки в Венецию ограниченность во времени не позволила ученому составить полное описание содержания этого сборника. В приложении I к отчету о командировке 1897 г. Е. Ф. Шмурло напечатал детальное описание первого тома «Czar di Moscovia» за 1655–1740 гг., как «наиболее важного по своему содержанию и интересу» [6].

Характеристике рукописных материалов, составивших первый том «Czar di Moscovia», предпос-

лано краткое, но емкое введение, в котором указано, что он состоит из 94 грамот, причем «почти исключительно из царских грамот на имя дождей, в оригинале, а часто и с переводом: латинским или итальянским, или обоими вместе. Некоторые из грамот в оригинале не сохранились, а имеются в сборнике лишь в переводе» [7]. Е. Ф. Шмурло характеризует состав сборника по содержанию: «Вторая половина сборника по интересу значительно уступает первой: это почти исключительно одни формальные известия о смерти одного государя и о восшествии на престол нового; зато и содержание первой половины (XVII век) в большей своей части уже известно и опубликовано в разных изданиях» [8].

Далее следует перечень всех 94 грамот, причем о каждой приводятся исчерпывающие сведения: дата ее написания, имя адресата и адресанта, краткое содержание, ссылка на публикацию (или ее отсутствие); если речь идет о переводе документа на итальянский или латынь, дается ссылка на оригинал, с которого перевод был сделан. Перечень и характеристика грамот представлены с большой тщательностью; читателю ясно, что значительная часть грамот русских царей к правителям Венеции, датированных 1655–1725 гг., была опубликована в изданиях, о которых шла речь выше. Но ученый счел необходимым специально выделить из списка сборника «Czar di Moscovia» двенадцать грамот, которые должны считаться наименее известными документами «названного сборника» [9], поскольку большинство их не было опубликовано. Это русские оригиналы грамот Иоанна и Петра Алексеевичей дожу Марко Антонио Джустиниано от 5 мая 1686 г., 5 ноября 1686 г. и от 9 марта 1687 г., а также их грамота к дожу Сильвестру Валерио от 18 марта 1695 г.

В основном остались неизданными переводы грамот русских государей к дожам Венеции на итальянский язык и латынь, за исключением нескольких текстов, опубликованных Е. Ф. Шмурло в его отчетах о работе в Государственном архиве Венеции и в его рецензиях на I, II, III тома «Писем и бумаг императора Петра Великого». Приведем их перечень.

В «Отчете о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. Е. Ф. Шмурло опубликовал на итальянском языке «полностью, без пропусков» документы № 24, 25, 29, 30, 31, 34 bis из фолианта «Czar di Moscovia dal 1655 al 1740», хранящегося в Государственном архиве Венеции. Все они посвящены пребыванию Иоанникия Лихуда в Венеции в 1688–1689 гг. [10].

В «Отчете о заграничной командировке осенью 1897 года» Е. Ф. Шмурло напечатал под общим

заглавием «Грамоты русских государей венецианским дожам, 1689–1725 гг.», из сборника «Czar di Moscovia» «Грамоту царей Иоанна и Петра Алексеевичей дожу Франческо Морозини, 9 февраля 1689 г.» (на итал. яз.); «Грамоту царя Петра Алексеевича Дожу Сильвестру Валерио, 30 ноября 1697 г.»; «Выдержку из грамоты царя Петра Алексеевича дожу Джиованни Корнелио 7 декабря 1710 г.»; «Грамоту царя Петра Алексеевича дожу Джиованни Корнелио, 7 декабря 1710 г. (все на русском языке); «Грамота имп. Екатерины Алексеевны дожу Алоизо Мочениго, 15 июня 1725 г., в итал. переводе» [11].

В рецензии на второй и третий тома «Писем и бумаг императора Петра Великого» Е. Ф. Шмурло, понимая всю неизбежность пропусков и пробелов в таких изданиях («...если принять во внимание всю сложность предпринятых работ, широту плана и, главным образом, разбросанность материала» [12]), счел уместным указать на замеченные пропуски в публикации переписки царя Петра с Венецианским дожем Сильвестром Валерио, допущенные в первом томе. Это – грамота Петра к дожу от 30 ноября 1697 г., отрывок из которой рецензент привел здесь, а весь ее текст, как было сказано выше, он напечатал в своем «Отчете о заграничной командировке осенью 1897 года»; здесь же воспроизведен полностью ответ дожа от 1 февраля 1697 г. по оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве Венеции. Senato Corti. 1697. № 74. Л. 173 [13].

В этой же рецензии Е. Ф. Шмурло напечатал и грамоту царя Петра к дожу Сильвестру Валерио от 8 июля 1700 г. – также по оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве Венеции, и упомянул об ответе дожа на эту грамоту [14].

Но ученый не ограничился названными выше двумя перечнями исследуемых грамот и решил составить еще и список посланий русских царей венецианским дожам за время правления Петра Великого. Вот как сам Е. Ф. Шмурло обосновал необходимость подготовки такого перечня, подчеркнув, что «...сопоставление всего наличного материала дало ... возможность где дополнить сведения печатные, а где даже исправить некоторые из вкравшихся ошибок. Всех грамот оказалось: русских – 37, венецианских – 25; в общей сумме – 62. Можно, однако, думать, что действительное количество переписки несколько превышает наличную ее цифру» [15].

В «Приложении III» к «Отчету о заграничной командировке осенью 1897 г.» Е. Ф. Шмурло напечатан «Список грамот Петра Великого к венецианским дожам и дожам к Петру Великому. 1682–1725» [16]. В предисловии к нему составитель назвал все источ-

ники, использованные при его подготовке: «"Дела Венецианские" и "Реестр Венецианским грамотам"... – в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел; сборник "Czar di Moscovia"...; "Senato Corti" и "Atti diplomatici restituiti dal governo Austriaco, № 32" – в Венецианском государственном архиве; "Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными"...; "Письма и бумаги Императора Петра Великого"...; Бантыш-Каменский, "Обзор внешних сношений России", т. II...» [17].

Как видим, Е. Ф. Шмурло как историк, в центре интересов которого была не просто эпоха царствования Петра Великого, а именно конкретный эпизод в истории его царствования – отношения с Венецианской республикой, – наконец составил полный реестр грамот русского царя (включая и те, что написаны вместе с его старшим братом Иоанном) к дожам Венеции и ответных посланий последних, опираясь на всю совокупность источников, как опубликованных, так и архивных. В истории публикации переписки русских государей с дожами Венеции такое исследование было проведено впервые.

Важно отметить, что, устанавливая прежде всего реестр грамот, составивших эту переписку, Е. Ф. Шмурло обратился к документам Государственного архива Венеции и привел неизвестные до той поры сведения о подготовке в Венеции к приезду Петра [18] и даже о мнимом его пребывании в Светлейшей Республике [19]; значительно дополнил сведения об Иоаникии Лихуде, напечатанные в «Памятниках дипломатических сношений Древней России с державами иностранными» [20], убедительно доказал, что «пресловутая грамота» царя Ивана Васильевича Грозного к венецианскому дожу 8 августа 1580 – явная подделка [21]. Не менее важно отметить и такие сведения, приведенные Е. Ф. Шмурло, как характеристика бумаги, на которой писались грамоты: «Все оригинальные грамоты писаны на больших местах александрийской бумаги, и лишь с № 89, с воцарением императора Иоанна Антоновича, на простых местах обычного формата, хотя и с приложением по-прежнему государственной печати» [22]. Впервые им отмечены подписи дьяков на грамотах: «Любопытная особенность, кажется, до сих пор ускользавшая от внимания: тотчас вслед за текстом грамоты читаем: «великого государя его царского величества дьяки Борис Михайлов; Иван Волков» [23]. Отмечено, что «московскими русских царей продолжают звать еще в сороковых годах прошлого (т. е. XVIII. – Н. К.) столетия, а в конце XVII в. в ходу даже термин Chazari di Moscovia» [24].

Любопытны наблюдения Е. Ф. Шмурло за изменением подписей на царских посланиях. Грамота

от императора Иоанна Антоновича от 18 октября 1740 г. за подписью «Iwannъ» контрассигнована «А. Остерманом» [25], а указания о том, что грамоты от 18 октября и 11 ноября 1740 г. представляют собою «итальянский, приготовленный в С.-Петербурге» перевод русского оригинала – несомненное свидетельство того, что чиновники, служившие в Министерстве иностранных дел в первой половине XVIII в., уже владели в совершенстве европейскими языками.

Итоги работы Е. Ф. Шмурло в 1892–1897 гг. в ряде архивов, как зарубежных (Ватиканском, Папском Церемониальном, Венецианском государственном, Парижском Министерства иностранных дел, Венском государственном), так и российских (Московском Главном архиве Министерства иностранных дел, Московском архиве Министерства юстиции, Петербургском архиве Министерства иностранных дел), в библиотеках Рима (Корсиньевской, Бербериньевской, Национальной), в Библиотеке Св. Марка в Венеции подведены в подготовленном им основательном издании «Сборник документов, относящихся к истории царствования Императора Петра Великого» [26]. Следует заметить, что только 6 документов датированы 1693 и 1694 гг.; главное же место занимают материалы с начала 1695 по август 1700 г.

Во «Введении» к этому труду Е. Ф. Шмурло дал исчерпывающую характеристику источников, из которых взяты материалы для издания, их происхождение (донесения папских нунциев, неофициальных агентов Правительства Венецианской республики, Распоряжения Венецианского сената и др.) и охарактеризовал содержание публикуемых текстов: «1) Азовские походы и вообще борьба России с Турцией; 2) Карловичский мир; 3) Россия и Польша в их взаимных отношениях; 4) Сношения России с правительством цесаря; 5) Венеция в ее отношениях к России; 6) Сношения папского престола с Россией...; 7) униатский вопрос в Польше; 8) Великое посольство 1697–1698 гг. за границей; 9) Петр Великий за границей; 10) Поездка русских волонтеров и, в частности, Б. П. Шереметева в Италию» [27].

Таким образом, деятельность Е. Ф. Шмурло явилась важным этапом в изучении дипломатической переписки русских царей, в частности Петра Великого, поскольку целью ученого стало исследование материалов как итальянских, так и российских архивов. Благодаря его работе в итальянских архивах, были описаны с точки зрения палеографии и введены в научный обиход документы, касающиеся дипломатических отношений России с Венецианской республикой, хранящиеся в Италии. Картина отношений между двумя странами стала более полной и объемной.

Список использованной литературы

1. Шмурло Е. Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. экстраординарного профессора Е. Шмурло. Юрьев: Типография К. Матисена, 1895. С. 3.
2. Шмурло Е. Ф. П. В. Постников: Несколько данных для его биографии // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. № 1. Юрьев, 1894.
3. Collegio Secreto. Sezione III. Le Lettere. F. № 13.
4. Ibid. F. № 14.
5. Шмурло Е. Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу ... С. 123–124.
6. Шмурло Е. Ф. П. В. Постников. С. 35–41.
7. Там же. С. 34–35.
8. Шмурло Е. Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. // Ученые записки Императорского Юрьевского университета / Acta et commentationes imp. universitatis Jurievensis (Olim Dorpatensis). № 1. Юрьев: Типография К. Матисена, 1898. С. 35.
9. Там же.
10. Шмурло Е. Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу ... С. 247–253.
11. Шмурло Е. Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. ... С. 52–58.
12. Шмурло Е. Ф. <Рец. на> Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2: (1702–1703). СПб., 1889; Т. 3: (1704–1705). СПб., 1893. С. 184 // ЖМНП. Ч. ССХСХVI. 1894, ноябрь. СПб., 1894. С. 177–201.
13. Шмурло Е. Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. ... С. 185.
14. Там же. С. 186.
15. Там же. С. 8.
16. Там же. С. 58–69.
17. Там же. С. 58–59.
18. Шмурло Е. Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу ... С. 14.
19. Шмурло Е. Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. ... С. 23.
20. Шмурло Е. Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу ... С. 125–131.
21. Там же. С. 144–148.
22. Шмурло Е. Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. ... С. 34–35.
23. Там же. С. 24.
24. Там же. С. 35.
25. Там же. С. 50.
26. Шмурло Е. Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования Императора Петра Великого / Собрал Е. Шмурло, проф. Императорского Юрьевского университета. Т. 1: 1693–1700. Юрьев: Печатано в Типографии К. Матисена, 1903.
27. Там же. С. XIX–XXI.

УДК 81.39

В статье описываются особенности функционирования некоторых общерусских глаголов лексико-семантической группы «межличностные отношения» в архангельских говорах. Особенности функционирования рассматриваемых лексических единиц выявляются в ходе их сопоставления с лексическими единицами русского литературного языка. В процессе сопоставления учитываются следующие семантические аспекты: семантическая структура слова, широта значения, лексическая сочетаемость, круг объектных распространителей, эмоционально-оценочный компонент значения; также устанавливаются различия грамматического и стилистического планов.

Ключевые слова: архангельские говоры; литературный язык; общерусское слово; семантическая структура.

The article is devoted to the description of functional peculiarities of some generic Russian verbs, denoting interpersonal relationships in Archangelsk region. The analysed verbs functional peculiarities have been established during their comparison with the Russian literary language words. The analysis reveals the differences in semantic structure, lexical combinability, range of objects, width of meaning and emotive component of meaning. Grammar and stylistic differences have also been established.

Key words: Arkhangelsk dialect; generic Russian word; literary language; semantic structure.

С. Б. Ваганова

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга

E-mail: vaganova_s@mail.ru

Особенности функционирования общерусских глаголов лексико-семантической группы «межличностные отношения»

Научная статья

S. B. Vaganova

Vitus Bering Kamchatka State University

E-mail: vaganova_s@mail.ru

Functional Peculiarities of Some Generic Russian Verbs Denoting Interpersonal Relationships

Scientific article

В лексико-семантическую группу глаголов межличностных отношений входит значительное число общерусских слов, которые являются неотъемлемой частью диалектного языка. Общерусское слово, как отмечает Н. Г. Ильинская, – условное название «для лексем с идентичной формой выражения, функционирующих в литературном языке и в говорах, не являющихся в диалектных системах заимствованиями из литературного языка или каких-либо других источников» [1]. Необходимо отметить, что в семантической структуре общерусского слова, функционирующего в диалектной среде, могут быть представлены как значения, характерные для литературного языка (далее – ЛЯ), так и собственно диалектные значения, т. е. значения, свойственные исключительно говору. Существуют различия в семантической структуре слов. Рассмотрим их подробнее.

Семантическая структура глагола **венча́ться** имеет в ЛЯ три значения: 1. Украшаться венком, зеленью, цветами. // Возлагать на себя венок, © Ваганова С. Б., 2012

венец в знак присвоения высокого звания и т. п. 2. Вступать в брак по церковному обряду. 3. Заканчиваться, завершаться наверху, в верхней части. // Заканчиваться, завершаться чем-либо удачным [2]. В архангельской группе (АГ) семантическая структура рассматриваемого глагола представлена одним значением: Протекать, совершаться. *Как у вас, де'вушки, дела' веньча'юця. МЕЗ. Дрг.* [3].

Глагол **ве'рить** имеет четыре значения в ЛЯ: 1. Иметь твердую уверенность, быть убеждённым в чем-л. // Быть уверенным в достоинствах, положительных качествах кого-л., считать кого-л. способным оправдать ожидания, надежды. 2. Быть религиозным, веровать. 3. Принимать за истину, полагать что-л. существующим в действительности. 4. Доверять кому-л. [4]. В АГ данный глагол имеет одно значение: Доверять; полагаться на кого-н., что-н.; поручать что-н. делать. *Не ве'рили скотово'цтво-то мне. Я свои'м битюга'м не ве'рю. МЕЗ. Дрг. Йего' не ве'рят, не слу'шают. ОНЕЖ. Лмц. Цясы'-то ста'ли оцтава'ть, дак*

она́ на них не ве́рит. В – Т. ЧР. • ВЕРИТЬ ИЗ ТРЕТИНЫ В ПОЛОВИНУ. Не доверять, сомневаться в чем-н. *Ве́рить истрети́ны ф полови́ну ейей мо́жно. МЕЗ. Сн.* [5].

В ЛЯ глагол **догова́риваться** представлен двумя значениями: 1. Приходить к соглашению путем переговоров; сговариваться, улаиваться. 2. В разговоре, в рассуждениях доходить до какой-л. крайности [6]. В АГ глагол **догова́риваться** был зафиксирован в одном значении: Улаиваться о чем-н. с кем-н. *Он не посоветовал, оне́йево́ догово́ривались так. УСТЬ. Сбр. Сугре́бами называ́ли, не зна́ю, ско́лько там дроф. Догова́ривались, што загото́вили ско́лько-то сугре́боф. ПРИМ. Ннк.* [7].

Семантическая структура глагола **ласка́ть** представлена в ЛЯ четырьмя значениями: 1. Проявлять нежность, любовь, оказывать ласку кому-л. // Осыпать любовными, чувственными ласками. 2. Доставлять кому-, чему-л. приятное ощущение. 3. Оказывать кому-л. милости, благодеяния. 4. Лелеять, беречь [8]. В АГ рассматриваемый глагол был зафиксирован в одном значении, идентичном ЛЯ: Проявлять нежность, любовь, оказывать ласку кому-л. *Ра́ньшэ ка́ждая доя́рка свою́ коро́вушку зна́ла, ласка́ла дак. ШЕНК. ЯГ. Корми́, так они́ бу́дут тебя́ ласка́ть. ОНЕЖ. Лми.*

Глагол **ласка́ться** имеет в ЛЯ три значения: 1. Проявлять ласковое отношение, нежность к кому-л., стараться вызвать лаской ответную ласку. 2. Заискивать перед кем-л., угождать, стараясь расположить к себе. 3. Утешать себя чем-л. [9]. В АГ глагол **ласка́ться** имеет два значения, которые совпадают с ЛЯ: 1. Проявлять ласковое отношение, нежность; стараться вызвать лаской ответную реакцию. *Па́ша ласка́еца к ней. А к Па́ше ласка́еца, не задева́т <не бодается коза>. Прим. Ннк.* 2. Заискивать перед кем-л., угождать, стараясь расположить к себе. *Они́ на́чали ласка́ца, да до́брица, кусо́чка хотя́ть. МЕЗ. Бч.*

Глагол **относи́ться** имеет шесть значений в ЛЯ: 1. Вести себя каким-л. образом по отношению к кому-, чему-л. // Встречать, принимать (какое-л. сообщение, известие и т.п.) каким-л. образом. 2. Обращаться, адресовываться к кому-л. (с вопросом, просьбой и т.п.). 3. Отзываться, высказывать свое мнение о ком-, чем-л. 4. Входить в состав, в разряд кого-л., чего-л. 5. Иметь отношение к кому-, чему-л. // Быть обращенным к кому-л., предназначенным для кого-л. 6. Находиться в каком-л. соотношении с чем-л. [10].

Семантическая структура рассматриваемого глагола в АГ имеет пять значений, два из которых совпадают с ЛЯ, три являются собственно диалектными: 1. Вести себя каким-л. образом по отношению к кому-л., чему-л. *Как она́ с ва́ми отно́сица, разгова́ривать? ЛЕШ. Рдм. Среди́ себя́ фсе хо́дят прове́дывать, отно́сились хорошо́ ме́жду собо́й. ПРИМ. Сни́м отно́сятца хорошо́. ПРИМ. 33. Они́ к на́шэму бра́ту отно́сились фсегда́ дру́жно. ПРИМ. Ннк. Ну, он со фсе́ми хорошо́ отно́сица. ЛЕН. Тхт. Почему́ ты со мной так отно́сишься? ОНЕЖ. Тмц. Он к ей то́жэ уш не си́льно отно́слэ. ОНЕЖ. Трч. Он по пъя́нке поревнава́л тебя́. Ты с ним мя́хко отно́сишься. УСТЬ. Стр. Бре́жнев со стра́нами хорошо́ отно́слэ. ПИН. Кл. К цужо́му-то целове́ку у нас соба́кой не отно́сяца, друга́я зу́бы ска́лит. ШЕНК. БЛД. И ты отно́си́сь так с ребя́тами. КАРГ. Нкл. Как неда́льниш, так иего́ вы́гледу хороше́нько, как он с людеми́ отно́сица. КАРГ. Крч. 2. Входить в состав, в разряд кого-л., чего-л. Мышь не живо́тное, не зна́ю, к кому́ мышь отно́сица, тож живо́тна тварь. ЛЕШ. Смл. Берё́за отно́сица г березняку́. ШЕНК. Ктж. Берё́за, она́ и к де́реву отно́сица и к куста́рнику отно́сица. ВЕЛЬ. Сдр. На ма́сли здо́ба, то́жо ко хле́бному отно́сица. ПИН. Врк.*

Собственно диалектные значения: Отражаться, сказываться на ком-, чем-л. *На скоте́ отно́сица фсе́. В-Т. УВ. Ругаться. За́ть фсю доро́гу е́хали, к Лю́се отно́слэ. ВИЛ. Трп. Он хорошо́ отно́сица и шуми́т. ВИЛ. Пвл. Общаться, взаимодействовать. Фсех люде́й люблю́, кто со мной отно́сица. КАРГ. Лким.*

Семантическая структура глагола **представля́ться** имеет шесть значений: 1. Называть себя, знакомясь с кем-л.; отрекомендовываться. 2. Появляться, показываться перед глазами кого-л. 3. Возникать, являться (о возможности чего-л.). 4. Возникать, появляться в воображении кого-л. // Чудиться, мерещиться. 5. Производить какое-л. впечатление на кого-л.; показываться. 6. Принимать какой-л. вид с целью обмана; притворяться, прикидываться [11].

В АГ семантическая структура рассматриваемого глагола представлена пятью значениями, два значения совпадают с ЛЯ, три – собственно диалектные: 1. Называть себя, знакомясь с кем-л.; отрекомендовываться. *Доць агроно́мом пре́твля́лась. КРАСН. ВУ. 2. Принимать какой-л. вид с целью обмана; притворяться, прикидываться. Как Ири́на я пре́твля́лась. ХОЛМ. Звз. Не ври дава́й, не*

прецставля'йся. ХОЛМ. Члм. На нас внима'ния не обраща'ли, ду'мали, мы прецставля'емся. ВИЛ. Слн. Они' прецставля'юца, што у них фсё ла'дно и хорошо', а я за них пережыва'ю. Фчёра' Петро'вна пе'ред ним на доро'ге пры'гала, прецставля'лась, как Ива'н Ива'ныч хо'дит, да как офице'ры хо'дя. ПИН. Врк. Она' лю'бит прецставля'ца. КОТЛ. Фдт. Так она' и уцю'яла, а так глухо'й прецставля'лась. УСТЬ. Стр. Хва'тит прецставля'ца. ОНЕЖ. УК. Да, да голё'ньё, шутни'к голи'т, цого' прецставля'еце. МЕЗ. Дрг.

Собственно диалектные значения: Устраи-вать представление, праздник. Там пля'шут, прецставля'юца. ВИН. Крг. Козло'ф таска'ли, прецставля'лись. У клу'ба-то фсё прецставля'еца. Собо'й таска'ли <чучело козла>, прецставля'лись. Ме'сто даю'т, пляшы'те, прецставля'йтесь. Свекро'фка с Татъя'ной прецставля'лася, песё'льница была' у нас, как 2 ду'дочки запою'т. ШЕНК. УП. А не арти'сты вы, кото'рые прецставля'лись. Репети'ровались да ско'лько вре'мени прецставля'лись. КРАСН. ВУ. Друго'й рас сце'нку игра'ла, прецставля'лася. ВЕЛЬ. Сдр. В клу'бе прецставля'еца спекта'кль. ВИН. Слн. В лаптя'х ходи'ла, прецставля'лась ф клу'бе. ВИЛ. Пвл. Ф шко'ле прецставля'еца фся'ко. ВИН. Зст. Вести себя высокомерно. Она' мно'го прецтовля'ца ста'ла, ра'ньиэ нра'вилась, а тепе'рь розонра'вилась. ОНЕЖ. АБ. До'ма, как посмо'тришь в окно', так фсё выпля'сыват, а тут хо'да, прецставля'еца. ХОЛМ. Члм. Воображать, модничать. Ешо' и ки'стцки вы'суноны <бахрома у брюк>, вот как прецставля'юцэ. УСТЬ. Брд.

Глагол **свя'зываться** имеет в ЛЯ 5 значений: 1. Скрепляться друг с другом, обвязавшись чем-л. 2. Устанавливать сношения с кем-л. // Устанавливать тесное общение, тесные, непосредственные отношения с кем-, чем-л. 3. Устанавливать связь с кем-, чем-л. при помощи специальных технических средств. 4. Сближаться, заводить общие дела (обычно невыгодные, предосудительные и т. п.). // Братся, приниматься за что-л. невыгодное или предосудительное. 5. Получать отношение, касательство к чему-л. [12].

Данный глагол имеет в АГ 3 значения, два значения идентичны ЛЯ, одно является собственно диалектным: 1. Устанавливать сношения с кем-л. *Это вы уш не с э'тим челове'ком свя'зываетесь.* ПИН. Кл. 2. Сближаться, заводить общие дела (обычно невыгодные, предосудительные и т. п.). *Што с мала'ми свя'зываета, ништо' де'льного не говори'т.*

ВЕЛЬ. Сдрм. С робя'тами не свя'зываетесь. УСТЬ. Брз. *С робя'тыма не свя'зывается, и заму'жья не на'до.* ВИН. Зст. *Оди'н дак ни свя'зываетси ни с кем – ма'ло таки'х. Не' было таки'х, штоп уш вро'вно, я с молодя'жником не свя'зывалась.* КАРГ. Лким. *При ё'м-то я с ей не свя'зываюсь.* ВИЛ. Слн. *Оле'ха с на'шым бра'том с ря'шками ста'нешь свя'зываета.* ЛЕШ. Врх. *Не могла' зда'ть <экзамены>, с парницка'ми свя'зывалась, на по'ште робо'тала и на по'ште не на'до, фсё пу'тала.* КРАСН. Брз. // *Братся, приниматься за что-л. невыгодное или предосудительное. Он ни ф како'й поли'тики, никуда' не свя'зывается.* ПРИМ. Ннк. *А я ни свя'зываюсь, своё' де'ло пра'влю. Они' руга'юца, руга'юца, а я не свя'зываюсь.* УСТЬ. Снк. *Ой, што ты, наплю'ну я, бу'ду я свя'зываета.* НЯНД. Стп.

Собственно диалектные значения: Завязывать пояс, юбку вокруг пояса. *А э'то свя'ски свя'зывается, што'бы ю'пки не уе'хали.* МЕЗ. Кд.

Глагол **смея'ться** имеет в ЛЯ 3 значения: 1. Издавать смех. // Выражать весёлость (о глазах, лице и т. п.) 2. Насмехаться, издеваться над кем -, чем-л. 3. Говорить несерьезно, шутить [13].

Рассматриваемый глагол в АГ был зафиксирован в двух значениях, идентичных первому и второму лексическому значению ЛЯ: 1. Издавать смех. *Бу'дут руга'цэ, не бу'дет смея'це, то'жэ отру'гиваета начне'ш.* ПИН. Влт. *Воро'на над воро'ной, смея'ца не прихо'дица.* ВИЛ. Трп. 2. Насмехаться, издеваться над кем-, чем-л. *Потча'с разберё'ся, сло'во-то, дак смешно', смие'са на него'.* КАРГ. Лким. *Городи'ли, смее'лись над ним.* ЛЕН. Тхт.

Семантическая структура глагола **увлека'ться** в ЛЯ имеет три значения: 1. Перемещаться под действием какой-л. силы. 2. Проявлять сильный, особенный интерес к чему-л. // Всецело отдаваться какому-л. занятию, переживанию и т. п., оказываться поглощенным, захваченным чем-л. 3. Чувствовать влечение к кому-л., влюбляться в кого-л. [14].

В АГ данный глагол имеет два значения, которые частично совпадают с ЛЯ: 1. Проявлять сильный, особенный интерес к чему-л. *Э'тим не увлека'юсь, э'тим, как говори'ца, спиртны'м-то.* КАРГ. Лким. *Не веля' рафина'дом-то увлека'ца. Ис цего' его' де'лают, ис тросника' ли?* ПИН. Ёр. *Не'когда на'м увлека'ца пья'нством.* ВИЛ. Пвл. *А ны'нче вы'пифкой увлека'юца.* ОНЕЖ. Тмц. 2. Чувствовать влечение к кому-л., влюбляться. *Ви'тька, ты пошто' за де'вушками не увлека'йся?* ПИН. Врк.

Таким образом, в группу общерусских слов, имеющих в говорах меньше значений, чем в ЛЯ, входят следующие глаголы: венчаться – по МАС – 3 значения, по материалам АГ – 1; верить – 4:1, договариваться – 2:1, ласкать – 4:1, ласкаться – 3:2, относиться – 6:5, представляться – 6:5, связываться – 5:3, смеяться – 3:2, увлекаться – 3:2. Всего 10 лексем.

Список использованной литературы

1. Ильинская Н. Г. Общерусское слово в лексико-логическом аспекте. П-К.: Из-во КГПУ, 2001. 303 с.
2. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. 698 с.
3. Архангельский областной словарь. Вып. 3 / под ред. О. Г. Гецовой. М.: МГУ, 1983. 160 с.
4. Словарь русского языка. Т. 1.
5. Архангельский областной словарь.
6. Словарь русского языка. Т. 1.
7. Архангельский областной словарь. Вып. 13 / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Наука, 2010. 358 с.
8. Словарь русского языка. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с.
9. Там же.
10. Там же.
11. Словарь русского языка. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский Язык, 1983. 752 с.
12. Словарь русского языка. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
13. Там же.
14. Там же.

УДК 81.39

Статья посвящена проблемам изучения этнокультурной специфики выражения эмоций в русской и корейской лингвокультурах. В статье обоснована актуальность лингвистического изучения эмоций, а также представлен сравнительный анализ результатов анкетирования носителей русского и корейского языков, демонстрирующий сходства и различия выражения эмоций русскими и корейцами.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эмотиология; лингвистика эмоций; этнокультурная специфика; русская лингвокультура; корейская лингвокультура; вербальный; невербальный.

The article is devoted to the problem of examination of the ethnocultural specific features of emotion expression in the Russian and the Korean lingua-cultures. Topicality of the linguistic research on the human emotions is well-founded in the article, besides that there is a comparative analysis of questionnaire's results by the Russian and Korean respondents, displaying the resemblances and the differences between the emotion expression by Russians and Koreans.

К e y w o r d s : emotiology; linguistics of the emotions; ethnocultural specific; Russian lingua-culture; Korean lingua-culture; verbal; non-verbal.

Ю. О. Коновалова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

E-mail: yuliya.konvalova@vvsu.ru

К вопросу об этнокультурной специфике выражения эмоций в русской и корейской лингвокультурах*

Научная статья

Yu. O. Konvalova

Vladivostok State University of Economics and Service

E-mail: yuliya.konvalova@vvsu.ru

On the Question of Ethnocultural Specific Features of the Emotions Expression in the Russian and Korean Lingua-Cultures

Scientific article

Основными признаками лингвистической парадигмы конца XX – начала XXI вв. являются антропоцентризм, ставящий в центр внимания исследователей человека со всем комплексом его проблем, и экспансионизм, объединяющий самые разные науки в процессе описания языковых явлений и породивший такие отрасли языкознания, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и т. д. [1].

Эмотиология как лингвистическая теория эмоций представляет собой классический пример экспансионизма в языкознании. Эмотиологические исследования в настоящий момент представляют немалый интерес, поскольку являются достаточно новым способом описания знакомого объекта – человеческих эмоций и позволяют глубже понять не только суть эмоций как таковых, но и внести существенный вклад в развитие антропоцентрического языкознания.

Эмоции как феномен человеческой психики являются распространенным объектом многих психологических исследований. Достаточно привести в пример многочисленные труды западных исследователей К. Изарда и П. Экмана [2]. Эмоции как объект лингвистического изучения – явление в науке достаточно новое и небесспорное.

По мнению В. И. Шаховского, основоположника российской эмотиологии, лингвистическая теория эмоций своими корнями восходит к спору большой группы лингвистов о том, должны ли лингвисты изучать эмоциональные составляющие процесса коммуникации [3].

Мы в нашей работе во многом опираемся на теоретические положения В. И. Шаховского, который считает, что интерес к языковым формам и способам выражения эмоций требует глубоко изучения,

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0533 «Исследование этнокультурной специфики речевой коммуникации носителей русского и восточных языков в социально-бытовой сфере общения».

© Коновалова Ю.О., 2012

а именно необходимо обратиться к вопросу о функциях эмоций в организации общения на языке. Так, сейчас эмотиология изучает особенности соотношения языковых и речевых проявлений эмоций, проблему соотношения вербальных и невербальных компонентов при выражении эмоций в разных лингвокультурах. В. И. Шаховский в своей работе ссылается на наблюдения В. Эдмонсона, который отметил, что этические нормы выражения эмоций в различных языковых культурах проявляются не столько в том, как их выражают, сколько в том, в каких условиях это происходит (что разрешается) [4].

В данной работе представлен первый опыт сравнительного эмотиологического анализа в рамках задач, определенных В. И. Шаховским. В центре внимания оказались не собственно лингвистические, а скорее, экстралингвистические факторы, сопровождающие эмоционально насыщенную коммуникацию. Так, мы попытались ответить на три вопроса, позволяющих описать национально-культурную специфику системы русских и корейских эмотивов (их количественного и качественного состава, особенностей функционирования в процессе коммуникации):

1. Как соотносятся эмотивы в русском и корейском языках (количество положительных и отрицательных эмотивов в языках и частотность их употребления);

2. В чем состоят этические нормы выражения эмоций в русской и корейской языковых культурах: что разрешено и что запрещено для открытого выражения;

3. Каково соотношение систем вербального и невербального выражения эмоций в русской и корейской лингвокультурах.

Существующие отечественные и западные психологические, культурологические и лингвистические исследования эмоций дают возможность их многостороннего описания в русском языке. Так, с одной (языковой) стороны, лингвистическому и паралингвистическому анализу подвергаются особенности лексического состава русского языка, эмоциональный потенциал русской грамматики, невербальные компоненты коммуникации. С другой (речевой) стороны, в центре внимания ученых оказываются социокультурные, в том числе поведенческие, психологические и этические особенности проявления эмоций человека. Проведенные зарубежными учеными исследования столь масштабны, что дают основания говорить об универсальности полученных выводов и их истинности в отношении многих языков. В то же время наш более чем десятилетний опыт наблю-

дения за речевым поведением носителей восточных языков позволяет выдвинуть гипотезу об отличиях, существующих в условных полях «человек и эмоции» в русском и восточных языках. В данной работе приведены результаты сопоставительного этнопсихолингвистического анализа выражения эмоций в русском и корейском языках, проведенного в рамках реализации проекта «Исследование этнокультурной специфики речевой коммуникации носителей русского и восточных языков в социально-бытовой сфере общения» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»).

Основные положения, требующие подтверждения или опровержения, таковы:

1. Носители корейского языка менее эмоциональны, чем носители русского языка;

2. Носители корейского языка обычно не выражают негативные эмоции;

3. Наиболее адекватный способ выражения эмоций в любом языке – вербальный.

В целях проверки заявленной гипотезы мы провели анкетирование 50 русских и 50 корейских информантов. Сбор материала и анализ результатов опроса корейских информантов проведен студенткой Владивостокского государственного университета экономики и сервиса Ким Сюджи. Для того чтобы сделать более или менее достоверные выводы, необходимо выяснить ряд вопросов, а именно, какие эмоции являются наиболее частыми у русских и корейцев; скрывают ли люди эмоции и если скрывают, то какие эмоции считаются недопустимыми с точки зрения этики; какие способы выражения эмоций наиболее распространены у носителей русского и корейского языков.

Предложенная респондентам анкета содержала 6 вопросов. Вопросы открытого и закрытого типов сформулированы достаточно просто в расчете на контингент информантов (студенты 1–2-го курсов университета): 1. Какие эмоции чаще других вы испытываете: а) положительные; б) отрицательные; в) нейтральные? 2. Какие эмоции чаще других вы выражаете: а) положительные; б) отрицательные; в) нейтральные? 3. Скрываете ли вы эмоции: а) да, иногда; б) да, всегда; в) нет; г) да, часто; д) не знаю? 4. Какие именно эмоции вы выражаете чаще всего? 5. Какие эмоции выражать стыдно или неприлично? 6. Как лучше всего выражать эмоции: а) с помощью слов; б) с помощью интонации; в) с помощью жестов; г) с помощью мимики; д) с помощью поступков? Шестой вопрос предполагает несколько возможных вариантов ответов.

На первый вопрос «Какие эмоции чаще других вы испытываете?» русские информанты ответили так: «положительные» – 42 человека (84%), «отрицательные» – 6 человек (12%), «нейтральные» – 2 человека (4%). То есть, по мнению большинства русских информантов, люди чаще испытывают положительные эмоции.

Ответы корейских информантов распределились следующим образом: «положительные» – 20 человек (40%), «отрицательные» – 7 человек (14%), «нейтральные» – 23 человека (46%). Итак, большинство корейских информантов испытывают нейтральные эмоции, немного меньше – положительные эмоции.

Таким образом, исследование показало, что русские и корейские информанты по-разному испытывают эмоции. Так, русские считают, что они чаще испытывают положительные эмоции, а корейцы – нейтральные эмоции. Также необходимо отметить, что, по данным опроса, русские информанты испытывают положительные эмоции более чем в два раза чаще корейских информантов (84% и 40% соответственно). Корейские респонденты более чем в 10 раз чаще русских испытывают нейтральные эмоции (46% и 4%). В то же время есть сходство: частота отрицательных эмоций у русских и корейских информантов примерно одинакова (12% и 14%).

Все это говорит о том, что, во-первых, отрицательные эмоции являются нечастыми и для русских, и для корейцев, а во-вторых, русские более эмоциональны, а корейцы более уравновешены. Русские информанты, согласно опросу, выражают только положительные эмоции, а корейские – по большей части положительные и нейтральные эмоции. И те и другие стараются не выразить отрицательные эмоции. Возможно, нейтральные эмоции, которые так часто испытывают корейцы, для русских являются положительными эмоциями, а разница их восприятия эмоции как положительной или как нейтральной объясняется их же интенсивностью. Например, удовольствие, которое человек испытывает в высокой степени, будет восприниматься как положительная эмоция, а удовольствие, испытываемое в слабой или незначительной степени, оказывается эмоцией нейтральной.

На второй вопрос «Какие эмоции чаще других вы выражаете?» русские ответили так: «положительные» 42 человека (84%), «отрицательные» – 1 человек (2%), «нейтральные» – 7 человек (14%). Таким образом, по мнению большинства русских информантов, люди чаще других не только испытывают, но и выражают положительные эмоции.

Корейские испытуемые выбрали ответ «положительные» – 28 человек (56%), «отрицательные» – 5 человек (10%), «нейтральные» – 17 человек (34%). То есть, по мнению большинства корейских информантов, также люди обычно выражают положительные эмоции.

На второй вопрос «Какие эмоции чаще других вы выражаете?» большинство русских и корейских информантов ответили «положительные» (84% и 56%). Некоторые информанты выбрали вариант ответа «отрицательные» (2% и 10%), «нейтральные» (14% и 34%). Также, по мнению многих русских и корейских информантов, люди чаще всего выражают положительные эмоции. Это вывод соответствует положению В. И. Шаховского о том, что во всех языковых культурах положительные эмоции выражаются чаще отрицательных, несмотря на то что количество отрицательных эмотивов больше количества положительных эмотивов [4].

Интересным нам представляется сопоставление ответов на эти два вопроса. Если русские информанты и испытывают, и выражают по преимуществу положительные эмоции, то есть внутреннее психологическое состояние соответствует внешним его проявлениям, то корейские опрошенные показали иной результат. По данным анкетирования, положительные эмоции выражают 56% корейских респондентов, в то же время только 40% респондентов испытывают положительные эмоции. Причина такого несоответствия носит этнокультурный характер и заключается в том, что в восточных культурах и, в частности, в корейской культуре принято в повседневном общении выказывать миролюбивый настрой, дружелюбие по отношению к партнерам по коммуникации, то есть выражение положительных эмоций для корейцев – неременный признак вежливости, при этом не обязательно индивид действительно испытывает какую-либо положительную эмоцию.

Ответы на третий вопрос «Скрываете ли вы эмоции?» таковы: «да, иногда» – 18 человек (36%) у русских и 5 человек (10%) у корейцев; «да, всегда» – 24 человека (48%) у русских и 33 человека (66%) у корейцев; «нет» – 5 человек (10%) у русских и 2 человека (4%) у корейцев; «да, часто» – 9 человек (18%) у русских и 9 человек (18%) у корейцев; затруднившихся ответить 0 человек (0%) у русских и 1 человек (2%) у корейцев.

Итак, большинство русских информантов признают, что всегда скрывают эмоции, немного

меньше – скрывают эмоции иногда. Меньше всего тех людей, которые скрывают эмоции часто, и только 10% опрошенных никогда не скрывают их.

Корейские респонденты также, в свою очередь, отметили, что обычно (всегда либо часто) скрывают эмоции. По мнению информантов, 10% людей скрывают эмоции лишь иногда, а 4% опрошенных никогда не скрывают их. Результаты опроса свидетельствуют в пользу открытости, присущей русским в большей степени, чем корейцам: количество людей, которые никогда не скрывают эмоции, в России на 6% больше, чем в Корее. В то же время считаем недопустимым приписывать корейской нации такую черту, как неискренность. По нашему мнению, речь должна идти о деликатности и стремлении к сотрудничеству в процессе общения (если кореец понимает, что, например, своими негативными эмоциями он может обидеть партнера по коммуникации, то он в большинстве случаев постарается скрыть эмоции).

Четвертый вопрос открытого типа «Какие именно эмоции вы выражаете чаще всего?» дал следующие результаты у русских: «радость» – 32 человека (64%), «удивление» – 14 человек (28%), «недовольство» – 19 человек (38%), «грусть» – 19 человек (38%). Таким образом, по словам более половины опрошенных, люди чаще других эмоций испытывают радость, немного меньше – недовольство и грусть. Наименьшее количество информантов указали эмоцию «удивление».

По мнению корейской аудитории, люди наиболее часто испытывают такие эмоции: «радость» – 27 человек (54%), «удивление» – 15 человек (30%), «недовольство» – 8 человек (16%), «грусть» – 8 человек (16%), «раздражение» – 6 человек (12%), «сочувствие» – 2 человека (4%), «гнев» – 4 человека (8%), «неопределённая положительная эмоция» – 7 человек (14%), «ревность» – 4 человека (8%), «благодарность» – 3 человека (6%).

Таким образом, мнения русских и корейских респондентов по данному вопросу отчасти совпадают: более половины опрошенных испытывают радость, реже – недовольство и грусть. И лишь четвертое место по частоте корейца присвоили некоторой недифференцированной положительной эмоции.

Считаем небезынтересным то, что русские респонденты назвали только четыре эмоции, в то время как корейцы – одиннадцать.

На пятый вопрос «Какие эмоции выражать стыдно или неприлично?» русские ответили:

«гнев» – 8 человек (16%), «зависть» – 10 человек (20%), «раздражение» – 12 человек (24%), «недовольство» – 15 человек (30%), «огорчение» – 32 человека (64%). Абсолютным лидером по шкале табуированности эмоций в ответах русских оказалось огорчение. Кроме того, запретным, хотя и не в такой степени, является выражение недовольства, зависти и раздражения, при этом количественная разница между «запретностью» огорчения и недовольства – 34%. То есть этические ограничения в выражении эмоций в первую очередь связаны с выражением огорчения. Здесь, очевидно, прослеживается связь с вопросом о том, скрывают ли люди эмоции: если человек испытывает огорчение, которое выражать нежелательно, вероятно, он скрывает данную эмоцию.

Корейцы также попытались сформулировать, какие эмоции являются запретными, и показали такой результат: «гнев» – 18 человек (36%), «зависть» – 21 человек (42%), «раздражение» – 8 человек (16%), «удивление» – 4 человека (8%), «грусть» – 15 человек (30%), «благодарность» – 2 человека (4%), «любовь» – 3 человека (6%), «восхваление» – 4 человека (8%), «страх» – 1 человек (2%), «нет таких эмоций» – 1 человек (2%). Итак, многие корейские информанты посчитали «зависть», «гнев» и «грусть» теми эмоциями, которые выражать не следует.

При сопоставлении результатов опроса русских и корейцев мы обнаружили следующее. Большинство русских информантов считают стыдным и неприличным выражать гнев (64%) и грусть (64%). Корейские информанты, так же, как русские, считают неприличным или стыдным выражать гнев (38%) и грусть (30%), но в большей степени корейцы считают стыдным или неприличным выражать зависть (42%), в то время как у русских информантов такой вариант ответа имеет значительно меньшую популярность. Данные результаты позволяют сделать выводы об этнокультурной специфике выражения эмоций в русском и корейском языках. Истоки отношения современных респондентов к эмоциям следует искать в религиях, влияние которых в средние века и в России, и в Корее было абсолютным. Хотя современная Россия и современная Корея – это светские государства, религиозные ценности, повлиявшие на формирование национального менталитета наций, стали восприниматься как общечеловеческие и усваиваются людьми, в том числе молодежью на уровне подсознания. В Библии есть понятие так называемых

семи смертных грехов, три из которых – гнев, уныние и зависть. Именно гнев и грусть (или уныние) русские информанты назвали запретными. Вызывает вопрос тот факт, что зависть как запретная эмоция, по мнению русских информантов, находится только на пятом месте. Для корейцев запретные эмоции – гнев, грусть и зависть. Корейская нация формировалась под влиянием буддизма и конфуцианства. Христианство, буддизм и конфуцианство – это мировые религии, имеющие принципиальные отличия, но, в то же время, диктующие людям сходные принципы поведения. Так, буддизм наставляет людей быть добрыми и не быть жадными. В конфуцианстве действует правило, которое говорит о том, что на добро непременно отвечают добром. Кроме того, в Древней Корее был такой негласный закон: «Женщинам нельзя завидовать», этот закон до сих пор знают и стараются соблюдать современные корейцы. Еще один интересный момент связан с тем, что в корейской культуре (как и в других восточных культурах) человеку нельзя показывать свою слабость, а известно, что отрицательные эмоции, например, гнев, как раз показывают не силу, а слабость человека.

На шестой вопрос «Как лучше всего выражать эмоции?» ответы русских респондентов таковы: «с помощью слов» – 12 человек (24%) – наибольшее количество голосов, «с помощью интонации» – 9 человек (18%), «с помощью мимики» – 9 человек (18%), «с помощью поступков» – 10 человек (20%), «с помощью жестов» – 2 человека (4%).

Почти четверть опрошенных русских выражают эмоции вербально, каждый пятый – с помощью поступков, через деятельность; больше трети опрошенных для выражения эмоций используют интонацию или мимику. Жесты как способ выражения эмоций русские выбирают редко.

Корейские испытуемые на первое место поставили вариант ответа «с помощью мимики» – 31 человек (62%). Далее идут ответы: «с помощью слов» – 18 человек (36%), «с помощью интонации» – 17 человек (34%), «с помощью поступков» – 13 человек (26%), «с помощью жестов» – 7 человек (14%). Данный результат частично подтверждает (в отношении мимики), а частично опровергает (в отношении жестов) теоретическое положение В. И. Шаховского о том, что «язык тела» более распространен и удобен в использовании для выражения эмоций, чем вербальный язык [4]. Таким образом, корейские информанты не подтвердили популярность вербального способа выражения

эмоций, поскольку большинство опрошенных корейских студентов выражают эмоции с помощью мимики. Слова и интонация, а также действия реже используются для выражения эмоций. Жесты, по мнению корейцев, так же, как по мнению русских, являются редким способом выражения эмоций.

Значимость мимического способа выражения эмоций в корейском языке может быть объяснена через анализ некоторых элементов традиционной корейской культуры. Так, один из усвоенных с древних времен в Корее общественных законов – строгое соблюдение иерархии как в личных, так и в служебных отношениях. По словам А. Н. Ланькова, для корейцев, занимающих высокое положение в иерархии, характерна особая манера говорить и держать себя. Корейская традиция вынуждает уважающего себя человека быть немногословным, говорить мало, тихо и монотонно, двигаться не торопясь. Человек, который много говорит, открыто выражает свое мнение и демонстрирует окружающим свои эмоции, воспринимается как легкомысленный и несерьезный. Вот поэтому для корейцев вербальный способ выражения эмоций – не самый популярный. В соответствии со старой традицией, человек, особенно из элиты, должен быть абсолютно бесстрастным, а его лицо должно быть подобно дереву или камню [5]. Традиционно, в том случае, когда люди хотели выразить свои эмоции (особенно негативные), им на помощь приходил корейский театр масок. Маски имели разные функции, их использовали, например, для выражения недовольства низших сословий условиями жизни. Кроме того, их надевали для того, чтобы скрыть лица актеров, смеющихся над влиятельными людьми. В итоге актеры выражали возмущение, недовольство, гнев, а их лица оставались бесстрастными. В современной Корее театр масок утратил свою популярность, но элементы поведения корейцев сохраняются в течение многих веков. Как всякий восточный народ, корейцы – консервативная нация, поэтому традиции, правила поведения, образ жизни меняются медленно. Современные корейцы достаточно сдержанны в выражении эмоций, особенно негативных. Это люди, которые всегда приветливы, но при этом их постоянное выражение некоторой «неопределенной положительной эмоции» имеет невысокую интенсивность. Другими словами, корейцы сдержанны как в выражении отрицательных, так и в выражении положительных эмо-

Вербализация эмоций

Положительные эмоции (количество слов для обозначения эмоции)		Отрицательные эмоции (количество слов для обозначения эмоции)		Нейтральные эмоции (количество слов для обозначения эмоции)	
Рус.	Кор.	Рус.	Кор.	Рус.	Кор.
32	50	38	31	14	15

ций. Скорее всего, это лишь традиционная маска, под которой скрыты достаточно сильные эмоции. Они скрыты, потому что для корейцев, опять же, как и для других восточных народов, необходимо «сохранять лицо». В результате корейцы считают наиболее удачным способом выражения эмоций мимические возможности лица.

Итак, анализ ответов информантов на вопросы анкеты позволил сделать некоторые выводы.

Исследование подтверждает положение о том, что носители корейского языка менее эмоциональны, чем носители русского языка. Корейцы почти в два раза меньше русских отметили, что они испытывают и выражают положительные эмоции, при этом они незначительно чаще русских испытывают и выражают отрицательные эмоции и значительно чаще – нейтральные эмоции.

Анализ материала опроверг мнение о том, что носители корейского языка обычно не выражают негативные эмоции. Корейцы в среднем на 5% больше русских выражают отрицательные эмоции (табл. 1).

Таблица 1

Эмоции, которые информанты испытывают и выражают

Положительные эмоции		Отрицательные эмоции		Нейтральные эмоции	
Рус.	Кор.	Рус.	Кор.	Рус.	Кор.
89%	48%	7%	12%	4%	40%

Наиболее адекватный способ выражения эмоций в любом языке – вербальный. Данное положение подтвердилось для русской лингвокультуры и не подтвердилось для корейской лингвокультуры.

Результаты проведенного нами эксперимента позволили сделать еще один вывод, в некоторой степени отличающийся от точки зрения В. И. Шаховского. По его мнению, люди чаще испытывают и выражают положительные эмоции, но в языке существует большее количество слов для обозначения отрицательных эмоций, а не положительных. Наша работа показала, что это положение характерно для русского языка и не характерно для корейского языка. В данной статье мы приводим только количественные данные, поскольку объем работы не позволяет привести в пример все ответы информантов. Так, корейцы назвали на 20% больше слов для обозначения положительных эмоций, чем отрицательных (табл. 2).

Проведенная работа позволила в некоторой степени ответить на поставленные вопросы и показала направления дальнейших сопоставительных этнокультурологических описаний систем мотивов русского и корейского, а также других восточных языков.

Исследование показало, что функционирование мотивов в русском и корейском языках имеет некоторые различия. В русском языке количество отрицательных мотивов больше, чем положительных, при том что люди чаще и разнообразнее испытывают положительные эмоции, чем отрицательные, что подтверждает концепцию В. И. Шаховского. Анализ ответов корейских информантов опроверг мнение о том, что вышеприведенное положение универсально для всех языков. В корейском языке количество положительных мотивов больше, чем количество отрицательных, но при этом люди также чаще испытывают положительные эмоции. Причина данного явления в настоящий момент нам представляется неясной, что может послужить поводом для дальнейшей работы.

Этические нормы выражения эмоций в русской и корейской лингвокультурах восходят к нормам религиозно-философской (христианской, буддийской, конфуцианской) морали, но при этом принципиально совпадают. Так, наиболее табуированными являются эмоции «гнев», «печаль», «зависть», хотя в количественном отношении имеются некоторые различия. Русские назвали пять запретных эмоций (гнев, зависть, раздражение, недовольство, грусть), лидерами среди них являются две – гнев и грусть. Корейцы назвали одиннадцать эмоций, нежелательных для открытого выражения, и три из них имеют наибольшее значение – гнев, грусть и зависть.

Сопоставление систем вербального и невербального выражения эмоций в русской и корейской лингвокультурах также выявило ряд различий. Назван-

ный В. И. Шаховским вербальный способ выражения эмоций как наиболее распространенный и эффективный во всех языках оказался характерным только для русской лингвокультуры. Первое место по частотности у корейцев занимает невербальный способ, а именно выражение эмоций с помощью мимики. Данное принципиальное отличие обусловлено древними корейскими традициями, в частности, представлениями о немногословии и сдержанности как признаках образцового поведения.

Среди невербальных способов выражения эмоций наименьшую распространенность обнаружили жесты и в русской, и в корейской языковых культурах, причина чего также должна быть установлена в процессе дальнейших исследований.

В заключение отметим, что приведенное нами описание систем выражения эмоций в русской и корейской лингвокультурах основано исключительно на результатах социолингвистического эксперимента, соответственно оно отражает субъективные представления носителей русского и корейского языков. В первоочередные задачи дальнейших исследований входит сбор и анализ, во-первых, массивов русских и корейских художественных текстов, а во-вторых, записей устного диа-

логического и монологического общения на русском и корейском языках с целью подтверждения или опровержения полученных ранее результатов и составления более или менее объективной картины функционирования эмотивов в двух исследуемых лингвокультурах.

Список использованной литературы

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Российский гос. ун-т, 1995. С. 149–238.
2. Изард К. Психология эмоций: пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 464 с.; Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. 2-е изд.: пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 334 с.
3. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Либроком, 2010. 128 с.
4. Там же.
5. Ланьков А. Н. Хаотические заметки корееведа о Корее: Популярные статьи из «Сеульского вестника». URL:http://lankov.oriental.ru/page_5.shtml (дата обращения: 28.09.2012).

УДК 802/809.1

Статья представляет собой исследование синтаксических средств выражения отрицательной оценки в английском языке. В начале статьи даются определения диалогической и монологической речи, определяются понятия неодобрения и порицания. Далее рассматриваются конструкции неодобрения и порицания в монологических единствах на примерах современной художественной литературы. В рамках статьи приводится детальный анализ данных конструкций на основе теории парадигматического синтаксиса и диктемного подхода.

Ключевые слова: неодобрение; порицание; конструкция неодобрения; конструкция порицания; монологическое единство; диктема; диктемный подход.

The article presents the investigation of syntactical means of negative evaluation in the English language. In the beginning of the article the definitions of monologue and dialogue are given, the concepts of disapproval and reproof are defined. Then the constructions of disapproval and reproof are being considered in monologues, with the examples from contemporary literature. The article deals with the detailed analysis of these constructions on the basis of the theory of paradigmatical syntax and dicteme approach.

Key words: disapproval; reproof; constructions of disapproval; constructions of reproof; monologue; dicteme; dicteme approach.

М. В. Миронова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: gladiolus22f@mail.ru

Конструкции неодобрения и порицания в монологических единствах

Научная статья

M. V. Mironova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: gladiolus22f@mail.ru

Constructions of Disapproval and Reproof in Monologues

Scientific article

Диалогическая речь и монологическая речь – основные типы речевой коммуникации. Диалогическая речь – это взаимное (чаще всего двустороннее) общение, при котором активность или пассивность переходят от одних участников к другим. Монологическая речь – это преимущественно сплошное, непрерываемое «чужой речью» говорение, но монологичность порой преобладает и в речи реплицированной (собеседование мнимое, состоящее из реплик разных лиц о чем-то независимом от сообщаемого ранее).

Вначале определим понятия неодобрения и порицания. Неодобрение – это указание на то, что говорящий признаёт что-то плохим, относится к кому-либо/чему-либо с осуждением, отрицательно оценивает, подвергает критике, порицает кого-либо. Общее значение неодобрения подразделяется на частные: упрекать, порицать, осуждать, обвинять и т. д. Человек, являясь частью социума, обязан соблюдать нормы, законы и правила человеческого общения,

иначе конфликт между обществом и индивидом становится причиной наказания. И одной из таких форм выступает порицание как реакция на нарушение общественных правил поведения.

Понятие порицания непосредственно связано с отрицательной оценкой человеческих поступков и поведения. Порицается всегда то, что не признаётся обществом как норма. «При подходе к человеческой деятельности, когда принимаются во внимание преимущественно аксиологические характеристики действий и их результатов, нужно принять термин и понятие – поведение, человеческое поведение», – пишет С. Ф. Анисимов [1]. В. Ш. Сабиров [2] отмечает, что оценивать и тем более порицать следует не человека, а его поступки и черты характера. Порицание часто носит субъективный характер: порицая адресата, говорящий опирается на собственное понимание общественных норм и свои жизненные принципы. При порицании как частном значении

© Миронова М. В., 2012

неодобрения имеют место статусные отношения коммуникантов. Порицание может выражаться при статусных отношениях сверху вниз, снизу вверх или в общении равностатусных партнеров.

В нашем исследовании мы выделяем собственно оценочные конструкции, соглашаясь с Н. В. Ильиной в том, что собственно оценочной может быть признана только конструкция, в которой оценка предикативна. Оценочный дескриптор в предикативной позиции реализует исключительно собственное понятийное содержание и тем самым придаёт оценочный характер высказыванию [3]. В данной статье мы рассмотрим конструкции неодобрения и порицания в монологических единствах с точки зрения теории парадигматического синтаксиса. Парадигматический синтаксис – это раздел грамматики, который изучает деривационную систему, лежащую в основе построения предложения. Под парадигматическим синтаксисом вслед за М. Я. Блохом мы понимаем «описание синтаксической системы языка в терминах деривационной иерархии структурно-семантических моделей предложений» [4]. Лингвисты выделяют несколько уровней в структуре языка. Первый и самый нижний уровень – фонематический. Основная функция его единицы – фонемы состоит в различении морфем, представляющих собой единицы вышестоящего морфематического уровня. В свою очередь морфемы обладают сигнификативной функцией, которая «служит базой для реализации семантической функции вышестоящего сегмента, т. е. слова». В качестве третьего уровня выступает уровень слов – лексематический. «Уровневый делительная функция лексемы – номинативная, именующая». Следующий уровень – «денотематический», или так называемый уровень членов предложения. Уровнеобразующая функция денотемы как единицы данного уровня – «денотативная, т. е. выделительная в высказывательном (речеактовом) смысле» [5]. Далее следует уровень предложения или пропозематический. М. Я. Блох выделяет двойную функцию предложения – номинативно-предикативную. Номинативный аспект предложения реализуется в именовании соответствующей ситуации, предикативный – в отнесении её к действительности. Шестой, диктемный, уровень выделен М. Я. Блохом. Понятие диктемы как единицы данного уровня введено учёным в связи с необходимостью установления «тех интегративных единиц, из которых непосредственно строится языковая речь в виде устного или письменного текста» [6]. Диктема, в свою очередь, состоит из одной или нескольких единиц предыдущего уровня – одного или нескольких предложений.

При этом, по мнению М. Я. Блоха, диктемой может являться даже однословное предложение, выражающее собственную микротему.

М. Я. Блох также рассматривает функционально-знаковые аспекты диктемы: номинацию, предикацию, тематизацию и стилизацию. Номинация называет общую ситуацию, отражаемую диктемой. Предикация относит именование к действительности. Тематизация включает информацию, передаваемую диктемой, в содержание всего текста. И, наконец, стилизация представляет собой выбор содержания, выразительных средств, помогающих достичь коммуникативной цели. «Лишь совместное выявление компонентов выражения, относящихся к каждому из отмеченных функционально-языковых аспектов речи, реализует полноценный текст как продукт отражательно-мыслительной деятельности человека в различных формах языкового общения» [7]. Именно через диктему реализуются связи между частями текста, выражающие категорию его целостности. Через диктему осуществляется и действие текстовой пресуппозиции, обеспечивающей раскрытие имплицитивно передаваемых смыслов сообщения.

Подлинный монолог – письменная речь, обращённая во внешний мир без непосредственной реакции. Монологическая последовательность однонаправленна, и такое объединение предложений, соответствующее диктеме, называется кумулемой. Существуют различные семантические типы кумулем: фактуальный (повествовательный, описательный), модальный рассуждение, ощущение, убеждение), смешанный (обладающий признаками первых двух групп) [8].

Рассмотрим несколько монологических единств из художественных произведений, в которых встречаются конструкции неодобрения и порицания, и проанализируем их с точки зрения теории диктемы.

To Alsana's mind the real difference between people was... in the earth. It was in the sky. You could divide the whole of humanity into two distinct camps, as far as she was concerned, simply by asking them to complete a very simple questionnaire...

a) Are the skies you sleep under likely to open up for weeks on end?

b) Is the ground you walk on likely to tremble and split?

c) Is there a chance that the ominous mountain casting a midday shadow over your home might one day erupt with no rhyme or reason.

Because if the answer is yes, to one or all of these questions, then the life you lead is a midnight thing, always a hair's breadth from the whitening hour; (1) it's

volatile, (2) *it's threadbare*; (3) *it's carefree in the true sense of that term*; (4) *it is light, losable like a keyring or a hairclip*. (5) *And it is lethargy: why not sit all morning, all day, all year, under the same cypress tree drawing the figure of eight in the dust? More than that*, (6) *it is disaster*; (7) *it is chaos: why not overthrow a government on a whim, why not blind the man you hated, why not go mad, go gibbering through the town like a loon, waving your hands, tearing your hair?* [9]. Отрывок представляет собой взгляд на людей героини произведения *White Teeth* Алсаны, восточной женщины, вынужденной жить в Лондоне с семьёй. Она делит всех людей на две группы: тех, кто ведёт нормальный образ жизни, и других, привыкших к праздности. В отрывке представлено мнение женщины о второй категории людей. Первые три конструкции (1), (2) и (3) являются ядерными предложениями оценочно-признаковой характеристики. Прилагательные *volatile*, *threadbare*, и *carefree*, используемые в конструкциях, выражают неодобрение образа жизни людей. Следующая сравнительная конструкция (4) содержит два однородных прилагательных, первое из которых, *light*, приобретает отрицательное значение под влиянием второго *losable*, уже содержащего негативный компонент. Образное сравнение *losable like a keyring or a hairclip* заставляет задуматься, как легко потерять драгоценные моменты жизни, если не ценить их. Три последние конструкции (5), (6) и (7) – предложения оценочно-предметной характеристики, которые имеют в составе существительные, вызывающие негативные эмоции: *lethargy*, *disaster* и *chaos*. Для характеристики мыслей Алсаны автор в основном использует простые конструкции, чтобы подчеркнуть примитивность взглядов молодой неопытной женщины. Все рассматриваемые конструкции относятся к виду конструкции неодобрения.

Следующий пример из произведения С. Моэма «Театр» также изобилует конструкциями неодобрения различных видов:

I think an actor's a perfect fool to marry young. There are so many cases in which it absolutely ruins a chap's career. Especially if he marries an actress. He becomes a star and then she is a millstone round his neck. She insists on playing with him, and if he is in management he has to give her leading parts, and if he engages someone else there are most frightful scenes. And of course, for an actress it's insane [10].

В представленном отрывке герой произведения Майкл, будучи актёром, заявляет о своей позиции: актёр не должен жениться на актрисе и говорить о возможных проблемах в совместной жизни и работе.

Первая оценочная конструкция порицания *an actor's a perfect fool to marry young* состоит из подлежащего, выраженного нарицательным существительным, составного глагольного сказуемого (глагол *to be*, прилагательное, существительное отрицательной оценки). Интересным для нас представляется сочетание прилагательного *perfect* с ярко выраженной положительной оценкой и инвектива *fool*. Подобное сочетание придаёт высказыванию иронический оттенок. Метафорическая конструкция характеризует актрису, становящуюся, по мнению Майкла, препятствием на пути мужа к карьере: *she is a millstone round his neck*. Предложение оценочно-классифицирующей характеристики с эмплифайером и прилагательным негативной оценки содержит информацию о том, что ждёт мужа, не нашедшего главной роли для жены в поставленном им спектакле: *there are most frightful scenes*. И, конечно, для самой актрисы ситуация складывается плачевно: *for an actress it's insane* – в основе ядерная конструкция оценочно-предметной характеристики.

If You see (1) how terrible I can be. (2) I was tactless. I just drift off and forget about everything. (3) It's a kind of cruelty. [11]. Диктема представляет собой монолог в диалоге. Девушка объясняет подруге и неодобряет своё поведение, используя три оценочные конструкции. (1) Оценочно-признаковая конструкция порицания с эмфатическим интродуктором, прилагательным отрицательной оценки и модальным глаголом подчёркивает недовольство и возмущение говорящей по поводу собственного поведения. (2) Оценочно-признаковая структура с глаголом *to be* в прошедшем времени и прилагательного отрицательно-оценочной семантики является примером самопорицания. (3) Оценочно-предметная конструкция неодобрения с умеренным ослабителем *a kind of* несколько смягчает общий негативный эффект.

But if you could begin again, thought Irie, if you could take them back to the source of the river, to the start of the story, to the homeland... But she didn't say that, because he (Samad) felt it as she felt it and both knew it was as useless as chasing your own shadow. [12]. Данная диктема представляет собой внутренний монолог девушки – её мысли, которые она не решается озвучить. Старый друг их семьи пришёл к ней за советом: как ему вернуть сбившихся с пути сыновей, не оправдавших его ожиданий. И оба они понимают: нет возможности вернуться к истокам, что было бы единственным выходом. В заключительной части диктемы автор использует оценочно-признаковую сравнительную конструкцию с союзом *as ... as* и

образным сравнением для придания высказыванию оттенка сожаления и большей образности.

There are no words. (1) The one I send home comes out a pukka Englishman, white suited, silly wig lawyer. (2) The one I keep here is fully paid-up green bow-tie-wearing fundamentalist terrorist. I sometimes wonder why I bother. I really do. These days it feels to me like you make a devil's pact when you walk into this country. You hand over your passport at the check – in, you get stamped, you want to make a little money, get yourself started...but you mean to go back! Who would want to stay? Cold, wet, miserable; terrible food, dreadful newspapers – who would want to stay? In a place where (3) you are never welcomed, only tolerated, like you are an animal finally house-trained. Who would want to stay? But you have made a devil's pact... it drags you in and suddenly (4) you are unsuitable to return. (5) your children are unrecognizable, you belong nowhere. And then you begin to give up the very idea of belonging. Suddenly this thing, this belonging, (6) it seems like some long, dirty lie...and I begin to believe that (7) birthplaces are accidents, that (8) everything is an accident. But if you believe that, where do you go? What do you do? What does anything matter? [13]. Рассматриваемая диктема – монолог в диалоге – содержит сразу восемь различных оценочных конструкций. Герой произведения, мусульманин Самад, разочарован в своих сыновьях-близнецах и стране, в которой вынужден жить. Поведение одного из сыновей – Маджида, отправленного им на родину с целью приобщения к родной культуре, он характеризует, используя (1) конструкцию порицания оценочно-классифицирующей характеристики с необычным глаголом-связкой *comes out* и негативно-оценочным прилагательным *silly*, придающим всей конструкции характер неодобрения. Прилагательное *pukka*, изначально имеющее положительное значение (настоящий, первоклассные), приобретает в данном контексте иронический оттенок. Следующая конструкция порицания (2) оценочно-классифицирующей характеристики описывает поведение второго сына Самада – Миллата, оставшегося с ним в Англии и связавшегося с плохой компанией. Основную отрицательную нагрузку несут на себе прилагательное *fully paid-up*, отрицательно-оценочное в данном контексте, и отрицательно-оценочное существительное *terrorist*. Далее Самад характеризует страну, где вынужден жить с семьёй (3) отрицательной конструкцией с наречием *never* и образным сравнением

с «в конце концов одомашненным зверем». Две следующие оценочно-признаковые структуры (4) и (5) также характеризуют недовольство Самадом английским образом жизни. Сравнительная конструкция (6) оценочно-классифицирующей характеристики продолжает заданную тему – неодобрение жизни в чужой стране, принадлежность к которой кажется «долгой, грязной ложью». И, наконец, конструкции неодобрения (7) и (8) параллельные конструкции оценочно-предметной характеристики, имеют в составе существительное *accident* с негативным значением случайный, не постоянный, временный, не принадлежащий никому.

Таким образом, в рамках данной статьи мы дали определение монологической и диалогической речи, определили понятия неодобрения и порицания, их основные характеристики. Мы также рассмотрели основные положения диктемого подхода, который позволил нам изучить структуру и семантику конструкций неодобрения и порицания в монологических единствах. В рамках диктемы с общим значением неодобрения различные типы конструкций неодобрения и порицания дают возможность автору художественного произведения более полно выразить чувства и настроения его героев.

Список использованной литературы

1. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001. С. 19.
2. Сабиров В. Ш. Два лика зла (Размышления русских мыслителей о добре и зле). М.: Знание, 1992. 61 с.
3. Ильина Н. В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 11.
4. Там же. С. 12.
5. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 54–60.
6. Там же. С. 60.
7. Там же. С. 123.
8. Там же. 160 с.
9. Smith Z. White Teeth. L.: Penguin Books, 2001. P. 210.
10. Maugham W. S. Theatre. M.: Менеджер, 1999. P. 32.
11. Gordon M. Final Payment. N.-Y.: CORGI Books, 1979. P. 59.
12. Smith Z. White Teeth. P. 407.
13. Ibid.

УДК 316.454.5

В статье рассматриваются вопросы организации коммуникативных отношений автора и адресата в контексте медийного высказывания. Предлагается наблюдение за использованием специфических для медийных текстов жанроопределяющих приемов оформления информации с использованием различных коммуникативных средств, относящихся как к вербальным, так и к невербальным инструментам взаимодействия. Особое внимание уделено описанию оборотов речи, выражающих коммуникативное намерение автора публикации, который в медийном диалоге с массовым читателем использует такие группы коммуникативной лексики, как «вопрос и ответ на вопрос», «достижение соглашения», «выражение согласия или несогласия», «убеждение, уверение».

Ключевые слова: медийный текст; дискурс массовой коммуникации; коммуникативные отношения «автор», «адресат»; коммуникативная лексика; стратегии и тактики медийного диалога.

The article discusses the communicative relations between an author and a recipient in the context of the media. The author proposes to monitor using specific to media texts tools which determine genre, using various communication techniques relating to both verbal and non-verbal communication tools. Particular attention is paid to the description of the speed of speech expressing communicative intention of the author of the publication, who in media dialogue with readers uses the communicative language groups such as «question and answer»; «agreement», an expression of agreement or disagreement, «conviction, doubting».

Key words: media text; the discourse of mass communication; communicative relations of «author», «addressee»; communicative lexics; strategy and tactics of the media dialogue.

Л. Г. Антонова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: antonova_lubov@mail.ru

Коммуникативная лексика в медийных текстах

Научная статья

L. G. Antonova

P. G. Demidova Yaroslavl State University

E-mail: antonova_lubov@mail.ru

Communicative Language in Media Texts

Scientific article

Медиакоммуникация, как известно, отличается функционально-прагматическими особенностями, формами и функциями текстуальных знаков в новом медийном пространстве. Продукт такой коммуникативной практики – медиатекст (медиажанр) – должен рассматриваться как феноменальное явление: он становится активной формой передачи информации по каналам массмедиа, а при создании особых условий передачи и восприятия информации массовой аудиторией часто рассматривается как *дискурсивная единица в диалоге с адресатом медийной информации*.

Можно говорить о специфических для медийных текстов жанроопределяющих приемах оформления информации с использованием различных коммуникативных средств, относящихся как к вербальным, так и к невербальным компонентам взаимодействия «автора» и «адресата» в медиадискурсе. Например, мы уже писали о наметившихся тенденциях в оформлении «авторства» в медийном

тексте [1]. Нами установлено, что к числу традиционных приемов «презентации автора» в публичном тексте можно отнести представление опосредованных коммуникативных знаков *авторской принадлежности*: указание на логотип организации, лицом которой является автор публикации; оформление его «авторского права» на публикацию с указанием на историю получения им доступа к представленной информации, включение дополнительных сведений о биографии автора или организации, представление фотопортрета автора или фотосессии, дающей представление о контексте событий в авторской интерпретации, что приветствуется сегодняшними законами позиционирования социальных (и медийных, в том числе) субъектов. Использование этих приемов, безусловно, усиливает субъективную позицию автора и помогает читателю убедиться в достоверности, фактологичности информационного пространства, демонстрирует «ответственность автора» в медийном

пространстве «автор» – «адресат-читатель». Повторяясь, они формируют представление о жанроопределяющих признаках медийного текста.

Анализируя знаки подобной «авторской принадлежности» в современных медиаизданиях (в журналах «Компания», «Секретарь», «Дело», «Карьера», «Огонек» и некоторых других), мы установили, что в медиапубликациях активно используются коммуникативные приемы, обеспечивающие руководство читательским восприятием и предполагающие включение в текст статьи специальной коммуникативной лексики, помогающей в реализации определенных стратегий и тактик медийного диалога [2].

Прежде всего, нами было установлено, что максимальное внимание при макетировании и представлении материала на журнальной полосе авторы уделяют визуальным и графическим коммуникативным знакам «предварительного оповещения». Например, каждой статье на странице медиаиздания предшествует на фирменной «подложке» рубрикация, где указывается жанр публикации: «Прогнозы недели», «Хроника событий»; «Авторитетное мнение»; дается опосредованная характеристика предлагаемого материала с использованием концептуального цитирования или экспертного заключения, которое может стать презентацией «чужого мнения», заявленного как «текст в тексте». Заметим, что прием предварительного анонсирования проблематики статьи можно рассматривать как провокативную тактику в медийной коммуникации. Подобные действия вступают в противоречие с коммуникативным и жизненным опытом читателя, которому предлагают «оценочный вывод» «на пороге текста», когда он еще не успел сформировать свое отношение к изложенным в статье фактам. Нам кажется, эта тенденция в коммуникативных отношениях «автора» и «адресата» в медиатексте не может быть оценена положительно: провокационные «установки», с указанием на сильную позицию эксперта или редакционное мнение, требуют от читателя определенной медиаграмотности, в противном случае можно говорить о консьюмеризме читателя и ложном «принятии на веру» чужого опыта.

Но особого внимания исследователя, на наш взгляд, заслуживают обороты речи, относящиеся к коммуникативному намерению автора публикации, который в медийном контексте с массовым читателем активно использует коммуникативные приемы интимизации диалоговых отношений в рамках

публичного высказывания. Это, как правило, проявляется в особой устно-разговорной тональности «собеседования» или при использовании приемов «рассказывания» в публицистическом высказывании. Вот несколько примеров диалоговых «поддержек» из названных выше статей в медийных изданиях при использовании таких групп коммуникативной лексики, как «вопрос и ответ на вопрос»; «достижение соглашения», «выражение согласия или несогласия», «убеждение, уверение».

Пример 1. «Разумеется, пребывание в пещере в ожидании конца света не свидетельствует о высоком интеллектуальном потенциале и психической адекватности... И если начистоту – я совсем не убежден, что сектанты из Погановки намного фанатичней и зашоренней других сектантов, которые сегодня так боятся провести обычные выборы и сменить одного президента на другого». (Цит. по статье: Быков Д. Пещерные люди // Компания 2007. № 44 (489), 26 нояб. С. 14.)

Автор, отвлекаясь от конкретного реального события, позволяет себе достаточно смелое и вольное рассуждение и обобщение с использованием коммуникативных маркеров – лексики оценки или оппозиционного высказывания. Подобные тактические приемы требуют определенного интеллектуального умения читателей идти в диалоге с автором текста от простого к сложному и пользоваться приемами домысливания вслед за автором.

Пример 2. «Действительно, налицо нечто вроде разделения и конкуренции властей... Теперь вопрос, что дальше: удастся ли сохранить баланс? Достанет ли у нас ума и терпения при оценке сегодняшней ситуации?» (Цит. по статье: Орешкин Д. Виртуаль власти // Огонек. 2009. № 27, 16 нояб. С. 10.)

Традиционное для медийного контекста начало публикации, где тематические группы вопросно-ответной лексики и сослагательные глагольные обороты «уверенности – неуверенности» помогают создать проблемное поле диалога с читателем.

Пример 3. «Давайте все же попробуем поглубже вникнуть в проблемы рынка жилья и инвестиций в него... Учтите, что 70% россиян ставят собственный дом не на первое место среди признаков счастливой жизни...» (Цит. по статье: Квадратура денег // Азбука: Газета бесплатных советов. Ярославль. 2007. № 4. С. 4.)

Автор активно пользуется приемами устного диалога, перенося в письменный текст атрибуты живой беседы, используя тематические группы лексики «советов» и «рекомендаций».

Пример 4. «Нам говорят, экономика нащупала дно и впереди рост. Возможно, так оно и есть. Очень *хотелось бы верить*. Но есть другая кривая, заметно отстающая по фазе: капитал социального доверия». (Цит. по статье: Дороже денег // Огонек. 2009. № 21, 5 окт. С. 9.)

Слова тематической группы лексики «запроса информации», «ответа на вопрос» и «выражение согласия – несогласия» позволяют вести проблемный диалог, основанный на тактических приемах «размышления вслух» в рамках письменного текста. Такие «диалоговые пассажи» призваны создавать общую доверительную и исповедальную тональность в традициях «хорошей публицистики». Часто используются в медийном диалоге «автор» – «адресат» коммуникативные приемы иронического снижения «публичной пафосности» или откровенного «провоцирования – заражения» читателя при указании на его право оценки излагаемых фактов. В этом случае в медийном тексте используются такие слова и обороты речи, которые традиционно относят к тематической группе коммуникативной лексики «насмешка», «подшучивание»: «*избавляю тебя, уважаемый читатель, от своих любительских рассуждений*»; «*умный меня без труда поймет*»; «*я не из тех журналистов, кто обязательно разделяет официальное мнение*», «*я думаю, что нашему читателю достаёт жизненного опыта*», «*чтобы оценить (понять, поддержать), нужно родиться и вырасти в нашей действительности*». Иронические высказывания: «*ведь всегда хотят как лучше*» или «*известный в России синдром "жареного петуха"*» – и подобные этим прецедентные высказывания обеспечивают алгоритм рассуждения в медийном диалоге автора и читателя, основанном на использовании иносказаний или экспрессивно-оценочных выражений, включенных в когнитивный опыт читателя. Необходимо отметить, что использование автором подобных приемов – дополнительное свидетельство, что он относится к адресату как к языковой личности с достаточным уровнем коммуникативной компетентности, в сознании которой осуществляется «замыкание» необходимой «рефлекторной дуги», обеспечивается нужная референция (восприятие, понимание), устанавливается необходимая для автора и адресата система ожидания, лежащая в основе коммуникативного диалога.

Безусловно, не может не привлечь внимание читателя языковая игра с заголовками, в которой активно используется и коммуникативная лексика «намек», и лексические единицы «откровенного

выражения мысли, идеи». Рассмотрим несколько таких заголовков.

Пример 1. «Это вам не шуточки!» – заголовок к статье о телепередаче первого канала «Прожектоперисхилтон», занимающей активные позиции в рейтингах телевизионного вещания. Авторы телепроекта, как они утверждают, защищают идеалы «актуального юмора», выбирая в качестве заголовка известное оценочное высказывание. Данная позиционная риторика автора поддержана и его рассуждениями в самом тексте, где он говорит об «актуальности юмора» и его востребованности адресатом – массовой аудиторией: «В юморе политическую актуальность ничем не прикроешь!» (Цит. по статье: Это Вам не шуточки // Огонек. 2009. № 21, 5 окт. С. 33.)

Пример 2. «Хоть труба не расти» – заголовок к статье об агрессивном-настороженном отношении европейцев к российским энергопроектам. Используя перефразис в заголовке, автор публикации, с одной стороны, опирается на когнитивный опыт читателя, говорит о бытовом негативизме русского человека в оценке природных ресурсов и его неумении «беречь природные ресурсы» («Объем потерь на перекачке газа в России примерно равен ежегодному потреблению газа Италией»). С другой стороны, он рассуждает о позитивной стороне проблемного вопроса: используя прием доказательства «от противного», утверждает, что, несмотря на бытующее мнение, российское высокотехнологичное оборудование конкурентоспособно. (Цит. по статье: Хоть труба не расти // Огонек. 2009. № 21, 5 окт. С. 14–16.)

Кроме того, к числу концептуальных метафорических находок можно отнести следующие заголовки: «Квадратура денег» (о проблеме ипотечных кредитов населения), «Пещерные люди» (о пензенских жителях, сделавших себя заложниками сомнительной веры и ушедших в пещеры для ожидания конца света); «Скончались от РАН» (о нереализованных возможностях научных начинаний российской научной мысли); «Земное притяжение» (о проблемах земельных кадастров и земельном праве граждан); «ФАС на рекламу» (о мерах по определению правовых полномочий российских рекламодателей); «Зарубки времени» (о воспоминаниях «доперестроечных» старшеклассников о школьной жизни); «Маленькие игрушки больших мальчиков» (о планерном спорте и его поддержке). В каждом из этих заголовков используются приемы аллюзии, обновленного интерпретирования *устойчивых*

выражений, что формирует хороший читательский вкус в вопросах языкового кодирования при чтении на пороге восприятия текста.

Особую значимость приобретает «лексика диалога» в специализированных рубриках медийных изданий, где имитируется «живое, непосредственное общение». Характерными лексическими средствами в этом случае выступают обороты речи, позволяющие установить контакт с читателем как участником виртуального диалога. Можно рассмотреть типичные приемы установления непосредственных коммуникативных отношений: *обращение к читательскому опыту и умению «читать между строк», провоцирование активных действий читателя – слушателя*. Например: «Вы, наверное, *догадываетесь...*»; «Вы *сможете здесь скривиться*: «Что это он, мол»...»; «А в чем обман?» – *спросите...*»; «Ну, и чем *возразите?*»; «Мне, как и Вам, "не все по барабану", *хочется найти* правдивые источники...»; «А уж *вывод напрашивается* сам собой...»

Известно, что многие массмедийные издания имеют свои сайты, где автор и адресная аудитория могут заново оказаться в пространстве диалоговых отношений. (Вспомним указание: «Ждем ваших

откликов на сайте».) Автор получает «реактивные свидетельства» заинтересованности читателя-адресата, представление о его подлинном видении проблемы или идеи. Адресат получает возможность быть услышанным, обретает «право совещательного голоса» в современном публичном диалоге, что укрепляет его позицию «соавтора», повышает его мотивацию как языковой личности современного социума.

Таким образом, медийный текст в контексте массовой коммуникации обладает яркими жанроопределяющими признаками, маркерами которых выступают лексические средства, обеспечивающие непрерывность коммуникативных отношений «автора» и «адресата», что и составляет суть эффективного общения независимо от формы его существования – реальной или виртуальной.

Список использованной литературы

1. Антонова Л. Г. Отношения «автор» – «адресат» в современном медиапространстве // Понимание в коммуникации: сб. статей: в 2 т. / сост. и автор предисл. Е. Г. Борисова. Т. 2. М.: МПГУ, 2009. С. 151–157.
2. Там же. С. 53.

УДК 808. 2-085 (082)

Задача статьи – выявление соответствия между тремя факторами: ценности, декларируемые рекламодателем; ценности, принятые потребителями; визуальный ряд рекламы как отражение системы ценностей. Системный эффект рекламы будет достигаться при идентичности указанных факторов друг другу.

Ключевые слова: реклама; семантическое пространство; ценности; визуальный ряд.

The article targets at finding correspondence between three factors: values, declared by advertiser, values accepted by consumers, the visuals of advertising as a reflection of values. Systemic effect of advertising will be achieved in case of the identity of these three factors.

Keywords: advertising; semantic space; value; visual imagery.

Т. Б. Колышкина

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: tbk65@mail.ru

Е. В. Маркова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: mark_ev@mail.ru

Отражение ценностных ориентаций потребителей в рекламной коммуникации*

Научная статья

Т. В. Kolyshkina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

E-mail: tbk65@mail.ru

E. V. Markova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: mark_ev@mail.ru

Reflection of Consumers' Value Orientations in Advertising Communication

Scientific article

Одна из особенностей рекламной коммуникации – ограниченность контакта. Рекламодатель предполагает, что покупатель за короткий промежуток времени сможет понять и оценить то, что пытается донести до него рекламное сообщение. Для этого кодирование информации должно осуществляться в категориях, понятных потребителю, совпадать с его жизненными ценностями, мотивами потребления. Такой подход предполагает изучение рекламного пространства товарной категории как некой семантической системы, сформированной различными типами знаков [1].

Задачи исследования:

1) составление типологии рекламного пространства товарной категории часы на основе семантических ценностей, закладываемых рекламодателем;

2) объективация содержания ценностно-семантического пространства товарной категории «часы» в оценке потребителей;

3) сопоставление семантики, закладываемой рекламодателем и воспринятой потребителем.

Материалом для исследования послужила печатная реклама часов, размещенная в популярных изданиях для мужчин («ОМ», «Men's Health»,

* Статья выполнена при поддержке Гранта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2012-1.1-12-000-3004-5336.

© Колышкина Т. Б., 2012

© Маркова Е. В., 2012

«Playboy», «Total Football») и женщин («Forbs», «Elle», «Vogue», «JQ», «Beauty», «Cosmopolitan», «Yes»), а также в специализированных журналах («Автопилот», «Драйв») в период с 2009 по 2010 г.

Для нахождения некоторых общих идей, по которым построены рекламные тексты анализируемой товарной категории, было решено создать их типологию. Подобная классификация позволяет выявить концептуальные семантические (смысловые) описатели или семантический тип. Была использована сплошная выборка: 32 рекламных текста, адресованных женской целевой аудитории, 35 рекламных текстов, адресованных мужской целевой аудитории. Для составления типологии применялся метод контент-анализа. Материал для исследования отбирался по следующим критериям: 1) в нем должен быть сделан акцент именно на объект рекламирования; 2) рекламная информация представляет визуально-вербальный тип (т. е. вербальная информация представлена минимально); 3) рекламная информация должна иметь определенный объем (не менее страницы издания) [2].

На первом этапе на основе экспертных оценок были выявлены базовые параметры (семантические типы), по которым может производиться оценка рекламных макетов. Установлено, что когнитивное пространство товарной категории составляют восемь групп (табл. 1). Производитель не ограничивается только одним предложением, а уточняет его (например, традиции, связь поколений) или выдвигает несколько (например, точности и надежность), поэтому у основных семантических типов были определены подтипы.

На следующем этапе для оценки был применен модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда. В качестве семантических шкал были отобраны 24 категории, установленные в результате разработки семантической типологии макетов: *успешность, эксцентричность, совершенство, правильность, надежность, образ жизни, индивидуальность, достижения, элегантность, мода, престиж, точность, необычность, инновации, пунктуальность, роскошь, классика, современность, оригинальность, стильность, благородство, изысканность, строгость, традиции*. Эти шкалы могут быть применены в практике экспертизы рекламы часов в качестве набора универсальных категорий семантического пространства и построения карты восприятия для принятия решений по позиционированию товара.

Оценка рекламы проводилась по семибалльной шкале. Респонденты, дифференцированные

по полу, оценивали стимульный материал, представленный по группам: рекламу, рассчитанную на мужскую целевую аудиторию, и рекламу, рассчитанную на женскую целевую аудиторию. Схема исследования была представлена в виде матрицы, включающей четыре серии:

Респонденты \ Реклама	мужчины	женщины
мужская	1	2
женская	3	4

Дальнейшее изложение материала соответствует порядковому номеру серии.

Далее с помощью бланка семантического дифференциала был проведен сбор эмпирического материала. В результате было получено 600 протоколов. Общий объем данных составил 14400 оценок, что является достаточным для статистически значимых выводов.

Для обработки результатов использовался метод кластерного анализа и построения дендрограмм, с помощью которого была установлена степень близости макетов в субъективном семантическом пространстве потребителей. Кластеризация проводилась отдельно для женской и мужской рекламы, графики профилей строились по каждому макету. При использовании семибалльной шкалы объединенными в один кластер можно считать объекты, расположенные относительно друг друга на расстоянии 3–4 условных единиц.

1. Рассмотрим распределение макетов в субъективном семантическом пространстве потребителей мужчин при оценке мужской рекламы часов. Десять представленных макетов образовали два кластера и три независимых объекта.

Первый кластер объединяет пять объектов (макеты № 8, 2, 7, 10, 1). Они характеризуются большим разнообразием ценностных ориентаций, представленных в замысле рекламодателя (*современность – точность, элегантность – респектабельная классика, традиции – инновации, престиж – успешность, элегантность – стильность*). Некоторые из ценностных ориентаций (например, *традиция – респектабельная классика, элегантность – стильность*) семантически соответствуют друг другу, иные – противоречат (например, *классика – современность, традиции – инновации*).

При детальном качественном анализе макетов, вошедших в первый кластер, очевидно, что их объединяет сходство творческого решения, например

**Семантическое пространство товарной категории «часы»
(по замыслу рекламодателя)**

п/п	Семантический тип	Подтип	Мужская реклама	Женская реклама
1	традиции	связь поколений	Patek Philippe (5), Tourneau	Patek Philippe (7)
		инновации	Hublot, Ulysse (7) Nardin, Maurice Lacroix,	
		консерватизм		Jacques Lemans
2	точность	правильность	Edox, ESQ	
		надежность	Raymond Weil (4)	
		инновации	Humilton, F.P. Journe	IWC
		пунктуальность	Breguet	
3	элегантность	стильность	Van Cleef& Ar-pels (1),	Fendi
		утонченность	Longines	Zenith (2)
		респектабельная классика	Baume& Mercier (2)	
		изысканность		Rochas, Piaget, Citizen (3)
		изящность		Ника
		необычность		Omega (9)
4	роскошь	изысканность	Chanel	Tiffany & Co, Orient, Chanel
		совершенство	Zenith (6)	
		стиль		Zenith (4)
		престиж		Rolex
5	оригинальность	необычность	Louis Pion	Grovana, de Grisogono (1), Louis Pion
		эксцентричность	Ebel	Zenith (8)
		эсклюзивность		Van Der Bauwede
6	индивидуальность	достижения	Urwerk	
		оригинальность	Timex, Breitling	Jacob & Co, Ri-chard Mille, Ebel
		элегантность		Breil (6), Чайка
7	престиж	совершенство	Girard-Perregaux, Gucci (9)	
		успешность	Rolex (10)	
8	современность	инновации	Prime (3)	
		точность	Lorenz (8)	Morgan (5)
		образ жизни		Tissot (10)

Примечание: цифрами в скобках обозначены номера макетов.

прием двойного иллюстрирования. Реклама отличается простой уравновешенной композицией, спокойным цветовым решением.

Первый кластер можно условно назвать «образ жизни делового человека». Макеты, представленные здесь, отражают разнообразие сфер реализации себя современным менеджером: ситуация деловых переговоров, организация бизнес-процессов, время

проведение, способы организации свободного времени. Данная реклама может быть успешной, потому что соответствует базовым ценностям современного делового человека, таким как гармонизация сфер жизни, конкуренция, достижения, социальный статус, профессиональная самореализация. При сравнении ценностей, заложенных в рекламное сообщение рекламодателем, и ценностей, счи-

тываемых потребителем, обнаруживается сходство только в макете № 10 (Rolex). В рекламе представлена ситуация пресс-конференции, интервью. Деловой характер встречи подчеркивает ряд предметов: стол, микрофоны, белая рубашка и галстук рекламного персонажа. Внимание сосредоточено на часах, которые должны подчеркнуть высокий статус их обладателя, его принадлежность к управленческой или бизнес-элите. Тогда как другие макеты с точки зрения семантики не реализуют замысел рекламодателя, но соответствуют ожиданиям потребителей.

Отсутствие эквивалентных ценностей в одном кластере позволяет сделать вывод, что восприятие рекламы потребителями определяется не концепцией рекламного замысла, а спецификой визуального ряда. Нельзя сказать, что рекламодатель допустил ошибку, предлагая потребителю изображение, не соответствующее первоначальному замыслу, так как ассоциации, возникающие у целевой аудитории благодаря визуальному ряду, максимально соответствуют ее ценностным ориентациям.

Второй кластер образуют два объекта. Макеты № 6 и 4 обнаруживают максимальное сходство. Качественное содержание данных макетов позволяет выделить их общую особенность – прозрачность замысла, прямое обращение к потребителю. Реализуемые в замысле рекламодателя ценностные ориентации (*роскошь – совершенство, точность – надежность*) могут вступать в ортогональные отношения. Максимально выбивается из ценностноориентационного ряда установка на роскошь. В традиционном представлении *роскошный* понимается как внешне великолепный, а *надежный* – как прочный, внушающий доверие, способный противостоять неблагоприятным обстоятельствам. Отметим противоречие, заложенное в рекламную концепцию. В массовом сознании все роскошное, т. е. имеющее дополнительные элементы украшения, декора, не может быть надежным, так как возможны ситуации, когда эти элементы будут утрачены, и не может быть совершенным, потому что совершенство – это выверенность и пропорциональность, тогда как роскошь – это избыточность.

2. Проведем анализ дендрогаммы макетов мужской рекламы часов по оценкам женщин.

Анализ дендрогаммы макетов мужской рекламы часов, по оценкам женщин, продемонстрировал достаточно высокое сходство с распределением в группе потребителей мужчин. Различия состоят в том, что из первого кластера «выпал» макет № 2, демонстрирующий образец поведения делового

человека в свободное от работы время. Вероятно, в сознании женской аудитории деловитость и профессионализм мужчины не связаны с тем, какой вариант организации свободного времени он выбирает. В единый кластер объединяются четыре объекта (макеты № 7, 10, 8, 1). Макеты и декларируемые рекламодателем ценности достаточно разнообразны: *традиции – инновации, престиж – успешность, современность – точность, элегантность – стильность*. Эти ценности не соответствуют друг другу и могут быть полярными (*традиции – современность*) или могут вступать в ортогональные отношения (*современность и элегантность, успешность и утонченность*).

Как уже было отмечено, ключевая задача данной статьи выявление соответствия между тремя факторами: ценностями, декларируемыми рекламодателем; ценностями, принятыми потребителями; визуальным рядом рекламы как отражением системы ценностей. Системный эффект рекламы будет достигаться при идентичности указанных факторов друг другу. Анализ объектов, входящих в данный кластер, демонстрирует противоречие: ценности, декларируемые рекламодателем, не соответствуют ни визуальному ряду, ни ценностям потребителей. В то же время установлено соответствие между визуальным рядом и ценностями потребителя. Таким образом, можно сделать вывод, что наблюдается расхождение (несовпадение, несоответствие) между рекламной коммуникацией и позиционированием фирмы в конкурентной среде.

Семантика изображения демонстрирует профессионализм и достижения, реализацию себя в мире бизнеса, активную жизненную позицию, способность управлять другими и изменять мир. Некоторое совпадение рекламного замысла и его воплощения демонстрирует макет № 8. Наибольшую выраженность указанного в предыдущем абзаце противоречия можно наблюдать в макете № 1. Визуальный ряд ассоциируется у потребителя с такими понятиями, как высокая работоспособность, профессионализм как конкурентное преимущество в мире бизнеса. Базовые ценности, которые реализует рекламный персонаж, – стремление к доминированию, предприимчивость, азарт и вызов как бизнес-стратегия. На примере данной рекламы видно, что предлагаемые рекламодателем *элегантность, утонченность* потребители рассматривают не как ценности, а как средства для их достижения.

В следующий кластер входят макеты № 6 и 4. Кластер аналогичен мужской выборке. Единс-

твенное отличие в том, что в сознании мужчин эти макеты более похожи, чем в представлении женщин.

Представленные макеты можно объединить идеей *мужского характера*. Потребители-женщины считают в рекламном послании такие ценности, как воля, сдержанность, контроль эмоций, рациональность, лаконичность, самоуважение, внутренняя референция. Макет № 4 в определенной степени соответствует рекламному замыслу, тогда как макет № 6 реализует совершенно иную семантику. Очевидно, что визуальный ряд этого макета далек от ценности *роскошь* и лишь частично реализует идею *совершенства*. Предлагаемый в этой рекламе мужской тип совпадает с представлением женщин о мужчине, воплощающем идею совершенства, что также подтверждается текстом: «*Мелочи создают совершенство, но совершенство – это не мелочь*».

В макете № 4 семантика *точности, надежности* реализуется через изображение объекта рекламирования. Часы имеют прямоугольную форму, двойной циферблат. Они естественно расположены на плоскости, в результате чего рекламное пространство делится на две примерно равные части. Их отражение, образующее восьмерку, может на подсознательном уровне ассоциироваться со знаком бесконечности.

3. Рассмотрим распределение макетов в субъективном семантическом пространстве потребителей мужчин при оценке женской рекламы.

На графике десять объектов объединены в три кластера. Первый кластер включает три макета № 9, 8, 6, обнаруживающие определенное сходство в ценностных ориентациях *эlegantность – необычность, индивидуальность – elegantность, оригинальность – эксцентричность*. Можно предположить, что объединение макетов произошло по принципу внешнего сходства визуального ряда. Несмотря на цветовое несовпадение, макет № 8 выполнен в холодной цветовой гамме, а макеты № 9 и 8 – в теплой. Здесь наблюдается определенное композиционное сходство. Аналогичны способ представления рекламного персонажа, акценты, сделанные на одних и тех же элементах изображения: длинные волосы, открытая шея, обнаженное плечо, поворот головы, чувственные губы.

Первый кластер можно условно назвать «сексуальность, соблазн». Макеты, объединенные в данной группе, представляют один из типов современной женщины. Семантика изображения передает красоту, богатство, чувственность. Базовые ценности, которые демонстрирует рекламный

персонаж, абсолютно соответствуют современным гендерным стереотипам. Если предположить, что данная реклама, несмотря на ориентированность на женщин, предлагает товар мужчине как лицу, принимающему решение о приобретении подарка для женщины, то рекламный эффект объясняется механизмом идентификации рекламного персонажа секс-дивы с любимой. Проективно можно сделать вывод о содержании мужского идеала женщины и о том, что реальные женщины стремятся соответствовать гетерогенному представлению о них [3].

В данном случае опять наблюдается несоответствие визуального ряда тем ценностям, которые декларирует рекламодаделец.

Во второй кластер вошли четыре макета – № 4 и 2. Несколько в стороне расположен макет № 5 (*современность – точность*) и № 7 (*традиции – связь поколений*).

Макеты № 4 и 2, как максимально близкие, характеризуются некоторым сходством ценностных ориентаций: *эlegantностью – утонченностью, роскошью – стилем*. Заметим, что в их семантике противоречия минимальны. Например, *эlegantность, стиль, утонченность* семантически соответствуют друг другу. *Роскошь* предполагает более широкое семантическое наполнение.

Макеты, объединенные во второй кластер, отличаются легкостью, воздушностью. Разработчики используют прием двойного иллюстрирования: бытовую сцену (среда изображения обнаруживает некоторую искусственность) и объект рекламирования крупным планом. Это условно делит композицию на две части. В рекламе используются светлые, пастельные цвета. Обнаруживает сходство рекламный персонаж – молодая женщина. В данной группе макетов отмечается сходство рекламного замысла и позиционирования компании на рынке.

Идея *современности-точности*, реализуемая в макете № 5, не принимается мужчинами. Вероятно, у дорогих часов точность не является показателем потребительской ценности, а воспринимается как что-то само собой разумеющееся. Возможно и другое объяснение: сами женщины не воспринимаются мужчинами как точные и обязательные (в ходе исследования не выявлено ни одной рекламы, изображающей женщину в деловой ситуации). Не принимается ими и идея традиции – связи поколений (макет № 7).

В третий кластер входят макеты № 10 и 3. Указанные макеты по замыслу рекламодадея должны демонстрировать такие ценности, как *современность – образ жизни, elegantность – изыскан-*

ность. Если бы визуальный ряд соответствовал этим ценностям, то очевидно, что кластеризация была бы невозможна в силу разной семантики ценностей. Следовательно, потребитель объединяет эту рекламу на основании имплицитной информации. Качественный анализ визуального ряда позволяет сделать вывод, что у потребителя формируются сходные ощущения при ознакомлении с этой рекламой: фантазийность, близость к миру природы, олицетворение женщины и с древними архетипами (рыбы и птицы). Мужчины считают в данных макетах такие приписываемые женщинам черты, как таинственность, загадочность, мистичность, владение особым знанием, обращенность в прошлое.

Отдельно стоит макет № 1, декларирующий идею *оригинальности – необычности*. Ценность *оригинальности* присутствует в женском мире, но, как видно из ответов респондентов-мужчин, для последних она является антиценностью, так как трансформируется в непредсказуемость, взбалмошность, непостоянство. Визуальный ряд представленного макета семантически сложен, требуются мыслительные усилия для его прочтения.

4. Проанализируем дендрограмму, отражающую оценку рекламы женских часов женщинами-потребителями.

При сопоставлении данной дендрограммы с тремя представленными выше можно отметить ее большую однородность. Она вызвана двумя причинами: во-первых, средства воздействия на потребителя женщину, используемые рекламодателем, более однородны; во-вторых, оценки, выставляемые женщинами-экспертами, отличаются меньшим разбросом, чем мужские. Существует феномен усреднения оценок женщинами, так называемый эффект снисходительности.

На дендрограмме представлен один большой кластер и два изолированных объекта. Внутри кластера возможно выделение подкластеров: а) макеты № 5, 9, 6, 5, 4; б) макеты № 8 и 1; в) макет № 7.

Чтобы понять идею, являющуюся общей для данной группы макетов, необходимо сравнить их с макетами-изолятами № 10 и 3. На выпадающих макетах не соблюдаются традиционные для товарной категории принципы и приемы изображения. Традицией в данном случае можно считать такое рекламное предложение, которое подчеркивает идею женственности, любви, чувственности. Для современной массовой коммуникации типично приписывание женщине более эмоционального

начала, чем мужчине, независимо от того, в какой социальной ситуации находится женщина.

Макеты первого подкластера объединены идеей романтической сексуальности. Женщины, представленные на них, провоцируют мужчину на проявление заботы, внимания, лидерства. Несмотря на различие женских типов, им присущи общие черты чувственности, утонченности, нежности, мягкости, некоторого эстетизма. Кроме того, при различии композиционных решений можно отметить определенную легкость, прозрачность изображения. Используются приглушенные пастельные цвета. Реклама декларирует ценности реализации женщины в роли возлюбленной, жены, соблазнительницы. Это один из самых древних женских архетипов, которому присуща определенная «кукольность». Такая женщина необходима мужчине для демонстрации своих достижений.

Макеты № 8 и 1 обнаруживают сходство в восприятии женщин, несмотря на очевидную разницу творческого решения. Их объединяет сходная цветовая гамма, большое количество черного и темно-коричневого цвета, тяжелые вычурные украшения и часы. В данной рекламе можно отметить темное, мрачное начало, связанное с архетипом женщины-колдуньи, ведуньи, женщины, обладающей магическими чарами, демонизмом, подчиняющей себе мужчину, проявляющей авторитарность, неуправляемость, стихийное начало.

Третий традиционный архетип (архетип матери) отражен в макете № 7. Можно предположить, что данный макет может определять поведение женщины-потребителя, которая выступает в роли лица, принимающего решения, а не использует мужчину посредником между товаром и владельцем. Мужская выборка не увидела в этом макете специфики, а включила его в группу *утонченность – стиль*. Для них представленные персонажи лишь женщины, возможно, подруги, не связанные детско-родительскими отношениями. Для женщины рекламный образ в этом сообщении реализует ценности женщины-матери, хранительницы домашнего очага, продолжательницы рода.

Таким образом, анализ восприятия рекламы часов, адресованной мужчинам и женщинам, показал, что количество семантических групп, которые распознает потребитель, значительно меньше, чем то, которое пытается заложить рекламодатель, позиционируя свой товар. Кроме того, потребитель не считает те ценности, которые предлагает реклама. Значимыми для потребителей-муж-

чин являются ценности статуса, реализации себя в определенном деле, профессии. Для женщин важна апелляция к роскоши, престижу, таинственности-мистике, материнству.

Очень часто приемы и средства, которые используют разработчики, не способны передать замысел рекламодателя. Наблюдается расхождение между позиционированием товара и реальной рекламной коммуникацией. Так, стремление к изыскам, поиск нестандартных решений (использование визуальной метафоры) приводит к неверному толкованию рекламного послания, а иногда и к его отвержению. Макеты, в которых используется визуальная метафора, считаются по-разному в силу размытой семантики изображения. Используемая в рекламе символика

считывается реципиентом исходя из системы индивидуального прошлого опыта, поэтому рекламодатель не получает ожидаемого эффекта. Проведенное исследование еще раз доказало необходимость пилотного тестирования рекламы на выборке представителей целевой аудитории как гаранта достижения рекламодателем поставленных целей.

Список использованной литературы

1. Ковриженко М. Креатив в рекламе. СПб., 2004.
2. Малхотра Д., Нэреш К. Маркетинговые исследования. М.: Вильямс, 2007.
3. Юнг К. Психология бессознательного. М., 1998.

УДК 808. 2-085 (082)

В статье впервые по результатам панельного исследования респондентов вводится понятие мотивационно-рефлексивной эффективности рекламы. В качестве материала для исследования намеренно выбраны тексты социальной рекламы, поскольку в этом случае экономические показатели нерелевантны, а желаемый эффект может измеряться только коммуникативно-психологическими критериями.

Ключевые слова: социальная реклама; коммуникативная эффективность; коммерческая эффективность; мотивационно-рефлексивная эффективность; шокирующая реклама; фактор адресата.

The article introduces the notion «motivational and reflective effectiveness of social advertising» as a result of panel research of respondents. The research is based on the material of non-commercial advertisements which was done deliberately as financial factors are irrelevant in this case and a desired effect can be estimated only by communicative and psychological criteria.

Key words: social (non-commercial advertising); communicative effectiveness; commercial effectiveness; motivational and reflective effectiveness; shocking adverts; addressee factor.

Л. В. Ухова

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: larissauchowa@mail.ru

Коммуникативная и мотивационно-рефлексивная эффективность социальной рекламы*

Научная статья

L. V. Ukhova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

E-mail: larissauchowa@mail.ru

Communicative, Motivational and Reflective Effectiveness of Social (non-commercial) Advertising

Scientific article

Социальная реклама занимает в рекламной коммуникации особое место, поскольку направлена на изменение моделей общественного поведения и привлечение внимания к проблемам социума. Социальная реклама – это реклама не конкретного товара, а некоторого «отношения к миру». Оно может проявиться (или не проявиться) только в долгосрочной перспективе, причем результат ее заранее неизвестен. Основным источником появления социальной рекламы является общественная жизнь, которая изобилует конфликтными ситуациями и противостоянием на уровне социальных групп и поэтому остро нуждается в созидательных стимулах. Основная цель социальной рекламы – лаконично и выразительно представить идею или социально важную проблему, а также провоцировать адресата на позитивные поступки. Необходи-

димо отметить, что подобная реклама должна не только привлекать внимание к проблеме, но и призывать к ее решению, поэтому социальная реклама считается эффективной, если заключенная в ней информация не только трансформируется в личные знания, но и превращается во внутреннюю убежденность, становится стимулом к действию.

Социальная реклама имеет свои традиционные темы – это борьба с ВИЧ/СПИДом, наркоманией, алкоголизмом (в том числе и подростковым), курением; защита дикой природы, проблема экологии города и страны, тема брошенных детей, чрезвычайных ситуаций на дорогах, пожилых людей и др. Тематика социальной рекламы достаточно часто вызывает противоречивое отношение, именно поэтому всякий раз возникает необходимость в полномасштабных рекламных кампаниях. Что же

* Статья выполнена при поддержке Гранта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2012-1.1-12-000-3004-5336.

касается эффективности воздействия социальной рекламы, то здесь требуется усиление аффективного компонента рекламного воздействия, поскольку дискурс социальной рекламы не предполагает предварительной заинтересованности целевой аудитории, а следовательно, и рациональной (рассудочной) оценки рекламного текста. Необходимое отношение к социальной рекламе формируют остроумные параллели, тонкий юмор, риторические фигуры, шок и другие приемы.

Цель данного исследования – выявить особенности восприятия и оценки социальной рекламы. Применительно к коммерческой рекламе принято говорить о коммерческой и коммуникативной эффективности. Однако в случае социальной рекламы экономические показатели нерелевантны, поэтому желаемый эффект может измеряться только коммуникативно-психологическими критериями. Показателями эффективности коммуникативного воздействия рекламы можно считать изменение отношения к явлению действительности, запоминание рекламы, изменение поведенческих реакций [1]. Важным условием коммуникативной эффективности социальной рекламы является и учет фактора адресата, которого в данном случае можно дифференцировать на основе лояльности к социальной рекламе.

Процедура исследования эффективности рекламного воздействия проходила в несколько этапов.

На *первом этапе* выяснялась лояльность потребителей к социальной рекламе путем ответов на вопросы: «Замечаете ли Вы социальную рекламу?» и «Видите ли необходимость в пропаганде социальных ценностей?».

На *втором этапе* определялись приоритетные для данной целевой группы темы социальной рекламы. Таковых оказалось несколько: «Борьба со СПИДом», «Борьба с алкоголизмом», «Борьба с наркоманией» и «Борьба с курением». В качестве стимульного материала были отобраны тексты социальной рекламы по двум темам – «Борьба с курением» и «Борьба с наркоманией», поскольку целевая аудитория признала их самыми актуальными.

На *последнем этапе* целевая аудитория дифференцировалась по гендерному принципу и по принципу «курящий – некурящий».

В качестве зависимых переменных фиксировались:

- субъективная оценка эффективности данной рекламы;
- эмоции, продуцируемые рекламой;
- обоснование выбора эффективной рекламы.

Зависимые переменные фиксировались методом анкетного опроса с чередованием закрытых и открытых вопросов. При анализе был использован интегрированный метод – особое соединение традиционных методов анализа текста с экспериментальными методами выявления эффективности воздействия текста на реципиента [2].

В исследовании приняли участие 50 человек – студенты 3 и 4-го курсов, не имеющие отношения к рекламе; возрастная группа – 19–20 лет. Выбор в качестве целевой группы молодежной аудитории не случаен. Во-первых, молодежная аудитория наиболее трудная в силу ее интеллектуальных и физиологических изменений, поэтому при апелляции к адресату такого рода следует опираться прежде всего на эмоциональное воздействие, что и позволяет сделать социальная реклама. А во-вторых, это аудитория, обладающая, по нашему мнению, определенным багажом знаний, позволяющим, с одной стороны, правильно квалифицировать средство выразительности, а с другой – грамотно расшифровывать закодированный в нем смысл.

Сначала в качестве стимульного материала были предложены 8 плакатов социальной рекламы по теме «Борьба с курением», а затем 4 плаката по теме «Борьба с наркоманией». Студенты должны были выбрать 2 наиболее понравившихся с точки зрения эмоционального воздействия, аргументировать свой выбор и выявить эмоции, продуцируемые этой рекламой.

Заметим, что для получения объективных результатов в качестве стимульного материала намеренно были отобраны рекламные тексты двух видов:

- тексты, содержащие риторические фигуры;
- тексты, в которых содержится прямой призыв к отказу от пагубных привычек (Ср.: «*Поставь точку!*») или показаны очевидные последствия этих привычек.

Традиционно риторические фигуры рассматриваются как стилистические обороты, цель которых состоит в усилении выразительности речи, а следовательно, привлечении внимания потребителей. Однако в нашем исследовании, где рекламный текст рассматривается как коммуникативная единица, предназначенная для неличного оплаченного информирования о товаре, услуге, физическом или юридическом лице, идее, начинаниях, социальной ценности с целью их продвижения и отличающаяся полисемиотической (поликодовой) природой, то есть равной значимостью вербально и невербально выраженного смысла [3], это поня-

тие используется не только по отношению к речи, но и по отношению к визуальному компоненту текста. Под такой *вербально-визуальной риторической фигурой* мы понимаем «комбинацию из двух типов знаков, коммуникативная эффективность которых базируется на отношении сопряженности семантических свойств. Знаки не просто складываются, они больше чем сумма и действуют в разносторонних отношениях» [4].

Плакат № 1

Итак, результаты исследования показали, что «лидером» в женской аудитории (курящей и некурящей) стал плакат № 1, на котором изображенная сигара напоминает фекалии. Его отметили 57,9% и 53,8% соответственно. Очевидно, это связано с тем, что представленная реализованная метафора воспринимается скорее на физиологическом, чем на эмоциональном, уровне. Это подтверждает и выбор аудиторией эмоций, продуцируемых рекламой, – отвращение и презрение.

Плакат № 2

При выборе второго плаката мнения курящей и некурящей аудитории разделились. Некурящая аудитория выбрала плакат № 2 (38,5%), а курящая – плакат № 3 (52,6%).

И в первом и во втором случае изображены очевидные последствия пагубного явления, но визуальный ряд второго плаката обладает высокой степенью условности за счет использования средства выразительности, которое можно квалифицировать как оксюморон, поскольку в представлении одного явления сталкиваются два противоположных смысла. Кроме того, следует отметить, что последствия курения связаны у некурящей аудитории пока еще с болезнью, а не со смертью, чего не скажешь о курящей аудитории.

Плакат № 3

Третий плакат олицетворяет смерть, причем не только самого курильщика, но и его потомства. Большинство курящей аудитории отмечают прямое изображение очевидных последствий процесса курения как эффективный способ эмоционального воздействия, называя такие эмоции, продуцируемые рекламой, как страх, шок, ужас. И хотя в плакате № 3 использована метонимия, она воспринимается целевой аудиторией не как троп, а как фактографическое изображение явления действительности.

Таким образом, для некурящей аудитории эффективным оказалось использование образного средства выразительности, в то время как предпочтения курящей аудитории напрямую связаны с шокирующим изображением очевидных последствий пагубного явления.

Что касается мужской аудитории (все курящие), то здесь «лидерами» оказались плакат № 3 (66,6%) и плакат № 4 (66,6 %).

В плакате № 4 («легкие курильщика») тоже использована метонимия, но и в данном случае она не воспринимается целевой аудиторией как образное средство в силу отсутствия большого потенциала смыслообразующих компонентов, характерного для этого тропа (не все респонденты поняли, что легкие состоят из сигарет). Следовательно, и в дан-

ном случае эффективным способом эмоционального воздействия целевая аудитория сочла прямой показ очевидных последствий пагубного явления. Кроме того, следует подчеркнуть, что для мужской аудитории в большей степени характерна логическая абстракция, нежели чувственная, поэтому метафоричность визуального ряда плаката № 2 и не была по достоинству оценена этой аудиторией.

Принципиальным для нас оказался и тот факт, что курящая и женская и мужская аудитория не отметила плакаты, в которых содержится прямой призыв к действию или используется художественная метафора. Следовательно, для респондентов, для которых курение – не абстрактный процесс, более эффективной является шокирующая, а не образная реклама.

Что касается темы «Борьба с наркоманией», то здесь результаты оказались любопытными. «Лидерами» и в женской, и в мужской аудитории стали плакаты № 10 (84% и 83,3% соответственно) и № 12 (47,7% и 66,6% соответственно).

В плакате № 10 использована реализованная метафора: состояние наркомана, определяемое жаргонным словом «ломка», представлено в виде сломанного человеческого организма. И хотя на плакате изображены кукольные части тела, практически все респонденты отмечали, что натуралистический показ частей человеческого тела вызвал у них шок и ужас. Метафоричность изображения не отметил ни один из респондентов.

Плакат № 12 у большинства респондентов вызвал такие эмоции, как отвращение, страх и презрение. Образ очень пожилой женщины, запускающей себе в вену иглу, никого не оставил равнодушным. Практически все респонденты отметили слишком натуралистическое изображение тяжелой зависимости.

Плакат № 9 представляет собой метафору: зависимость убивает человека, и он сгорает, как свеча. Однако ни в женской, ни в мужской аудитории этот плакат не был отмечен как плакат, вызывающий сильные эмоции. Для многих его авторский замысел вообще остался непонятным.

Что касается плаката № 11, то по способу представления явления действительности он идентичен плакату № 12 (очень пожилой мужчина употребляет кокаин). Однако ни женская, ни мужская аудитория не сочла этот способ подачи информации как эффективный. Очевидно, это связано с тем, что для российской молодежи употребление наркотиков ассоциируется с образом шприца. Употребление кокаина и амфетаминовых аналогов не восприни-

мается российской аудиторией как тяжелая зависимость, имеющая необратимые последствия для физиологического и психологического здоровья.

Таким образом, для социальной рекламы, пропагандирующей отказ от пагубных привычек, более эффективным является прямой показ очевидных последствий разного рода зависимости. Такие эмоции, как шок, страх и ужас, которые вызывает подобного рода реклама, провоцируют размышления о реальной угрозе здоровью и негативных последствиях самых распространенных в России видов зависимости.

Для получения более объективных результатов были разработаны отсроченные анкеты (срок – 2 недели, 1 месяц, 3 месяца). Цель этого этапа исследования состояла в том, чтобы, во-первых, определить, какова коммуникативная эффективность рекламных текстов социальной направленности, показателями которой является запоминание текста и изменение поведенческих реакций; во-вторых, выяснить, за счет каких возможностей (образительных, стилистических, структурно-композиционных) рекламного текста остается в памяти авторская идея; а в-третьих, понять, какие психологические механизмы восприятия рекламы задействованы в обработке информации, заключительным этапом которой является ее сохранение.

Процедура анкетирования проходила в 2 этапа. Сначала респондентам предлагалось вспомнить выбранные ими плакаты, описать их и сказать, почему, по их мнению, эти плакаты запомнились. На втором этапе респонденты пытались вспомнить плакаты, которые они не выбрали (не более 2), и пробовали объяснить, почему эти плакаты остались в памяти.

Результаты анкетирования (двухнедельный перерыв) показали следующее.

1. Далеко не все в женской некурящей аудитории (60%) вспомнили плакаты, выбранные ими 2 недели назад, в то время как женская курящая и мужская аудитории хорошо запомнили сделанный ими выбор (85% и 100% соответственно). Кроме того, что касается плаката № 5, то больше половины женской некурящей аудитории решили, что именно этот плакат был ими выбран при первичном тестировании как оказывающий сильное эмоциональное воздействие в силу шокирующего образа изуродованной пеплом руки (правда, никто из опрошенных не связал эту реализованную метафору с последствиями курения);

2. Лидерами среди запомнившихся стали 4 плаката – № 1, 2, 3 и 5, но женская некурящая аудито-

рия, аргументируя свой выбор, отмечала креативность в представлении проблемы и метафоричность созданных образов, в то время как женская курящая и мужская аудитории отмечали слишком натуралистическое изображение пагубного явления. Кроме того, только некурящие женщины вспомнили плакат № 2, отмечая, что лысая женщина выглядит очень неэстетично и они постоянно возвращались в памяти к ее образу (и в этом случае никто из опрошенных не связал внешний облик девушки с тяжелым недугом). Следовательно, человек, следящий за своим здоровьем, прежде всего обращает внимание на изъяны своей внешности, в то время как человек, осознающий курение как проблему, прежде всего думает о его последствиях;

3. Что касается плакатов на тему «Борьба с наркоманией», то их отметили только в женской некурящей аудитории (плакаты № 11 и 12). Для нас стал показательным тот факт, что выбор был сделан в пользу шокирующей рекламы, поскольку в этом случае аудитория отмечала как эффективный способ воздействия натуралистическое изображение пагубного явления, вызывающее страх и ужас, что и позволило, по их мнению, запомнить образы пожилых людей, чья жизнь полностью подчинена этой тяжелой зависимости, избавиться от которой невозможно;

4. Абсолютными лидерами при первичном и отсроченном двухнедельном тестировании во всех аудиториях оказались плакаты № 1 и 3, что тоже свидетельствует в пользу использования приемов шокирующей рекламы.

Таким образом, как показало наше исследование, коммуникативной эффективностью обладают тексты, содержащие аффективный компонент рекламного воздействия, который достигается, прежде всего, за счет приемов шокирующей рекламы. Об этом свидетельствуют и ответы респондентов: 2 человека из курящей женской аудитории написали, что отказались от курения, 1 человек сократил количество выкуренных в день сигарет и 3 человека начали считать количество выкуренных в день сигарет. Риторические же фигуры, обладая мощным потенциалом смыслообразующих компонентов, значение которых по-разному «считывается» разными адресатами, являются малоэффективным способом воздействия на целевую аудиторию, поскольку позволяют лишь привлечь внимание потребителей. Однако если говорить о долгосрочной памяти или изменении поведен-

ческих реакций, то такого рода механизмы воздействия в текстах социальной рекламы становятся нерелевантными.

Кроме того, исследование показало, что тексты социальной рекламы обладают не только коммуникативной эффективностью. Так, ответы респондентов (как в курящей, так и в некурящей мужской и женской аудитории) типа «Думаю, что надо бросить курить», «Задумался над тем, что курение действительно наносит непоправимый вред своему здоровью и здоровью окружающих» и «Думаю, как хорошо, что я не курю» (24% опрошенных) позволяют сделать вывод о том, что эти тексты, кроме коммуникативной, обладают и эффективностью особого рода. Поскольку основу этой эффективности составляют рефлексивные процессы, спровоцированные мощным мотивационным стимулом, считаем, что и эффективность такого рода следует назвать **мотивационно-рефлексивной**. Ее показателем является способность человека к серьезным и глубоким размышлениям над важными для него и общества проблемами.

Отсроченное анкетирование (срок – 1 месяц, 3 месяца) тоже позволило прийти к важному выводу. Так, абсолютное большинство респондентов (100% опрошенных) вспомнили плакат № 4 («легкие курильщика»), который на первых этапах исследования был отмечен лишь однажды в мужской аудитории. Высокая степень стереотипичности этого рекламного текста (Ср.: *стереотип – это упрощенный, схематизированный образ социальных объектов или событий, обладающий значительной устойчивостью, обычно эмоционально окрашен (негативно / позитивно)* [5]), связана не только с таким качеством человеческой психики, как стереотипность восприятия и мышления, которое, как правило, задействуют ассоциативные связи, но и с этапами процесса обработки информации, то есть стереотипичность данного рекламного текста следует связать с высокой степенью встречаемости (или доступности) этого образа для индивидуумов. Следовательно, коммуникативная эффективность социальной рекламы, дискурс которой не предполагает предварительной заинтересованности целевой аудитории, а следовательно, и рациональной (рассудочной) оценки рекламного текста, напрямую зависит от интенсивности коммуникативного контакта с целевой аудиторией.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать ряд важных выводов:

- при создании эффективной социальной рекламы следует прежде всего учитывать ее тематику и фактор адресата;

- для эффективности воздействия социальной рекламы требуется усиление аффективного компонента рекламного воздействия. Причем в том случае, если темой социальной рекламы являются такие актуальные темы, как борьба с курением и наркоманией, этот аффект должен достигаться за счет приемов шокирующей рекламы;

- тексты социальной рекламы обладают не только коммуникативной, но и мотивационно-рефлексивной эффективностью, показателем которой является способность человека к серьезным и глубоким размышлениям над важными для него и общества проблемами;

- эффективность социальной рекламы, дискурс которой не предполагает предварительной заинтересованности целевой аудитории, напрямую зави-

сит от интенсивности коммуникативного контакта с целевой аудиторией.

Список использованной литературы

1. Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000. 324 с.; Феофанов О. Л. Реклама: Новые технологии. СПб., 2000. 241 с.

2. Ухова Л. В., Тихонова О. А. Интерпретационный анализ текстов печатной рекламы: монография. Ярославль, 2008. 139 с.

3. Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста: учеб. пособие. СПб., 2003. 289 с.

4. Bonsiepe G. Visuel-verbale Rhetorik: Vortrag vom 25.03.1965 // Zeitschrift der Hochschule für Gestaltung. 1965. № 14. S. 27.

5. Современная западная социология: словарь. М., 1990. 540 с.

УДК 42/48

В предлагаемой статье осуществляется систематизация лингвистических подходов к использованию термина «понятие» при рассмотрении лексических единиц языка с позиции соотношения данного термина с лексическим значением слова, знаковой природой языка, с концептом. Предлагается сопоставительный подход к раскрытию лексической репрезентации понятия в языке.

Ключевые слова: лексическая репрезентация понятия; лингвистические подходы.

In the given article is realized the systematization of linguistic approaches to the using the term «conception» during the studying lexical units from the position of this term correlation with the lexical meaning of the word, with symbol nature of language, with the concept. The authors offer a comparison approach to the exposition a lexical representation of the conception in the language.

Key words: lexical representation of the conception; linguistic approaches.

Л. Г. Попова, Р. С. Осипов

Московский гуманитарный педагогический институт
E-mail: larageorg@inbox.ru; E-mail: grimnir11@rambler.ru

О рассмотрении лексической репрезентации понятия в лингвистике

Научная статья

L. G. Popova, R. S. Osipov

Moscow Humanitarian Pedagogical Institute
E-mail: larageorg@inbox.ru; E-mail: grimnir11@rambler.ru

On the Studies of the Representation of Conception in Linguistics

Scientific article

В настоящее время в языкознании можно отметить такую тенденцию, как возвращение к определению статуса понятия в связи с исследованием лексической репрезентации универсалий, концептов на материале одного или нескольких языков. Среди таких подходов к решению названной проблемы можно назвать соотношение понятия и имени.

В. Телия сравнивает такие лингвистические термины, как «понятие» и «имя» («слово»). Она подчёркивает, что «понятие» не синонимично «имени». «Понятие» и «имя» («слово») принадлежат как бы двум разным «мирам». Имя по сравнению с понятием, являясь знаком, обладает двумя значениями: смыслом, или сигнификатом, и референтом, или денотатом. Понятие, в свою очередь, по замечанию лингвиста, – это мысль, форма мышления. Понятие и имя сводятся ею, наряду с реалией, к трём членам определённой оппозиции, которая получает статус универсально-логических отношений, номинации в языковом воплощении и обогащается признаками, характерными для языковой картины мира конкретного языка [1]. В семантическом треугольнике Огдена-Ричардса «имя», «слово» и «понятие»

© Попова Л. Г., 2012

© Осипов Р. С., 2012

выступают как отдельные элементы, которые обладают собственной характеристикой.

Вторым направлением можно считать исследование понятия в семантическом аспекте, нашедшее своё отражение в теории лексического значения слова. О. Н. Лагута анализирует данный подход и считает, что в языкознании имеют место две противоположные точки зрения на связь понятия и лексического значения: отрицание этой связи и, наоборот, утверждение существования подобной связи, позволяющей отождествлять понятие и лексическое значение слова. Не отрицая сам факт присутствия такой связи, языковед подчеркивает, что соотношение между лексическим значением слова и понятием может быть различным. Лексическое значение «может быть шире понятия и включать в себя оценочный и ряд других компонентов, а может быть и уже понятия в том смысле, что отражает лишь некоторые черты объектов, а понятия охватывают их более глубокие и существенные признаки». Понятия связаны с научными представлениями об окружающей действительности, а лексическое значение может соотноситься с бытовыми представлениями

о ней. Оба этих термина, как отмечает О. Н. Лагута, могут противопоставляться концептам – единицам ментальных или психических ресурсов нашего сознания и «той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, содержательные единицы памяти, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [2].

Третье направление – это возможность исследования понятия в рамках теории языковых знаков. Ж. Вардзелашвили напоминает, что языковой знак, согласно Ф. де Соссюру, включает в себя понятие и акустический образ, которые тесно связаны друг с другом и притягивают друг друга. Термин «понятие» заменяется термином «означаемое», а акустический образ – термином «означающее». Понятию и акустическому образу присваивается статус психической сущности, так как «языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ» [3].

Разрабатывая проблему соотношения знака и значения, лингвистика наших дней выдвигает две теории языкового знака: унилатеральную (одностороннюю) и билатеральную (двустороннюю). Согласно унилатеральной теории, знаком признается только акустический образ. Значение понимается как мысленный образ, включающий понятие. Оно является означаемым знака, хотя в его состав и не входит. Сторонники билатеральной теории знака отстаивают понимание материально-идеальной сущности языкового знака, не затрагивая проблемы соотношения значения и понятия [4].

Кроме обозначенных подходов (направлений) к изучению понятий, в современном языковедении имеет место исследование различий между понятием и концептом. В современной лингвистике природе концепта уделяется особое внимание, хотя остаётся не решённым окончательно вопрос, что есть концепт.

Концепт в качестве термина воспринимался как эквивалент термину «понятие». В своей диссертации Н. Э. Агаркова отмечает, что в последние годы наблюдается существенное «размежевание этих терминов» [5]. За термином «концепт» закрепляется особое содержание, которое требует до сих пор углублённого разъяснения. Хотелось бы отметить тот факт, что именно в переводах с английского языка на русский язык работ представителей западной когнитивной лингвистики и формировалось понимание концепта. Так, в сделанном Г. А. Щуром переводе книги У. Л. Чейфа английское слово «concept» переводится как «понятие» [6]. В переводных текстах толкованию концепта приписываются разные характеристики.

В специальном терминологическом тезаурусе С. Е. Никитиной даётся подробное описание и разъяснение термина «семантический» со ссылкой на термин «понятие» [7]. Среди различных точек зрения на понимание концепта следует упомянуть мнение ряда лингвистов, которые рассматривают концепт как понятие практической (обыденной) философии. И в этом случае термины «понятие» и «концепт» сводятся воедино в рамках философии. Н. Д. Арутюнова трактует концепты как понятия практической (обыденной) философии, возникающие «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей». Термин «концепт» наделяется определённым статусом: «Логике и лингвисту трудно договориться об употреблении таких терминов, как «значение», «смысл», «обозначение», логика под термином «значение» понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвистика же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражений (концепт, сигнификат)» [8].

Рассуждая об этимологии слов «концепт» и «понятие» в русском языке, Ю. С. Степанов пишет в своём «Словаре русской культуры»: «Концепт – явление одного порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы: концепт является калькой латинского *conceptus* «понятие» от глагола *concipere* «зачинать», т. е. значит буквально «поятие, зачатие»; понятие от глагола *ponitiu* в древнерусском языке, имеющем значение «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены». В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, но так они употребляются лишь изредка. В настоящее время они довольно четко разграничены.

Ю. С. Степанов пишет: «Концепт и понятие – термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии». Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека [9]. В этом случае понятия образуют основу концепта. Такая трактовка предусматривает связь концепта и понятий и выделяет концепт как более объёмное образование.

В научном общении весьма часто термин «концепт» используется и как синоним термина «понятие», и как самостоятельный термин, имеющий собственное значение. В. Н. Телия пишет о смене термина «понятие» как набора существенных признаков на термин «концепт», выделяя при этом терминологическую замену: концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности [10].

Согласно А. Вежбицкой, концепт рассматривается в двух разновидностях: как концепт-минимум и как концепт-максимум. Концепт-минимум, по ее мнению, является неполным владением смыслом слова, присущим рядовому носителю языка, для которого соответствующая реалья, обозначаемая этим концептом, известна, но находится на периферии его жизненной практики. Концепт-максимум, по А. Вежбицкой, – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. Отсюда можно считать, что термин «концепт» в лингвистике рассматривается двояко: в узком понимании он приравнивается к понятийному компоненту значения слова, называемому денотатом, десигнатом, сигнификатом, лексическим понятием, референтом; в широком – термин «концепт» используется в связи с когнитивным подходом в лингвистике [11]. Следовательно, концепт в узком понимании этого слова близок по своей трактовке лексическому понятию.

Давая определение концепту, Н. К. Рябцева указывает на связь концепта и понятия, отмечая, что «концепт – сложное, многоаспектное понятие» [12]. Н. Э. Агаркова, характеризуя существующие дефиниции концепта, обращает внимание на то, что изучение концепта в наши дни тесно связано с лингвокультурным подходом, отражающим лингвокультурные традиции. Они открываются именно в формах выражения мысли. И основной инструмент их исследования – диахронический, в частности этимологический анализ. В языке запечатлеваются понятийные категории, изучение которых всегда требует обращения к истории языка, в котором и раскрываются единые законы мысли через разнообразие слов [13].

В. И. Карасик в своей работе о культурной доминанте в языке, рассуждая о проблеме языковой репрезентации ценностей, говорит о семантической плотности той или иной тематической группы слов, детализации наименований с последующим выде-

лением смысловых оттенков как о сигналах лингвистической ценности внеязыкового объекта. Этим объектом, по мнению исследователя, наряду с предметом и процессом, может быть и понятие [14].

Соотношение понятия и концепта позволило ряду известных языковедов, занимающихся изучением структуры концепта, выделить в нём понятийный компонент. С. Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую, под которой понимает признаковую и дефиниционную структуру, наряду с образной и значимостной составляющими частями [15]. В. И. Карасик различает в структуре концепта также понятийный компонент, под которым подразумевается его информационно-фактуальная часть. Наряду с этим компонентом, языковед называет образно-перцептивный компонент и ценностную составляющую часть концепта [16]. Г. Г. Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны, распределив их на основные (интразону, экстразону) и дополнительные (квазизону и квазиэкстразону). Понятийную часть концепта исследователь называет интразоной. Сюда он включает признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата [17].

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство исследователей вычленяет в составе концепта, наряду с другими составляющими, определенное информационно-понятийное ядро, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах. В лингвистике можно наблюдать и такой подход к использованию термина «понятие», когда рассматривается в диахроническом аспекте избранная языковедом понятийная часть концепта.

Е. Ю. Пономарева в кандидатской диссертации, посвященной исследованию концепта «бедность» в диахроническом пространстве английской и русской лингвокультур национального периода, определяет хронологию исследования семантической структуры и репрезентации данного концепта в сравниваемых языках. Она конкретизирует, наряду с семантической, понятийную составляющую концепта в каждой из исследуемых лингвокультур с учетом намеченной периодизации. Лингвист выявляет основные семантические составляющие концепта, закрепленные в обыденном сознании английского и русского языков на основе анализа лексических, паремиологических, фразеологических средств воплощения рассматриваемого концепта в разностилевых типах дискурса [18].

Термин «понятие» активно используется С. Тер-Минасовой при разработке вопросов формиро-

вания понятийной картины мира. Исследователь отмечает, что язык, как зеркало окружающего мира, отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения. Слова отражают видение, представление, понятие о предметах, явлениях окружающего мира. Понятие составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих его, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению у каждого народа специфичен. Данное обстоятельство обусловлено особенностями истории, географии, образом жизни этих народов и развитием их общественного сознания, то есть культурой народа. Лингвист представляет окружающий человека мир в трех формах: реальная картина мира; культурная (или понятийная) картина мира; языковая картина мира.

Не останавливаясь подробно на характеристиках названных разновидностей картины мира, обратимся к пониманию культурной (понятийной) картины мира. Под ней С. Тер-Минасова понимает отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное. В своих исследованиях языковед изучает вопрос о соотношении культурной (понятийной, концептуальной) и языковой картин мира, который сводится к установлению различий в преломлении действительности в языке и в культуре [19].

В книге «Человеческий фактор в языке» понятийная картина мира получает статус концептуальной картины мира, которая соотносится с языковой картиной мира как целое с частью. Языковая картина мира – это часть культурной (концептуальной, понятийной) картины, хотя и самая существенная. Но языковая картина беднее понятийной, так как в создании последней участвуют как языковые, так и другие виды мыслительной деятельности [20].

Продолжая рассуждение о соотношении понятийной (культурной) и языковой картин мира, С. Тер-Минасова говорит, что язык – это часть культуры, поэтому соотношение упомянутых выше разновидностей картин мира целесообразнее рассматривать как процесс взаимопроникновения, взаимосвязи и взаимодействия. Культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в

состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира [21].

Таким образом, современное языковедение характеризуется активным использованием термина «понятие» как в рамках исследований когнитивного направления, так и в рамках лингвокультурологии. В лингвистике в составе концепта, наряду с другими составляющими, определяется информационно-понятийное ядро. Термин «понятие» употребляется в языкознании и при исследовании понятийной картины мира в рамках лингвокультурологического подхода.

В данной статье предлагается такой подход к изучению лексической репрезентации понятия в языке, как исследование в сопоставительном аспекте лексической представленности понятия, например «мужество» на материале родственных английского и немецкого языков. Проанализировав данные толковых словарей английского и немецкого языков, был составлен список лексем, способных отобразить это понятие. Среди них выделены ядерные лексемы – «*der Mut/courage*», которые совместно со своими синонимами помогли выявить своей семантикой соотношение с такими представлениями в обоих языках о мужестве, как храбрость, преодоление страха, готовность к риску, героизм, решительность и мужественность. В немецком языке дополнительными оттенками представлений о мужестве могут быть резкость, решительность, сочетающаяся с бесстрашием, желание открыто высказывать свое мнение без оглядки на последствия и имеющиеся предписания. Такой подход к исследованию лексической представленности понятия в языке позволяет установить специфику ее национальной репрезентации.

Список использованной литературы

1. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 19–30; Ее же. Первоначальные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1993. 157 с.
2. Лагута О. Н. Логика и лингвистика. Новосибирск, 2000. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm> (дата обращения: 20.09.2011).

3. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=325 (дата обращения: 05.10.2011).
4. Мельничук А. С. и др. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей; Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. URL: <http://www.twirpx.com/file/382230> (дата обращения: 25.09.2011); Мельничук А. С. Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Агаркова Н. Э. Концепт «деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. С. 3.
6. Чейф У. Л. Значение и структура языка / пер. с англ. Г. С. Щура, послесл. С. Д. Качнельсона. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
7. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 192 с.
8. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Логика и лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 5–40.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 40–41.
10. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
11. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
12. Рябцева Н. К. Научное знание и мнение: Пределы нейтрализации // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Институт языкознания АН СССР, 1990. С. 177–186.
13. Агаркова Н. Э. Указ. соч.
14. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 352 с.
15. Воркачёв С. Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 10–13.
16. Карасик В. И. Указ. соч.
17. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.
18. Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе: на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 24 с.
19. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_06.php (дата обращения: 01.10.2011).
20. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1991. 239 с.
21. Тер-Минасова С. Указ. соч.

УДК 811. 161.1'367.628

В статье на основе анализа плана выражения жаргонных междометий определены проблемы их идентификации, раскрыта структурная и семантическая природа жаргонных междометий, дана их семантическая классификация.

Ключевые слова: междометные единицы; жаргон; план выражения; план содержания; классификация; словообразование.

The problems of identification of jargon interjections based on the analysis of their expression plan are determined in this article. Both structural and semantic natures of the jargon interjections have been revealed, their semantic classification have been described.

Key words: interjection units; jargon; expression plan; content plan; classification; derivation.

А. В. Прудникова

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова,
г. Северодвинск*

E-mail: angelinaprudnikowa@yandex.ru

Проблемы идентификации и классификации жаргонных междометий

Научная статья

A. V. Prudnikova

*Humanitarian Institute of the Branch of North (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
at Severodvinsk*

E-mail: angelinaprudnikowa@yandex.ru

Problems of the Identification of Jargon Interjections and their Classification

Scientific article

Одним из важных факторов подвижности и развития системы русского междометия является ее функционально-социальное варьирование. Однако очевиден тот факт, что при заметно возросшем в последнее время интересе лингвистов к изучению различных социальных вариантов языка социолектные формы междометия на сегодняшний день системного описания не получили. Весьма показательны в этом отношении жаргонные междометия, лингвистическое описание которых носит спорадический характер [1].

Сравнение состава жаргонных единиц междометного характера с литературными должно способствовать решению ряда теоретико-методологических и практических задач, в частности определению принципов идентификации жаргонных междометий и разработке оснований их формальной и функционально-семантической классификации.

И *междометие*, и *жаргон* как лингвистические понятия до сих пор, несмотря на существующий опыт их научного описания, относятся к числу дискуссионных.

В. В. Виноградов подчеркивал специфику функционального статуса междометий, указывая, что они служат «для выражения эмоционально-волевых

реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъятий. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их» [2]. В «Русской грамматике» делается акцент на характеристике плана содержания междометий, которые используются «для нерасчленённого выражения чувств, ощущений, душевных состояний и др. эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [3]. Важное значение для изучения междометной системы в динамическом аспекте (в том числе, ее социолектного варианта) имеет то обстоятельство, что в составе ее единиц значительное место занимают непервообразные междометия, которые, в отличие от первообразных, «...представляют собой пополняющую группу слов. Главными источниками пополнения здесь являются оценочно-характеризующие существительные типа: *горе, беда, смерть, страх, ужас, крышка, табак, труба, каюк, дудки, пропасть, дьявольщина* <...>, а также глагольные формы со значением побудительности: *погоди, постой, давай, вали*» [4]. Таким образом, в рамках данной концепции признается, что некоторой части класса меж-

© Прудникова А. В., 2012

дометий присуща знаменательность, особенно при интеръективации слов категории состояния, а если понимать интеръективацию расширенно, то в ней могут участвовать и другие части речи. Кроме того, заметное место среди непервообразных междометий принадлежит устойчивым сочетаниям слов, фразеологическим единицам (и как указывал еще К. С. Аксаков, функции междометий могут выполнять целые предложения [5]). Отмечается синтаксическая независимость междометия, что также является его характерной особенностью.

Необходимо отметить также, что по семантическим свойствам к междометиям тесно примыкают такие речевые знаки, как звукоподражания, глаголы мгновенного действия (глагольные междометия), а по коммуникативно-прагматическим – вводные и «сорные» слова, этикетные мелиоративные и пейоративные обращения, инвективные единицы. Все это осложняет четкое определение границ класса междометий вообще и жаргонных интеръективных единиц в частности.

Проблема идентификации жаргонного междометия усугубляется также в связи с тем, что жаргон как составная часть функционально-социальной организации языка может пониматься по-разному. Традиционно жаргоном считается разновидность устной речи, используемой отдельной социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе или возраста: «от общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств» [6].

Мы исходим из расширенного понимания интерактивных единиц, с одной стороны, и жаргона – с другой. В соответствии с этим к жаргонным междометиям относим междометные единицы из состава жаргонных слов, которые В. В. Химик определяет как слова с остраничной внешней формой (планом выражения), служащие сигналом, отличающим «своего», или средством конспирации, которые имеют к тому же сниженную (юмористическую, шутивно-ироничную, уничижительную, грубо-вульгарную) внутреннюю форму (план содержания) [7], а также междометия-профессионализмы, которые присутствуют и в арго (общеуголовном и тюремном жаргоне), и в молодежном жаргоне (который, на наш взгляд, не полностью идентичен понятию сленга, предлагаемому В. В. Химиком [8]), особенно в армейском и у пользователей компьютеров, и в профессиональной речи. Это в основном команды (императивы), которые имеют острани-

ную внешнюю и вполне конкретную внутреннюю форму, но не имеют сниженной коннотации. В разных случаях они могут трактоваться как междометия сленга (интержаргона) или как жаргонные междометия определенной социальной среды и специальных групп.

По характеру экспрессивности к жаргонным междометиям близки просторечные (в их составе могут быть выделены единицы, заимствованные городской речью из диалектов; междометия-варваризмы, адаптированные к русской языковой среде словообразовательным способом и имеющие сниженную коннотацию: *пардонте-с, прошу пардону*; обценные слова). Они также имеют остраничную внешнюю форму, но не зародились в отдельной социальной группе – они традиционны. Несмотря на функционально-прагматическое сходство, просторечные и жаргонные междометия целесообразно разводить.

Идентификационно значимыми для жаргонных междометий, таким образом, являются такие характеристики, как принадлежность к отдельным социально-профессиональным разновидностям жаргона или сленгу (интержаргону); особая выделенность плана содержания (свойственная им коннотация – от шутивно-ироничной до грубо-вульгарной); специфичность плана выражения (остраненность); специфичность использования словообразовательных средств.

Жаргонные междометия характеризуются определенным разнообразием. Они могут быть сгруппированы в функционально-семантические классы на основании выполняемых ими функций, которые являются однотипными в жаргонном и общерусском вариантах междометной системы. В составе данных единиц могут быть выделены семь функционально-семантических разрядов: эмоциональные междометия, звукоподражания, глагольные, оценочные, волитивные, этикетные и когнитивные междометия.

Наиболее близки к системе общеупотребительного междометия разряды **эмоциональных** междометий, выражающих положительные и отрицательные эмоции, удивление, внезапность, включающие ругань (обценные слова), угрозы и шутивные сентенции (*О-кей!* ‘хорошо, годится’, *Майн гот!* ‘боже мой’, *Матка боска!* ‘мать божья’; *Фак!*, *Шит!* ‘черт; дерьмо’; *Опаньки!*, *Оба-на!* ‘конфуз, неожиданность; готово’; *Чпок!*, *Тыч!*); звукоподражаний (*Пи-у!*, *Фафа-ляля!*, *Бла-бла-бла!*) и **глагольных** междометий (*Тыщ-тыщ!*, *Пим-тим!*, *Дуф-дуф!*, *Гон!*, *Чук!*).

Оценочные жаргонные междометия, как и в общерусской междометной системе, выражают оценку обстановки дискурса, действий, состояния и речи собеседника, а также служат средством инвективы; императивные междометные единицы в жаргонах выражают в основном команды и требования установить тишину, не надоедать, не бояться; а также выражают несогласие с собеседником или намерение прервать коммуникативный контакт. Этикетные междометия в жаргоне представлены в основном фамильярным и вульгарным подтипами [9].

К собственно **оценочным** могут быть отнесены междометия *Клёво!* ‘прекрасно, отлично’, *Здоровски!* ‘хорошо, удачно’; *Кайф!*, *Торч!* ‘восхитительно’; *Взрыв мозга!* ‘свежо, оригинально, неожиданно’; *Ништяк!*, *Чики-чики!* ‘хорошо, нормально’; *Капец!*, *Пупец!* ‘все пропало; все плохо’, *Лáжа!* ‘плохо; не вызывает доверия’.

В составе **волитивных** жаргонных междометий выделяется несколько подгрупп, включающих единицы, которые выражают: а) команду (императив), требующую немедленного исполнения: *Майна!* ‘вниз, спускай, трави’, *Полундра!* ‘берегись; опасность’, *Баста!* ‘достаточно, конец’, *Атас!* ‘осторожно; убегай’, *Шухер!* ‘опасность; прячься’, *Стопá!* ‘стой; руки вверх’, *Тыц!* ‘делай, воруй’, *Зекс!* ‘опасность’; б) требование: *Отзынь!*, *Засохни!* ‘не надоедай’; в) побуждение: *Оле-оле-оле-оле!* ‘энергичней; вперед’; г) согласие / несогласие: *Ноу проблем!* ‘без проблем; согласен’, *Лады!* ‘согласен’, *Стопудово!* ‘верно, точно’, *Типа того да!*, *Пососи!* ‘нет’; д) вокативы (обращения): *Чел!* ‘человек; товарищ’, *Дух!* ‘молодой; слабосильный’, *Брателло!* ‘друг, приятель’.

Также неоднородны по своим частным функциям этикетные междометия, представляющие собой: а) формулы вежливости (приветствия, прощания, просьбы, извинения, шуточные прибаутки): *Приветики!*, *Хелло!*, *Хай!* ‘привет’; *Бай!*, *Чао, фантик!*, *Адьо!*, *Дуй до горы!* ‘до свиданья’; *Скузи!* ‘извините’; *Данке шён!*, *Фэнкс!* ‘спасибо’; [Поздравляю!] – *И вас тем же концом по тому же месту!*; *Проходите, ложитесь, закуривайте!* ‘располагайтесь’; б) обращения – аттрактивы: *красотуля*, *чувак*, *шкет*, *ребя / робя*, *кряля*, *браток* и пейоративы: *коза*, *карась*, *урод*, *козел*, *гад*, *сучий пóтрых*; в) ритуальные формулы (клятвы, клятвенные уверения, проклятья, напутствия, тосты и т.п.): *Семь футов под килем!* ‘счастливого плавания’, *Ни хвоста, ни чешуи!* ‘удачной рыбалки’, *Держи хвост пистолетом / морковкой / трубой!* ‘будь уве-

ренней’; *Чин-чин!*, *Чтоб у нас все было и нам за это ничего не было!* ‘будем здоровы, выпьем’.

Самостоятельную группу образуют **когнитивные** междометия, к разряду которых можно отнести: а) стимуляторы (подхваты, комментативы, «сорные» слова и т. п.): *ма*, *бэ*, *типа*, *в точку*, *в натуре*, *слухай сюда*, *тики-так*, *а то!*, *Сáмое оно!*, *Я за него!*, *Тá ты шо?*; б) эпистемические единицы: *типа того*, *ессэсно ‘конечно’*; *секёшь*, *тумкаешь*, *мáлтаешь*, *догоняешь* ‘понимаешь’; *я те урю*, *наверняк*, *однознáк ‘точно’*; *прикинь смекáешь*, *приколись* ‘представь’.

Подчеркнем, что выделенные функционально-семантические разряды междометий являются общими для различных вариантов языка. Они дают представление о системе коммуникативных функций междометия как особого категориального класса слов. Различия касаются прежде всего состава единиц, их сферы употребления и индивидуального прагматического потенциала.

Активное взаимодействие общеупотребительных и социолектных вариантов языка, проявляющееся, в частности, в жаргонизации как меж-личностного, так и публичного общения, затрудняет решение вопроса об идентификации жаргонных междометий.

Несмотря на установившуюся практику составления словарей жаргона, жаргонные междометия – эмоциональные, оценочные, волитивные, этикетные, когнитивные, глагольные, звукоподражания, инвектива и т. п. – не получили в них систематического отражения. Особый интерес в связи с этим представляют случаи специальной лексикографической обработки междометной лексики жаргонного характера. Так, междометные единицы включаются в этимологический словарь жаргона Е. С. Отиным [10].

Зафиксированный междометный состав слов жаргона невелик по сравнению с аналогичными составами в диалектном и общерусском стратах языка. Причина видится в том, что и в молодежном жаргоне, и в уголовном аргосе происходит быстрая смена словарного состава, а речь некоторых специальных групп, использующих жаргоны, не всегда доступна для исследования.

В связи с тем, что круг активных носителей жаргона относительно замкнут и на начальном этапе функционирования жаргонные слова имеют понятную внутреннюю форму только для ограниченного круга лиц, по мере расширения сферы использования план содержания жаргонизмов затемняется планом выражения, который все более остраивается. Это свойство, как мы полагаем, может считаться

одним из лингвистических оснований идентификации междометных жаргонизмов. Семантику некоторых междометий (в частности, в аргю) могут понять только те носители языка, которые знакомы с соотношением их формы и содержания. Пользуются жаргонной лексикой в основном участники специальных (профессиональных, возрастных, гендерных и т. п.) групп. Но жаргонизмы, в которых многие носители языка усматривают привлекательные, оригинальные экспрессивные слова, легко переходят в просторечие и в разговорную речь. Некоторые затем держатся в обиходе веками (как, например, слово *клёво*), другие быстро исчезают. Многие из этих междометных жаргонных выражений имеют пародийную или абсурдистскую направленность, в дискурсе выполняют стимулирующую, комментирующую или резюмирующую коммуникативно-прагматические функции.

Таким образом, жаргонный вариант междометной системы русского языка формируется экспрессивными жаргонными выражениями, исполняющими различные семантико-прагматические функции, характерные для русских междометий в целом. В формально-семантическом плане эти единицы представляют собой, с одной стороны, различные варианты метафорического и метонимического переосмысления литературной лексики, с другой – слова, план выражения которых специфически отличается от лексики общерусской междометной системы. Идентификация жаргонных междометий осуществляется комплексно – с учетом особеннос-

тей планов выражения и содержания интеръективных единиц в их соотнесенности. Основу классификации жаргонных междометий может составить их функционально-смысловая направленность.

Список использованной литературы

1. Середа Е. В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. С. 103, 131; Тонкова Е. Г. Междометия в русском аргю // Слово в словаре и дискурсе. М., 2006. С. 375–382.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 2001. С. 611.
3. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 732.
4. Там же.
5. Виноградов В. В. Указ. соч. С. 623.
6. Арапов М. В. Жаргон // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 2002. С. 151.
7. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный фено-мен. СПб., 2000. С. 65.
8. Химик В. В. Указ. соч. С. 17.
9. Прудникова А. В. Этикетные междометия в системе речевых формул // Русский язык и проблемы современного образования: сборник научных статей. Архангельск, 2007. С. 75.
10. Отин Е. С. «Все менты – мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения). М.: ЭЛПИС, 2006. 386 с.

УДК 8

В статье рассматриваются приемы речевого воздействия с использованием интегрированных методов изучения. Акцент делается на манипулятивной стратегии. Объектом изучения является коммуникативная личность Порфирия Петровича, одного из героев романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Исследуется соотношение вербального и невербального способов воздействия, а также рассматриваются наиболее характерные для данного персонажа приемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коммуникативная личность; речевое воздействие; способы воздействия; приемы воздействия.

The article discusses the impact of verbal techniques with the use of integrated methods of study. The emphasis is on manipulative strategy. The object of study is the communicative personality of Porfiry Petrovich, a character of the novel «Crime and Punishment» by Fyodor Dostoevsky. The author investigates verbal and non-verbal ways of influence and considers most typical for this character techniques.

К e y w o r d s : communicative personality; speech influence; methods of influence.

Т. В. Степаненко

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: Stv.vk@mail.ru

Реализация манипулятивной стратегии в структуре коммуникативной личности

Научная статья

T. V. Stepanenko

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

E-mail: Stv.vk@mail.ru

Implementation of Manipulative Strategies in the Structure of Communicative Personality

Scientific article

Коммуникативная личность понимается как одно из проявлений личности, обусловленное степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации [1].

При анализе коммуникативной личности с точки зрения психолингвистики большое значение имеет понятие речевое воздействие, под которым понимается воздействие одного человека на другого или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [2]. Отдельную нишу в речевом воздействии занимает манипулирование. «Манипуляция – это воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо неосознанно или вопреки его собственному желанию, намерению» [3].

В нашей статье мы проанализируем коммуникативную личность с точки зрения используемых при-

емов речевого воздействия и выявим применение стратегии манипулирования. Прием – это конкретная рекомендация по языковому или поведенческому выполнению того или иного коммуникативного правила. Принципы общения конкретизируются правилами, имеющими форму рекомендаций по общению, а конкретные способы реализации правил общения – это приемы речевого воздействия [4].

Объект нашего исследования – коммуникативная личность Порфирия Петровича из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Предмет исследования – приемы речевого воздействия Порфирия Петровича.

Различаются два основных вида речевого воздействия: вербальное (при помощи слов) и невербальное. При вербальном (от лат. *verbum* – слово) воздействии важно, в какой речевой форме выражена мысль, в какой последовательности приводятся те или иные факты, как громко, с какой интонацией произносятся слова и т. д. Для вербального речевого воздействия существенны как выбор языковых средств для выражения мысли, так и само

содержание речи – ее смысл, приводимая аргументация, расположение элементов текста относительно друг друга, использование приемов речевого воздействия и др. Вербальные сигналы – это слова.

Невербальное речевое воздействие – это воздействие при помощи несловесных средств, которые сопровождают нашу речь (жесты, мимика, поведение участников коммуникации во время речи, внешние признаки говорящего, дистанция общения, физические контакты и др.). Все эти факторы сопровождают и дополняют речь и рассматриваются в речевом воздействии исключительно в их соотношении с речью.

Вербальное речевое воздействие. К нему относятся следующие приемы, выявленные в рассматриваемом материале:

УКРУПНЕНИЕ СОБЕСЕДНИКА

Это выражается:

- в завышенной оценке собеседника: «Я вас во всяком-с случае за человека *наиблагороднейшего-с* почитаю, и даже *с зачатками великодушия*»;

- в комплиментах собеседнику: «Я вас за таких почитаю, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей»; «Ужасно люблю вообще эту первую, юную, горячую пробу пера (о статье Раскольников)».

СНИЖЕНИЕ СЕБЯ В ОБЩЕНИИ

Это выражается:

- в указании на свои слабости: «Ведь я следователь, стало быть *слабый* человек», «Я, знаете, *труслив-с*»;

- в жалобах на здоровье: «Кашляю-с, першить начало и одышка».

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОПРОСОВ-ЛОВУШЕК

«Во втором-то этаже, в квартире отворенной – помните? Двух работников или одного из них? Они красили там, не заметили ли?»

ДЕМОНСТРАЦИЯ СОБЕСЕДНИКУ ЛОГИКИ СВОЕГО МЫШЛЕНИЯ

«Да подозревай я вас хоть немножечко, *так ли следовало мне поступить*. Мне, напротив, следовало бы сначала усыпить подозрения ваши и виду не подать, что я об этом факте уже извещен»; «Так вот, я и подозреваю теперь, что Миколка хочет «страдание принять» или вроде того. Это я наверно, даже по фактам знаю-с... На иные-то пункты весьма складно мне отвечал..., ловко приготовился; ну а по другим пунктам просто как в лужу, ничегошенько не знает! Нет, батюшка Родион Романович, тут не Миколка!»

ПОДСКАЗЫВАНИЕ ВОЗМОЖНОЙ ЛИНИИ ПОВЕДЕНИЯ

Порфирий Петрович показывает Раскольникову, чем может закончиться выбор «неправильного» пути и даже сам подсказывает варианты: самоубийство, бегство. В первом случае он напоминает, чтобы Раскольников «записочку» не забыл оставить. Во втором говорит: «В бегах гадко и трудно. Убежите и сами воротитесь. Без нас Вам нельзя обойтись».

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧИ

Выражается в употреблении многочисленных слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *вопросик*, *идейка*, *папиросочка*, *фуражечка*, *миленький*, *сюрпризик*.

При этом чем серьезнее тема разговора, тем больше встречается в речи данных слов: «Есть и еще *просьбища*... *щекотливенькая* она. Если... пришла бы вам охота ручки на себя поднять, то... оставьте краткую и обстоятельную *записочку*. Так, две строчки, две строчечки, и об камне упомяните, благороднее будет. *Добрых мыслей, благих начинаний*».

Невербальное речевое воздействие. ДЕМОНСТРАЦИЯ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Это выражается:

- в веселой интонации речи: «*Весело* закричал Порфирий Петрович»;

- в веселом выражении лица: «Вскричал Порфирий с *совершенно веселым*, лукавым и нисколько не встревоженным *видом*»; «Он вдруг как-то повеселел»; «Подхватил Порфирий Петрович, все *более и более веселея и непрерывно хихикая*»;

- в постоянном смехе в разговоре с собеседником: «Порфирий Петрович *смеялся и желал смеяться*», «*Рассмеялся* Порфирий»; «Он видимо оживлялся и поминутно *смеялся*, смотря на Разумихина», «*Смеялся* Порфирий», «Подождите, я и вас проведу, – *ха, ха, ха!*»

ДЕМОНСТРАЦИЯ ДОБРОДУШИЯ В ОТНОШЕНИИ СОБЕСЕДНИКА, РАСПОЛОЖЕНИЯ К НЕМУ

Это выражается:

- в ласковом тоне: «Вы уж уходите! – *ласково проговорил* Порфирий; «*Закудахтал с дружественным участием*»;

- доброжелательном рукопожатии: «*чрезвычайно любезно* протягивая руку»;

- словесном выражении расположения к собеседнику: «Очень, очень *рад* знакомству»;

- в добродушном выражении лица: «... прибавил он с добродушнейшим видом»; «... весело, с необыкновенным простодушием смотря на Раскольникова».

ДАВЛЕНИЕ ВЗГЛЯДОМ

«Он попросил его сесть на диван, сам уселся на другом конце и уставился на гостя, в немедленном ожидании изложения дела»; «Порфирий Петрович тоже ни разу не свел с него глаз во все время»; «Прямо смотря в глаза Раскольникову»; «Приближая свое лицо к самому лицу Раскольникова».

БЫСТРОТА ТЕМПА РЕЧИ

«Он так и сыпал, не уставая, то бессмысленно пустые фразы, то вдруг пропускал какие-то загадочные словечки и тотчас же опять сбивался на бессмыслицу»; «Продолжал скороговоркой».

ПОСТОЯННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ХОДЕ РАЗГОВОРА

«Бормотал Порфирий Петрович, похаживая взад и вперед около стола, как бы кидаясь то к окну, то к бюро, то опять к столу, то избегая подозрительного взгляда Раскольникова, то вдруг сам останавливаясь на месте и глядя на него прямо в упор»; «По комнате он уже почти бегал, все быстрее и быстрее передвигая свои жирные ножки, засунув правую руку за спину, а левую – непрерывно помахивая и выделывая разные жесты, каждый раз удивительно не подходившие к его словам».

ПОДМИГИВАНИЕ

«Порфирий Петрович как-то явно насмешливо посмотрел на него, прищурившись и как бы ему подмигнув»; «И он как-то вдруг опять подмигнул ему левым глазом и рассмеялся неслышно, – точно-точно как давеча».

Для Порфирия Петровича характерно широкое использование невербальных приемов речевого воздействия. Именно активное сочетание

вербальной и невербальной составляющей речевого поведения Порфирия Петровича делает его речь убедительной и успешной с точки зрения воздействия на собеседника.

На протяжении всего романа мы видим, как успешно Порфирий Петрович реализует стратегию манипулирования, используя приемы речевого воздействия. Манипулирование выражается и на вербальном, и на невербальном уровне. Учитывая, что манипуляция – это прежде всего СКРЫТОЕ воздействие, управление, все описанные выше приемы Порфирия Петровича, с нашей точки зрения, относятся к манипулятивным.

Порфирий Петрович, применяя манипулятивные приемы, ставит себе задачу побудить преступника признаться в совершенном преступлении, для чего целенаправленно вызывает у него необходимые эмоции – страх, растерянность, ощущение безвыходности ситуации.

Именно комплексный анализ художественных произведений с точки зрения коммуникативной лингвистики и речевого воздействия в настоящее время представляется нам весьма перспективным направлением, которое открывает новые возможности как для лингвистики, так и для литературоведения.

Список использованной литературы

1. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. 1-е изд. СПб.: Питер, 2011; Конечкая В. П. Социология коммуникации. М.: МУБиУ, 1997; Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М., 1999.
2. Стернин И. А. Основы речевого воздействия для магистров. Воронеж, 2009.
3. Стернин И. А. Речевое воздействие как интегральная наука // Речевое воздействие: сборник научных трудов. Воронеж; М., 2000.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.1

В статье рассматривается комплекс проблем современной ценностной ориентации экономического развития общества. Раскрывается взаимосвязь институтов, ценностей, норм экономики и этики. Дается трактовка геоэкономики как объемно-пространственной методологии познания мирового экономического пространства. Разработана модель локальной экономической страты – интеллектуальная долина.

К л ю ч е в ы е с л о в а : этика; экономика; геоэкономический подход; интеллектуальная долина.

The author develops the idea of geo-economy as a socio-economic system with its specific institutions, norms, values, and relations that are beyond economic processes and relations in their narrow sense. The interrelation of economy and ethics bases upon ethical imperatives, civil behaviour, principles of humanism and economic justice. The geo-economic approach is described as a multidimensional theoretical model of the world economic space. The Intellectual Valley is developed as a special local economic strata.

К e y w o r d s : ethics; economics; geo-economic approach; Intellectual Valley.

Е. В. Сапир

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail:sapir@uniyar.ac.ru

Взаимосвязь этики и экономики в общественном развитии: геоэкономический синтез

Научная статья

Е. V. Sapir

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail:sapir@uniyar.ac.ru

Interrelation of Ethics and Economics in Social Development: Geo-Economic Synthesis

Scientific article

Трансформация мирового развития на рубеже тысячелетий заметно ускорилась и приобрела новые черты, связанные с глобальным изменением соотношения политических и экономических сил в мире: обострение конкуренции ключевых мировых игроков; смещение центров мировых процессов к бывшему «третьему миру» (БРИКС, особенно Китай) и к региону арабского Востока как неожиданному форпосту народных демократических движений; появление новых государственных моделей и идеологических установок, сочетающих, казалось бы, несовместимые начала: тоталитаризм и рынок, народовластие и религиозную нетерпимость; ставший уже общим местом кризис мировых валют и ведущих национальных экономик, который, тем не менее, никак не выливается в неоднократно предсказанный крах евро-долларовой валютной системы

© Сапир Е. В., 2012

и социально стабильной постиндустриальной модели. Можно привести и другие примеры неожиданных новых мировых реалий, свидетельствующих, насколько динамично и «своенравно» меняется картина мира. Это еще раз подтверждает необходимость освоения методологии объемно-пространственного восприятия мира в динамике и неразрывном единстве всех его составляющих: не только отдельно взятой экономической, но и взаимосвязанных с ней политической, идеологической, этнонациональной, культурной, нравственной и иных. Только научный синтез и непредвзятый научный анализ, основанный на научном методе познания, позволяют осмыслить происходящие сложные процессы и предсказать ход мирового развития.

Такие возможности предоставляет геоэкономика и геогенезис как методология объемно-пространствен-

ного синтеза¹. Идеи нелинейного и многомерного характера экономического развития лежат в основе геоэкономической теории. Российская школа геоэкономики и ее основоположники Эрнест Кочетов [1], Александр Неклесса [2], Валерий Боков [3] и их единомышленники создали объемную теоретическую модель мирового экономического пространства – геоэкономический атлас. Этот атлас соединяет в единое целое геополитические, геоэкономические, геокультурные, геоинформационные, этнонациональные, конфессиональные сферы («страницы атласа»). Каждая «страница» интерпретирует различные стороны процесса мирового развития.

Геоэкономика как новая система ценностей мирового сообщества ориентирована на переход от геополитических воззрений к геоэкономическим, что в целом отвечает новой модели развития мирового сообщества, где геоэкономика выступает в качестве центрального вектора. Геоэкономическая трансформация нашего мира есть реальное отображение глобального мира. Конечно, еще предстоит до конца преодолеть традиционно устоявшиеся геополитические, силовые воззрения на перспективы и движущие силы мирового развития, упование на мобилизационную экономику как локомотив роста и осознать новую геоэкономическую модель мироустройства, которая диктует и новые императивы, модели и принципы экономического поведения. Это, в свою очередь, требует пересмотра и обновления основополагающих теоретических подходов. Речь идет о следующих ключевых моментах:

- *во-первых*, это методологический геоэкономический подход, или геогенезис как объемно-пространственное отображение современной мировой системы в единстве политической, экономической, стратегической, международно-правовой, информационной, культурной, этнонациональной и других составляющих мирового развития;

- *во-вторых*, это новое понимание мирового разделения труда как межконтинентального, идущего на смену международному разделению труда. В новом разделении труда не политико-административные, а экономические границы определяют главных геоэкономических игроков;

- *в-третьих*, признание экономических границ, которые не совпадают с государственными, а фик-

сируют условные границы хозяйственного оперирования крупных игроков на экономическом атласе мира. Отдельные части национальных экономик при этом становятся звеньями разных мировых воспроизводственных циклов. Границы таких глобальных циклов (цепочек) перекрывают и пересекают национальные территории, существуя над ними, в другом, геоэкономическом пространстве;

- *в-четвертых*, превращение мирохозяйственной системы в поле формирования интернационализированных воспроизводственных циклов (цепочек) и трансграничных сетей, в рамках которых создается мировой доход;

- *в-пятых*, понимание геоэкономической интеграции как сближения, взаимопроникновения и переплетения национальных воспроизводственных систем под воздействием движущих сил и факторов развития *глобальной геоэкономической среды*.

Важнейшей особенностью теоретической концепции геоэкономики является внутренняя взаимосвязь этических начал и экономики. Тема взаимосвязей этических начал и экономических детерминант общественного развития представляется исключительно сложной и актуальной в глобальном смысле в современном посткризисном контексте в целом.

Для современного российского общества и государства, для дальнейшего развития отечественной науки и прогресса национальной экономики России эта тема имеет особое значение [4]. Дело в том, что традиционно российская экономическая наука узко подходила к исследованию экономических процессов. Она изучала собственно экономические закономерности, тенденции, процессы, показатели. Исследовалась конкретная экономическая динамика, социально-экономическая статистика, формы собственности на экономические активы и т. п. Роль этических, культурных, цивилизационных источников экономического роста недооценивалась. Поэтому и само понимание рыночной экономики и подходы к ее построению в России воспринимались непосредственно и линейно: надо провести приватизацию собственности, создать много собственников и разрешить им свободно торговать. Но когда рыночные реформы не принесли того общего экономического прогресса, который от них быстро ожидался, стало приходить понимание, что рыночная экономика и свободная торговля – это не одно и то же. Рыночная экономика – это целая общественная система со своими институтами, нормами, ценностями, отношениями, принципами, лежащими вне *узко понимаемых экономических процессов и отношений*. Это еще и сфера этичес-

¹ Базовые постановки проблемных вопросов геоэкономического развития современного мира заложены в исследованиях российской школы геоэкономики и глобалистики. Так, наиболее ярко они представлены в цикле работ (монографий) основоположника российской геоэкономической школы Эрнеста Кочетова: «Геоэкономика», «Глобалистика», «Гуманитарная космология», «Диалог», «Диалогистика», опубликованных в 1999–2011 гг.

ких императивов, гражданского поведения, социальной ответственности, либеральных ценностей, демократии и уважения прав человека, основанных на принципах гуманизма и справедливости. Примерно такой представляется взаимосвязь экономики и этики в широком смысле.

С нашей точки зрения, для понимания внутренней связи экономики и этики важны следующие моменты.

1. Взаимозависимость доверия, ответственности, корпоративизма, лояльности, рисков и конкурентоспособности.

По мнению Клаус Штайльманн, для современного глобального процесса центральными ценностями являются: порядочность, лояльность, доверие; прочность и надежность отношений; единство и сотрудничество; правда и стремление к знанию; право, порядок, дисциплина. Но в то же время также радость работы или службы; красота, эстетика и культурные традиции; любезность и доброжелательность; любовь и верность, включая даже такую пикантность, как любовь к деталям, как неперемное условие достижения успеха; наконец, общее благо в бизнесе, превосходящее личную корысть [5].

Россия ставит задачу формирования в стране современной инновационной экономики. Это невозможно сделать, лишь опираясь на материальные стимулы в виде высокой заработной платы и щедрого финансирования. Инновационная среда «вызревает» на следующих базовых этических ценностях:

- авторитет личного вклада,
- чувство сопричастности, соучастие,
- приверженность общим целям,
- доверие,
- общность, превосходящая индивидуальную отстраненность и корыстный интерес,
- кросскультурная интеграция,
- идентичность.

2. Интеллектуальность как питательная среда инновационного процесса. По своей природе инновационный процесс есть интеллектуальный генезис – рождение нового. Продуктивный интеллектуальный поиск возможен при наличии особых условий, специфических факторов. Инновационная экономика функционирует, базируясь на таких культурных ценностях, как:

- а) открытость, свободный доступ ко всей необходимой общедоступной информации;
- б) горизонтальные связи, свободное общение, свобода выражения и передачи информации от многих ко многим;
- в) высшая ценность – интеллектуальная свобода. Свобода творить, свобода распоряжаться име-

ющимся знанием; свобода модифицировать знание; свобода делиться новым знанием.

Заявленный переход к инновационной экономике в России должен опираться на широкую структурную перестройку на локальном уровне, создание и активизацию локальных систем и центров роста экономики страны.

Что понимается под локальной системой в экономике? С нашей точки зрения, локальная инновационная система – это территориальный экономический объект, среда генерирования новых знаний. В такой системе участники инновационного процесса свободно взаимодействуют в процессе создания инноваций и распространения новых знаний. Инновационные локальные системы характеризуются высокой адаптивностью, подвижностью, гибкостью, открытостью, свободой, деиерархизацией, безбарьерной коммуникацией.

Важнейшее значение имеет выявление, описание и стратификация основных типов локальных систем, функционирующих в геоэкономическом пространстве. Соответствующий терминологический аппарат закрепляет инновационный характер локальных систем [6].

3. Проблема роли и влияния интеллектуальности на общий прогресс человечества. Куда ведет наука? Есть ли этика «внутри» нее? Этой проблеме были посвящены многолетние дискуссии московского Клуба ученых «Глобальный мир» (Е. Б. Рашковский, Э. Ласло, К. М. Долгов, Ю. А. Васильчук и др.). Эрвин Ласло выделил четыре основные интеллектуальные сферы, определяющие человеческие ресурсы социоэкономического развития: науку, искусство, образование, религию [7]. Е. Б. Рашковский, развивая идеи Э. Ласло, правомерно говорит о неотъемлемом присутствии нравственного компонента в развитии интеллектуальной сферы. Внутренняя динамика интеллектуального творчества коренится не во властных решениях и не в групповых или верхушечных сделках и компромиссах, но в процессах внутреннего человеческого опыта, в повседневной практике и коммуникации конкретных людей [8].

4. Проблема диалога: диалога культур, диалога цивилизаций, диалога конфессий и т. п. «Диалог» не следует понимать односторонне как «внушение», «подавление», «разоблачение» или «ассимилирование» собеседника. Наоборот, диалог должен пониматься в духе многовековой традиции – поиска истины, более глубокого понимания другого и самого себя, следовательно, самого глубокого и доброжелательного взаимопонимания, взаимолубезности, вза-

имодоброжелания, взаимосоотрудничества, взаиморазвития, взаимоподдержки. И это важно не только в сфере духа и мысли, как отмечают К. М. Долгов, Ю. А. Васильчук, но и во всех сферах человеческой деятельности, прежде всего в экономике [9].

5. Роль интеллектуалов в общественном развитии. Высокое служение интеллекта не имеет ни локального, ни глобального масштаба. Интеллект не привязан и не подконтролен административным границам. Его поле – геоэкономический атлас и движение мысли на всем его пространстве. Интеллектуалы не должны позволять никаким «верхам» вмешиваться в свое творчество, ибо в этом труде – их честь, их достоинство. Надо иметь мужество отстаивать свой труд и свое достоинство от посягательств любых «верхов» – политиков, идеологов, демагогов, денежных мешков и всякого рода проходимцев. Надо сохранять свое профессиональное достоинство и право, но при этом отличать профессиональное достоинство от корпоративного интереса и право – от привилегий.

На базе синтеза экономических и широко понимаемых этико-исторических условий развития, с учетом специфики современного этапа российского экономического роста нами была предпринята попытка определить новый тип локальной воспроизводственной системы как точки роста инновационной экономики, в основе которой лежит единство экономических и внеэкономических факторов [10]. Терминологически этот тип описывается как «интеллектуальная долина». *Интеллектуальная долина* в нашем понимании – это крупная локальная организационная популяция инновационного типа, способная динамично развиваться по своим внутренним законам, впитывая в единстве геоэкономические, социокультурные, цивилизационные, духовные сферы геоэкономического пространства.

Институциональный аспект интеллектуальной долины включает всю систему организаций и институтов, включенных в процесс R&D, т. е. НИИ, проводящие НИОКР, технологические институты, университеты и подразделения частных предприятий, библиотеки, культурные и информационные центры и т. п.

Структурно-функциональный аспект интеллектуальной долины включает все аспекты и части экономической структуры, которые влияют на процесс поиска и исследования – производственные фирмы, система маркетинга, финансовая система, а также все подсистемы, которые функционируют в рамках перечисленных выше систем.

Масштабно-пространственный аспект интеллектуальной долины включает все локализованные

части системы, расположенные в определенном регионе, но интегрированные в глобальную систему циркуляции информации, персонала, идей, ресурсов.

Интеллектуальная долина является формой воспроизводственно-интеллектуально-культурного синтеза технологических, экономических и этических ценностей, стереотипов поведения, отношений, ритуалов и т. п. Профессионализм в новейших сферах науки и техники плюс умение оперировать высокими геоэкономическими технологиями на глобальном атласе реально обеспечивают стратегическую роль интеллектуальных локальных структур мирового роста. Ключевые факторы развития интеллектуальной долины приведены в табл. 1.

Смысл развития интеллектуальных долин вытекает из того, что генератором инноваций является не знание вообще, а особое «тонкое, неявное, скрытое или неформальное знание»² (см. табл. 2). Оно не воплощается в технической документации, публикациях, докладах, лекциях, патентах, ноу-хау. Его невозможно выразить исчерпывающе. Оно имманентно носителю и в полном объеме остаётся только в умах тех, кто его создал, о чем образно говорит афоризм: «Мы знаем больше, чем мы можем выразить словами».

Неформализуемость знания относится к таким его компонентам, как личный опыт, интуиция, контакты, коммуникабельность и подобные, которые трудно определить, формализовать или опубликовать, которые сами носители знаний не могут до конца выразить и которые носят сугубо индивидуальный характер, но их можно передать коллегам, сотрудникам, сподвижникам, работающим вместе [12]. Неявное знание может принимать разные формы, например особые способности, умения и компетенции, специфичные для отдельных личностей или коллективов сотрудников; общие убеждения или представления. Однако все они не могут быть формализованы.

Локальная интеллектуальная система создаёт исключительные условия именно для такого знания. Критическое значение, по мнению большинства исследователей, имеют два фактора: доверие и чувство «общей идентичности» [13]. Региональная интеллектуальная долина – это модель развития, вариант гармоничного соеди-

² В литературе появился специальный термин *tacit knowledge*, что в буквальном переводе с английского означает «не выраженное словами, молчаливое». *Tacit knowledge* – своего рода сплав познавательных способностей, опыта, умений и интуиции, а также знание правил, традиций, оргструктур, практик и норм [11].

Ключевые факторы развития «Интеллектуальной долины»

Группа факторов	Формы реализации
Объект управления	Инновационный технологический воспроизводственный процесс
Асистемность	- отсутствие принудительно фиксированных организационных структур; - децентрализация управления; - отсутствие жесткой регламентации организационных связей внутри структур; - образование гибких рыночно-стратегических структур (модулей); - разнообразие финансовых источников; - свободный доступ к ресурсам
Характер общения	- авторитет личного вклада; - четкость заданий и исполнений; - деиерархизация личных отношений; - снятие искусственных барьеров; - творческая свобода; - tacit knowledge; - поддержка внеслужебного дружеского общения
Мотивы и стимулы	- высокий профессионализм; - высокая ответственность; - «нематериальные» формы поощрения; - возможности выбора места и времени выполнения трудового задания; - гибкая занятость; - отсутствие привилегий как мотиваций карьерного роста
Фактор среды	- благоприятный психологический климат; - командный стиль «игры»; - баланс интересов глобальных, региональных, локальных акторов

Таблица 2

Отличительные признаки категории «тонкое знание»

Отличительный признак	Содержание
Состав	Опыт, интуиция, компетенции, навыки, умения, приёмы, убеждения, ценности
Источник	Не содержится в традиционных источниках информации (книги, документы, цифровые носители и пр.)
Способ получения и передачи	Не может быть получено, формализовано, сохранено традиционным путем (трансляция, оцифровка, письмо, печать, кодификация, накопление баз данных)
Степень уникальности	Люди не всегда идентифицирует его наличие; оно уникально по определению и принадлежит только данному индивиду
Фактор ценности	Наиболее ценно, т. к. контекстно привязано к людям, месту, идеям, опыту
Формирование	Формируется в партнерствах, сообществах, сетях и иных неформальных, но внутренне связанных структурах, где сотрудничество на разных уровнях, внутри и вне компании не ограничено формальными рамками
Условия доступа	Доступ возможен при наличии тесного контакта, доверия и взаимодействия

нения институтов, интеллектуального ресурса, организаций, а также общественных традиций, культурных ценностей, нравственных приоритетов в совокупности с лучшим взаимопони-

манием и приверженностью общему делу, без которых отечественная наука, промышленность и бизнес не прорвутся в инновационную сферу. Это та структура, которая может реально помочь

нашему обществу обрести понимание маршрута и характера движения, восстановить нравственные опоры экономического развития, вырваться из тисков мобилизационного роста, а главное – из плена мобилизационного сознания. По уровню этико-экономической зрелости, к сожалению, общество России сегодня существенно отстаёт от ведущих стран мира. И дело здесь заключается не просто, как принято говорить, в «экспортной ориентации экономики», а в самой сути национальной экономической модели, не приемлющей новое, отторгающей его как угрозу своей устойчивости, лишённой открытой здоровой конкуренции, опирающейся на мифические, отставшие от вызовов времени и динамичного внешнего окружения приоритеты. Решение вопроса лежит в плоскости изменения сознания, общественных и политических установок.

Согласно концепции интеллектуальной долины укрепление конкурентоспособности российской экономики и освобождение ее мощного внутреннего инновационного потенциала роста могут быть достигнуты путем преодоления структурных, институциональных и пространственных диспропорций, тормозящих вхождение страны в современную высокоэффективную инновационную среду, которая нам представляется органичной средой «тонкого знания» и интеллектуально-нравственных императивов роста.

Именно геоэкономическая модель в рамках новой системы ценностей мирового сообщества научно «осмысливает» интеллектуальный поиск как основной путь выхода в новейшие сферы человеческого бытия. Генератором инноваций является не знание вообще, а особое «тонкое, неявное, скрытое или неформализуемое знание». Прогрессирующая дифференциация локальных структур преобразует глобальную инфраструктуру геоэкономической системы в целом. Отсюда заявленный переход к инновационной экономике в России должен опираться на структурную перестройку на локальном уровне, перераспределение информационных и ресурсных потоков, создание и активизацию локальных систем и региональных центров роста, в максимальной степени отвечающих ценностным установкам общества на рубеже тысячелетий.

Список использованной литературы

1. Кочетов Э. Г. Геоэкономика: Освоение мирового экономического пространства. М.: БЕК, 2002; Его же. Глобалистика: Теория, методология, практика: учебник для вузов. М.: Норма, 2002.
2. Неклесса А. И. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века. М., 2001.
3. Боков В. В. Современные возможности сетевого экономического взаимодействия в цепочке «регион – государство – внешний рынок» // НАВИГУТ. 2003. № 4.
4. Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России: научно-аналитический доклад / М. Ю. Байдаков, Н. Ю. Кониная, Э. Г. Кочетов и др.; под науч. ред. Э. Г. Кочетова. М.: Книга и бизнес, 2010. 388 с.
5. Штайльманн К. Новая философия бизнеса: в 3 т. Т. 3: Конкуренция и ее границы. М.; Берлин: Российское психологическое общество, 1998. С. 9.
6. Сапир Е. В. Геоэкономическое измерение локальных систем. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 98–105.
7. Laszlo E. The Age of Bifurcation. Understanding the Changing World (Pref. I. Prigogin). Amsterdam: OPA, 1991.
8. Рашковский Е.Б. Религиозная сфера и интеллектуальные ресурсы глобального человеческого развития // Клуб ученых «Глобальный мир». Вып. 1 (24). М.: Новый век, 2003. С. 13–14.
9. Долгов К. М. Философия истории, религия и наука в эпоху глобального развития // Там же. С. 47–48; Васильчук Ю. А. Религиозная сфера и проблема общечеловеческих ценностей в условиях глобализации // Там же.
10. Сапир Е. В. Указ. соч.
11. Bao Y., Zhao S. MICRO Contracting for Tacit Knowledge – A Study of Contractual Arrangements in International Technology Transfer // Problems and Perspectives of Management. 2004. № 2. P. 279–303; Tsoukas H. Do we really understand tacit knowledge? // The Blackwell handbook of organizational learning and knowledge management. Cambridge, MA: Blackwell Publishing, 2003. P. 411–427; Sanders A. F. Michael Polanyi's post critical epistemology, a reconstruction of some aspects of 'tacit knowing'. Amsterdam: Rodopi, 1988.
12. Saviotti Pier Paolo. On the Dynamics of Appropriability, of Tacit and Codified Knowledge // Research Policy. 1998. Vol. 26. P. 843–856.
13. Hildreth, P., Kimble, Ch. The duality of knowledge // Information Research. 2002. № 8 (1). URL: <http://informationr.net/ir/8-1/paper142.html>

УДК 330.101

Показаны возможности и целесообразность историко-генетического подхода в теоретическом исследовании рыночной конкуренции. При таком подходе различаются её становление, развитое состояние и отрицание. Это позволяет определить критерии совершенства конкуренции и предмет её исследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а : становление конкуренции; несовершенство конкуренции; развитое состояние конкуренции; рынок труда; рыночная информация; перезрелый рынок; монополия; конкуренция внутри рынка; межрыночная конкуренция.

Possibilities and expediency of the historico-genetic approach in theoretical research of a market competition are shown. With such approach are observed its formation, the developed condition and negation. It allows to define criteria of competition perfection and a subject of its research.

К e y w o r d s : competition formation; competition imperfection; developed condition of competition; labour market; market data; overripe market; monopoly; competition inside the market; inter-market competition.

М. В. Петрищев

Тверской государственный университет

E-mail: magainm@yandex.ru

Историко-генетический подход в теории рыночной конкуренции

Научная статья

M. V. Petrishev

Tver State University

E-mail: magainm@yandex.ru

The History-Genetic Approach in the Theory of Market Competition

Scientific article

Логика экономического исследования рыночной конкуренции должна отражать её историческую эволюцию, т. е. возникновение, становление, развитое состояние и отрицание, что соответствует принципу единства исторического и логического. В ином случае получается «обзор явлений, но не генетическое исследование» [1]. Исторический подход к исследованию конкуренции как воспроизводящейся в своём развитом состоянии имеет и практическое значение, ибо позволяет ответить на актуальный вопрос: можно ли возродить (или сохранить) рыночную конкуренцию? И если можно, то как?

О возникновении рыночной конкуренции можно сказать только тавтологично: она возникла, когда возник рынок. По существу это означает, что ни простая (случайная), ни развернутая форма стоимости товара не образуют рынка и конкуренции на нем. Если бы в обмен однотипными товарами вступили два покупателя с двумя продавцами, то была бы, как сейчас говорят, дуополия, а не рынок свободной конкуренции. Даже сами понятия «продавец», «покупатель» предполагают всеобщую форму стоимости, наличие товара-эквивалента. С этой формы стоимости на рынке, насчитывающем не два – три

(олигополия), а хотя бы десяток – другой продавцов, и возникает внутрирыночная конкуренция.

По мере развития разделения труда происходит тысячелетнее *становление* рыночной конкуренции с её феодальными ограничениями. Формируется не только внутрирыночная, но и межрыночная конкуренция, которая связана с перемещением ресурсов товаропроизводителей в наиболее «выгодные занятия», определяемые превышением спроса над предложением. Зрелая, *развитая* рыночная конкуренция существует со времени формирования рынка труда, причём не только в локальном, но и национальном его масштабе. И с того времени, когда появляется отношение «наемный труд и капитал», развивается третий род рыночной конкуренции – межотраслевая, связанная не с формированием рыночной цены товара, а с переливом капиталов, вызванным различным строением капиталов и необходимостью обеспечить «равную прибыль на равный капитал».

Если следовать простому тождеству исторического и логического, то началом теоретического исследования рыночной конкуренции должна быть история её возникновения. Но согласно историко-генетическому подходу, который требует «рассмат-

© Петрищев М. В., 2012

ривать каждое явление в той точке, в которой оно достигло полного и зрелого выражения» [2], объектом и началом теории рыночной конкуренции должна быть её зрелая, развитая форма, т. е. всеобщая и свободная на товарных рынках и рынке труда. Основанием такого подхода можно считать положение о том, что «вещи еще нет, когда она начинается» [3]. Только в зрелой рыночной конкуренции можно обнаружить её основание и механизм (процесс) осуществления.

Историко-генетический метод познания предполагает, что развитое состояние предмета может быть названо совершенным, а на этапе своего становления он ещё несовершенен. Именно поэтому, в противоположность ныне принятому названию «несовершенная конкуренция», которая фактически деформирована и ограничена монополией разной степени, мы полагаем более правомерным использовать название «несовершенная конкуренция» применительно к становлению свободной рыночной конкуренции.

Конечно, конкуренция в монополистической структуре экономики тоже несовершенна, хотя и в другом смысле – как ограниченная и модифицированная. Но она, прежде всего, *несвободная конкуренция*.

Несовершенная свободная конкуренция, существовавшая тысячелетия, не была абсолютно свободной: всегда в рабовладельческом и феодальном обществе были властные ограничения на установление цен, на качество товара, на вход на рынок и т. п. Имели место и временные монополии (не как обусловленные концентрацией производства, а как «единственный продавец»). Но в целом это была становящаяся свободная конкуренция.

Она была несовершенной прежде всего по своей информационной неопределенности для ее субъектов, их неосведомленности о количестве участников данного рынка, объемах спроса, вариантах предложения, уровне индивидуальных и среднерыночных цен (что, где и почему у разных продавцов). Несовершенство свободной конкуренции состояло и в том, что ею охватывались не все виды благ, в том числе ресурсов (рабочая сила была не товаром). Масштаб рынков был преимущественно местный, в лучшем случае – региональный. Наконец, данный тип рынка (и его конкуренции) являлся «неорганизованным», информационно необеспеченным. Первичная информация у продавцов существовала в форме спроса к каждому из них, а информация у покупателей носила рутинный характер и возникала из индивидуальных цен предложения некоторых

продавцов (не всех), их индивидуального предложения по месту, объему и качеству и существования или отсутствия спроса к конкретному продавцу. По этому поводу Дж. Стиглер замечает: «Покупатель (или продавец), желающий определить наилучшую цену, должен опросить разных продавцов (или покупателей), и это явление я буду называть «поиск»... Разброс цен – это проявление и мера неосведомленности на данном рынке» [4]. Соответственно существовал большой разброс индивидуальных цен предложения и такой же поиск потребителями дешевых благ. Это обуславливало низкие «скорости выравнивания цен производителя и потребителя» [5].

Шаг к совершенству рыночная конкуренция совершила с превращением рабочей силы в товар, развитием рынка труда, снятием феодальных ограничений на предпринимательство. Другой шаг был сделан при переходе к организованному рынку в форме его институтов – бирж (товарных, фондовых, валютных) и банков с полной информацией: где, что, сколько и почему. Информационная составляющая совершенства свободной конкуренции была дополнена технически развитой рекламной деятельностью (хотя реклама далеко не сводится к информации). И, наконец, третий шаг к совершенству происходит с развитием электронных средств коммуникации, электронных рынков. Информация о ценах предложения отдельных продавцов становится мгновенно доступной для всех.

В итоге можно сформулировать два условия совершенства рыночной конкуренции по однородному товару: 1) она *свободная*, 2) субъекты рынка обеспечены полной *информацией* о состоянии элементов рынка данного товара. Поэтому употребление понятия «несовершенная конкуренция», под которой фактически понимается монополия, олигополия и монополистическая конкуренция, допускает толкование ее как свободной, что уже является ошибкой. Эта ошибка не исчезает, если, как предлагает П. Самуэльсон, вместо термина «несовершенная конкуренция» в значении так или иначе монополистическая, употреблять термин «менее, чем совершенная» [6]. Как видно из этого замечания П. Самуэльсона, само название теории «несовершенной конкуренции» возникло, скорее всего, не как определение онтологии конкуренции при монополизации рынка, а как простое её противопоставление теории «совершенной конкуренции» по принципу – была совершенная, теперь не совсем совершенная, т. е. «несовершенная». Но если найти, в чем именно она «менее совершенная», то, может быть, название

«несовершенная» будет изменено на более точное, отражающее её положительную характеристику. Тогда в этом названии будет видно, что произошло с совершенной (свободной!) рыночной конкуренцией с переходом к монополизации рынка, т. е. будет акцентировано ограничение, модификация, «ломка» механизма рыночной конкуренции.

Название «несовершенная конкуренция» соответствует неразвитому или слаборазвитому рынку, т. е. несовершенная конкуренция – это слаборазвитая [7] конкуренция. Монополизированный рынок, напротив, есть перезревший, «переразвитый» рынок, и потому ему соответствует несвободная рыночная конкуренция, каковой в исторической реальности не существовало.

Иной подход к смыслу несовершенства конкуренции показывает утверждение, что «эконо-

мисты-теоретики всё больше склоняются к точке зрения, что основополагающей должна явиться модель несовершенной конкуренции» [8]. Это было бы верно в смысле господства монополистических отношений на современных рынках, но не в смысле моделей, показывающих не высшую степень зрелости конкуренции (что позволило бы считать их «основополагающими» для её познания), а, напротив, её отрицание. И вызвано оно не эндогенными для самой конкуренции причинами, а более глубинными изменениями – изменениями сторон противоречия «частного и общественного» в деятельности современных товаропроизводителей по мере её монополизации.

Следуя историко-генетическому методу, можно представить становление, развитие и отрицание рыночной конкуренции в виде схемы (рис. 1).

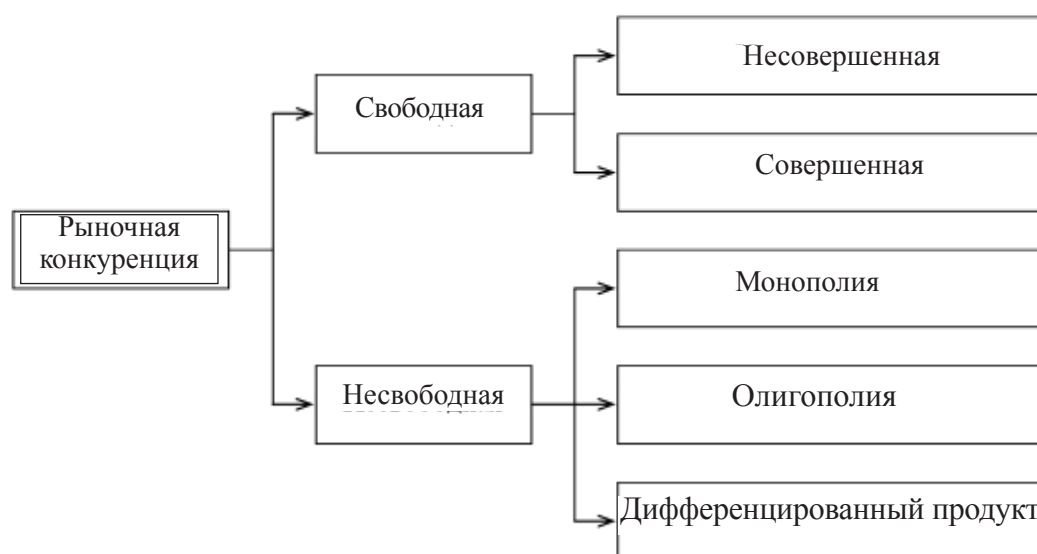

Рис. 1. Структура видов рыночной конкуренции

Только теоретически зная, что есть рыночная конкуренция, соответствующая своему понятию, зная, что совершенство есть зрелость, можно понять современное «перезревшее» её состояние, определяемое как «несовершенная конкуренция», соединяющая элементы конкуренции и монополии. Но если начать исследование рыночной конкуренции непосредственно с «несовершенной конкуренции», фактически отрицающей конкуренцию, когда её нормальное, зрелое состояние теоретически не определено, то не может быть дан ответ на вопрос: в чем её «несовершенство»? Поэтому «точкой отсчёта при классификации рыночных структур служит рынок свободной или совершенной конку-

ренции ... хотя признакам свободной конкуренции не удовлетворяет практически ни один реально существующий рынок, тем не менее, классифицировать рынки можно по степени их соответствия или несоответствия конкурентному рынку» [9].

Другое дело, что только выяснение природы свободной конкуренции недостаточно для объяснения всех эмпирически конкретных процессов, происходящих на современном, в основном монополизированном рынке. Но в теоретическом познании невозможно учесть все многообразие предмета. Он в таком познании всегда абстрагирован, упрощен в той или иной степени соответственно уровням исследования. «Мы изучаем нормальный спрос

и нормальное предложение в их наиболее общей форме, мы игнорируем те аспекты, которые характерны для частных областей экономической науки, и сосредоточиваем внимание на тех широких отношениях, которые присущи всей науке в целом» [10]. В теории рыночной конкуренции необходимо свести её сложный феномен современного состояния к простейшему, но развитому состоянию, чтобы увидеть её суть и тогда «модель совершенной конкуренции служит основанием для построения более сложных моделей поведения рыночных субъектов и рынка в целом» [11]. И хотя здесь использован язык неоклассики и её «совершенной конкуренции», но общий смысл приведённого утверждения верен для методологии теоретического исследования природы и эволюции рыночной конкуренции. Это и подтверждает Дж. Стиглер: «В настоящее время концепция совершенной конкуренции используется экономистами в теоретической работе шире, чем когда-либо в прошлом. Этот триумф является сильным аргументом в пользу жизнеспособности теории совершенной конкуренции» [12]. Исходный уровень теоретического исследования должен быть упрощен до максимально допустимого (возможного), ясно обнаруживающего природу зрелой рыночной конкуренции. И как бы далее ни конкретизировалось это исследование, оно не может быть доведено до эмпирической данности.

Когда П. Самуэльсон отрицает теорию «совершенной конкуренции», не признает, что «теория совершенной конкуренции достаточно хороша для отражения реальной картины мира» [13], то с ним можно согласиться, если 1) он имел в виду неоклассическую теорию; 2) эта теория – *предпосылка* знания современной «реальной картины мира» конкуренции и монополии. Без неё нельзя теоретически знать, что представляет собой олигополия, монополистическая конкуренция, чистая монополия.

Э. Чемберлин также обосновывает, что «отправной точкой исследования нам служит «чистая» конкуренция ... Это менее широкое и гораздо более простое понятие, чем «совершенная» конкуренция» [14]. В понятии «чистой» он настаивает на важности *свободы* конкуренции: «совершенная конкуренция есть нечто отличное от чистой, понимаемой в смысле свободы конкуренции от элементов монополии» [15].

Эта методология должна (может) быть использована и для познания «монополистической конкуренции». Необходимо сначала теоретически знать, что есть свободная конкуренция, так как «теория

чистой конкуренции ... служит также исходным пунктом для анализа монополистической конкуренции» [16], и что есть монополия, ибо «что касается теории монополии ... то теория монополистической конкуренции включает её в себя и берёт в качестве исходного пункта» [17]. Далее нужно показать, как возможен их «синтез», а не просто «частично то, частично другое». А если в «монополистической конкуренции» монополия по дифференцированному товару не является чистой (полной), то должна быть «олигополистическая конкуренция» и потому предварительно должна быть исследована просто «олигополия» и конкуренция в ней без дифференцированного товара. Поэтому логика познания «несовершенной конкуренции» идёт по схеме: монополия → олигополия → монополистическая конкуренция, а не как обычно, когда монополистическая конкуренция в этой схеме стоит впереди.

Логика теоретического исследования, соответствующая истории эволюции рыночной конкуренции (возникновение, становление, зрелость, отрицание), отражается, по нашему мнению, в разделении и определении трёх родов рыночной конкуренции: внутрирыночной, межрыночной и межотраслевой. В существующей научной литературе по данному вопросу есть два направления: 1) разделение конкуренции на внутриотраслевую и межотраслевую; 2) неразличение, *смешение* всех «событий» конкуренции и её представление как абстрактно общей сущности этих явлений. Здесь и ценовая конкуренция, и неценовая, и общее рыночное равновесие и т. д.

Со вторым направлением можно определиться только путём теории трёх родов рыночной конкуренции. Что же касается первого направления, то здесь заметим, что термин «внутриотраслевая» применялся в классической теории в то время, когда термины «род занятий», «сфера деятельности», «отрасль» и т. д. применялись как равнозначные. В современном общественном производстве понятие «отрасль» включает в себя «подотрасли», в которых к тому же производятся *разного рода* товары, поступающие на свои особые рынки. В подотрасли «животноводство» производятся товары, поступающие на ряд самостоятельных рынков – мяса, молока, кож и т. д. В автомобилестроении (подотрасли машиностроения) производятся разные по роду товары – грузовики, легковые автомобили и им соответствуют разные рынки. Даже соль и сахар производятся в пищевой отрасли, но продаются на разных рынках. Поэтому

конкуренция ведётся на каждом из них особо и может быть названа «внутрирыночной». Название же «внутриотраслевая» конкуренция является в настоящее время некорректным, поскольку рынок сильно диверсифицирован, а конкуренция идёт в действительности породе товара.

Переход ресурсов товаропроизводителей (необязательно капиталистических) на «выгодные» рынки из «невыгодных» (с соответствующим применением ресурсов в «новых» сферах производства) порождает «межрыночную» конкуренцию. Что же касается «межотраслевой» конкуренции, то она сохраняет свой известный в науке смысл, ибо строение капитала и его оборот, а соответственно, норма прибыли различаются именно по отраслям. Таким образом, «рыночная конкуренция» – это научная категория, выражающая единую сущность, определяющую каждый из трех ее родов.

Итак, в соответствии с историко-генетическим исследованием рыночной конкуренции, логика её общей экономической теории определяется последовательным рассмотрением трёх родов конкуренции. В каждом из них выясняются: 1) *основание* как генетическая причина: «Ведь всё должно иметь своё основание» [18]; 2) *условие* осуществления, связанного с достаточным количеством субъектов конкуренции; 3) конкуренция как *действие* причины, процесс; 4) *результат* конкурентного процесса и его явление; 5) *следствия* каждого рода рыночной конкуренции. Это позволяет определить: 1) взаимодействие трёх родов конкуренции и их видоизменение при монополизации рынков; 2) реализовать данный подход в изучении конкуренции на рынке труда.

Список использованной литературы

1. Веблен Т. Почему экономика не является эволюционной наукой // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 2. С. 106.
2. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки и теории. 2-е изд. М.: Политиздат, 1984. С. 242.
3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.: Государственное изд-во, 1929. Т. 1: Энциклопедия философских наук, ч. 1. С. 153.
4. Стиглер Дж. Экономическая теория информации // Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 1995. Т. 2: Теория фирмы. С. 508.
5. Там же. С. 16.
6. Самуэльсон П. Э. Монополистическая конкуренция – революция в теории // Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 1999. Т. 2: Теория фирмы. С. 360.
7. Малахов С. Трансакционные издержки, экономический рост и предложение труда // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 53.
8. Робертсон Д. Рынки совершенной и несовершенной конкуренции // Экономическая теория: пер. с англ. М.: Инфра-М, 2004. С. 653.
9. Авдашева С., Розанова Н. Подходы к классификации рыночных структур в экономике России // Вопросы экономики. 1997. № 6. С. 140.
10. Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1984. Т. 2. С. 24.
11. Рудакова И. Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 30.
12. Стиглер Дж. Д. Совершенная конкуренция: исторический ракурс // Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 1995. Т. 2: Теория фирмы. С. 328.
13. Самуэльсон П. Монополистическая конкуренция – революция в теории // Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 1995. Т. 2: Теория фирмы. С. 357–360.
14. Чемберлин Э. Х. Теория монополистической конкуренции (реориентация теории стоимости). М.: Экономика, 1996. С. 33.
15. Там же. С. 56.
16. Там же. С. 39.
17. Там же. С. 107.
18. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 73.

УДК 330.341.42

В статье проанализированы принципы построения Классификаторов отраслей народного хозяйства и видов экономической деятельности, проведен их сравнительный анализ, отмечены существенные недостатки, в частности эклектизм в группировках. Сформулированы критерии и принципы построения монистической сущностной классификации видов экономической деятельности. Представлен авторский классификатор видов экономической деятельности (верхние уровни группировок).

Ключевые слова: Классификатор отраслей народного хозяйства (видов экономической деятельности); разделение труда; монистическая классификация; материальное производство; социально-духовное производство; сфера регулирования экономики.

The article analyzes the design principles of the economy and economic activities Classification. The comparative analysis of economic activity classifiers is conducted, significant shortcomings, particularly in groups of eclecticism are observed. The criteria and the essential principles of monistic classification of economic activities are developed. The author's Classification of Economic Activities (top-level groups) is presented.

Key words: economy (economic activity) Classification, economic activity Classifier; division of labor; monistic classification; material production, social and spiritual production, economy governance and management.

Г. И. Вовненко

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: vovna@mail.ru

От эклектики к монистическому принципу построения классификации видов экономической деятельности

Научная статья

G. I. Vovnenko

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: vovna@mail.ru

From Eclectic to Monistic Principle of Building Classification of Economic Activities

Scientific article

Возможности анализа структуры общественного производства и его результатов во многом зависят от применяемой в стране Классификации отраслей и видов экономической деятельности, так как вся статистическая отчетность предприятий составляется на ее основе.

Для целей народнохозяйственного планирования и учета в СССР с 1976 до 2003 г. применялся Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства (ОКОНХ). Все отрасли народного хозяйства с точки зрения общественного разделения труда и участия в создании совокупного общественного продукта и национального дохода разделялись на сферу материального производства и непроемственную сферу. Классификационной единицей отрасли являлось состоящее на самостоятельном балансе предприятие, учреждение, организация.

В ОКОНХ была применена иерархическая классификация. Признаками деления на всех ступенях является вид экономической деятельности. В классификаторе использовался 5-разрядный код. Отрасли с первым знаком в коде от 1 до 8 относятся к сфере материального производства, со

знаком «9» – к непроемственной сфере. В него неоднократно вносились изменения и дополнения, связанные с появлением новых видов деятельности и переосмыслением некоторых классификационных группировок. В последней редакции ОКОНХ от 15.02.2000 г. к сфере материального производства были отнесены следующие отрасли народного хозяйства: промышленность; сельское хозяйство; лесное хозяйство; рыбное хозяйство; транспорт и связь; строительство; торговля и общественное питание; материально-техническое снабжение и сбыт; заготовки; информационно-вычислительное обслуживание; операции с недвижимым имуществом; общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка; геология и разведка недр, геодезическая и гидрометеорологическая службы; прочие виды деятельности сферы материального производства.

К непроемственной сфере были отнесены следующие отрасли народного хозяйства и виды

деятельности: жилищно-коммунальное хозяйство; непроеизводственные виды бытового обслуживания населения; здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение; народное образование; культура и искусство; наука и научное обслуживание; финансы, кредит, страхование, пенсионное обеспечение; управление; общественные объединения; экстерриториальные организации и органы (введено Изменением № 24/2000, утв. Госстандартом РФ 15.02.2000).

Общесоюзному классификатору отраслей народного хозяйства был, на наш взгляд, присущ ряд серьезных недостатков. *Во-первых*, необоснованное исключение из сферы материального производства ряда отраслей, таких как жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание населения. К тому же в первых редакциях ОКОНХ из сферы материального производства были также исключены пассажирский транспорт и связь по обслуживанию населения. *Во-вторых*, составители ОКОНХ для выделения отраслей практически встали на путь эклектического сочетания и субъективного применения в одном случае признака общности используемого материала, в другом – общности технологии, в

третьем – назначения продукции. *В-третьих*, низшим объектом группировки выступало предприятие, производящее, как правило, не один вид продукции.

С 2003 г. взамен Общесоюзного классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) введен Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2001 (ОКВЭД). ОКВЭД построен на основе гармонизации с официальной версией на русском языке Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе – Statistical classification of economic activities in the European Community. С 2006 г. Росстат полностью перешел к публикациям статистических данных по системе ОКВЭД.

Объектами классификации в ОКВЭД являются виды экономической деятельности. В качестве классификационных признаков видов экономической деятельности в ОКВЭД используются признаки, характеризующие сферу деятельности, процесс (технология) производства и т. п. В качестве дополнительного (в пределах одного и того же процесса производства) может выделяться признак «используемые сырье и материалы» см. табл. 1.

Таблица 1

Верхний уровень группировки видов экономической деятельности в ОКВЭД

<i>Раздел</i>	<i>Наименование</i>
А	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство
В	Рыболовство, рыбоводство
С	Добыча полезных ископаемых
Д	Обрабатывающие производства
Е	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
F	Строительство
G	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования
Н	Гостиницы и рестораны
I	Транспорт и связь
J	Финансовая деятельность
К	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг
L	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение
M	Образование
N	Здравоохранение и предоставление социальных услуг
O	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг
P	Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства
Q	Деятельность экстерриториальных организаций

Сравнительный анализ ОКВЭД и ОКОНХ позволил нам сделать следующие выводы:

1. Одна из основных целей перехода от ОКОНХ к ОКВЭД – подготовка статистической информации для сопоставлений на международном уровне. Именно эта задача стимулировала введение нового классификатора. Однако мы разделяем точку зрения В. А. Бессонова о том, что переход к ОКВЭД нанес «колоссальный удар по возможностям анализа экономической динамики. Несмотря на то что ОКВЭД, будучи гармонизированным с международными стандартами, обладает несомненными преимуществами перед ОКОНХ, при переходе на новый классификатор не были восстановлены ретроспективные временные ряды показателей необходимой длины (так, данные по производству ВВП в структуре ОКВЭД доступны лишь с 2002 г.), что и породило проблему» [1];

2. В ОКВЭД отсутствует группировка видов деятельности, связанных с материальным и нематериальным производством, что не позволяет отследить эти важные в экономическом, политическом и социальном отношении пропорции;

3. В соответствии с Международной стандартной отраслевой классификацией (МСОК) единицей классификации является *заведение*, т. е. подразделение, занятое однородным видом деятельности с точки зрения состава производимых товаров и услуг, расположенное в одном месте. Однако в России в настоящее время в связи с проблемами получения от предприятий данных о затратах на производство в разрезе заведений в качестве классификационной единицы по-прежнему принимается *предприятие* [2];

4. В новом классификаторе – ОКВЭД – по-прежнему сохранилась и даже усилилась эклектичность классификационного признака. Вновь созданные разделы классификатора, не имеющие никакой связи с отраслевым делением, вызывают множество вопросов и недоразумений. Например, директор Социологического института РАН И. Елисеева в качестве примера неудачного реструктурирования приводит замену раздела «Промышленность строительных материалов» на подраздел DI «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов». В новый раздел входит около 3000 наименований, и никакой пользователь не догадается искать здесь строительные материалы [3].

Зачастую в один раздел сводятся несовместимые виды деятельности. Так, виды деятельности, связанные с культурой и искусством, физкультурой

и спортом, находятся в разделе «О» в рубрике «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» наряду с «Удалением сточных вод, отходов и аналогичной деятельностью»?

Особенно ярко эклектизм формирования нового классификатора, на наш взгляд, проявляется в разделе «К» «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг». Совершенно непонятно, что объединяет деятельность по проведению операций с недвижимым имуществом, по аренде и прокату различных объектов с деятельностью, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, научными исследованиями и разработками? Или с деятельностью в области права, бухгалтерского учета и аудита; консультированием по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием? Или рекламной деятельностью? Что общего между деятельностью по проведению исследований и обеспечению безопасности и чисткой и уборкой производственных и жилых помещений, оборудования и транспортных средств? Почему в этот раздел отнесли виды деятельности, связанные с решением технических задач, не включенные в другие группировки?

Подобное смешение видов экономической деятельности, к сожалению, наблюдается во многих разделах ОКВЭД. Анализ его содержания свидетельствует о недостаточной проработке методики нового классификатора, об отсутствии единого подхода к группировке видов экономической деятельности. Ни один из отмеченных нами недостатков, присущих ОКОНХ, в ОКВЭД не был устранен. Этот переход отражает не внутреннюю потребность российской статистики, а является данью глобализации, с которой связана необходимость владения общим статистическим языком. Представляется, что информация, собираемая и обрабатываемая на основе такой классификации, не дает достоверной и достаточно аналитической картины о видах экономической деятельности, необходимой для органов государственной власти и управления, общественных организаций, для развития бизнеса.

На наш взгляд, для решения многих отмеченных проблем, возникающих при анализе структуры общественного производства, необходимо и возможно построение *монистической классификации* видов экономической деятельности.

Идея построения монистической классификации производств и попытка ее реализации была

впервые выдвинута известным русским статистиком В. Е. Варзаром еще в 1927 г. «В основу всякой классификации, рассуждая строго логично, – писал В. Е. Варзар, – должен быть положен единый, главный признак расчленения наблюдаемых явлений или объектов...» [4]. Указывая на ограниченность признаков общности используемого материала и общности технологии, В. Е. Варзар останавливает свой выбор на потребительском назначении продукции как едином сквозном принципе классификации соответствующих видов производств. То, что он считал «непреодолимым затруднением» в практическом построении классификации производств и что, действительно, помешало ему довести ее от высшего уровня до низшего звена, – это проблема определения «законченного изделия», объективно однозначного различия продукта и полуфабриката. Проблема, конечно, трудная, но вполне разрешимая. Пределом членения, считает В. П. Лозовой, должно служить производство самостоятельной продукции, т. е. продукции для личного потребления или для не строго адресного производственного потребления. Он выделил в качестве сущностного критерия разделения труда *различие роли труда в формообразовании потребительских стоимостей* [5].

Согласно такому подходу вся система экономической деятельности страны может быть разбита на следующие подсистемы: материальное производство; социально-духовное производство; регулирующая (обслуживающая) сфера.

Исходя из различия роли труда в формообразовании потребительных стоимостей как сущностного и монистического признака можно, на наш взгляд, сформулировать следующие критерии для отнесения той или иной человеческой трудовой деятельности к каждой из трех сфер.

Критерием для отнесения трудовой деятельности к **материальному производству** является ее направленность, непосредственное воздействие на вещество природы (профильтрованное или не профильтрованное ранее трудом) с целью преобразования его в потребительную стоимость, удовлетворяющую общественную потребность.

Критерием для отнесения человеческой трудовой деятельности к **социально-духовному производству** является ее направленность, непосредственное преобразующее воздействие непосредственно на человека или общество с целью оказания определенной потребительской услуги. **Критерием** отнесения трудовой деятельности к **регулирую-**

щей сфере является ее направленность на регулирование, распределение и управление информационными, денежными и товарными потоками. Образно эту сферу деятельности можно назвать «виртуальной экономикой».

Материальное производство создает условия для *физического существования и воспроизводства людей*. Социально-духовное производство обеспечивает условия для их *социально-духовного воспроизводства*. Назначение регулирующей сферы деятельности – обеспечивать условия для *бесперебойного и эффективного функционирования материального и социально-духовного производства*. Расчет структуры национального общественного продукта на этом верхнем уровне позволит всем заинтересованным пользователям анализировать эволюцию общего разделения труда; получать информацию об уровне и динамике социальной направленности общественного производства и эффективности его управления, о соотношении реальной и «виртуальной» экономики. Используемая в настоящее время Классификация видов экономической деятельности не позволяет, по крайней мере, без предварительных трудоемких перегруппировок делать такой анализ.

Следующий уровень классификации видов экономической деятельности – это их группировка, отражающая сложившееся в каждой подсистеме общее разделение труда.

Опираясь на методологический подход В. П. Лозового [6] к анализу звеньев общественного разделения труда, попытаемся выделить следующие 9 крупных сфер («крупных отраслей») **материального производства**:

1) *сельское и лесное хозяйство* – труд направлен на поддержание естественных сил природы (регулирует биологический процесс);

2) *добывающую промышленность* – труд направлен на разрыв связи вещества природы с природой;

3) *обрабатывающую промышленность* (включая строительство) – труд направлен на изменение формы и свойств вещества природы (первичного или уже обработанного трудом);

4) *транспортную промышленность* (собственно транспорт и связь) – труд направлен на перемещение вещественных факторов и носителей сообщений (автомобиля, вагона, письма, звуковых и электромагнитных волн и т.п.) в пространстве;

5) *производства, дополняющие потребительские свойства продуктов* (водопроводное, теплофикационное, электрификационное хозяйства и

др.) – труд направлен на расширение потребительских свойств продуктов, произведенных ранее;

6) *ремонтно-восстановительные производства* – труд направлен на восстановление потребительских свойств продуктов, произведенных ранее;

7) *воспроизводство природных ресурсов и окружающей среды* – труд направлен на поддержание и восстановление естественных сил природы и вещества природы, возврат вещества, обработанного трудом, в круговорот вещества природы;

8) *хранение* – труд направлен на сохранение во времени потребительских свойств материалов и продуктов;

9) *естественные науки* – интеллектуальная деятельность, направленная на получение и применение новых знаний о материальном мире.

В *социально-духовной сфере*, исходя из различия роли и характера труда в формообразовании потребительных стоимостей, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие крупные отрасли:

1) *здравоохранение* – труд направлен на поддержание и восстановление здоровья человека;

2) *образование* – труд направлен на формирование знаний и развитие интеллектуальных способностей человека;

3) *социальное обслуживание* – труд направлен на поддержку жизнедеятельности нетрудоспособных или попавших в трудное положение людей;

4) *спорт и физическую культуру* – труд направлен на поддержание, развитие и формирование новых физических возможностей человека;

5) *парикмахерские и салоны красоты* – труд направлен на восстановление и поддержание хорошего внешнего вида человека;

6) *организацию отдыха и развлечений* – труд направлен на восстановление и поддержание хорошего физического, эмоционального и духовного состояния человека;

7) *деятельность в области искусства и культуры* – труд направлен на формирование и развитие духовных и эстетических качеств человека;

8) *деятельность общественных объединений* – труд направлен на организацию совместной деятельности людей для защиты общих интересов и достижения целей объединившихся граждан;

9) *общественные науки* – интеллектуальная деятельность, направленная на получение и применение новых знаний о человеке и обществе.

В *регулирующей (обслуживающей) сфере деятельности*, исходя из различия роли и характера труда в формообразовании потребительных

стоимостей, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие крупные отрасли:

1) *государственное управление* – деятельность органов государственной власти по целенаправленному воздействию на субъекты государственной системы с целью выработки и реализации определенного экономического и политического курса;

2) *обеспечение военной безопасности* – это деятельность, направленная на поддержание обороноспособности страны, предупреждение и сдерживание агрессии, уменьшение опасности национальным интересам страны и вероятности ее вовлечения в войну или военные конфликты, а в случае возникновения угрозы интересам государства, общества, личности обеспечение их вооруженной защиты;

3) *консалтинговая деятельность* – это деятельность по консультированию различных пользователей по широкому кругу вопросов в сфере финансовой, юридической, технологической, технической, экспертной деятельности, т. е. это любая помощь, оказываемая внешними консультантами, в решении той или иной проблемы;

4) *финансовая деятельность* – это деятельность, связанная с образованием, распределением, движением и использованием финансовых ресурсов;

5) *торговля* – труд, направленный на доведение до потребителя экономических благ, созданных природой или в сфере производства или закупленных в других странах. То есть, исходя из критерия направленности труда, в эту сферу должны входить собственно торговля (оптовая и розничная), риэлторская деятельность, лизинг, рекрутинг, торговля ценными бумагами и т. п. деятельность.

Примерно так, на наш взгляд, должен выглядеть второй уровень монистической классификация видов экономической деятельности, если последовательно применять критерий различия роли и характера труда в формообразовании потребительных стоимостей.

Следующий уровень классификации видов экономической деятельности должен быть связан с **частным разделением труда**. Различие конкретности, полезности труда в рамках его роли в формообразовании потребительских стоимостей составляет сущностный принцип частного разделения труда. На этом основании все крупные сферы экономической деятельности подразделяются на крупные отрасли, типы, подтипы, роды, подроды и виды производств.

Несмотря на то что автором разработана достаточно детализированная монистическая (сущностная) классификация экономических видов

деятельности для материальной сферы, мы отдаем себе отчет в том, что разработка классификатора видов экономической деятельности с полным и последовательным выделением промежуточных ступеней – это работа, требующая усилий многих исследователей и практических работников. Поэтому на рисунке схематично представлена лишь одна из ветвей классификатора, характеризующая

всю глубину иерархической системы, т. е. на ней отражены все ступени классификатора.

Выражаем надежду, что изложенные в статье принципы построения сущностной классификации видов экономической деятельности вызовут практический интерес, особенно в свете поисков новых подходов к измерению эффективности экономики и общественного прогресса.

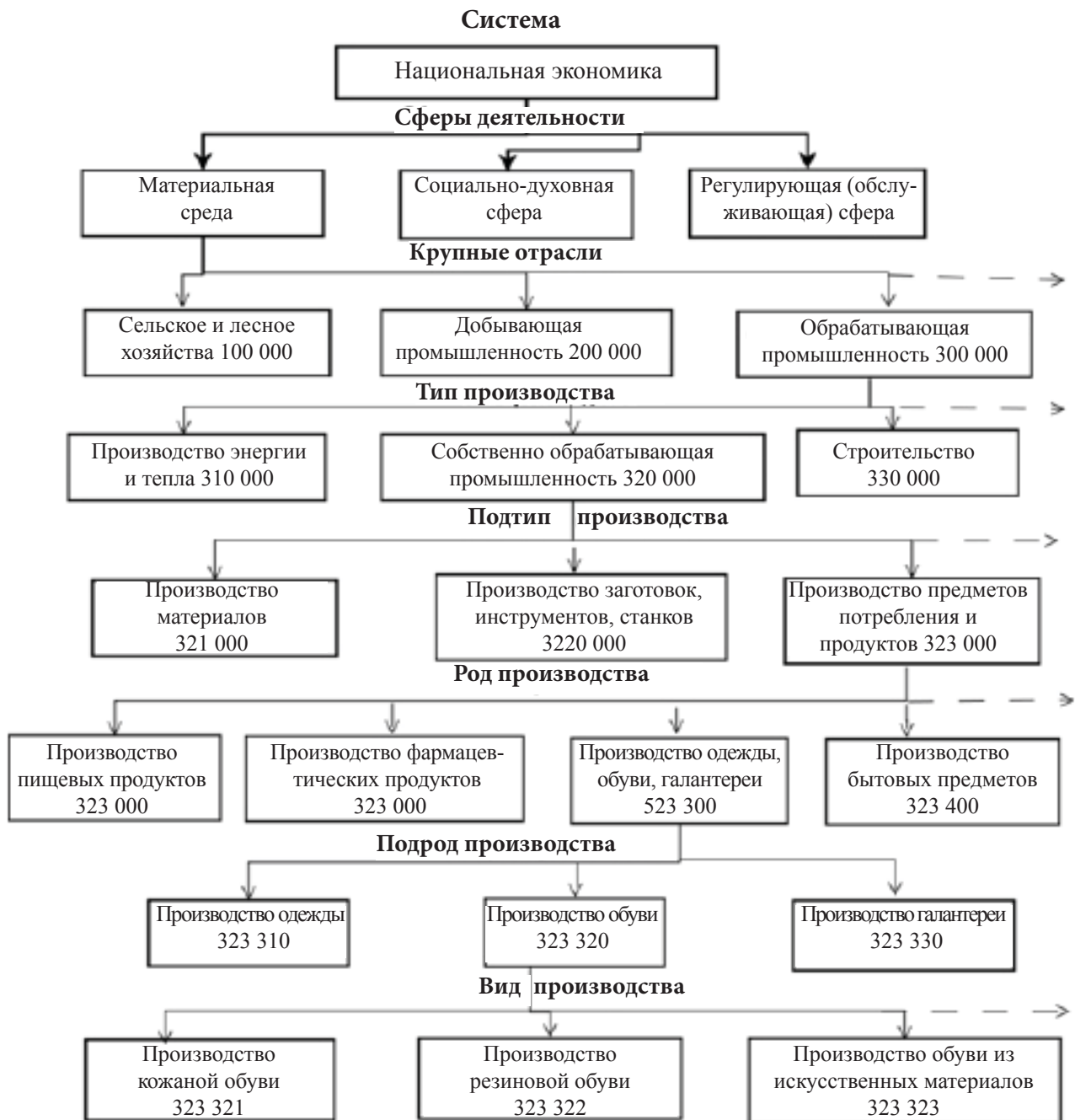

Рис. Схема иерархической структуры сущностной монистической классификации видов экономической деятельности

Список использованной литературы

1. Бессонов В. А. Взгляд на российскую статистику со стороны пользователя: Препринт WP2/2009/02. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. С. 21.
2. Экономическая статистика. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 671.
3. Елисеева И. Российская статистика на современном этапе // Вопросы экономики. 2011. № 2. С. 88.
4. Варзар В. Е. Очерки основ промышленной статистики. Ч. 2. Классификация производств. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 67.
5. Лозовой В. П. Общественное разделение труда и формы производства развитого социализма (методология и теория). Ярославль: Верхне-Волжское изд.-во, 1976. С. 68–73.
6. Лозовой В. П. Общественное разделение труда как внутренний момент форм производства и основа классификации отраслей народного хозяйства в коммунистической формации (методология и теория): дис...-ра экон. наук. Л., 1980. С. 342–343.

УДК 338.1

В статье обосновывается система классификации инновационных проблем в зависимости от влияния на сохранение инновационной инертности в российской экономике. В основе систематизации – выделение глобальных инновационных вызовов, инновационных угроз и инновационных барьеров, что дает возможность повысить эффективность регулирующих воздействий и сосредоточить усилия на проблемах, в наибольшей степени снижающих инновационную активность.

Ключевые слова: инновации; глобальные инновационные вызовы; инновационные угрозы; инновационные барьеры; инновационная стагнация; инновационное развитие; инновационный потенциал.

The article substantiates the classification system of innovation problems depending on the impact on the conservation of innovation passivity in the Russian economy. In the basis of systematization – the allocation of innovative global challenges, innovative threats and innovation barriers, which gives an opportunity to increase the efficiency of the regulatory impacts and focus efforts on issues which to the greatest extent reduce the innovative activity.

Key words: innovation; global innovative challenges; innovative threat; innovative barriers; innovative stagnation; innovative development; innovative potential.

Е. Ф. Никитская

Одинцовский гуманитарный институт

E-mail: elena-nikitskaya@yandex.ru

Систематизация проблем инновационного развития России

Научная статья

E. F. Nikitskaya

Odintsovo Humanitarian Institute

E-mail: elena-nikitskaya@yandex.ru

Systematization of Russia's Innovative Development Problems

Scientific article

В многочисленных государственных программах документах, трудах ученых РАН, посвященных проблемам инновационной экономики, сформулирована задача активизации инновационного развития российской экономики. На первый взгляд изобилие проблем создает впечатление непреодолимости инновационной инертности в России и порождает пессимистические настроения по поводу перспектив инновационного будущего российской экономики. Об этом, в частности, говорится в Докладе о развитии человеческого потенциала, подготовленном по инициативе Программы развития ООН (ПРООН). В нем нарисована впечатляющая картина будущего России без модернизации и инноваций: «Будет страшно скучная страна. При отсутствии модернизации через десять лет она будет выглядеть так: какое-то количество крупных собственников живет в городе Лондоне, преобладающее население страны Россия – это охранники той собственности, которой владеют люди, живущие в городе Лондоне, и гастарбайтеры, которые строят объекты той собственности, которую охраняют охранники, управляемые менеджерами, назначен-

© Никитская Е. Ф., 2012

ными теми людьми, которые живут в городе Лондоне... А все сколько-нибудь талантливые дети вывозятся за границу» [1]. К большому сожалению, черты такого будущего начали формироваться уже сегодня. Однако очевидно, что подавляющее большинство граждан России оно вряд ли устроит.

Как отмечается в Концепции долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года, для изменения сложившейся ситуации и обеспечения конкурентоспособности национальной экономики в долгосрочном периоде «необходимо организовать процесс формирования согласованного видения технологического будущего России у всех участников этого процесса: государства, бизнеса, науки, гражданского общества и совместными усилиями пытаться реализовать поставленные цели» [2]. Именно поэтому крайне важно переломить негативные тенденции, блокирующие инновационный прорыв.

В научных исследованиях и публикациях проблемы инновационного развития представлены, как правило, фрагментарно. Примером могут пос-

лужить два рейтинга, разработанные с временным интервалом в 10 лет. Первый рейтинг составлен по состоянию на 1998 г., включает 17 факторов и опубликован на сайте «Бюджетная система в России»; второй рейтинг относится к 2008 г., создан в рамках проекта Tacis, посвящен перспективам развития инновационной инфраструктуры Ленинградской области и включает 14 факторов [3]. Ранжирование факторов, представленных в упомянутых рейтингах, является спорным, поскольку некоторые из них оказались на низких позициях, в то время как сегодняшняя ситуация свидетельствует об их приоритетной значимости. В частности, речь идет о следующих факторах:

- невосприимчивость предприятия к нововведениям (11-я позиция в рейтинге 1998 г., 7-я позиция в рейтинге 2008 г.);
- недостаток возможностей для кооперирования с другими предприятиями и научными организациями (12-я позиция в рейтинге 1998 г., 9-я позиция в рейтинге 2008 г.);
- неразвитость инновационной инфраструктуры (16-я позиция в рейтинге 1998 г., отсутствие позиции в рейтинге 2008 г.);
- неразвитость рынка технологий (17-я позиция в рейтинге 1998 г., отсутствие позиции в рейтинге 2008 г.).

Изучение национальных докладов, государственных концепций и стратегий позволило автору выявить более сотни проблем, отличающихся масштабом и характером влияния на развитие экономики знаний в нашей стране, и очевидно, что этот перечень не является исчерпывающим. Неоспоримо, что одновременно преодолеть многочисленные и преимущественно системные проблемы невозможно за относительно короткий промежуток времени. Однако при более внимательном рассмотрении инновационных проблем и применении к ним казуального, то есть причинно-следственного подхода, осуществляемого по схеме *причина* → *механизм* → *последствия*, обнаруживается, что круг труднопреодолимых препятствий значительно сужается.

Основная идея заключается в разделении проблем инновационного развития на три основных типа: глобальные инновационные вызовы, инновационные угрозы и инновационные барьеры. К инновационным вызовам автор относит глобальные факторы, связанные с угрозой национальной безопасности. Они определяют неизбежность инновационного развития при наличии намерений

у правительственных структур усилить конкурентные позиции российской экономики на международной арене. *Инновационные угрозы* в рамках данной статьи рассматриваются, как неблагоприятный макроэкономический фон и деструктивные тенденции в экономической и социальной сферах, сопряженных с инновационной сферой. Они создают серьезные затруднения, но то же время не исключают возможность технологических преобразований в российской экономике. *Инновационные барьеры* представлены как крайне острые проблемы, создающие в настоящий момент реальные препятствия для полномасштабного запуска инновационных механизмов.

Следует подчеркнуть, что глобальные вызовы сегодня – это в определенном смысле стимулирующие факторы. В будущем при условии их игнорирования при формировании государственной экономической политики они могут превратиться в инновационные угрозы и барьеры. Стимулирующая роль инновационных вызовов и угроз подчеркивается М. Ю. Малкиной, которая указывает, что «... у общества в целом существует ... мощный мотив, побуждающий к инновациям, – мотив выживания, обусловленный страхом, который можно трактовать как субъективное восприятие реальных или мнимых угроз. Неслучайно инновации часто появляются в тех сферах, где поставлено под угрозу выживание общества, а именно: в сферах разработки альтернативных ресурсов и источников энергии, систем здравоохранения, борьбы с терроризмом, экологической, информационной, ядерной угрозой и пр.» [4].

Анализ литературных источников показал, что по количественному составу наиболее многочисленны инновационные угрозы, далее следуют инновационные барьеры и завершают список глобальные вызовы. При этом имеет место большое разнообразие взглядов на причины инновационной стагнации, отсутствие единства в подходах к преодолению инновационных проблем. Специалистами, изучающими инновационную сферу, нередко делается акцент на «крайне острой проблеме», «основном препятствии», «критически «узком» месте» и т. п. В таблице 1 приведены примеры приоритетных проблем, сформулированных в исследованиях ученых РАН и в правительственных программах.

С одной стороны, основные проблемы инновационного развития, указанные в таблице, отражают ситуацию низкой степени готовности Рос-

Ключевые проблемы инновационного развития России

<i>Содержание проблемы</i>	<i>Характер проблемы</i>	<i>Источник</i>
«Критическим «узким» местом российской инновационной системы является связь между исследованиями, проводимыми государственными институтами и частными компаниями...»	Проблема развития национальной инновационной системы	[5, с. 20]
«Крайне острая проблема, с которой сталкиваются отечественные инноваторы, – нехватка квалифицированного персонала».	Кадровая проблема	[6, с. 58]
«Основное препятствие развитию отечественной индустрии рискованного капитала – отсутствие источников капитала».	Проблема финансирования инноваций	[6, с. 92–93]
«Критическим фактором в деятельности машиностроительных предприятий становится не отсутствие инвестиций, а невозможность эффективно ими распорядиться из-за утраты инновационного потенциала – квалифицированных специалистов, научно-производственных лабораторий, конструкторско-технологических бюро, связей с наукой»	Отсутствие необходимой инновационной инфраструктуры	[6, с. 18]
«Основная причина низких темпов перехода страны на инновационный путь развития связана с недооценкой проблемы субъектности российского развития, ... проекты носят ярко выраженный характер неконтролируемых бизнес-проектов в интересах узкой группы лиц. В них слабо представлена социальная ориентация в интересах граждан России...»	Реализация бизнес-проектов в интересах узкой группы лиц в ущерб интересам широких слоев населения	[7, с. 5]
«Главная проблема российского научно-технологического комплекса – значительный разрыв между имеющимися ресурсами (главным образом, научно-технологическим потенциалом) и эффектом от их использования»	Проблема эффективности инновационного развития	[6, с. 83]
«... в настоящее время ключевой проблемой является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике...»	Низкий спрос на инновации	[8, с. 7]

сии к технологическим преобразованиям в силу их множественности и системности, с другой стороны, сам процесс осмысления проблем является важным шагом на пути их решения. Кроме того, совершенно очевидно, что решение какой-либо одной из проблем не сдвинет инновационную инертность с «мертвой точки».

Систематизация инновационных вызовов с учетом причинно-следственных связей представлена на рис. 1. Основными информационными источниками для формирования представленной ниже структурно-логической схемы и последующего ее описания послужили [9]. Как правило, причины и следствия, связанные с глобальными вызовами, исследователями ставятся в один ряд, что усугубляет негативные представления о внешнеэкономических инновационных проблемах. Данное обстоятельство учтено при разработке указанных причинно-следственных связей и, кроме того, глобальные инновационные вызовы поставлены в

соответствие с негативным влиянием на ключевые интегральные факторы развития инновационного потенциала России – инвестиционную привлекательность, финансовую обеспеченность и человеческий капитал, указанные в [10].

В целом ситуация, связанная с инновационными вызовами, может быть охарактеризована следующим образом. Потенциал экспортно-сырьевой модели экономического развития близок к исчерпанию. Неустойчивая конъюнктура мирового рынка энергоносителей может повлиять на конкурентоспособность российских энергоресурсов, что определяет необходимость повышения модернизационных усилий в топливно-энергетическом комплексе. Важнейшей современной технологической тенденцией является развитие альтернативной энергетики, появление технологий добычи углеводородов из нетрадиционных источников, включая сланцы и нефтеносные пески. Высказывается серьезное опасение, что это может привести к снижению спроса

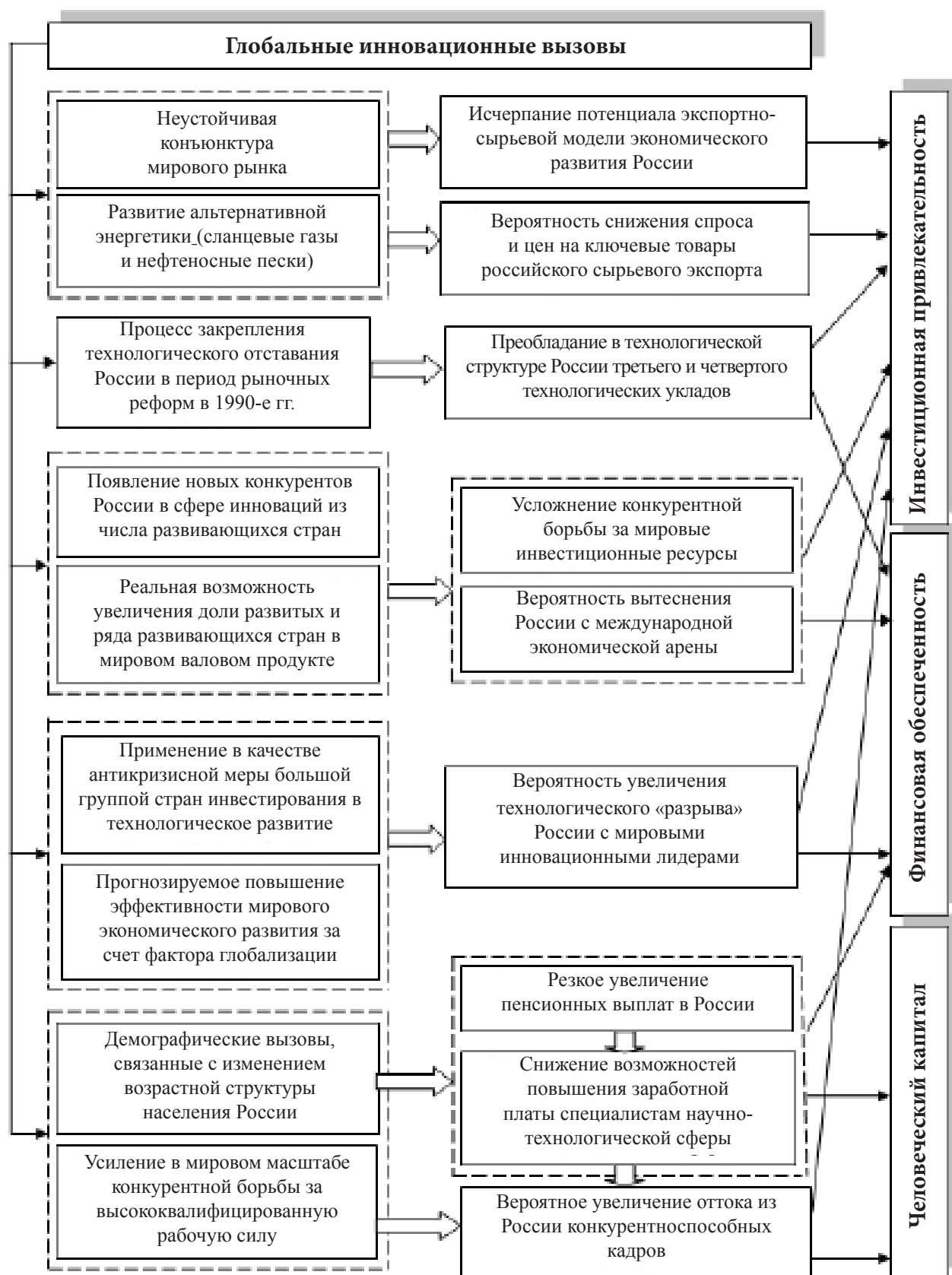

Рис. 1. Структурно-логическая схема причинно-следственных связей инновационных вызовов

и цен на российский сырьевой экспорт. Существуют прогнозы, согласно которым новые виды топлива произведут революцию на мировом рынке углеводородов. Последствие очевидно – снижение поступлений в государственный бюджет доходов от продажи энергоносителей, что в сложившейся экономической модели представляет собой угрозу национальной безопасности России [11].

В период радикальных рыночных реформ Россия откатилась в среднем на 10–15 лет назад по уровню развития высоких технологий. Сегодня наша страна находится преимущественно в третьем, четвертом и на первых этапах пятого технологического уклада, в то время как в мировой экономике завершается активная фаза развития пятого технологического уклада и наметился переход к шестому укладу. В целом российская экономика демонстрирует отставание от развитых стран при увеличении технологического разрыва.

Ситуация, связанная с технологическим отставанием, усугубляется процессами глобализации в большинстве регионов мира, которые происходят на основе НТП. Прогнозируется улучшение показателей мирового экономического роста за счет эффекта глобализации, что проявит себя в повышении темпов производительности труда и общей эффективности хозяйства. Конкурентами России становятся не только мировые лидеры в сфере инноваций, но и многие развивающиеся страны, государства – участники СНГ. В связи с указанными обстоятельствами выдвигается предположение о реальной возможности увеличения их доли в мировом валовом продукте, что, несомненно, приведет к вытеснению России с международной экономической арены.

Существует ряд обстоятельств, которые могут отрицательно повлиять на перспективы инновационного развития России. В первую очередь необходимо отметить, что в качестве ключевой антикризисной меры большая группа стран, включая США, Японию, государства – члены Европейского союза, Китай, Индию и Бразилию, рассматривает инвестирование в технологическое развитие. В этих условиях траектория экономической динамики России вновь изменилась в связи с мировым финансовым кризисом, который ослабил возможности отечественной экономики в сфере развития инноваций.

Еще одним вызовом является возрастание в мире роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Возможности России и в данном направлении ограничены демог-

рафическими факторами. В частности, в последние годы произошло резкое увеличение пенсионных выплат и, соответственно, снизились возможности повышения заработной платы специалистам, занимающимся научными изысканиями и технологическими разработками. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «О стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.» по показателю «отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в образовании к среднемесячной номинальной начисленной заработной плате по экономике страны в целом» планируется выйти на 100-процентный уровень только к 2020 году. Учитывая усиление в мировом масштабе конкурентной борьбы за высококвалифицированную рабочую силу и инвестиции, привлекающие в проекты новые знания, технологии и компетенции, увеличение оттока из страны конкурентоспособных кадров вероятнее всего продолжится.

Ученые и эксперты, работающие в области инноватики, указывают на огромное количество проблем, которые в соответствии с принятой в рамках данной статьи терминологией могут быть отнесены к инновационным угрозам. Можно еще раз подчеркнуть, что инновационные угрозы связаны преимущественно с внутренними негативными факторами российской экономики и в краткосрочной перспективе не создают явных препятствий для преодоления инновационной инертности. Более того, некоторые из угроз свидетельствуют о процессе «отбраковки» и «отмирания» устаревших технологических укладов.

На рис. 2 представлена схема классификации инновационных угроз по целому ряду макроэкономических проблем, характерных для современного состояния российской экономики и принятых в качестве классификационных признаков. Для изучения инновационных угроз использованы те же источники, что и в случае глобальных инновационных вызовов, а также [12].

На схеме отражен далеко не полный перечень инновационных угроз – выделены лишь основные по причине их многочисленности. Необходимо также отметить, что не всегда можно провести четкую грань между глобальными инновационными вызовами и инновационными угрозами; остается место для спорных моментов, что вполне закономерно при общем несовпадении взглядов на проблемы инновационного развития.

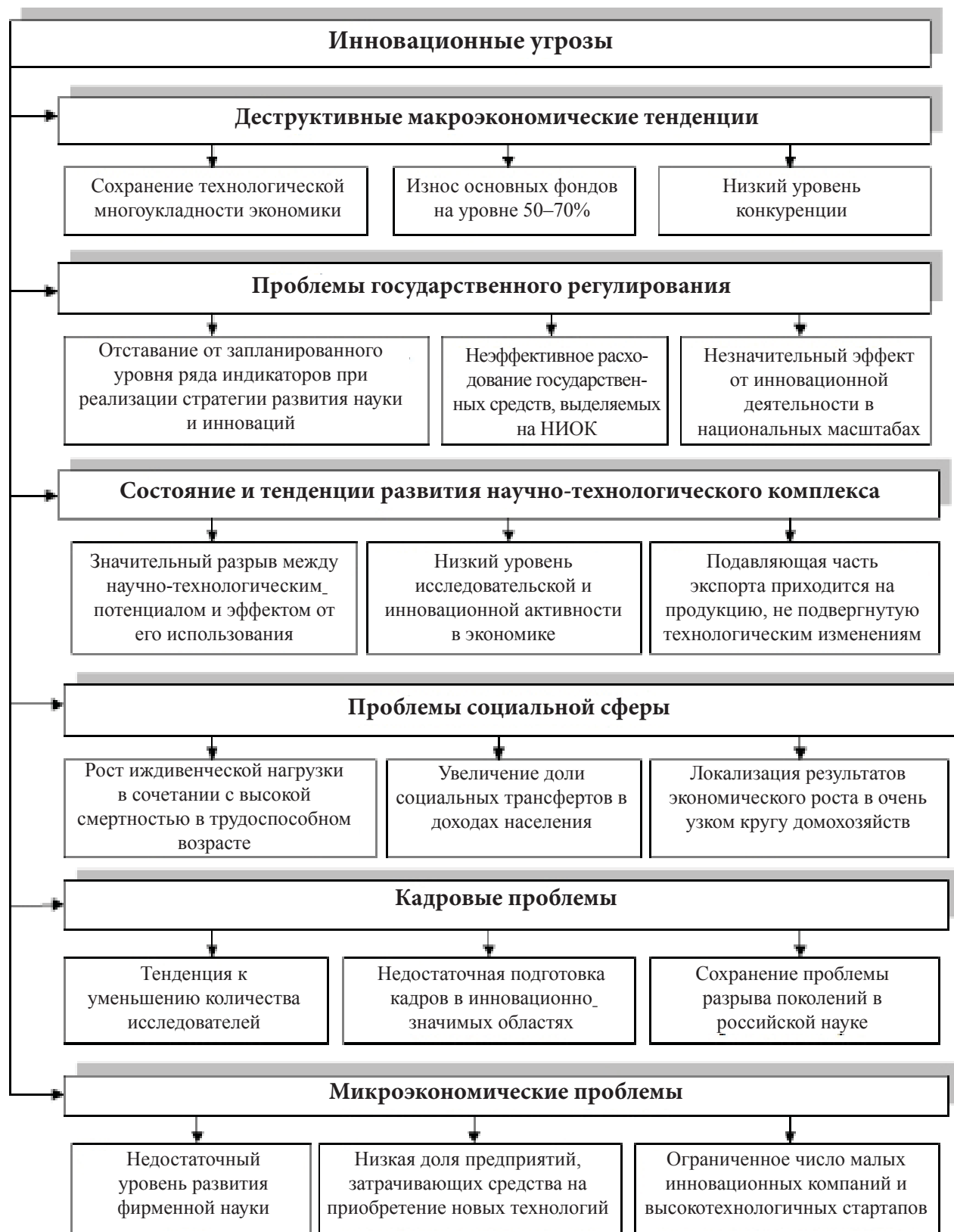

Рис. 2. Схема классификации инновационных угроз в российской экономике

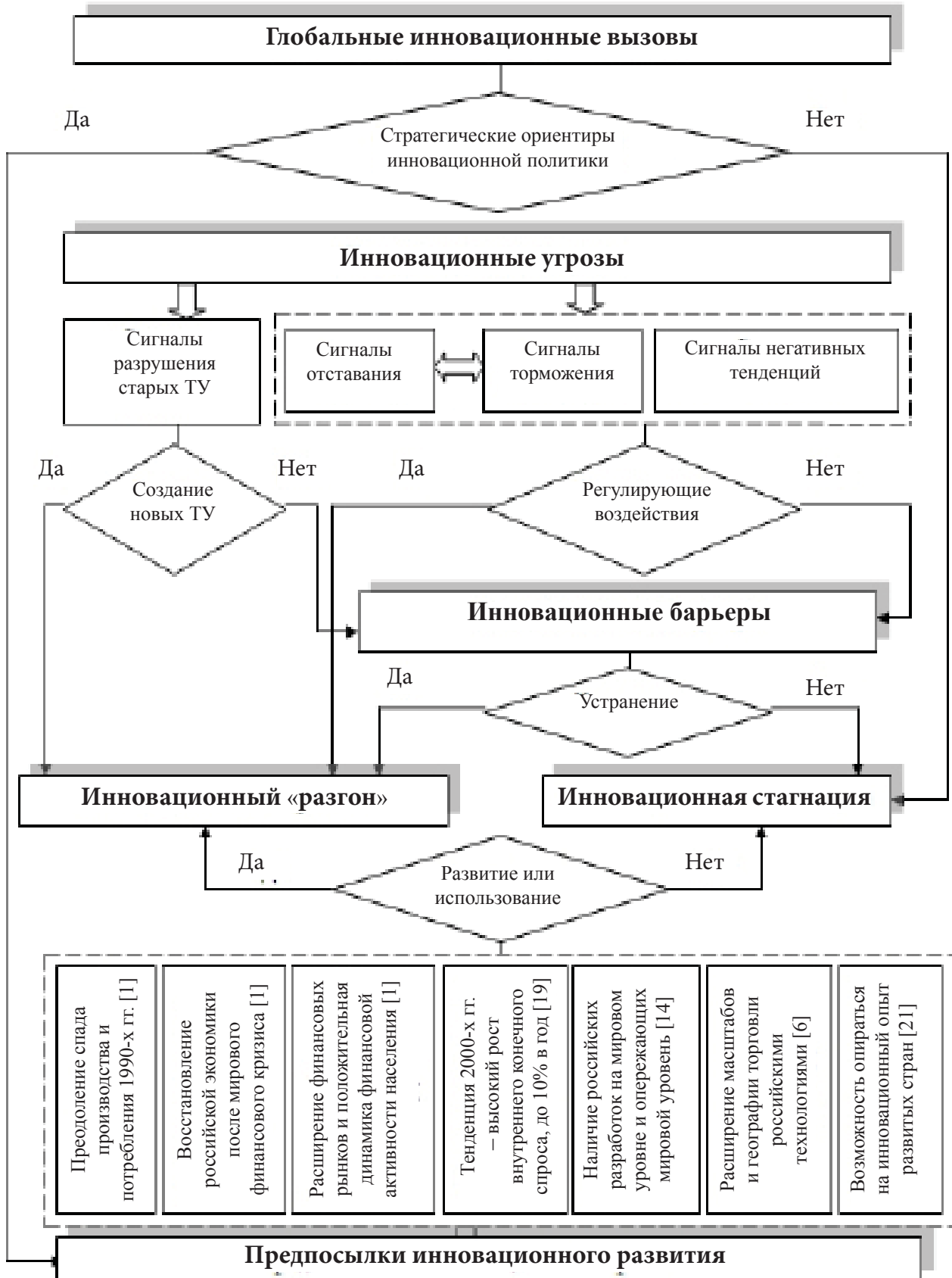

Рис. 3. Функциональная модель взаимодействия проблем и предпосылок инновационного развития России

Инновационные угрозы можно трактовать как деструктивные макро-экономические «сигналы», среди которых можно выделить:

- «сигналы» разрушения устаревших технологических укладов;
- «сигналы» торможения, свидетельствующие об инновационной инертности;
- «сигналы» отставания, свидетельствующие о нарастании отрыва от мировых лидеров по основным показателям, определяющим уровень научно-технологического развития;
- «сигналы» негативных тенденций, характеризующие макроэкономические процессы, негативно влияющие на инновационное развитие.

Предложенный подход дает основания установить своего рода «фильтр», отделяющий инновационные угрозы, требующие активного регулирующего воздействия, от угроз, которые могут исчезнуть сами собой при условии реализации эффективной инновационной политики. Примерами последних являются «сигналы» разрушения устаревших технологических укладов, в частности, повышенный износ основных

фондов, старение материально-технической базы в научно-технологической сфере и др.

Принцип отнесения экономической проблемы к инновационному барьеру состоит в ответе на вопросы: приведет ли преодоление данной проблемы к инновационной активизации? приблизит ли решение проблемы к инновационному лидеру? Если да, то мы имеем дело с инновационным барьером. Применение этого принципа позволило выделить ряд ключевых деструктивных факторов, то есть барьеров, которые должны стать предметом пристального внимания со стороны государства. На этапе инновационного «разгона» ключевая роль инициатора и гаранта организации инновационного процесса принадлежит именно государству. Это подтверждается тем, что представленные в табл. 2 инновационные барьеры сформулированы, в том числе, в государственных стратегиях и концепциях инновационного развития, то есть хорошо известны в правительственных кругах.

Основные выводы по результатам изучения инновационных барьеров России состоят в следующем:

Таблица 2

Инновационные барьеры в российской экономике

<i>Содержание инновационного барьера</i>	<i>Область регулирования</i>
Преодоление «фрагментарного» состояния национальной инновационной системы (НИС)	Формирование НИС
Неразвитость связей между основными участниками национальной инновационной системы «государство – наука – бизнес»	Формирование НИС
Снижение бюджетных расходов на научные исследования	Финансирование инновационного развития
Неблагоприятный имидж государственного регулирования в силу неспособности преодолеть масштабную коррупцию	Антикоррупционная политика высшей школы, встраивание вузов в НИС
Отсутствие влияния высшей школы как основного двигателя развития инноваций на инновационную активизацию.	Реформирование
Низкая готовность бизнес-сектора внедрять инновации, как следствие, низкое финансирование НИОКР и инновационных проектов.	Стимулирование развития инноваций в частном секторе
Недостаточное количество участников инновационного процесса, отсутствие импульса «снизу».	Стимулирование развития инноваций в частном секторе
Общепринятое представление об отсутствии либо недостаточности рискованного капитала.	Развитие инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности инноваций
Отсутствие опыта управления инновационными проектами	Расширение подготовки специалистов в области инноватики
Непривлекательность занятия научной деятельностью из-за низких заработной платы и, как следствие, старение научно-исследовательских кадров	Регулирование оплаты труда в научно-исследовательском секторе

- более приоритетной проблемой является слабое развитие национальной инновационной системы, менее приоритетной проблемой – отсутствие источников финансирования;

- в ситуации «фрагментарного» состояния национальной инновационной системы финансирование мероприятий НИОКР, как и финансирование инновационных проектов может оказаться неэффективной мерой, поскольку экономика недостаточно готова к трансферу технологий в сферу бизнеса;

- главными задачами на этапе преодоления инновационной инертности является выявление и устранение системных недостатков существующей национальной инновационной системы, формирование основ ее обновления и модернизации, обеспечение в дальнейшем ее надежного и эффективного функционирования;

- при наличии развитой инновационной инфраструктуры дефицит внутренних источников финансирования инноваций в российской экономике может быть компенсирован привлечением иностранных инвестиций.

Формирование политики управления инновационным развитием должно осуществляться с учетом не только существующих инновационных проблем, но и достигнутых условий благоприятствования. На рис. 3 отражена функциональная модель взаимодействия инновационных проблем и предпосылок инновационного развития. Особенности данной модели является, во-первых, построение иерархической связи между инновационными вызовами, барьерами и угрозами, во-вторых, установление связи между глобальными вызовами и предпосылками развития инноваций и, в-третьих, определение условий, при которых возможны один из двух сценариев развития – инновационный «разгон» или инновационная стагнация.

Преодоление инновационной инертности сопряжено с реализацией целого комплекса системных изменений, которые необходимо осуществлять одновременно. В противном случае можно столкнуться с напрасной тратой усилий и ресурсов. Так, например, наращивание вложений в образование без создания условий для трудоустройства выпускников с достойным уровнем оплаты труда приведет к тому, что средства налогоплательщиков будут потрачены на специалистов, которые найдут себе применение только за рубежом. Похожая ситуация связана с финансированием НИОКР без создания условий для коммерциализации технологий. В то же время проведенный анализ состояния инновационной сферы

российской экономики дает основания для оптимизма, поскольку реальных препятствий для запуска инновационных механизмов гораздо меньше, чем инновационных проблем в целом.

Список использованной литературы

1. Доклад о развитии человеческого потенциала: Модернизация и развитие человеческого потенциала. URL: <http://www.undp.ru/documents/nhdr2011rus.pdf> (дата обращения: 17.10.2012).
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 10.10.12).
3. Никитская Е. Ф. Инвестиционный климат и инновационное развитие в инфляционном ракурсе: монография. М: МИРБИС, 2010. С. 159–160.
4. Эффективное государственное управление инновационной экономики: политика инновационного развития: монография / под ред. С. Н. Сильвестрова, И. Н. Рыковой. М.: Дашков и Ко, 2011. С. 11.
5. Национальные инновационные системы в России и ЕС. М.: ЦИПРАН РАН, 2006. 280 с. URL: http://artemed.ucoz.ru/nacionalnye_innovacionnye_sistemy_v_rossii_i_es.pdf (дата обращения: 17.10.2012).
6. Концепция долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2006. URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/5053/prog.ntr.pdf> (дата обращения: 21.10.2012).
7. Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009. 208 с.
8. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. NQ 2227-п). URL: http://www.miiris.ru/docs/rtf/strateg_innov_2020.pdf (дата обращения: 21.10.2012).
9. Там же. С. 2–3; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года; Методические рекомендации и материалы по разработке прогноза научно-технологического и социально-экономического развития России до 2030 г.: материалы секций Координационного совета Российской академии наук по прогнозированию. М.: ИНЭС, 2010. URL: http://www.rusfuture.newparadigm.ru/files/10.04.20.ran_book_all.pdf (дата обращения: 17.10.2012); Методические аспекты инновационного развития России: Проектно-аналитическая записка по итогам работы

КИР за 2009 г. / отв. ред. В. Е. Лепский. URL:<http://www.reflexion.ru/club/KIR-PZ.pdf> (дата обращения: 18.10.12); «Сланцевый газ есть везде» // Деловая газета «Взгляд». URL:<http://vz.ru/economy/2010/4/29/397805.html> (дата обращения: 07.05.2012); Кузык Б. Н. Инновационное развитие России: сценарный подход. NanoWeek» 1–18 января 2010г. №94. URL:<http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/innovatsionnoe-gazvitie-rossii-stsenarnyi-podkhod> (дата обращения: 17.10.2012); Никитская Е. Ф. Инновационный потенциал как основа устойчивого экономического роста // Интеграл. М., 2012. С. 48–50.

10. Никитская Е. Ф. Инновационный потенциал...

11. Национальные инновационные системы в России и ЕС. М.: ЦИПРАН РАН, 2006. 280 с. URL:http://artemed.ucoz.ru/nacionalnye_innovacionnye_sistemy_v_rossii_i_es.pdf(дата обращения: 17.10.2012);

Концепция долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2006. URL:<http://mon.gov.ru/files/materials/5053/prog.ntr.pdf> (дата обращения: 17.10.2012); Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации: Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации. М., 2009. 208 с.; Обзоры инновационной политики ОЭСР: Российская Федерация 2011. URL:<http://www.oecd.org/dataoecd/62/50/48098738.pdf> (дата обращения: 27.10.2012).

12. Глазьев С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов. 21 июля 2009 г. URL:<http://www.glazev.ru/scienexpert/84/> (дата обращения: 27.10.2012).

УДК 338.28

В статье рассматривается кластер как инновационная форма сетевой интеграции высокотехнологичных предприятий с точки зрения проектного подхода, применение которого позволяет выработать эффективный управленческий инструмент, способствующий росту конкурентоспособности бизнеса за счет эффективного взаимодействия участников кластера.

Ключевые слова: кластер; инновация; инновационный проект; стоимость.

The article considers the cluster as an innovative form of network integration of high-tech enterprises in terms of project approach, which allows the application to develop an effective management tool that promotes the growth of business competitiveness through the effective interaction between members of the cluster.

Key words: cluster; innovation; innovative project; value.

Е. А. Большакова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: bolschakova.alen@yandex.ru

Кластер как инновационный проект открытого типа

Научная статья

Е. А. Bolshakova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: bolschakova.alen@yandex.ru

Cluster as an Open Type Innovative Project

Scientific article

Процессы проектирования, создания и эффективности функционирования кластера как совокупности отдельных его участников, т. е. сети, являются ключевыми при разработке стратегий социально-экономического развития ряда федеральных субъектов и муниципальных образований страны.

Основная цель реализации кластерной политики Российской Федерации сформулирована в Методических рекомендациях [1] как обеспечение высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики за счет повышения конкурентоспособности предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, входящих в территориально-производственные кластеры.

Однако, несмотря на очевидную важность формирования и развития кластеров, в содержании и научной обоснованности кластерной концепции в России в последние десятилетия остаются проблемы, среди которых можно выделить следующие:

- сложность и наличие существенных расхождений в определении критериев отнесения той или иной системной совокупности предприятий к понятию «кластер», а значит, и в измерении эффективности их влияния на экономику в целом;

- отсутствие четкого подхода к восприятию и толкованию понятия «кластера» (например, некорректное отождествление с такими понятиями, как «территориально-производственный комплекс», «территория инновационного развития» или «корпорация») и ряд других.

Вышесказанное предопределяет необходимость конкретизации самого понятия «кластер», которое, в свою очередь, не имеет общепринятой трактовки прежде всего в законодательном плане, несмотря на то что данный термин активно применяется в отраслевых подзаконных актах Российской Федерации [2, 3].

В табл. 1 представлена классификация наиболее распространенных определений кластера, выделенных автором данной статьи в две отдельные группы, обзор которых позволит уточнить понятие кластера в целях дальнейшего его предметного изучения.

Вышеприведенный обзор основных определений «кластера» позволяет сделать следующие выводы:

1. В целях наиболее эффективного управления кластером на этапе его проектирования необходимо четко определить цели создания кластера, обозначить полный состав реальных и потенциальных участников и принципы построения основных межфункциональных связей субъектов кластера,

**Обзор основных определений понятия «кластер», применяемых
в отраслевых подзаконных актах Российской Федерации [4, 5, 6, 7]**

<i>Источник</i>	<i>Определение</i>	<i>Примечание</i>
Кластер как объединение участников		
[4]	Кластер (промышленный узел) представляет собой территориально локализованную группу взаимосвязанных технологическими, производственными и сбытовыми циклами предприятий, компаний, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, использующих общую инфраструктуру, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества как отдельных компаний, так и кластера в целом.	Определение ограничено привязкой к географическому принципу создания кластера и видами связей, положенных в основу его существования, дает размытое представление о цели и конечных результатах его функционирования.
[5]	Кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных организаций (поставщики, производители и потребители) и связанных с ними высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, инжиниринговых, сервисных и иных организаций, взаимодействующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга в целях повышения конкурентных возможностей отдельных организаций и кластера в целом.	В отличие от территории инновационного развития (ТИР) участники кластера могут не находиться на одной производственной площадке, при этом сохраняя свое территориальное и функциональное единство.
Кластер с позиции конечного результата его функционирования		
[6]	Кластер – сеть независимых географически локализованных производственных и/или сервисных компаний (включая их поставщиков), создателей технологий и ноу-хау (высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, инжиниринговые компании), связующих рыночных институтов (брокеры, консультанты) и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания стоимости, дополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом.	Кластер рассматривается как сеть, иными словами как «совокупность частных агентов, создающих взаимные положительные внешние эффекты благодаря приверженности одним и тем же алгоритмам, принципам работы, технологиям и т. д.» [8]. Используется стоимостной подход при описании принципа функционирования сети агентов кластера.
[7]	Территориально-отраслевой кластер – географически локализованная сеть компаний и организаций, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания стоимости конечного продукта или услуги, для которых участие в данной сети является значимым фактором построения собственной конкурентоспособности.	Определение не отражает состав участников кластера, а также привязывает кластер к географическому пространству, однако, как и предыдущее определение, также рассматривает кластер как сеть создания стоимости основными его субъектами.

что в целом и по отдельности служит тем или иным классификационным признаком подобной сети создания добавленной стоимости.

2. Ни территориальная близость, ни взаимная ориентация локальных рынков не являются обязательными условиями, позволяющими создавать положительные эффекты участниками кластера.

Данное обстоятельство существенно отличает понятие кластера от территориально-производственного комплекса и позволяет говорить о кластере как о группе агентов, объединенных (хотя бы на какое-то время) единой задачей и создающих друг для друга взаимные положительные внутренние (например, увеличение масштабов производ-

тва и расширение области деятельности, разделение издержек и рисков, снижение издержек на приобретение и распространение знаний и технологий и т. д.), а также вытекающие из них внешние (повышение инвестиционной привлекательности, повышение занятости населения, увеличение налоговых поступлений и т. д.) эффекты.

3. Создание продукции либо услуги как конечного результата в процессе функционирования кластера также не является основным классификационным признаком, поскольку в зависимости от целей создания кластер может быть ориентирован на сами функциональные связи среди участников, инфраструктуру сети создания стоимости, на услугу, связанную с обслуживанием той или иной отрасли и т. п.

Иными словами, можно сказать, что кластер формируется под конкретную целевую задачу или под определенный круг задач, решение которых представляет собой последовательность или совокупность взаимоувязанных между собой работ (бизнес-процессов), протекающих внутри организованной сети от одного участника к другому, результатом которой является продукт либо иное представляющее ценность для заинтересованных сторон (потребителя, поставщиков, производителей кластера).

Изучение вопросов создания, функционирования и оценки деятельности участников и кластера в целом целесообразно выполнять с позиции проектного подхода, позволяющего рассматривать кластер как некую программу мероприятий, связанных с осуществлением определенных вложений и их последующим возмещением и получением прибыли (либо иного результата) через призму типовых стадий развития проекта: разработки (предынвестиционный этап); этап инвестирования; этап эксплуатации созданного объекта.

При этом если в качестве цели функционирования кластера ставится внедрение ранее неприменяемых научно-технических решений, методов управления, технологий и т. д., использование которых обеспечивает достижение качественного улучшения технико-экономических показателей и надежности проектируемого объекта или совершенствование его управленческой деятельности, создание нового или усовершенствованного продукта (продукции/услуги), то появляется основание отнесения кластера к разряду инвестиционного проекта инновационного типа. Справедливо отметить, что именно инновационный проект сам по себе представляет процесс целенаправленного

изменения или создания новой технической или социально-экономической системы.

Функционирование кластера как инновационного проекта находит свое отражение в практике последних десятилетий, когда конкурентоспособность высокотехнологичных производств достигается исключительно в рамках тесного взаимодействия научных, инфраструктурных, производственных, финансовых и маркетинговых организаций, обеспечивающих в рамках узкой специализации высокую эффективность производства на фоне мобильности обновления производственных возможностей и товарного ряда. Наиболее рациональной формой такой интеграции являются объединения малых и средних предприятий, осуществляющих совместную деятельность с целью производства конкретного высокотехнологичного продукта, то есть проекты.

Не только целевая установка создания и результат функционирования кластера в виде некоего инновационного продукта позволяют говорить об инновационной природе кластера. Сама по себе подобная сетевая интеграция высокотехнологичных предприятий представляет собой инновацию. Кластеры обладают рядом особенностей, отличающих их от простой кооперации и других форм взаимодействия предприятий (как, например, агломерации, территориально-производственные комплексы и пр.), что обуславливает получение синергии, благодаря которой обеспечивается капитализация знаний и технологий.

Полагаем, что кластер следует рассматривать с точки зрения состава и принципа построения межфункциональных связей между участниками как инновационный проект открытого типа, т. е. использующий внешние источники изобретений и технологий для совместного создания и коммерциализации результатов проектной деятельности.

Сам термин «открытая инновация» введен в оборот профессором Г. Чесброу, исполнительным директором Центра открытых инноваций Калифорнийского университета [9] и, как представляется, всецело может быть применен к кластеру в качестве инновационного проекта, характеризуемого наличием открытой структуры, где научные результаты могут пересекать границы участников кластера – отдельно взятого кластерного проекта.

Несмотря на ряд трудностей, как типичных для инновационных процессов в бизнесе в целом, так и вызванных спецификой российской действительности, в настоящее время бизнес вступает в новый

этап инновационного развития, когда источники инновационного потенциала компании находятся за ее пределами. Центр формирования инноваций в секторах экономики открытого типа смещается от центральных НИОКР лабораторий в стартап – компании, получающие все большее распространение, а также в университеты и другие организации – посредники инноваций. Также происходит смещение инновационной деятельности компаний в пользу сотрудничества и совместных разработок.

Открытые инновации подразумевают использование целевых потоков знаний для ускорения внутренних инновационных процессов, расширения рынков в целях более эффективного использования инноваций. Теория открытых инноваций определяет процесс исследований и разработок как открытую систему. Компания может привлекать новые идеи и выходить на рынок с новым продуктом не только благодаря собственным внутренним разработкам, но также в сотрудничестве с другими организациями, что лежит в основе создания кластера как такового.

Таким образом, кластер предлагается понимать как *инновационный проект открытого типа, т. е. целенаправленный и сознательно иницируемый процесс реализации открытой инновации, берущий свое начало в сфере фундаментального знания, продолжающийся в научно-технической сфере и завершающийся в сфере потребления. Кластер как инновационный проект реализует новый способ удовлетворения уже существующих или новых потребностей путем разработки и внедрения новых видов потребительских товаров, услуг, технологий и т. д., результат коммерциализации которых находит свое отражение не только в прибыли участников, но и в долгосрочной перспективе создания добавленной стоимости, усиливающей конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом.*

Таким образом, кластер представляет инновационный проект открытого типа, реализуемый в виде сетевой структуры межфирменного взаимодействия, где соблюдается определенное соотношение между различными типами связей, а приверженность одним и тем же институтам (алгоритмам, принципам работы, технологиям и т. д.) порождает взаимные внешние выгоды для агентов. Управляемость и адаптивность кластерного развития определяются внутренней увязкой и гибким взаимодействием всех входящих в кластер компаний. Система управления

в процессе обеспечения гибкого развития должна охватывать все стороны коллективной деятельности кластера, увязывать между собой функционирование различных процессов и подразделений для достижения максимального эффекта, что находит свое отражение в проектном подходе в отношении кластера.

Список использованной литературы

1. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 16.07.2012).
2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.07.2012).
3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.07.2012).
4. Постановление Правительства Москвы от 12.04.2005 № 221-ПП (ред. от 03.07.2007) «О дополнительных мерах по сохранению и развитию научного и промышленного потенциала города Москвы». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.07.2012).
5. Постановление Правительства Москвы от 24.02.2010 N 161-ПП (ред. от 27.05.2011) «О Городской целевой программе "Комплексная программа промышленной деятельности в городе Москве на 2010–2011 гг."». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.07.2012).
6. Постановление Правительства Москвы от 02.09.2008 № 781-ПП «О Городской целевой комплексной программе создания инновационной системы в городе Москве на 2008–2010 гг.». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.07.2012).
7. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.07.2012).
8. Старцев Ю. Н. Сети как продукт интеграционной стратегии предприятия // Вестник Челябинского университета. Сер. Управление. 2012. № 3 (257), вып. 7. С. 42–46
9. Chesbrough H. Open innovation: the new imperative for creating and profiting from technology. Boston: Harvard Business School Press, 2003. 272 p.

УДК 338.28

Исследования вопросов оценки рисков инновационного проектирования, как правило, ограничиваются описанием наиболее распространенных методов без привязки к деятельности объекта рассмотрения. Данная статья посвящена систематизации методов оценки рисков с учетом стадии жизненного цикла банковской инновации и рисков, сопровождающих протекание этих стадий.

Ключевые слова: инновационное проектирование; функциональные инновации; реактивные инновации; метод оценки риска.

Research on risk estimation in innovative projection is, as a rule, limited to the description of the most widespread methods without binding to a considered object. This article is devoted to ordering risk estimating methods taking into account a life cycle stage of a bank innovation and the risks accompanying these stages.

Key words: innovative projection; functional innovations; reactive innovations; risk estimating method.

А. В. Коновалова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: alinakonvalova9@gmail.com

Оценка рисков банковского инновационного проектирования

Научная статья

A. V. Konvalova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: alinakonvalova9@gmail.com

Estimation of Risks in Bank Innovative Projection

Scientific article

Основопологающим этапом в системе управления рисками инновационных проектов является процесс оценивания рисков. Измерение риска может заключаться в оценке вероятности наступления негативного события и/или стоимостной оценке последствий наступления негативного события. Поскольку объектом рассмотрения являются риски экономической сферы, «двойное оценивание» позволяет более наглядно анализировать ущерб негативного сценария развития процесса.

Все методы анализа риска традиционно разделяют на количественные и качественные. Такое разделение носит достаточно условный характер. Если попытаться установить более четкие границы между различными группами методов, то, возможно, более эффективным будет подход, предполагающий разделение на неформализованные и формализованные методы анализа [1]. К формализованным методам, описывающим четкие аналитические зависимости, относят дисконтирование, анализ чувствительности, метод сценариев, метод Монте-Карло. В отличие от них неформализованные методы представляют собой по сути некоторое описание аналитических процедур на логическом уровне. В их число входят методы экспертных оце-

нок, построение систем показателей, деревья решений, SWOT-анализ. Стоит отметить, что на практике все чаще используется комбинирование как различных методов, так и их отдельных элементов, что в принципе затрудняет дифференциацию методов по каким-либо признакам [2].

Выбор конкретных методов оценки проектных рисков зависит от многих параметров: необходимой глубины анализа, временных рамок, горизонта прогнозирования, наличия у экспертов соответствующего опыта и знаний, программного обеспечения, информации по проекту. В большинстве случаев на разных этапах анализа применяются разные методы. Подготовительная стадия реализации проекта, как правило, позволяет снизить влияние факторов неопределенности с помощью стандартных методов инвестиционного анализа. Дальнейшая детализация информации по проекту требует применения более сложных математико-статистических инструментов.

В отечественной теории и практике инновационного и инвестиционного проектирования существуют различные методические разработки, посвященные выбору и применению методов оценки проектных рисков. Среди них

хотелось бы выделить работы таких российских ученых и исследователей, как И. Т. Балабанов [3], О. С. Белокрылова, Н. Н. Малашихина [4], М. В. Грачева [5], В. Л. Тамбовцев и др. Тем не менее сложность построения карты рисков инновационного проектирования и разработки механизмов управления ими сказались на слабой разработанности этой проблемы в учебно-методической и научной литературе.

На возможность применения тех или иных методов оценки влияют следующие факторы:

- специфика объекта инновационного предпринимательства;

- степень «готовности» и характер инновационного продукта, т. е. набор методов оценивания зависит от того, к какому типу инновации – фундаментальной, реактивной или функциональной – относится продукт;

- индивидуальность и неповторимость каждой разработки в инновационной сфере.

Например, для инновационных проектов с незавершенной стадией НИР, где очень высока доля информации с большой степенью нео-пределенности, не имеет смысла применять сложные модели расчетов. Здесь достаточно воспользоваться стандартными методами, такими как корректировка нормы дисконта. Отсутствие сложных расчетов «компенсируется» в данном случае необходимостью проведения точного и подробного анализа состояния и возможностей научных исследований и разработок. При этом основной целью изучения должен стать вопрос о вероятности получения положительного результата НИОКР и его внедрения.

Если инновационный проект направлен на доведение продукта до предконкурентной и конкурентной стадии или связан с модификацией инновации, его характеристики можно рассчитать с высокой степенью достоверности, и в этом случае нужно применять более сложные инструменты для оценки рисков: метод сценариев, имитационное моделирование, деревья решений, стохастические методы, метод критических значений, SWOT-анализ.

Как уже было сказано, большинство инноваций банковского сектора носят реактивный характер, что практически сводит к минимуму вероятность возникновения рисков, не учтенных при построении классификатора. Риски реактивных инноваций могут быть оценены с высоким уровнем достоверности расчетов, соответственно, эти риски лучше поддаются управлению. Что касается функциональных инноваций, риски, возникающие на этапах модификации функциональных характеристик инновационного продукта, относятся к области рисков, рассмотренных на этапе сопровождения инновации.

Распределение методов оценки рисков в зависимости от типов рисков, присущих тому или иному этапу реализации инновации, выглядит следующим образом (табл. 1).

Возможность и целесообразность реализации тех или иных методов оценки рисков инновационных проектов зависит от конкретных задач, поставленных перед исследователем и от объема имеющейся информации. Необходимо принимать во внимание, что применение сложных методик не всегда является оправданным, так же как и пред-

Таблица 1

Методы оценки рисков инновационного проектирования на разных стадиях жизненного цикла инноваций кредитной организации

№	Стадии жизненного цикла производственных инноваций	Состав сопутствующих идентифицирующих рисков	Группа методов оценки рисков	Методы оценки рисков
Предварительный этап				
1	Маркетинговые исследования рыночных инновационных потребностей	- риск, связанный с ошибками в прогнозировании стадии развития рынка - риск оценки рыночных потребностей в инновации	методы, основанные на теории игр методы теории массового обслуживания	методы Джона Фон Неймана и Оскара Моргенштерна с использованием функционалы Абрахама Вальда, Роберта Сэвиджа, Адольфа Гурвица, Вильфредо Парето, Пьера-Симона Лапласа и др. методы А. Н. Колмогорова, Дж. Литтла, А. А. Маркова, С. Д. Пуассона, А. Я. Хинчина, А. К. Эрланга

2	Генерация идеи	- риск ошибочности гипотезы инновации	методы специализированной оценки рисков проектов; методы, основанные на теории исследования операций	- метод критического пути (CPM), - метод техники обзора и оценки программы (PERT), - метод техники графической оценки и обзора (GERT), - метод сценариев
Реализация инновации				
3	Тестирование банковского инновационного продукта/услуги	- риск практической реализуемости	методы специализированной оценки рисков проектов	- метод критического пути (CPM), - метод техники обзора и оценки программы (PERT), - метод техники графической оценки и обзора (GERT), - метод сценариев
4	Внедрение инновационного банковского продукта/услуги	- риски непосредственной реализации: - риск недостижения запланированных характеристик продукта - риск невыдерживания срока проекта - риск превышения сметы проекта	методы управления портфельными рисками методы оценки риска на основе статистических подходов методы минимизации рисков с использованием производных финансовых активов методы, основанные на специализированной оценке рисков проектов методы оценки величины рисков абсолютных потерь	Модели Фишера Блэка, Майрона Скоулза, Гарри Марковица, С. Росса, Р. Ролла, Джеймса Тобина, Уильяма Шарпа, Джека Трейнера, Джона Литнера, Яна Моссина, в сущности модели APM и CAPM расчет математического ожидания результата кредитной операции, дисперсии, среднего квадратичного отклонения, коэффициента вариации, коэффициента риска, коэффициента покрытия рисков Кука и др. метод критического пути (CPM), метод критической оценки программы (PERT), метод техники графической оценки и обзора (GERT) Value-at-Risk, Short Fall, Capital-at-Risk, Maximum Loss, Stress or Sensitivity Testing и др.
Сопровождение инноваций				
5	Наращивание объемов предложения инновационного банковского продукта	- риски диффузии инноваций; - маркетинговые риски (риск ошибочного выбора стратегии продаж и т. д.)	методы оценки риска на основе статистических подходов	расчет математического ожидания результата кредитной операции, дисперсии, среднего квадратичного отклонения, коэффициента вариации, коэффициента риска, коэффициента покрытия рисков Кука и др.
6	Замедление роста объемов предложения инновационного банковского продукта	- риск модернизации, сопряженный с несоответствием потребностям рынка на фоне конкурентной продукции	метод диверсификации рисков, метод функционально-стоимостного анализа	

7	Спад объемов предложения инновационного банковского продукта	- риск адекватной оценки скорости спада рыночных потребностей	методы теории массового обслуживания	методы А. Н. Колмогорова, Дж. Литтла, А. А. Маркова, С. Д. Пуассона, А. Я Хинчина, А. К. Эрланга
Сворачивание инновации				
8	Завершение жизненного цикла инновационного банковского продукта/услуги	- ликвидационные риски	комбинированные методы минимизации рисков инновационной деятельности	

почтение количественных методов качественным. Важно понимать, что оценка риска не является самоцелью, а служит для принятия управленческих решений. Хотелось бы подчеркнуть, что ошибки в случае неполноценного проведения исследований в области рисков во многом связаны не только с уровнем подготовки экспертов, но и с отсутствием соответствующих современных методических стандартов, рекомендованных нормативно-правовыми документами.

Не следует забывать, что анализ рисков не может ограничиваться только оценкой степени рискованности проекта. Он обязательно должен включать в себя и разработку возможных механизмов управления рисками, и стоимостную оценку предложений по минимизации рисков.

Список использованной литературы:

1. Ковалев В. В. Финансовый анализ. М.: Финансы и статистика, 2000. 500 с.
2. Самоволева С. А. Анализ рисков инновационных проектов: Инновационная политика и проблемы развития национальной инновационной системы. С. 227–235.
3. Балабанов И. Т. Риск-менеджмент. М.: Финансы и статистика, 1996. 192 с.
4. Малашихина Н. Н., Белокрылова О. С. Риск-менеджмент: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 320 с.
5. Риск-анализ инвестиционного проекта / под ред. М. В. Грачевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 351 с.

УДК. 330

В статье рассмотрены формы финансирования малых инновационных компаний. Выделены особенности использования каждой формы малыми университетскими предприятиями и предложены пути усовершенствования финансовой поддержки данных фирм.

Ключевые слова: малые инновационные предприятия; финансовая поддержка; самофинансирование; заемное финансирование; долевое финансирование; гранты.

The article deals with forms of financing small innovative companies. Features of use of each form by the small university enterprises are distinguished and ways of improvement of financial support of these companies are offered.

Key words: small innovative companies; financial support; self-financing; debt financing; participation financing; grants.

А. И. Волкова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: alenkin28@mail.ru

Малые инновационные предприятия университетов: источники финансовой поддержки

Научная статья

A. I. Volkova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: alenkin28@mail.ru

Small Innovative Companies of Universities: Sources of Financial Support

Scientific article

Правительство России в последние годы стало уделять большое внимание инновационному развитию страны. Опыт развитых стран доказывает возможность реализации инновационного сценария только при условии использования потенциала малого предпринимательства, способного привлекать в инновационную сферу частный капитал, осуществлять трансфер научных разработок в жизнеспособные продукты и технологии, в короткие сроки осваивать нововведения и продвигать их на рынок. Безусловным лидером создания новых технологий является высшая школа, которая, обладая уникальным научным потенциалом, способна формировать инновационные знания. Для содействия процессу коммерциализации научных разработок вузов и научно-исследовательских институтов (НИИ) в 2009 году был принят Федеральный закон от 2 августа 2009 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».

© Волкова А. И., 2012

Указанный закон является значительным шагом в продвижении инновационных разработок вузов на рынок, так как снял множественные законодательные преграды, которые долгое время затрудняли коммерциализацию технологий, созданных в вузах и НИИ, и внедрение их в реальный сектор экономики. Однако предприятия, созданные в рамках Федерального закона № 217-ФЗ, сталкиваются с серьезными трудностями, которые в значительной мере связаны с отсутствием источников финансирования инновационных проектов.

Анализ существующего опыта работы университетских компаний показал, что ключевые формы финансирования малых инновационных предприятий (МИП), такие как самофинансирование, долевое и заемное финансирование [1], оказываются недоступными для фирм научных учреждений по следующим причинам.

1. Источник самофинансирования для малых инновационных компаний вузов быстро исчерпывается, так как уставный капитал таких фирм невелик; использование текущих и накопленных прибылей невозможно для университетских МИП, поскольку они получают в первые годы жизни минимальную

прибыль, которая должна быть направлена на развитие компании. Как свидетельствует практика, в случае малых университетских предприятий самофинансирование не всегда может покрыть даже стартовые инвестиции по проекту.

2. Банки очень осторожны и не рискуют выдавать кредиты малым предприятиям, особенно вновь созданным. Кредит таким предприятиям может быть выдан только при наличии первоклассных гарантий возврата кредитной суммы, получить которые весьма проблематично [2]. Среди малых инновационных предприятий научной сферы данная форма финансирования мало популярна еще и потому, что банковские ставки по кредитам очень высоки, а возвращать займ необходимо сразу по окончании льготного периода кредитования, когда у МИП, как правило, еще не налажены продажи и нет достаточной прибыли для возврата средств.

3. Формы долевого финансирования малоприемимы в связи с наличием законодательных ограничений – необходимостью выполнения условий федерального закона № 217-ФЗ о минимальной доле уставного капитала научных учреждений в малых инновационных предприятиях.

Заметим, что малые инновационные предприятия, созданные при научных учреждениях, не вызывают бурный интерес инвесторов, что связано с высокими рисками таких фирм и низкой вероятностью успеха инновационного проекта. К сожалению, бизнес-ангелы и венчурные капиталисты, для которых извлечение выгоды базируется на быстром росте проинвестированного бизнеса и высокие риски являются нормой [3], также мало заинтересованы в МИП университетов. Это объясняется законодательно установленными нормами долей научных учреждений в уставном капитале созданных компаний, а указанные группы инвесторов предпочитают вкладывать средства в обмен на блокирующий пакет акций компании.

В результате получается, что для МИП университетов и НИИ наиболее выгодной и безопасной формой привлечения финансирования являются средства государственных и других некоммерческих фондов. Их вложения имеют самую разную форму – льготные кредиты, инвестиции, гранты, при этом грантовое финансирование является преобладающим. Данная форма финансирования наиболее привлекательна для рассматриваемых МИП, так как учитывает особенности малого инновационного бизнеса. Финансирование часто предоставляется на безвозмездной основе, инно-

вационные проекты проходят экспертные оценки и отбираются лишь те компании, которые имеют потенциал развития на рынке.

В настоящее время существует множество программ, в рамках которых малые инновационные компании вузов могут получить бюджетное финансирование или софинансирование инновационного проекта. В России поддержку инновационной деятельности на федеральном уровне оказывают более 50 организаций, на межрегиональном уровне – около 10, региональном уровне – более 1000, муниципальном уровне – более 200 организаций [4].

В процессе исследования проблемы финансирования малых инновационных предприятий университетов было выявлено, что наиболее популярной среди МИП является программа «СТАРТ» Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Так, в 2010 году на участие в программе «СТАРТ» было подано 2080 заявок, из которых 497 (23, 9%) было поддержано [5]. Но все равно вне программы остаются 76,1% предприятий, не получивших грантовую поддержку и поэтому не имеющих дальнейших перспектив по причине недостатка финансирования для развития инновационного проекта. Среди них часто оказываются компании с перспективными и интересными проектами.

По мнению автора, решением данной проблемы может стать увеличение финансовых ресурсов фондов поддержки малых инновационных компаний, способных поддержать достаточно большое количество малых инновационных предприятий, а также разработок и введения новых программ поддержки МИП вузов. Однако данный способ не является панацеей. Необходимо развивать все отмеченные ранее источники финансирования малых компаний. Для этого нужно увеличивать уставный капитал малых инновационных предприятий научной сферы, чему в первую очередь будет способствовать увеличение размера вклада научного учреждения в уставный капитал МИП.

Существующая практика доказывает, что университеты вносят в качестве вклада в уставный капитал результаты интеллектуальной деятельности (РИД), которые имеют невысокую денежную оценку. Это связано с определением стоимостной оценки РИД на основе метода затрат, произведенных в процессе создания промышленного образца, изобретения, программы для ЭВМ, полезной модели. По данным, приведенным А. Ф. Власовым, председателем наблюдательного совета «Национальная гильдия

инновационных менеджеров», стоимостная оценка РИД вузов выглядит следующим образом [6].

Средняя стоимость РИД, принятых к бюджетному учету, тыс. руб.	ВУЗы, %
до 5	38,5
от 5 до 20	28,2
от 20 до 50	15,4
более 50	17,9

Наглядно представлено, что в 82,1% случаев стоимость результатов интеллектуальной деятельности менее 50 тыс. руб. А значит, инвесторы не имеют законодательно установленной возможности вносить большие суммы в уставный капитал созданных университетских предприятий. Федеральный закон № 217-ФЗ строго следит за размыванием доли первоначальных учредителей предприятия за счет привлечения новых собственников.

Поэтому научным учреждениям при оценке РИД, вносимого в качестве вклада в уставный капитал малого предприятия, предлагаем использовать доходный метод, а не метод затрат на получение патента, свидетельства о регистрации программы для ЭВМ, полезной модели и т. д.

Значительный вклад вуза в уставный капитал МИП потребует крупных вкладов от других учредителей компании. И в данном случае правило 3Ф окажется неактуальным. Инициаторы создания компании будут вынуждены искать внешних учредителей, которыми могут стать фирмы, заинтересованные в становлении нового предприятия. Участие в новом бизнесе действующих фирм будет являться свидетельством доверия к инновационному проекту не только со стороны разработчиков, но и со стороны действующих компаний, что также позволит повысить интерес бизнес-ангелов и венчурных капиталистов к создаваемым малым предприятиям научно-технической сферы.

Отметим, что европейская практика создания «кампусных» компаний базируется на оценке возможности коммерциализации научной идеи, спроса на планируемую инновационную продукцию на

рынке, анализе потенциальных клиентов. Часто компании учреждаются для вывода на рынок разработок, осуществляемых по запросу крупных коммерческих фирм, которые становятся основателями создаваемого предприятия.

Увеличение уставного капитала малых инновационных предприятий научно-технической сферы обеспечит также возможность использования самофинансирования на последующих этапах развития компании.

В заключение еще раз подчеркнем, что для решения проблем финансирования молодых университетских компаний необходимо увеличивать финансовые ресурсы фондов поддержки малых инновационных компаний и стремиться к повышению уставного капитала малого предприятия за счет увеличения вклада научных учреждений и привлечения внешних инвесторов на этапе создания компании.

Список использованной литературы

1. Кокурин Д. И. и др. Инновационная экономика (управленческий и маркетинговый аспекты). М.: Экономика, 2011. С. 497.
2. Валдайцев С. В., Молчанов Н. Н., Пецольдт К. Малое инновационное предпринимательство: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 181.
3. Каширин А. И., Семенов А. С. В поисках бизнес-ангела: Российский опыт привлечения стартовых инвестиций. М.: Вершина, 2008. С. 13; Леонова Т. Н. Венчурное предпринимательство в инновационной экономике. М.: Экономика, 2011. С. 43.
4. Акмаева Р. И. Инновационный менеджмент малого предприятия, работающего в научно-технической сфере. Ростов н/Д: Феникс, 2012. С. 237.
5. Совцов Л. А., Мирофанов А. С. От студента до предпринимателя – «Умник», «Старт» и труд желательного: учеб.-метод. пособие. М.: ААТРОНИК, 2011. С. 65.
6. Власов А. Ф. Результаты оценки интеллектуальной собственности в вузах – победителях программы развития инновационной инфраструктуры. – Материалы VI международного форума от науки к бизнесу «Коммерциализация наукоемких технологий: опыт регионов, роль ВУЗов». 16–18 мая 2012 г. СПб.: СОЛЮ, 2012. С. 39.

УДК 338

В статье рассматриваются актуальные вопросы качества корпоративного управления, места и роли корпоративной культуры в совершенствовании корпоративного управления, определены понятие корпоративной культуры, факторы ее формирования. Рассмотрены проблемы взаимоотношения акционеров, наемных менеджеров и инвесторов.

Ключевые слова: корпоративное управление; корпоративная культура; корпоративное сообщество; топ-менеджеры.

This article discusses the current issues of the quality of corporate governance; position and the role of corporate culture in the improving corporate governance; the definition of the concept of corporate culture and the factors of its formation; the problems in relationships between shareholders, hired managers and investors.

Key words: corporate governance; corporate culture; corporate community; top management.

И. В. Синяев

РАНХиГС при Президенте РФ

E-mail: siniaev@gmail.com

Корпоративная культура и корпоративное управление

Научная статья

I. V. Sinyayev

Russian Academy of Economy and Civil Service

E-mail: siniaev@gmail.com

Corporate Culture and Corporate Governance

Scientific article

Современный уровень развития экономики характеризуется сложностью и масштабностью задач управления, что в первую очередь относится к управлению крупными предприятиями и группами компаний. Это объясняет актуальность вопросов повышения эффективности управленческих отношений, имеющих место в рамках систем корпоративного управления. Единого определения корпоративного управления (corporate governance) на сегодняшний день в мировой практике не существует. Встречаются различные определения корпоративного управления. Так, широко известно определение, данное в электронной энциклопедии: «Корпоративное управление (англ. corporate governance) – система взаимодействия между акционерами и руководством компании (акционерного общества, корпорации), включая её совет директоров, а также с другими заинтересованными лицами, с помощью которой реализуются права акционеров; комплекс механизмов, позволяющих акционерам (инвесторам) контролировать деятельность руководителей компании и разрешать возникающие проблемы с прочими группами влияния...» [1].

В специальном документе, одобренном Организацией экономического сотрудничества и развития и принятом на заседании Совета ОЭСР

© Синяев И. В., 2012

26–27 мая 1999 г., сформулировано следующее определение корпоративного управления: «Корпоративное управление относится к внутренним средствам обеспечения деятельности корпораций и контроля над ними... Одним из ключевых элементов для повышения экономической эффективности является корпоративное управление, включающее комплекс отношений между правлением (менеджментом, администрацией) компании, ее советом директоров (наблюдательным советом), акционерами и другими заинтересованными лицами (стейкхолдерами). Корпоративное управление также определяет механизмы, с помощью которых формулируются цели компании, определяются средства их достижения и контроля над ее деятельностью...» [2]. Ряд российских ученых предлагает следующее определение: «Корпоративное управление – это организационная модель, при помощи которой компания представляет и защищает интересы своих акционеров, а также система руководства и контроля за деятельностью компании, система отчетности менеджеров перед акционерами, обеспечивающая баланс между социальными и экономическими целями, между интересами компании, ее акционеров и других заинтересованных лиц...» [3].

На наш взгляд, наиболее полно отражает сущность корпоративного управления определение, предложенное американскими учеными и практикующими консультантами, сотрудниками Центра российских исследований в Гарвардском университете Шейла Паффер и Даниел МакКарти : «Корпоративное управление – это один из тех терминов, которые каждый понимает по-своему, но при этом все согласны, что хорошее корпоративное управление требует высоконравственного поведения менеджеров, членов совета директоров и акционеров... Корпоративное управление включает в себя правила, политику, институты, отношения и поведение всех тех, кто находится у власти в корпорациях и ответственен за них» [4].

Итак, корпоративное управление – это не модный термин, а вполне осязаемая реальность, отражающая взаимодействие широкого круга лиц по всем аспектам деятельности компании. Низкое качество корпоративного управления – это одно из главных препятствий, стоящих на пути развития российской экономики. Эта проблема наряду с несовершенством правового поля, чрезмерным вмешательством государства ухудшает и без того неважный инвестиционный климат. Качество корпоративного управления – фактор более важный, чем показатели текущей деятельности корпораций. По данным McKinsey, при оценке компаний в странах с «переходной» экономикой крупные инвесторы, как правило, отдают предпочтение качеству корпоративного управления перед финансово-экономическими показателями. Как показывает мировая практика, причины процветания или упадка кроются в состоянии умов, а не в качестве ресурсообеспечения и технологиях [5]. Корпоративное управление определяет культуру ведения бизнеса. Для России успехи в корпоративном управлении особенно важны, поскольку нам необходимо за короткое время преодолеть сложности, с которыми европейские страны справлялись столетиями.

Современное корпоративное сообщество состоит из акционеров, потенциальных и реальных инвесторов, как отечественных, так и иностранных, и компаний, предлагающих инвестиционные услуги, в частности кредитных агентств, инвестиционно-рейтинговых компаний, инвестиционных изданий, а также конечных и промежуточных потребителей, СМИ, включая обширное интернет-пространство и т. д. Корпоративное управление – это система, которая подразумевает честное, открытое и справедливое управление. И если компания испо-

ведует такие ценности, остается только один важный фактор устойчивого роста – доверие инвесторов, акционеров и общества. Необходимо, чтобы акционеры были уверены: компанией грамотно управляют, а по отношению к ним самим поступают честно и по совести.

Самый веский аргумент в пользу усовершенствования системы корпоративного управления состоит в том, что оно способствует росту прибыльности компании. Многочисленными исследованиями доказано, что *улучшение системы корпоративного управления напрямую и незамедлительно приводит к повышению стоимости акций компании* [6]. Причина очевидна: чем лучше система корпоративного управления, тем выше уровень доверия инвестора и, следовательно, тем меньше риск и выше стоимость. Кроме того, естественно, что рост стоимости компании соответствует основной задаче совета директоров, заключающейся в максимальном увеличении ее привлекательности для акционеров. Уберите риск предосудительных действий, оставьте только нормальный бизнес-риск – и инвесторы будут готовы больше заплатить за долю компании.

Компания, пользующаяся доверием инвестиционного сообщества собственных работников, акционеров, поставщиков и общества, имеет очевидное преимущество перед конкурентами и, следовательно, больше шансов на успех [7].

Эффективность системы корпоративного управления определяется различными факторами, которые характеризуют особенности функционирования корпораций. К основным элементам системы корпоративного управления можно отнести такие, как стратегия корпоративного управления; организационная структура, обеспечивающая корпоративное управление; системы и процессы корпоративного управления; корпоративную культуру.

Совершенствование корпоративного управления нередко на практике носит поверхностный характер и используется для пропаганды целей, а не как способ внедрения структур и процедур, которые позволяют корпорации завоевать доверие акционеров, уменьшить риск финансовых кризисов и расширить доступ к капиталу. Создание внутренних структур и процедур, основанных на принципах справедливости, прозрачности, подотчетности и ответственности, – первейшая задача, которую должен решать менеджмент в процессе реформы корпоративного управления [8].

Нынешний этап знаменателен тем, что передовой менеджмент в полном объеме осознал перво-

степенную роль корпоративной культуры в укреплении собственных позиций на рынке и репутации российской экономики. И от попыток управлять с помощью простых прописанных правил и процедур менеджмент начал переходить к построению сложной многогранной системы, учитывающей способы решения проблем, особенности мышления, общественное сознание.

Очевидно, что корпоративная культура есть в любой организации. Она может быть позитивной или негативной, ее нельзя изменить в одно мгновение, отменить или объявить. На нее можно целенаправленно влиять, постепенно развивая и направляя ее. При этом будет ошибкой считать, что корпоративная культура является порождением сугубо внутренних для компании процессов. Любая организация является частью системы общественных взаимоотношений, поэтому в результатах ее деятельности заинтересованы, как минимум, общество в лице потребителей продуктов и услуг, а также владельцы и сотрудники корпорации.

Одна из самых влиятельных и значимых групп корпоративного управления – топ-менеджеры. Это своеобразные законодатели «вектора движения» изменений, идеологических направлений и веяний. Вот почему основными инициаторами процесса формирования и развития корпоративной культуры

обязаны выступать именно топ-менеджеры компаний, которые впоследствии должны стать одними из ключевых «провайдеров» организационных изменений. Сегодня таких руководителей называют руководителями «5-го уровня». Важно отметить, что концепция «руководителей 5-го уровня» выведена на основе эмпирических данных и не является единственной верной идеологией достижения успеха [9]. В отличие от известных корпоративных лидеров, обладающих, как правило, сильным характером и являющихся медийными лицами, руководители, ведущие свои компании к успеху, обладают спокойствием, сдержанностью, застенчивостью. Эти руководители представляют собой симбиоз скромности и профессиональной решительности. Они начинают преобразования не с выработки видения желаемого будущего и корпоративной стратегии, а подбора нужных им людей на нужные посты. Руководители 5-го уровня реализуют себя не через собственный успех, а через достижение корпоративной цели. Термин «5-й уровень» фиксирует высший уровень иерархии способностей к топ-менеджменту (см. рис.).

Уже было подчеркнуто, что наиболее ценным активом в бизнесе являются не технологии и не капитал, а люди. Успех организации XXI века будет зависеть от эффективного использования талант-

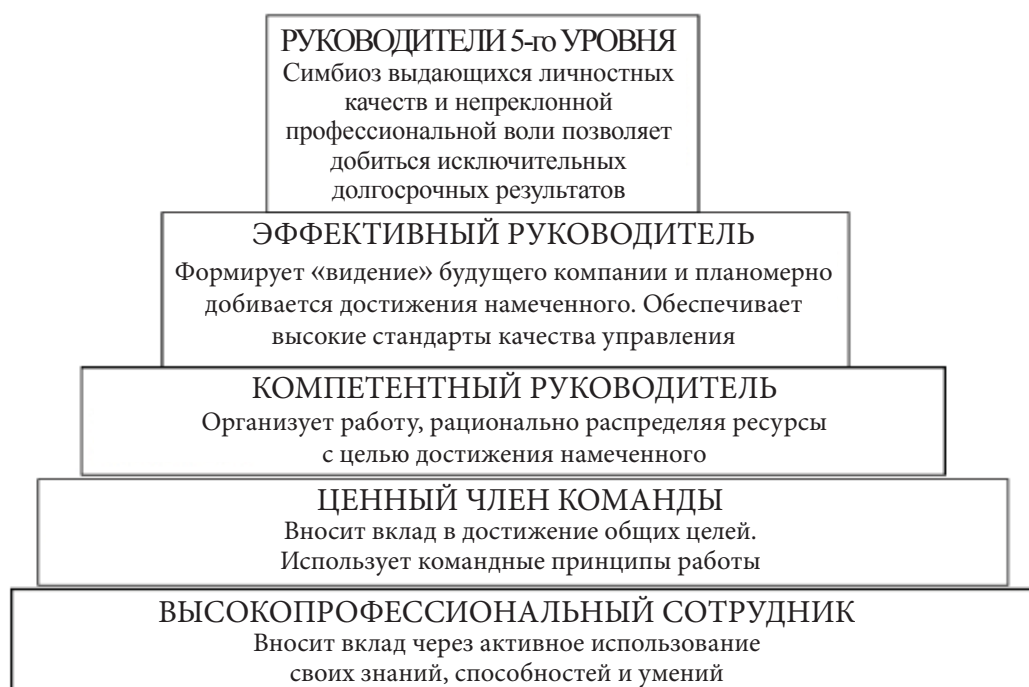

Рис. Иерархия уровней главной компетенции [10]

ливых людей. Поэтому движущей силой современных корпоративных образований по праву можно считать корпоративную культуру, основанную на культуре знаний. На протяжении многих десятилетий корпоративные организации использовали такие ключевые показатели для оценки успеха, как ROI (return on investment – рентабельность инвестиций) и ROA (return on assets – рентабельность активов). Сегодня же используется коэффициент рентабельности талантов ROT (return on talents), вычисляется который по очень простой формуле:

$$ROT = \frac{\text{Генерированные знания}}{\text{Инвестиции в таланты}}$$

Этот коэффициент показывает, привлекают ли менеджеры нужных людей в организацию и насколько эффективно они используют привлеченных специалистов для достижения общего успеха. Ценность полученных знаний растет по мере их эффективного использования. А эффективное генерирование знаний соответствует высокому уровню ROT. Такой подход возможен только при наличии соответствующей корпоративной культуры, поскольку приводит к ее же развитию и укреплению через творчески настроенных сотрудников, инновации, правильные коммуникации, выравнивание всех управленческих процессов. Система управления талантами TMS (talent-management system), которая включает 4 элемента: привлечение, удержание, управление и выявление талантов – должна стать основополагающей в корпоративной системе ценностей.

Циклический характер мирового развития подтверждает, что кризисы приходят и уходят, но по настоящему успешные компании «непотопляемы»

десятилетиями. Умение даже в тяжелые кризисные времена видеть стратегические цели и сохранять ориентацию на эффективность бизнеса – это те качества, которые, к сожалению, отсутствуют сегодня у большинства наших компаний и именно их необходимо сформировать. «Провайдерами» новой корпоративной культуры должны стать руководители «5-го уровня», главной задачей которых является успешное управление талантами.

Список использованной литературы

1. Свободная энциклопедия Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Принципы корпоративного управления ОЭСР. URL: <http://www.oecd.org//daf/governance/principles-ru.pdf>
3. Дубровский В. Ж. и др. Динамика корпоративного развития. М.: Наука, 2004. С. 93–95.
4. Паффер Ш., МакКарти Д. Корпоративное управление: классика // Корпоративная культура и управление изменениями («Harvard Business Review on Culture and Change»): Антология: пер. А. Лисицына. М.: Юнайтед Пресс, 2007. С. 34. (Серия: Классика Harvard Business Review.)
5. Асаул А. Н. и др. Менеджмент корпорации и корпоративное управление. СПб.: Гуманистика, 2006.
6. Фридлянд В. Международная деятельность – локальная культура // Управление компанией. 2011. № 4.
7. Асаул А. Н. и др. Указ. соч.
8. Гладуэлл М. Переломный момент. М.: Альпина, 2010.
9. Коллинз Дж. От хорошего к великому. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2002.
10. Там же.

Дополнительные сведения об авторах

Денисов Валерий Витальевич – докторант

Ахсянов Альберт Вазыхович – аспирант

Смирнова Татьяна Андреевна – аспирантка

Потягов Алексей Владимирович – аспирант

Сухарева Татьяна Александровна – аспирантка

Цымбал Оксана Григорьевна – аспирантка

Рогович Евгения Владимировна – аспирантка

Кизин Михаил Михайлович – кандидат искусствоведения

Поярков Всеволод Ярославович – аспирант

Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент

Дементьев Андрей Александрович – студент

Лушникова Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор

Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор

Миролюбова Ольга Германовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель

Исаева Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент

Сочнева Ольга Игоревна – ассистент

Карпов Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор

Солдатенко Надежда Гавриловна – магистр психологических наук

Субботина Наталия Владимировна – аспирантка

Кашапов Мергалис Мергалимович – доктор психологических наук, профессор

Дудырева Наталья Владимировна – аспирантка

Субботин Андрей Валентинович – аспирант

Пошехонова Юлия Владимировна – кандидат психологических наук, доцент

Павлов Александр Сергеевич – аспирант

Девяткина Мария Викторовна – аспирантка

Ободкова Евгения Александровна – кандидат психологических наук, доцент

Смирнова Анна Евгеньевна – кандидат психологических наук

Обчарова Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент

Полина Анжелика Владимировна – кандидат психологических наук, доцент

Руденко Лариса Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент

Афонин Михаил Викторович – кандидат юридических наук, доцент

Карданова Наталия Борисовна – кандидат филологических наук

Ваганова Светлана Борисовна – аспирантка

Коновалова Юлия Олеговна – кандидат филологических наук, доцент

Миронова Мария Валерьевна – ассистент

Антонова Любовь Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор

Кольшикина Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент

Маркова Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент

Ухова Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент

Попова Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор

Осипов Роман Сергеевич – соискатель

Прудникова Ангелина Владимировна – аспирантка

Степаненко Татьяна Владимировна – аспирантка

Сапир Елена Владимировна – доктор экономических наук, профессор

Петрищев Максим Викторович – кандидат экономических наук, доцент

Вовненко Галина Ивановна – кандидат экономических наук, доцент

Никитская Елена Федоровна – кандидат экономических наук, доцент

Большакова Елена Алексеевна – аспирантка

Коновалова Алина Валерьевна – ассистент

Волкова Алена Игоревна – аспирантка

Синяев Иван Васильевич – аспирант

Contributors

- Denisov Valery Vitalyevich* – Postgraduate student (on Doctor's degree program)
- Akhsyanov Albert Vazykhovich* – Postgraduate student
- Smirnova Tatiana Andreevna* – Postgraduate student
- Potyagov Alexey Vladimirovich* – Postgraduate student
- Sukhareva Tatyana Alexandrovna* – Postgraduate student
- Tsybal Oksana Grigoryevna* – Postgraduate student
- Rogovich Evgenia Vladimirovna* – Postgraduate student
- Kizin Mikhail Mikhailovich* – Candidate of Arts
- Poyarkov Vsevolod Yaroslavovich* – Postgraduate student
- Sokolov Alexander Vladimirovich* – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
- Dementyev Andrey Alexandrovich* – Undergraduate Student
- Lushnikova Marina Vladimirovna* – Doctor of Juridical Sciences, Professor
- Lushnikov Andrey Mikhailovich* – Doctor of Juridical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor
- Tarusina Nadezhda Nikolayevna* – Candidate of Juridical Sciences, Professor
- Mirolyubova Olga Guermanovna* – Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer
- Isaeva Elena Aleksandrovna* – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
- Sochneva Olga Igorevna* – Teaching Assistant
- Karpov Anatoliy Viktorovich* – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Education
- Soldatenko Nadezhda Gavrilovna* – Master of Psychological Sciences
- Subbotina Nataliya Vladimirovna* – Postgraduate student
- Kashapov Mergalyas Mergalimovich* – Doctor of Psychological Sciences, Professor
- Dudireva Natalia Vladimirovna* – Postgraduate student
- Subbotin Andrey Valentinovich* – Postgraduate student
- Poshekhonova Yulia Vladimirovna* – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Pavlov Alexander Sergeevich* – Postgraduate student
- Devyatkina Maria Victorovna* – Postgraduate student
- Obodkova Eugenia Aleksandrovna* – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Smirnova Anna Evgenevna* – Candidate of Psychological Sciences
- Ovcharova Elena Vladimirovna* – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Polina Anzhelika Vladimirovna* – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Rudenko Larisa Dmitriyevna* – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
- Afonin Mikhail Victorovich* – Candidate of Law, Associate Professor

- Kardanova Nataliya Borisovna* – Candidate of philological Sciences
- Vaganova Svetlana Borisovna* – Postgraduate student
- Konovalova Yuliya Olegovna* – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
- Mironova Mariya Valeryevna* – Teaching Assistant
- Antonova Lyubov Gennadiyevna* – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
- Kolyshkina Tatyana Borisovna* – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
- Markova Elena Vladimirovna* – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Ukhova Larisa Vladimirovna* – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
- Popova Larisa Gueorgiyevna* – Doctor of Philological Sciences, Professor
- Osipov Roman Sergueyevich* – Researcher for Candidate's degree
- Prudnikova Anguelina Vladimirovna* – Postgraduate student
- Stepanenko Tatyana Vladimirovna* – Postgraduate student
- Sapir Elena Vladimirovna* – Doctor of Economic Sciences, Professor
- Petrishchev Maxim Viktorovich* – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
- Vovnenko Galina Ivanovna* – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
- Nikitskaya Elena Fedorovna* – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
- Bolshakova Elena Alexeyevna* – Postgraduate student
- Konovalova Alina Valerievna* – Teaching Assistant
- Volkova Alena Igorevna* – Postgraduate student
- Siniaev Ivan Vasilievich* – Postgraduate student